

Пашков Роман Викторович
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ 19 ВЕКА О ЧЕЧНЕ
ТОМ 2

Город Москва
2017 год

Настоящий сборник является собранием материалов авторов 19 века по истории Чеченской республики и предназначено в первую очередь для всех, интересующихся вопросами кавказоведения, а также студентам магистратуры по направлению «регионалистика».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. БЕРЖЕ А.П. ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ	4
Предисловие	4
Глава первая. Географическое и топографическое описание Чечни	5
Глава вторая. Краткое описание пространства между Тереком в Сунжею.	42
Глава третья. Чеченские племена.	49
Глава четвертая. Предания чеченского народа.	77
ЧАСТЬ 2. СБОРНИК СВЕДЕНИЙ О КАВКАЗСКИХ ГОРЦАХ	92
Выпуск 1. Этнографические очерки Аргунского округа.	92
ЧАСТЬ 3. Б.К. ДАЛГАТ. ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ	134
Введение	134
Первобытная религия чеченцев и ингушей	154
Предисловие	155
Глава I. Христианство и магометанство в Чечне	170
Глава II. Представления чеченцев о загробном мире, душе и духах	186
Глава III. Боги природы. Культ предков у чеченцев	235
Заключение	316

ЧАСТЬ 1.
БЕРЖЕ А.П.
ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ
Тифлис, 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

1859-й год ознаменовался на Кавказе событиями, которых не могли предсказать самые смелые ожидания, – событиями, которые со временем должны составить блистательнейшие страницы военной истории Кавказа. Они положили предел ожесточенной борьбе, длившейся слишком полвека и стоившей России непрерывных трудов и много крови славным ее воинам, покорявшим шаг за шагом, в продолжении долгого периода времени, неприступные доселе горы и ущелья Чечни и Дагестана. Но независимо от военной их важности, события эти открывают собою новую эру в гражданской жизни всего Кавказа: ими совершилось действительное умиротворение целого края. А где мир вступает в свои права, там неизбежно, в силу исторических законов, наука должна приняться за свои труды во имя просвещения и гражданственности, дабы подготовить ту светлую будущность одаренного естественными богатствами края, которая составляет задачу нашего времени....

Таким образом, благодаря последним событиям, круг научной деятельности на Кавказе значительно раздвинулся; ей открыты для беспрепятственного изучения нетронутые еще в этом отношении части здешнего края, представляющие обширное поле любопытнейших изысканий исторических, географических, этнографических и других. Не только грешно, но и преступно было бы пренебречь возможностью собрать на месте пока еще свежие материалы, прислушаться к преданиям непочатой народной старины и изучить физиологические особенности туземного населения. Я предоставляю искусному перу со временем изобразить эти особенности в их разнообразных проявлениях. С своей же стороны решаюсь на первый раз обнародовать только материалы, собранные в короткое время об одной из новопокоренных частей Кавказа – материалы, которые могут послужить лишь зачатком первоначального изучения Чечни и Дагестана, Вот цель настоящего моего труда; в нем я старался сообщить преимущественно сведения по части географии, топографии и этнографии Чечни.

Источниками при этом мне отчасти служили сведения, заключающиеся в Архиве Топографического Отдела Кавказской

Армии. К сожалению, я мог воспользоваться только немногими из них; большая же часть, относящаяся к периоду времени от 1823 до 1840 года, как слишком устарелые, оставлена мною без внимания. Главным пособием служили следующие описания: Краткое описание происхождения Чеченцев и состояния обществ до появления Шамиля, составленное в 1843 году генералом Фрейтагом и Военно-статистическое и топографическое описание Большой и Малой Чечни, 1850 г., капитана генерального штаба (ныне генерал-майор) М. Я. Ольшевского. Последним я пользовался при составлении первых двух глав предлагаемого мною описания, а первым при составлении третьей главы, делая из него иногда довольно-значительные выписки.

Поверкою географических и топографических сведений, а равно и составлением прилагаемой карты я обязан содействию г. штабс-капитана корпуса топографов И. М. Савельева.

Для главы о преданиях Чеченского народа мне были в разное время сообщены материалы гг. подполковником Беликом и бывшим Качкалыковским наибом Бата.

Из иностранных сочинений я пользовался только теми, на которые делаю ссылки в самой статье.

Вполне сознавая несовершенство этого труда и отдавая его на суд критики, я позволяю себе однако же надеяться, что она не упустит из виду того обстоятельства, что настоящей труд есть первый, более или менее обширный и систематический опыт в своем роде.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕЧНИ.

Границы. Географическое положение и пространство. Разделение, Общий характер местности. Леса. Горы. Болота. Климат. Реки. Подробный список существовавших и ныне существующих Чеченских аулов. Дороги.

До 1840 года или до восстания Чеченцев, когда не только левый берег. Сунжи, но и правый берег Терека, были населены Чеченскими аулами, под именем Чечни разумелось все пространство, заключавшееся в границах, которые обозначались: на западе, р. Фартангой (некоторые определяют р. Нетхой) до Ачхоевского укрепления, а отсюда прямою чертою до Казах-Кичу и далее на ст. Стодеревскую; с севера, Тереком до впадения в него Сунжи; с востока, Качкалыковским хребтом, прямою чертою от Герзель-Аула на

Внезапную и верховьями р. Актанта; с юга, Андийским хребтом до Шаро-Аргуна, этой рекой до соединения с Шато-Аргуном и Черными горами до начала р. Фартанги. Но когда местность между Сунжею и Тереком, за исключением нескольких небольших аулов, была оставлена Чеченцами и начала заселяться казачьими станицами, Чечня, в тесном смысле слова, находилась в следующих пределах: на север, Малая Кабарда, р. Сунжа и Кумыкское владение; на восток, тоже владение до кр. Внезапной и река Акташ, отделяющая Чечню от лезгинского общества Салатау; на юг Чечня отделялась от Нагорного Дагестана Андийским хребтом до г. Тебулос-мта (Дакуахэ), а далее Тушино-Пшаво-Хевсурским и Горским округами до укр. Дарьяла; на запад, от укр. Дарьяльского средним Тереком. В предлагаемом ныне описании включены в состав Чечни все земли, ограничиваемые на запад р. Сунжею и Малою Кабардою, на север р. Тереком; с севера и востока Качалыковским хребтом, отделяющим Чечню от Кумыкского владения и с юга Андийским хребтом.

Географическое положение и пространство. Все это пространство лежит между $42^{\circ} 30'$ и $43^{\circ} 43'$ сев. шир. и $62^{\circ} 30'$ и $64^{\circ} 15'$ восточ. долготы. Плоскость же Малой и Большой Чечни имеет приблизительно длины с востока: от подошвы Качалыковского хребта на запад до аула Газин-Юрта (на р. Фартанг) 70 верст; ширины от оконечных уступов Черных гор с юга, – до Сунжи на север, средним числом 40 верст, всего 2800 квад. верст.

Разделение. Вследствие этого определения границ, принимаемого мною на основании географических данных, бывших у меня под рукою, я разумею вообще под именем Чечни:

1) Пространство земель, лежащее между Тереком, Сунжею и Малою Кабардою,

и 2) Пространство Засунженское, разделяемое р. Гойтой на две части: лежащее по левую ее сторону называется Малою Чечнею, а по правую Большою Чечнею. В состав последней входят:

а) Мичиковцы, обитающие по обеим сторонам р. Мичик.

б) Качкалыковцы. Так до 1840 года назывались Чеченцы, обитавшие по североевосточному склону Качалыковского хребта (на этом склоне вновь поселены аулы: Гудермес, Исти-су, Нойееро-аул, Ойсунгур – вновь поселенный на прежнем месте у поста Куринск., и Кошкельды), но которые впоследствии смешались с Мичиковцами и Ичкеринцами. Бывшие Качкалыковские аулы: Шавдон, Наимеерды, Адыр, Наур-су теперь не существуют.

в) Ичкеринцы. Они обитают между верхними частями рр. Акташ и Хулхулау и Андийским хребтом, и

г) Ауховцы, населяющие верховья рр. Ярык-су, Яман-су и Акташа.

С покорением же в 1859 году Чечни, она получила следующее административное деление: 1) Округ Ичкеринский, в который вошли: Ичкерия, Гумбет, Андия и Технуцал. 2) Округ Аргунский, в который вошли общества: Акинское, Шатоевское, Чантийское (со включением Шаройского, Шикаройского и других мелких обществ, лежащих в верховьях Аргуна), Чаберлоевское и Чамалальское. Участок Ауховский присоединен к Кумыкскому округу.

Общий характер местности. Чечня, за исключением некоторых возвышений, о которых будет говорено в своем месте, составляет совершенную равнину, перерезанную множеством рек, текущих почти параллельно и вытекающих, за исключением Аргуна, из гор второстепенных. Свойство рек, вытекающих из снеговых гор, совершенно противоположно свойствам рек, берущих свое начало в горах второстепенных. Летом, в сухое время, когда последние значительно мелеют, первые напротив получают наибольшую прибыль воды от таяния снегов в горах. Но как те, так и другие, имея в верховьях своих падение весьма быстрое, подвержены чрезвычайно скорому, почти внезапному разливу от дождей, и нередко случается, что самая мелководная речка в несколько часов может сделаться непроходимой, а на плоскости выступает иногда из берегов. Благодаря этому свойству горных рек, вода в них почти всегда бывает мутна, но при всем том она не теряет своих природных достоинств: всегда приятна на вкус и здорова. Кроме того, при полноводии и самое русло реки часто изменяется, чему причиною постоянная быстрина, которая наносит время от времени целые кучи илу и деревьев.

Сверх того Большая и Малая Чечня перерезаны множеством канав и болотистых топких ручьев, текущих по глинистому грунту и известных под именем Шавдонов.

Леса в Чечне преимущественно растут на Черных горах и у подошвы их, а также у устьев рек и преимущественно между Мичиком и Аргуном, Гойтой и Фартангой; средняя же часть, через которую пролегает Русская дорога¹ от поста Куринского до бывш. Нестеровского (на этом месте поселен аул Берд-Юрт), большею частью

---

¹ Эта дорога называется так Чеченцами потому, что по ней часто проходили наши войска.

обнажена. В прежнее время здесь, между Джалкой и Гойтой², находились богатые и известные по своей обширности аулы, жители которых в 1840 году расселились в ближайших лесах отдельными хуторами, а потом, когда здесь начали строить наши укрепления, ушли далее в глубь лесов или переселились в ущелья Черных гор.

Огромные чинары, дуб, клен, карачак, груша, вишня, черешня, дикая слива (лыча), в особенности орешник, покрывают богатую долину Чечни, образуя летом непроходимую чащу, перевитую диким виноградником и вьющимися растениями. Местами попадаются обширные поляны, кое-где поросшие кустарником, на которых зреет хлеб и пасутся стада.

Горы. Малая Чечня, на пространстве между Фартангой и Гехи, отделяется от общества. Галгаевского, Цоринского и Акинского у верховья р. Нетхой, двумя ветвями гор, отходящими от главной отрасли северного склона, отделяющейся от снегового Кавказа у истоков р. Ассы. Ветвь, имеющая северо-западное направление и оканчивающаяся горою Нох-корт, придает гористый характер всему пространству, лежащему между рр. Фартангой и Нетхой, до бывших аулов Аршты и Ачхой. Другая ветвь, имеющая северное направление, распространяется между рр. Нетхой и Гехи и проникает во внутрь Чечни своими отрогами также далеко, как и первая ветвь.

Между рр. Гехи и Аргуном Мал. Чечня разделяется от обществ Пшехо и Шато горами, отходящими от хребта, отделившаяся от главной отрасли снегового Кавказа у г. Муптакий, из которой берут начало реки Фартанга и Гехи. Эти горы, в виде полукруга, вдаются в Чечню у Гехи и Аргуна. В том же месте, где р. Мартан прорезывается между них, он удаляются от Чечни. Сообщение существует только по долине Мартана и Гойты.

Все хребты, образующее правый берег Аргуна и проходящее по Ичкерии и Ауху, отделяются от Андийского хребта, отходящего от главного Кавказского близь горы Борбало и имеющего северо-восточное направление.

Эти хребты суть следующее:

---

² В средней части Чечни были: Герменчук (вновь посел.), Шали (вновь посел.), Большая Аташ (вновь посел. Нов. Атага) и Милая Атта (Стар. Атага), Ахшпатай-Гойта, Чужнохой-Гойта, Урусв-Мартанв (вновь поселен.), Пшехой-Рошна, Гехи (вновь поселен.), и Ачхой (на месте укр. Ачхой); между Джалкой и Гойтой были: Алды-Гелет-Гойта (вновь посел.), Касыр-Юрт, Чах-Кери, Дуба-Юрт (вновь поселен.), Ставнакул, Большой Чечет и Бематой (вновь поселен.).

1) Качкальковский, составляющий крайний отрог из ветвей хребта Андийского. Хребет этот замыкает с запада плоскость Кумыкскую, простирающуюся между низовьями Терека и Сулака от подошвы гор до берега моря.

2) Отделяющейся от горы Чабирли, разветвляющейся между Аргуном и Хулхулау и доходящий своими отрогами до кр. Воздвиженской.

3) Отрасль, отходящая от г. Речель, разветвляясь делает весьма гористым всю местность между Хулхулау, Гудермесом и Аксаем, доходя своими отрогами до Автура и Маюртуна. Отделяющаяся от этой отрасли против Ведена ветвь, отходящая от высоты Кеттыш-корт и пролегающая до Герзель-Аула по левому берегу Аксяя, далее образует хребет, известный под именем Качкальковского.

4) Отрасли, отделяющиеся от хребта Джалдари-меэр, распространяя свои ветви между Аксаем и Акташем, доходят своими отраслями до укреп. Хасав-Юрт. Эти именно отрасли и делают столь гористым и пересеченным Аух и часть Ичкерии, находящуюся по правую сторону Аксяя. Сообщение по этим отраслям производится по долинам рек, преимущественно же по Бассу, Хулхулау, Гудермесу, Аксаю, Яманесу, Ярыкесу и Акташу. Поперечных сообщений здесь почти не существует, за исключением разве одной дороги, из Маюртуна до Дарго.

Сверх того все горы, примыкающая к Большой и Малой Чечне, находящиеся в Ичкерии и Аухе, а равно Качкальковский хребет, имеют тот общий характер, что как вершины, так и покатости их покрыты лиственным строевым лесом и называются вообще Черными горами; это название они получили от наружного своего вида, отличающего их от главного Кавказского и Андийского хребтов, постоянно одетых в белую пелену снега.

Кроме того в 7-ми верстах от креп. Грозной, между Гойтой и Аргуном возвышаются две отдельные горы, образуются Ханкальское ущелье.

Северная часть Большой Чечни отделяется от Терека Умахан-Юртовским хребтом, который совершенно схож с Качкальковским и составляет его продолжение, но отделяется от него ущельем, через которое течет р. Сунжа.

Затем других отдельных возвышенностей в Чечне нет; нет также и особенно низменных мест, хотя Большая и Малая Чечня изобилуют болотами, из которых многие занимают довольно значительное пространство. Но образование этих болот скорее должно

приписать постоянно влажной почве густых непроходимых лесов, нежели низменности тех пунктов, на которых они находятся. Самые болотистый места попадаются при устьях рек и речек, впадающих в Сунжу, в особенности по обеим сторонам устья р. Гехи, между Валериком и Ассой.

Климат. Климат Чечни может быть сравнен с климатом средней России. В Июне, Июле и Августе бывают сильные жары; ночи вообще прохладные. Переходы от жары к холоду ощутительны, в особенности же весной и осенью, когда они порождают лихорадки и другие болезни, происходящие от простуды, неизбежной здесь в означенные поры года. Зима в Чечне продолжается от 2 до 3 месяцев и самые сильные морозы доходят до 20°. – В Октябре, Ноябре, Феврале и Марте здесь бывают сильные туманы. В Аухе и особливо в Ичкерии климат суровее и зима продолжительнее.

Реки. Основанием водной системы в Чечне служит река Сунжа, принимающая в себя все другие реки, берущие свое начало из горных ущелий и оврагов. Главное направление рек Чечни перпендикулярно ей с Ю. на С, так что Сунжу и приток ее Аргун можно рассматривать как координаты водной системы.

Сунжа берет начало из г. Богучар, откуда прорезав значительной высоты кряж гор, называемый Учхутским, входит в лесистое ущелье между гг. Сугулты и Сунжи-корт, и течет на север по земле Ингуш на протяжении 11 верст, между лесистыми хребтами, в крутых каменистых берегах.

Далее тем же ущельем, на пространстве 7 верст, идет по земле Владикавказского линейного казачьего полка и по выходе из ущелья на плоскость, пройдя через ст. Сунженскую, в 5 верстах ниже ее, воды Сунжи теряются в каменистом русле, которое на расстоянии 12 верст наполняется водою только во время дождей или таяния снегов, и тогда река делается даже, непроходимую; в обыкновенное же время года, русло Сунжи на этом пространстве всегда бывает сухо. У аула Экажева Сунжа опять выходит несколькими потоками и течет на расстоянии 11 верст до ст. Карабулагской, по земле Назрановцев. От ст. Карабулагской река делает поворот на восток и разными изгибами проходит землю 1-го Сунжонского казачьего полка до поста Казах-Кичу, от Казах-Кичу до Закан-Юрта она служит пограничною чертою между Военно-Осетинским и Чеченским Округами и далее от Закан-Юрта до впадения своего в Терек, на расстоянии 80 верст, протекает по Чеченскому Округу и служит разделом Мал. и Большой Чечни от земли 2-го Сунженского казачьего полка и Брагунским аулом.

Сунжа, большей частью спертая крутыми берегами, глинистого и не везде одинаково возвышенного свойства, имеет весьма быстрое течение. Вследствие этого переправы через нее затруднительны и они устроены только в известных местах.

Вода в Сунже всегда почти прибывает вдруг и в значительном количестве: случается, что после сильных и продолжительных дождей она возвышается против обыкновенного уровня на 1½ или 2 сажени; это случается особенно в Апреле и Мае месяцах, когда тают снега и бывают частые дожди. Вода Сунжи мягкая, приятная на вкус и здоровая, – достоинства, которых она не теряет даже во время полноводья, когда делается мутною и грязною. Земляные частицы во время отстоя быстро оседают.

Сунжа почти каждый год замерзает; есть однако же места, которые по быстроте течения никогда не покрываются льдом.

Бывали примеры, что наши войска в экспедициях против Чеченцев переправлялись через Сунжу по льду с артиллерией и тяжестями, как например, в Феврале 1826 года, у Казах-Кичу.

Левый берег Сунжи обнажен, за исключением нижних ее частей, между бывшим аулом Мачик-Юртом и Умахан-Юртом. Особенно крутых балок и оврагов встречается мало. Правый берег, начиная от Казах-Кичу, весь почти покрыт сплошным строевым лиственным лесом, за исключением пространства впереди Грозной.

Чеченцы по берегам Сунжи рубят лес и весною в полноводие сплавляют его для продажи в Кизляр.

Сунжа с левой стороны, кроме нескольких незначительных ручьев, включая сюда и Нефтянку, не принимает в себя никаких рек, между тем как с правой стороны в нее впадает множество рек и горных потоков, которые имеют направление от юга на север и суть следующее:

1) Асса. Асса, после Аргуна главный приток Сунжи, берет снос начало в главном Кавказском хребте и течет сначала по Архотскому ущелью на протяжении 10-ти верст, в пределах Хевсурских. В 1½ версты ниже дер. Колотан, слившись с речкою того же имени, она входит в землю Галгаевцев. Здесь она первоначально течет на север по тесному ущелью, в крутых берегах, и около деревни Пуй выходит на небольшую долину Алберты, протекая по ней около 4 верст и далее по открытому ущелью до разв. Галгай-Коушки. Правая сторона ущелья довольно крута и прорезана оврагами. Здесь Асса во время полноводья разделяется на несколько рукавов. Далее от упомянутой развалины, она, прорезав высокий скалистый хребет, входит в глубокую теснину

отвесных скал, между гг. Гял и Каллой-лам. Тут река несколько изменяет свое направление, уклоняясь на северо-восток, и на пространстве почти 40 верст спирается крутыми и скалистыми боками ущелья, покрытого густым лесом. В 1½ верст от быв. аула Алкун она выходит из этого ущелья и далее к аулу Берд-Юрт, на расстоянии 26 верст, течет по довольно широкому ущелью, покрытому частым густым лесом и местами в чрезвычайно крутых берегах. В 6 верстах от упомянутого аула река выходит на равнину, где с правой стороны к ней примыкают лесистые горы, а с левой открывается Карабулакская равнина. Левый берег Ассы до аула Баташ-Юрта составляет открытую равнину. От этого аула около 3 верст, Асса пропадает в чаще непроходимого леса, а далее до впадения ее, напротив Закан-Юрта в Сунжу, имеет берега большею частью лесистые и местами очень крутые. Асса проходит по Малой Чечне только 15 верст, от бывшего аула Нижняя Шилчиха. Вообще же на протяжении 40 верст своего течения, она составляет восточную границу Воен.-Осетин. Округа, т. е. от г. Каллой-Лам до быв. аул. Бей-Мардзи, откуда прямою чертою переходит на восток до верховьев р. Футона у развалины Маргист.

В Ассу впадают: с левой стороны:

а) Небольшая речка Харга-хий. Она берет начало из г. Бартыч, сначала течет открытым ущельем и при впадении имеет лесистые берега, у аула Нельхи впадает в Ассу.

б) Мужихи или Копхи. Река эта составляется из трех небольших ручьев, вытекающих из гор Бартыч и Масури; они сначала идут крутыми и лесистыми ущельями, далее открытым и вливаются в Ассу против деревни Бурок (Хайрих).

с правой стороны:

а) Чора-хий. Она берет начало из горы Булой-Лама, течет на северо-запад по крутому ущелью, покрытому лесом и у аула Нельхи впадает в Ассу.

б) Тоба-чочь или Бау-Керехи берет начало из гор Мунтакий, Анлы-Корт, Ома-Корт и Коре-Лам, течет на запад в весьма крутом ущелье Цоринского и Галгаевского обществ, правая сторона коего местами покрыта кустарником, левая же сплошным лесом, и впадает в Ассу у аула Цуй. Тоба-чочь принимает в себя много нагорных ручьев, из коих значительнейшие суть следующие: с правой стороны: Гул-Армешки, Дехк-Догогуе, Махуль и Мелери; с левой: Вампалахки-чочь и Бернхи-чочь.

в) Ный вытекает из горы Галгай-лам, идет сначала по крутому ущелью, далее по отлогому и не доходя р. Ассы около двух верст,

имеет вдоль левого берега несколько лиственного и соснового леса. Она впадает в Лесу у аула Хайрых.

г) Тоца-али вытекает из г. Маски-корт лесистым ущельем и вливается в Ассу в 4-х верстах ниже аула Берд-Юрт.

д) Чимулго. Река эта выходит из отрасли гг. Маски-корт и Аршти-корт. Сначала она течет лесистым ущельем до бывшего аула Чимулго, отсюда начинает спускаться на равнину, между довольно крутыми берегами, покрытыми кустарником, и наконец, теряется в болоте.

е) Шалаж берет свое начало из отрасли Черных гор, течет на север и ниже Русской дороги (в Мал. Чечне), пройдя через аулы Шалаж и Шами-Юрт, ниже последнего в 2-х верст. впадает в Ассу.

ж) Фартанга, называемая также Даут или Эристой Мартан³, – важнейший приток Ассы. Она составляется из 3-х источников, берущих свое начало из гор Гай, Цорой-лам и Гяль-тер-дук. До бывшего аула Бумут Фартанга имеет направление на север и течет в крутом и лесистом ущелье; от аула Бумут она поворачивает на северо-восток и пройдя через аулы Газин-Юрт, Ачхой и раз. Шавдон-Шари, недалеко от последнего вливается в Ассу, в 3 верстах от впадения ее в Сунжу. На левой стороне Фартанги, в расстоянии 26 верст от ее верховьев, близ бывшего аула Датых, есть небольшие соляные родники, называемые Бер (Шавгун).

Р. Фартанга от аула Бумут до впадения ее в р. Ассу и Асса до Закан-Юрта служат пограничною чертою между Воен.-Осет. и Чеченским округами.

Фартанга принимает с правой стороны:

Мереджу. Она берет начало в горах Мунтакий и Аслам и течет в крутых берегах, покрытых сплошным лесом; при впадении Мереджи в Фартангу, на расстоянии двух верст, на правом берегу ее находятся развалины аула Мередж.

Ачхой. Он вытекает из отрасли горы Беренедук и направившись на север между крутых и лесистых берегов мимо разваленного аула Ачхой, выходит на плоскость, где и теряется в болотистых местах.

Нетхой начинается в горах Дзугур-лам, Ялхорой-лам, и Булой-лам, также имеет крутые, покрытые лесом берега и у аула Шами-Юрт вливается в Фартангу.

---

³ Эти названия известны только по описаниям, а на топографических картах река эта означает только под именем «Мартан или Фартанга».

С левой стороны:

Футон, берущая начало из горы Джанхи-корт. Она течет сначала на север по лесистому ущелью до развалин аула Маргист, отсюда поворачивая на восток, идет открытым ущельем, левая сторона которого чрезвычайно обрывиста, в 4-х верстах от р. Фартанги стремится вновь по тесному и лесистому, ущелью и за 2 версты до аула Бумут впадает в Фартангу.

Р. Футон от быв. аула Маргист до впадения своего в Фартангу составляет южную границу Воен.-Осетин, округа.

Незначительная речка Аршти, вытекающая из горы Аршти-корт, течет в крутых, покрытых лесом берегах и в 4-х верстах ниже аула Аршти впадает в Фартангу.

Кроме вышепоименованных рек, Асса принимает много горных ручьев, а именно: Больш. Дума-али, Мал. Дума-али, Далса-али, Терми-али, Гайберт-али, Богарч-али, Алгуз-али и Алхаст-хи. Все они текут сначала в лесистых и крутых ущельях, а при впадении в Ассу частью в отлогих и безлесных.

2) Валерик или Вайрик. Рижа эта берет начало в горе Булой-лам и впадает в Сунжу в 2-х верстах ниже Закан-Юрта. В 1839 году отряд генерала Галафеева одержал на берегу этой реки знаменитую победу над Чеченцами. Название этой реки и воспоминание об этой победе послужили Лермонтову сюжетом стихотворения, под заглавием "Валерик"⁴.

3) Гехи. Вытекает из хребта, отделяющего общества Ако и Пшехо от дальних Кистов, и прорезав Черные горы, идет по средней части Малой Чечни в северном и северо-восточном направлениях. Гехи впадает в Сунжу при Куларах.

4) Мартан имеет исток в обществе Пшехо и впадает в Сунжу на половинном расстоянии между Закан-Юртом и Грозной. Река эта принимает в себя с левой стороны Теньгу, с которою соединяется у Урус-Мартанского аула, и Рошню, впадающую в нее в 3½ верст, ниже этого аула.

Гойта, с правым притоком Энгелик, вытекает из Черных гор. Она разделяет Чечню на Большую и Малую и имеет низкие, лесистые, а в некоторых местах топкие берега. От Гойтинской просеки правый берег реки обнажен, а левый покрыт лесом, простирающимся до самого впадения Гойты в Сунжу. С именем этой реки соединяется много воспоминаний о кровавых эпизодах нашей войны с горцами. Так

---

⁴ См. соч. Лермонтова. Изд. четвертое, Т. I. Стр. 241-249. СПб. 1856.

например, в 1825 году, при следовании генерала Ермолова с отрядом через Гойтинский лес, Чеченцы всячески старались удержать его: они сняли все мосты, наводнили дорогу и устроили завалы; проход через Гойту стоил нам тогда значительной потери. В том же году генерал Ермолов стоял несколько времени на Гойте и отряд занимался рубкою Гойтинского леса; но просека эта впоследствии заросла крупным кустарником. В 1832 году, когда главный отряд наш проходил через Гойтинский лес, Чеченцы его не беспокоили, но когда послана была колонна вверх по левому берегу, то при обратном следовании она понесла значительный урон. В конце 1845 года отряд генерала Фрейтага был послан рубить и жечь Гойтинский лес и даже в конце 1847 года и в начале 1848-го тот же отряд рубил лес от Гойты по направлению к Ачхою с целью обезопасить так называемую Большую Русскую дорогу по Мал. Чечне. Но расчету, в продолжение 20-дневного пребывания отряда в Чечне, уничтожено несколько сот десятин неприятельского леса.

б) Аргун - главный приток Сунжи. Он образуется из двух рек Чанты или Шато-Аргуна и Шаро-Аргуна. Эти добавочные названия они получили от тех обществ, через который имеют свое течение.

Чанты или Шато-Аргун берет начало несколькими источниками из горы Барбало, в пределах Хевсурских. В земле Кистин река эта имеет направление на северо-восток, а далее на север.

Шаро-Аргун образуется из нескольких источников, имеющих начало в Андийском хребте, и течет на север.

Обе эти реки, по соединении у бывшего Шатоевского аула Дачу-Барзоя (на этом месте стоит укр. Аргунское), в 8-ми верстах от укр. Воздвиженского, образуют собственный Аргун. Он имеет направление на север и в 5 верстах от Тепли-Кичинского поста и в 42 от Умахан-Юртовского укрепления впадает с правой стороны в Сушку.

Аргун течет быстро, широким и каменистым ложем в одинаково возвышенных и обрывистых берегах и имеет множество островов, образовавшихся из наносного булыжника с гор. Острова эти ежегодно изменяют свою форму и объем, смотря по тому, куда направляются главные рукава реки при полноводии.

В самую мелкую воду глубина главного рукава не бывает менее 1½ аршина. В это время Аргун, если позволяют берега, переходим в брод, но в период таяния снегов, а в особенности во время сильных дождей в горах, вода мгновенно возвышается, острова исчезают и широкое его ложе наполняется мутной и грязной водой. Тогда переправа через Аргун весьма затруднительна, а иногда и

невозможна по быстроте течения, широкому разливу и по множеству карчей, наносимых водою.

Ширину этой реки, по случаю частой перемены ее течения, весьма трудно определить; ширина всего русла Аргуна, по долине, примерно можно положить от 125 до 250 сажень, а главного рукава от 20 до 30 сажень в обыкновенную воду; в полноводие же ширина его гораздо больше. В горах Аргун течет в скалистых берегах, которые не позволяют ему развиваться, а потому он там несравненно уже, но зато быстрее; от этого Аргун замерзает только при весьма сильных морозах. Вода в реке здоровая и приятная; иногда она имеет серный запах.

7. Река Басс образуется из нескольких ручьев, берущих начало из горы Эленджи-ари-корт; по слиянии их на Таузенской открытой поляне, имеющей пространство более 16 квадратных верст, река эта при северном направлении и на расстоянии 13-ти верст, прорезав кряж Черных гор, проходит по довольно широкому ущелью, оба бока которого были покрыты лесом, но он ныне вырублен нашими войсками. Далее она выходит на плоскость и достигает аула Шали, от которого р. Басс, до впадения своего к Сунжу у поста Мячик-Юртовского, именуется Джалкою.

8. Река Гумс или Гудермес начало свое берет из Даргинских высот, г. Турцлам и течет, на север, сначала на протяжении более 10-ти верст, по глубокому лесистому ущелью и в крутых берегах. Далее река эта, проходя между отрогами высот гор Эрсоной-корт и Кетынг-корт, до аула Пасай, течет в широком ущелье по каменистому ложу и в скалистых берегах, оросив собою на этом пространстве до 15 аулов Ичкеринского общества. Правая сторона реки – волнистое местоположение, открытое на значительное пространство, изобилует фруктовыми садами, пастбищными и покосными местами, а левая покрыта густым строевым лесом, прорезанным кое-где небольшими полянами. От аула Пасай, Гудермес идет по плоскости Бол. Чечни, в пределах то понижающихся, то повышающихся берегов, местами небольшими открытыми полянами, но большею частью густым, непроходимым ореховым и фруктовым лесом и, наконец, пройдя аул Элесхен-Юрт, река огибает оконечность юго-западного Качкалыковского хребта и у Умахан-Юрта впадает в Сунжу, имея обнаженные глубокие и обрывистые берега. Р. Гудермес на всем протяжении, будучи сжата возвышенно-скалистыми, песчано-каменистыми и обрывистыми берегами, течет быстро и потому переправы через нее есть только в известных местах, а во время

прибыли поды, она делается вовсе непроходимую; вода всегда бывает мутная, но для питья вкусная и здоровая.

Хулхулау – течет восточнее Джалки и прорезывает Чечню с юга на север. Река эта берет начало несколькими источниками из Андийского хребта, а именно из гор, отделяющих Чаберли от Ичкерии и вливается в Гудермес ниже впадения в нее р. Мичика.

С правой стороны, выше на 4 вер. от устьев Хулхулау, в Гудермес впадает Мичик. Он течет сначала в узкой и глубокой долине и выйдя на Чеченскую поляну, принимает в себя с левой стороны Гансау. Как Мичик, так и Гансау текут по весьма глубокому ложу с обрывистыми берегами они имеют ложе глинистого грунта и не везде удобны для переправы. Кроме Гансау в Мичик впадает, с левой стороны Пханэн, с правой Карасу.

Кроме всех вышеописанных рек, Чечню бороздят еще некоторые незначительные речки, множество канав для орошения полей, болотистых ручьев, берущих свое начало из родников; они образуют обширную водную сеть, необыкновенно способствующую растительности. Исчислим их с возможною подробностью:

1) Между Аргуном и Бассом находятся следующие ручьи: Толейн, Музаин, Мазиаха и Шалиахк. Все они имеют истоки в Черных горах.

2) Речки и каналы, находящиеся между Джалкой и Хулхулау:

а) Ручей Ахк. Вытекает из ближайших Черных гор и впадает в Джалку у Герменчука.

б) Канава проведенная из Хулхулау выше быв. Сержан-хутора. Она соединяется с Джалкой также у Герменчука

и) Канава берущая начало из Джалки у Герменчука и вливающаяся в эту же реку у быв. Барзоя.

г) Ручей Арджин-Ахк. Он берет начало из г. Ценн-Берд и вливается в Хулхулау в 8-ми вер. ниже укр. Веден.

д) Канава проведенная из Хулхулау выше быв. Арсеноя и вливающаяся в эту же реку у раз. быв. хутора Гуной.

с) Шавдон-Гертм.

3) Речки, каналы и шавдоны, находящиеся между Хулхулау и Гумсом или Гудермесом:

а) Канава проведенная выше Автура из Хулхулау в Гудермес.

б) Канава из Хулхулау ниже Автура.

в) Шавдон с канавами, проведенными из него в Хулхулау.

г) Талинг. Он берет начало с ближайших Черных гор и изливается в Гудермес, выше впадения в него Мичика.

д) Хомик. Небольшая речка, впадающая в Гудермес у быв. аула Зандакой.

е) Искерик, также незначительный приток Гудермеса. Реки в Ичкерии.

Аксай. Река эта берет начало в Андийском хребте тремя источниками, которые ниже Дарго соединяются в одно русло и образуют настоящий Аксай. До Таш-Кичу он течет в северном, а от этого укрепления в северо-восточном и восточном направлениях и, не доходя до Каспийского моря, теряется в болотах. Аксай течет по Ичкерии не более 35 верст, от истоков своих до Герзель-Аула, а далее по Кумыкскому владению. В Ичкерии берега Аксаия круты, возвышенны и поросли лесом; это в особенности относится к левому берегу.

Реки в Аух.

1) Иман-су. Истоки этой реки находятся в отрасли, отходящей от горы Джалдари-Меэр. Первые 30 верст она течет по Ауховскому владению, а остальные по Кумыкской плоскости, где теряется в болотах до соединения своего с Аксаем.

Иман-су течет вообще по каменистому ложу, между высокими берегами, совершенно вертикальными; во многих местах светлые струи ее падают с вершин каскадами.

2) Ярык-су. Берет начало с горы Келентау и течет до Хасав-Юрта в возвышенных и крутых берегах, которые в верхних частях покрыты лесом. От Хасав-Юрта Ярык-су течет по открытой и ровной местности и подобно другим рекам, орошающим Кумыкскую плоскость, не доходя Каспийского моря, теряется в болотах.

3) Акташ. Два нагорных ручья, вытекающие из гор Ханакойтау и Анчи-меэр, по слиянии своем при уроч. Мичик-Кале дают начало этой реке, которая течет сначала в крутых и большею частью скалистых берегах, а далее по Кумыкской плоскости, перерезывает лес Кара-агач и, не доходя Каспийского моря, теряется в болотах.

Исчислив таким образом все сколько-нибудь замечательные реки Чечни, мы можем сказать, что этот перечень полон и безошибочен, на столько, на сколько были полны и верны те данные, которые мы имели под рукою. А в верности их можно ручаться, потому что они собраны на месте и проверены сообразно с последним, более близким изучением страны. Весьма может статься, что у нас случился и пропуск, но только в исчислении мелких ручьев и речек, попадающихся в тех местностях, которые недавно лишь сделались доступными нам и потому не приведены еще в известность. Пред

читателем, которому бросилась бы в глаза сухость нашего перечня, мы должны оговориться, что полная география и топография Чечни находятся еще далеко впереди, а приведенные нами сведения имеют то лишь значение, что они могут составить собою зародыш будущей науки, которая может быть приведена в систему и в стройное целое только усилиями многих деятелей.

Теперь представим подробный список существовавших и ныне существующих Чеченских аулов по течению описанных рек, с указанием главных изменений, которым они подвергались, и с обозначением их населения. Ныне существующие аулы напечатаны в списке курсивным шрифтом.

К этому считаю нужным присовокупить, что названия *Кичу*, *Ирзау*, *Отар* и *Юрт*, употребляемые Чеченцами для выражения сложных имен аулов, имеют следующие значения Кичу значит брод, переправа, напр. Казах-Кичу, казачий брод, Таш-Кичу, каменный брод; Ирзау – поляна; Отар – хутор; Юрт тоже что Аул.

Дороги. Приступая к описанию дорог в Чечне, мы должны сказать вообще, что большая часть их обязана своим существованием нашему оружию, которое, проникая шаг за шагом в глубь страны, бывшей столько времени недоступною и неприязненною, имело в виду вернее обеспечить за собою сообщение с теми пунктами, на которых возводились укрепления – эти победные маяки, возникавшие среди неприязненных гор, подобно оазисам в пустыне, и со временем составившие тот неодолимый оплот, которому суждено было в наше время сокрушить навсегда владычество варварства и мюридизма. До появления Русских в этой стране не могло быть дорог, в собственном смысле этого слова. Независимо от природы, которая как бы нарочно старалась наделить ее всевозможными трудностями, здешний обитатель и с своей стороны хлопотал об увеличении их, видя в этом залог своего необузданного существования. Он довольствовался обрывистыми тропинками через горы и ущелья, по которым можно было пробираться лишь пешком, и которые даже для одиночного всадника представляли значительные трудности...

Но обратимся к дорогам, существующим ныне в Малой Чечне.

I. Дороги в Малой Чечне.

От креп. Грозной через упраздненное укр. Урус-Мартан в бывшее Ачхоевское, а оттуда через Ассинскую станицу в Слепцовскую, на Сунже (84½ в.).

Дорога эта до выхода из Хан-Кальского ущелья на расстоянии 14 верст та же, что из Грозной в кр. Воздвиженскую (см. стр. 44); здесь

она поворачивает на юго-запад и после переправы через р. Гойту, принимает до самого Ачхоевского аула направление на запад. От Ачхоевского аула дорога идет в брод через р. Фартангу, а отсюда (приняв юго-западное направление и отделив от себя ветвь влево к аулу Газин-Юрт, следует до ст. Ассинской на расстоянии $8\frac{1}{2}$ верст, по открытой луговой поляне, перерезав на 6-й версте незначительное болотистое место, образующееся от р. Чимулго, и при самой станции переходит в брод р. Ассу. Далее от ст. Ассинской до Слепцовской, на расстоянии 11 верст, дорога в том же направлении, мимо кургана Хари-барц, пролегает по открытой Карабулагской равнине (в пределах 1-го Сунженского линейного казачьего полка) и на 10-й версте соединившись с удобною дорогою, пролегающею из аула Берд-Юрта (Нестеровского п.), достигает ст. Слепцовской).

Путь этот прорезывает средину Малой Чечни и известен нам с 1818 года, когда в первый раз по нем прошел Генерал Ермолов. После того по этой дороге часто двигались наши войска, как со стороны Владикавказа, так и со стороны кр. Грозной и большею частью с боем, в особенности же после восстания Чечни, когда просеки сделанные в Гойтинском и Гехинском лесах вновь заросли деревьями. После новой прорубки просек через эти леса в 1845 и 1846 годах, проход наших войск сделался совершенно свободным. В настоящее же время главные затруднения заключаются в переправах через рр. Гойту, Мартан, Рошню, Гехи, Валерик, Нетхой, Фартангу и Ассу; в особенности же во время полноводия этих рек.

Дорога от Газин-Юрта чрез Бумут в Аршты (8 в.).

От Газин-Юрта до Бумута на расстоянии 4 верст дорога пролегает по левому берегу р. Фартанги, имея с правой стороны густой лес. Перейдя небольшую речку Аршти-чочь у самого Бумута, она поворачивает вправо и на пространстве одной версты идет по довольно трудному подъему к разоренной башне, далее следует 3 версты крупным и густым лесом, потом по открытому хребту до аула Аршты, оставив вправо, саженой около 150, густой лес. Дорога эта до развалин башни вообще вьючная, далее же менее затруднительна. Грунт земли глинисто-песчаный.

Дорога от Аршты до аула Алгуз-Али (Богурчали), у Галашевцев (13 в.).

Первые $8\frac{1}{2}$ верст до перевала горы Маски-Корт дорога идет крутыми косогорами. Отсюда, оставив вправо, в довольно большом от себя расстоянии густой лес, дорога разделяется надвое: одна у аула Аршты идет мимо горы Аршты-Корт в быв. Шинали-Юрт, а другая в

быв. Чимулго (в пределах Карабулаков). Обе эти дороги затруднительны для сообщения; они проходят до самых развалин через густой лес. На 5-й версте дорога эта идет мимо разв. Беретки. Пройдя не более одной версты от этой развалины, она оставляет вправо дорогу, идущую мимо горы Маски-Корт до разв. Точа-Али, густыми лесом и чрезвычайно трудную. Дойдя до упомянутого перевала, дорога незначительно спускается к рекеASSE и в 3-х верстах проходит мимо разв. Мархи, за тем через р. Ассу в брод и следует до самого аула Алгуз-Али (Богурчали), не представляя никаких затруднений. Главное препятствие при следовании по этой дороге заключается в разливе р. Ассы, по причине сильного стремления ее вод и довольно глубокого русла. Грунт земли глинисто-песчаный и отчасти глинистый.

Дорога от аула Бумута до раз. аул. Датых (19 в.).

От Бумута дорога пролегает левым берегом Фартанги; она удобна только первые 4 версты для аробной езды и далее на протяжении 15 верст до самого Датыха проходит по уступам нагорного берега реки, беспрестанными подъемами и спусками. Вообще дорога эта очень трудная для вьючной езды, по причине глубоких оврагов и неровной местности. Грунт земли глинистый и песчано-каменистый. По ней проходил с отрядами в 1852 году Генерал-Майор Вревский и в 1856 году Полковник Кемферт.

Дорога от поста Казах-Кичу до аула Берд-Юрт (Нестеровский) (16 в.).

От поста Казах-Кичу дорога пролегает ровною местностью по земле Сунженских казаков, мимо курганов Батога-барц и Хари-барц, и на 9-й в. перерезав большую дорогу, следующую из Малой Чечни на Сунженскую линию, между пахатными и выгонными местами, подходит к аулу Берд-Юрт (Нестеровский).

Описание дороги от станицы Закан-Юртовской, на р. Сунже, вверх по. Ассе через аул Баташ-Юрт, ст. Ассинскую, аулы Берд-Юрт, Алгуз-али, Богурчали, бывш. Мужич, Алкун и далее до долины при ауле Хай-рых (в Галгат).

а) От Закан-Юрта до ст. Ассинской (19½ в.).

Переправившись в брод через р. Сушку, дорога пролегает на запад, по ровной местности Карабулакской земли, вдоль левого берега р. Ассы. Первые 4 версты она идет густым лесом и полянами, далее мимо аула Баташ-Юрт редким лесом и на 14-й версте выходит на открытую поляну, откуда на расстоянии 4-х верст, перейдя через 3 канавки, входит в станицу Ассинскую. Здесь от ст. отделяются две хорошие проселочные дороги: одна идет на север к ст. Михайловской

(на Сунже), которая мимо кург. Батоги-барц следует по Карабулакской равнине 7 верст. Другая на юг, на расстоянии 8 верст пролегает к аулу Газин-Юрт (на р.ASSE). Дорога повозочная. Грунт земли глинистый и черноземный.

б) От ст. Ассинской, через аул Берд-Юрт в Алгуз-али (Богурчали) (21½ в.).

Дорога от аула Берд-Юрт идет на запад, вдоль левого берега Ассы по открытой и ровной местности, между пахатными угодьями и на расстоянии 11 верст до самого аула не представляет для провоза тяжестей никакого затруднения. Отсюда дорога поворачивает на юг, на 3-й версте, близ кургана Тлиева, перерезывает ручей Алхаст-хий. Здесь дорога, отделив от себя вправо ветвь, идущую через хребет Матхалды в землю Назрановцев, и от кургана Тлиева перерезав еще ручей, 2½ версты следует ровною и открытою местностью; потом она углубляется в густой лес и пролегает затруднительными спусками и подъемами по волнистой местности, на пространстве 3-х верст. Перерезав далее два больших оврага и третий, весьма глубокий и трудный, она подходит к уроч. Алгуз-али. Здесь отделяется вправо другая разработанная дорога, которая также через хребет Матхалды следует к Назрановскому укреплению. Далее от уроч. Алгуз-али дорога почти на версту постепенно спускается к переправе через речку того же имени, следует открытою и ровною местностью и на расстоянии одной версты, у впадения речки Богарч-али в Ассу, входит в аул Алгуз-али (Богурчали).

в) От аула Алгуз-али (Богурчали) до бывш. Алкуна (19 в.).

От аула Алгуз-али дорога следует на юг по открытой нагорной долине р. Ассы, вдоль левого берега и, пройдя бывшие аулы Цока-Юрт и Салимова, на 6-й версте отделяет от себя влево через Ассу вьючную дорогу, идущую на восток, мимо башни у г. Джакхи-корт в бывш. аул Датых и к соляным колодцам Шавгун (в долине р. Фартанги). Далее от точки разделения, дорога идет по просеке незначительными подъемами и спусками и на 6-й версте подходит к бывш. аулу Мужич - Здесь она оставляет вправо разработанную дорогу, идущую на запад через перевал г. Басыни-корт в ст. Сунженскую (Владикавказского линейного казачьего полка). На всем этом пространстве дорога переходит пять незначительных ручьев, из которых известны только три, а именно: Баке-али, Коцвина-али и Гупуей-али, у последних двух берега очень круты, болотисты и покрыты густым лесом; первые же три ручья имеют на берегах своих довольно редкий лес. На пространстве от бывш. аула Мужич дорога переходит два довольно

значительных оврага, покрытых густым лесом: первый известен под именем Терми-али, второй Далса-али. Кроме того у Алкуна есть третий: Мал. Дума-али. Грунт земли на всем пространстве глинисто-песчаный, глинистый и частью каменистый.

г) От быв. Алкуна до разв. Учхут, на границе Галашевцев с Галгаевцами (13 в.).

От Алкун одна дорога идет влево в быв. Датых, на Фартанге. Сперва она переходит р. Ассу, поднимается к г. Эрдын-корт и минув оную, начинает круто спускаться к Фартанге. Вся эта дорога весьма трудная. Главная же идет от быв. Алкуна одну версту ровною местностью (здесь отделяется вправо тропинка вдоль р. Ассы в Галгай, весьма трудная для следования, особенно зимою). За тем повернув вправо, дорога поднимается на довольно значительный хребет горы Цешта, 7 верст, далее опять углубляется в лес и идет сначала подъемом, а потом крутым спуском и не доходя разв. Учхут, переходит р. Больш. Дума-али. Дорога эта вообще трудна во время дождей. Грунт на всем пространстве черноземный и глинистый.

д) От разв. Учхут до горы Сугу-лам (12 в.).

Сначала дорога идет значительным подъемом к г. Учхут и обойдя ее крутым косогором, следует в западном направлении к перевалу у истока р. Сунжи, где соединившись с дорогой, идущей из кр. Владикавказа через Тарскую долину, круто повернув на юг и обогнув г. Богучар, пролегает по хребту г. Сугулам, лесистою местностью. Следование по этой дороге весьма трудно. Грунт земли глинистый и частью каменистый.

е) От г. Сугу-лам до аула Хайрых на Ассе (13 в.).

От горы Сугулам дорога начинает спускаться к Ассе чрезвычайно трудною тропинкою; по правой стороне дороги большие скалы, составляющие ребра г. Гял, а с левой глубокий овраг, по которому с шумом и ревом стремится Асса. Все это пространство, около 7 верст покрыто густым лесом. Спустившись к Ассе, дорога соединяется с тою, которая идет вверх по реке из быв. Алкун. Эта часть дороги весьма трудна для следования. Далее дорога идет крутым косогором и на 9-й версте проходить р. Ах-ка, а на 12-й у моста встречается с дорогой, идущей из общества Кистинцев и Джерахов во Владикавказ. Пройдя чрез мост и еще $\frac{1}{2}$ в., она входит в аул Хайрых. Грунт земли на всем пространстве каменистый.

Дорога, от границы Кистинского общества до аула Хайрых, у Галгаевцев (10 в.).

Дорога от пограничного хребта, который отделяет Кистинцев от Галгаевцев, начинается спускаться весьма круто к аулу Косты, которого достигает на 3½ версте. Далее 6½ верст до аула Хамхи пролегает по отлогому хребту и на 7-й версте соединяется с дорогой, идущей от г. Сугу-лам по долине при ауле Таргим. Дорога эта до соединения с упомянутой идет через пашни, гористою местностью, и не представляет никаких затруднений для следования. Не доходя одной версты до аула Хайрых, дорога переходит р. Ассу. Грунт земли на всем пространстве каменистый.

Дороги от аула Хайрых до границы Цоринцев (16 в.).

От аула Хайрых дорога идет довольно крутыми косогородами правым берегом речки Ный, мимо аулов верх. Хайрых и Були, лежащих на противоположном берегу речки и на 3-й версте проходит через аулы Матхане, Полинк и Ный. Перейдя р. Ный, дорога имеет довольно крутой подъем и спуск, а затем на 11-й в., оставляет в стороне аул верхн. Цизды; далее следует волнистыми и крутыми косогородами от г. Гай, оставляя вправо много аулов, переходит много незначительных протоков также от г. Гай и на 13-й версте приближается к горе Мохала-исте. Грунт земли каменистый и частью глинистый.

Дорога от аула Хайрых до границ Хевсурцев (13 в.).

Дорога эта начинается бродом через р. Тоба-чочь и идет сначала правым берегом реки Ассы до аула Нельхи, которую встречает в 8½ верст. Перейдя здесь р. Чора-хий, дорога через одну версту тянется уже вдоль левого берега Ассы и следует им до границ Хевсурцев. На этом пространстве, она переходит еще р. Харгай-хий, на которой устроен мост. Вся эта дорога трудная. Она идет лесом. Грунт каменистый.

Дорога от границ Цоринцев с Галгаевцами до границ Акинцев (12 в.).

Дорога с пограничного пункта идет крутым спуском и в 1½ в. проходит мимо родника Каутары-хаст, оставляя вправо побочную дорогу, идущую в аул Цори; в 3½ в. минуя родник Арми-хаст, она многими незначительными подъемами и спусками следует до самой границы или горы Анлы-корт, перейдя много нагорных ручьев, из которых некоторые известны по названиям, как-то: Дехк-Догогуе, Гул-армешки и Коутурехи-хаст. Грунт земли каменистый и частью глинисто-песчаный.

Все вышеописанные дороги в Галгай и к Цоринцам неудобны, самый же лучший путь тот, который идет через землю Джерахов и Кистинцев.

Дороги, ведущие от бывш. аула Алкун, через ущелье Мередж, до аула Ялхори в общества Кистинские и Цори.

Дорога от аула Алкун имеет направление на восток; у самого аула она переходит через р. Ассу в брод, который безопасен только во время малой воды; для пешеходов же, несколько ниже брода, устроен из бревен и хвороста небольшой мост.

Перейдя на правый берег Ассы, дорога отлого поднимается на невысокий хребет, разделяющий долины рек Ассы и Фартанги, идет открытую местностью, по довольно обширной поляне и до самого перевала не встречает никаких препятствий. На перевале дорога входит в лес, которым, следуя по скату упомянутого хребта, и спускается в долину Фартанги, имея в одном только месте довольно крутой спуск к безымянному ручью, который она на пути своем пересекает два раза, – и потом, пройдя в брод реку Фартангу, поднимается, также лесом, к башне разоренного аула Джюрды, находящейся на отроге горы Дзугурлам, которая прилегает с правой стороны к р. Фартанге.

От Алкунской поляны до башни Джюрды описанная дорога, проходя густым, но большею частью мелким лесом, очень узка и вообще затруднительна для следования, потому что во многих местах на этом пространстве она переходит через топи, в которых по рыхлости грунта лошадь вязнет выше колена.

Возле переправы через р. Фартангу от вышеописанной дороги отделяются две другие: одна направляется вниз по течению реки, в аул Датых, а другая вверх по левому берегу той же реки, до устья ручьев Дзенхи и Хайхы, где она бродом через р. Фартангу выходит на открытое место. Эта последняя дорога, от Алкунской поляны до того места, где находится переправа ее через р. Фартангу, проходит лесом 7 верст, а от пункта разделения она не что иное, как тропа, по которой можно проезжать только в одиночку.

От башни Джюрды дорога имеет направление на юго-восток и проходит открытую местностью, по отлогой покатости горы Дзугурлам, до двух башен разоренного аула Мюжган-юхе. Здесь она поворачивает на восток и, обойдя упомянутую гору, по отлогой же покатости достигает ручья Хорхун-Али, оставляя на правой стороне разор. аул Докун-буке. Витырки и Талгик – все это называется уроч. Мереджа.

От названного ручья дорога идет параллельно хребту Ялхорой-лам, почти по горизонтальной плоскости, имея только небольшие спуски и подъемы через ручьи, вытекающие из хребта Ялхорой-лам. Возле горы Ердьты дорога поднимается на перевал, соединяющий горы Ялхорой-лам и Цоринские. Здесь дорога разделяется на две ветви: одна направляется на северо-восток, в аулы Ялхоры и далее в Шалажинские хутора; а другая идет по хребту на юг, через горы Ердьты и Аслам, на которые взбирается по крутому, но непродолжительному подъему. Далее она идет по западной покатости хребта и недалеко от большего камня Эшки-бердышки переходит на северную покатость, спускается вниз крутыми зигзагами и потом входит в ворота Эшки-бердышки, образовавшиеся из трещины камня в и 1½ аршина шириною и сажени две вышиною. Пройдя от ворот сажень 200, дорога соединяется с другою, идущею из аулов, расположенных по р. Акихи. – Далее в том же направлении, по восточному скату хребта, она выходит на гору Хахилги, а потом по самому хребту к горе Мунтакий.

Здесь самая высшая точка дороги; отсюда она начинает спускаться и, обходя с восточной стороны скалу Хай-лам, выходит на хребет, понижающийся к югу и служащий границею обществ Кистинских и Цоринского. Пройдя от Хай-лам около 2 верст, дорога разделяется на две ветви: одна направляясь к юго-востоку, ведет в Кистинские общества, в долину р. Аргуна; другая же, по направлению на запад, идет в общества Цори и Галгай.

Вся описанная дорога имеет протяжения от аула Алкун до последнего разделения, около 36 верст, до аулов же Ялхоры около 26 в. Лесом проходит она только от Алкунской поляны до башни Джурды, 5½ верст, а далее она идет открытою местностью и вообще удобна для следования вьюков; не имеет крутых, продолжительных подъемов и спусков, исключая незначительных переходов через ручьи и одного спуска, также незначительного, сажень 60 протяжения к камню Эшки-Бердышки; местами она довольно широка, так что три человека, в ряд, пешком могут свободно по ней следовать; при спусках же она суживается.

II. Дороги в Большой Чечне.

Дорога от кр. Грозной до кр. Воздвиженской (25 в.).

Дорога эта известна нам до Ханкальского ущелья еще с 1808 года, когда по ней прошел с отрядом генерал Булгаков и имел дело с Чеченцами. В 1818 году генерал Ермолов прорубив лес в упомянутом ущелье, доходил до бывшего аула Большой Атаги и в следующие два

года несколько раз следовал по той же дороге в Малую Чечню. В 1831 году этим же путем генерал Вельяминов проник в Аргунское ущелье, по которому впоследствии часто двигались наши отряды в Большую и Малую Чечню. С устройством же в 1844 году укр. Воздвиженского, дорога эта служила постоянным сообщением для наших войск, следовавших туда из креп. Грозной и обратно.

За исключением нескольких незначительных подъемов, дорога, о которой идет здесь речь, пролегает между луговыми и пахатными местами, по открытой и ровной местности. Посредине Ханкальского ущелья находится так называемый Ермоловский курган.

Дорога в укр. Бердыкель, на Аргуна (13 в.).

Дорога от креп. Грозной пролегает на восток. Сначала она, пройдя версты 2, делает незначительный спуск и подъем через оконечность Ханкальской горы, потом следует совершенно ровною и открытою местностью на расстоянии 5 верст, доходит до Ханкальского поста, а далее на протяжении шести персть дорога в том же направлении и равниною идет мимо подошвы горы Сюрин-корт и достигает укр. Берды-кель. На всем протяжении этой дороги грунт земли глинистый; дорога хорошая, удобная и для повозочной езды.

Дорога от укр. Бердыкель через аул Большой Чечен вдоль левого берет р. Аргуна в укреп. Воздвиженское (19 в.).

Дорога эта пролегает на юг, вдоль левого берега р. Аргуна. Первые четыре версты до аула Большой Чечен она идет спусками и подъемами по нагорному берегу, отходящему от высоты Сюрин-корт, имея с правой стороны густой лес. От аула Большой Чечен дорога выходит на равнину и на расстоянии 6 верст до поста Преградного идет параллельно р. Аргуну, встречая местами редкий лес; от поста Преградного также на протяжении 6 верст, дорога идет мимо бывшего аула Кол. Атаги, открытою и совершенно ровною поляной, и доходит до укр. Воздвиженского. Грунт земли глинистый и дорога удобна для колесной езды только до аула Большой Чечен, а отсюда до Бердыкеля хотя также удобна, но кое-где представляет трудности.

Дорога от укр. Бердыкеля до укр. Шали, на р. Басс (16 в.).

Перейдя через р. Аргун по мосту, порога имеет направление на юго-восток. Сначала, на протяжении 7 верст, она следует вдоль просеки между р. Аргуном и высотой Гойтен-корт, потом обогнув южный мыс этой высоты, идет опять просекою по ровной местности 4 версты, на пятой переходит через топкую речку Шавдон и по открытой поляне достигает укр. Шали (шт.-кв. Наваг. пех. полка), перерезав на

пути две незначительные канавки. Грунт земли глинисто-хрящеватый. Дорога вообще хорошо разработана для провоза тяжестей на колесах.

Дорога от укр. Шали до Таузенской засеки, на поляне того же имени (19 в.).

Дорога сначала до аула Бассен-берды, на расстоянии $6\frac{1}{2}$ верст, следует по левому берегу р. Басс ровной местностью и вдоль проложенной просеки, далее мимо аула Агашты она на протяжении $12\frac{1}{2}$ верст идет той же просекою вверх по широкому ущелью р. Басса, где прежде чем достигнет аула Агашты, пересекает несколько небольших ручьев; затем следует тем же ущельем и перейдя несколько раз русло р. Басс, достигает Таузенской засеки. Грунт земли глинисто-хрящеватый; дорога хорошо разработана для повозочной езды.

Дорога от Таузенской засеки до укр. Веденя (шт.-кв. Курин, пех. полка) (19 в. 371 саж.).

Дорога эта имеет направление на восток. Сначала от засеки до аула Алистанжи, на расстоянии 9 в. 346 саж., она следует по ровной и открытой местности правого берега р. Басс, потом делает незначительный подъем на тот пункт, где соединяются хребты Даргендукский и Маих-Басса, откуда вступив в просеку, проложенную на пушечный выстрел в обе стороны, дорога пролегает по ровной местности, пересекая на этом пространстве 5 незначительной глубины балок и одну в крутых берегах, – и затем доходит до аула Алистанжи. Далее от Алистанжи до Веденя, дорога на протяжении 10 в. 25 саж., сначала зигзагами по легкому склону следует к речке Арджи-ахк (Алистанджи-ахк), переходит ее в брод и такими же зигзагами поднявшись на противоположный крутой берег ее, она опять мелкими зигзагами и легким подъемом пересекает две отрасли гор, отходящих от хребта Чермой-лам и приток р. Хулхулау. Здесь, оставя вправо деревянную оборонительную башню и перейдя по мосту через р. Худхулау, дорога поднимается на крутой берег этой реки, откуда по Веденской поляне достигает укр. Ведень.

На всем своем протяжении описанная дорога имеет грунт глинистый и вязкий, так как она следует большею частью по тем местам, где недавно еще рос густой строевой лес и вследствие этого почва не успела еще обсохнуть от ветров, почему, во избежание топей и грязи, с обеих сторон дороги прорыты канавы для стока воды. Вообще дорога удобна для провоза тяжестей. В последнее время отряды наши следовали из кр. Грозной по вышеописанным дорогам в Ичкерию для разорения Веденя. Теперь этот путь служит главным сообщением левого крыла через Андийский хребет с Дагестаном.

Дорога от укр. Веденя до аула Хой, в общ. Чабирлой (29 в.).

От Веденя до аула Хой дорога пролегает на юг. Сначала на расстоянии 7 в. 231 саж., она идет по глинистому грунту Веденской поляны и подходит к р. Хулхулау, а затем, войдя в ущелье этой реки, следует левым берегом по глинисто-хрящеватому грунту до самого аула Хорочой. Далее оставя влево дорогу, идущую вверх по реке Хулхулау и через перевал г. Речола в Андию, дорога у аула Хой сначала переходит в брод речку Чей-ирзау-яхки-ал и следует легким подъемом вверх по этому ущелью, хрящеватым грунтом и частью скалами потом поднимается на хребет Цейн-берд, откуда следует по южному скату этого хребта и спускается в ущелье речки Кеасечу-ахк; здесь перейдя через деревянный мост, дорога пролегает правым берегом вниз по ущелью упомянутой речки, а далее обогнув весь западный и часть южного берега озера Эзень-ам (Ретло), подходит к аулу Хой (всего на расстоянии 21 вер. 269 саж.).

От аула Хой, приняв восточное направление, дорога на 7½ верст пролегает по хрящеватому грунту, вверх по ущелью реки Мокажой-акх и на пути следования пересекает ее несколько раз. Далее дорога зигзагами поднимается на плоский хребет Арджи-лам, где и достигает так называемого Форельного укрепления, возведенного здесь недавно.

От высоты Арджи-лам до укр. Преображенского (в общ. Технуцал), на расстоянии 14 верст, дорога идет на юго-восток; сначала она по глинисто-хрящеватому грунту, легким склоном огибает озеро Арджи-ам (Андо), откуда разработанными в скалах зигзагами, мимо аула Тандо, она незаметно спускается на волнистую долину солончакового свойства; далее пройдя аул Миарсу, дорога следует по луговой стороне левого берега р. Койсу и садами достигает укр. Преображенского (при устье речки Чайхой-хи в Койсу). Вся описанная дорога от укр. Веденя до укр. Преображенского разработана для провоза всех тяжестей; по ней следовали в 1859 году наши поиски в общества Технуцал и Андию. Путь этот в настоящее время составляет главное сообщение левого крыла и вообще Северного Кавказа с Дагестаном.

Дорога через аулы Большой Чечен, Шали, Гермен-чук, Автур, Гельдиген, Маюртуп, укр. Хоби-Шавдон и Качкалыковский хребет в укрепленный пост Куринский (60 в.).

В первый раз наш отряд прошел по этой дороге в 1819 году, под начальством генерала Ермолова. после того, в 1830 году, генерал Вельяминов делал сюда экспедицию и проложил в здешних лесах

просеки; в 1837 генерал Фези, а в 1840 генерал Галафеев. После того войска наши в этих местах не появлялись до 1845 года, когда они доходили до Шали; после же 1850 года отряды наши двигались по этой дороге часто.

Она пролегает посредине Большой Чечни. Кроме переправы через Аргун, разделяющийся у Большого Чечена на несколько рукавов, на этом пути встречаются Джалка и Хулхулау с отводными канавами: Талинк, Хомик, Искерик, а также рр. Гудермес, Гонсол и Мичик. Лес растет только у аула Автура, а в прочих местах везде сделаны просеки.

В настоящее время дорога эта утратила свое значение, как удаленная от тракта. Ее заменила от Грозной до Хоби другая, идущая через Бердыкель.

От укр. Бердыкель, через аулы Гельдигет и Курчалой мимо Маюртупа, в укр. Хоби-Шавдон.

а) От Бердыкеля до аула Гельдигена (19½ в.).

От укр. Бердыкеля, по мосту через Аргун, дорога эта направляется на юго-восток и первые 7 верст идет по широко-проложенной просеке, мимо северо-восточного мыса высоты Гой-тен-Юрт, незначительными подъемами и спусками, затем перейдя в брод топкую речку Шавдон и незначительный овражек, на 9-й версте следует по разработанному спуску, переходит также в брод р. Джалку и потом разделяется на две ветви, из коих главная идет на восток по просеке Герзелинского леса, на расстоянии 10½ верст до аула Гельдыгена. Дорога эта делает сначала незначительный подъем на высоту Чухум-барц и при незаметном склоне на 13-й версте, переходит довольно глубокий овраг Керсик-Ор, а на 17-й в брод речку Шавдонку и наконец на 19-й версте опять переходит в брод р. Хулхулау и доходит до аула Гельдиген на 19½ версте.

б) От Гельдигена до укр. Хоби-Шавдона (16 в.).

От Гельдигена до аула Курчалой на расстоянии трех верст дорога, перейдя сначала через глубокий овраг р. Талинг и несколько других незначительных овражков, пролегает по просеке, потом на 5-й версте спускается в глубокий овраг и переходит р. Хомик, после чего поворотив на северо-восток, мимо аула Маюртупа до переправы в брод р. Гудермеса, ниже впадения в нее речки Искерика, следует по открытой поляне. Далее дорога идет по той же поляне на расстоянии 7 верст до Гонсольской оборонительной башни, откуда через несколько незначительных балок, у самой башни переходит через речки Гонсол и Мичик и наконец незначительным подъемом на двух-верстном расстоянии достигает укр. Хоби-Шавдон.

Описанная дорога от Бердыкеля до Хоби-Шавдона пролегает через центр Большой Чечни, по совершенно ровной плоскости, большею частью поросшей лесом, от которого она довольно очищена во время движения по ней в последние два года наших отрядов.

В настоящее время она совершенно удобна для провоза тяжестей на колесах, за исключением переправ через рр. Шавдон, Джалку, Хулхулау, Гудермес и Мичик и некоторых других, которые весьма затруднительны, особливо в полноводье.

От укр. Шали вверх по р. Хулхулау до укр. Ведет (30 в.).

От укр. Шали дорога имеет общее направление на юго-восток, сначала, в сажнях во 100 с небольшим, переходит в брод с левого берега р. Басс на правую сторону и тянется почти перпендикулярно к реке ровною местностью, изредка поросшею небольшим кустарником, потом, оставя влево богато-населенный аул Шали, в 2-х верстах от укр. переходить также в брод речку Шавдон, извиющуюся в крутых берегах. Отсюда дорога, идя на юго-восток, на 4-й версте, с левой стороны, встречает небольшую канаву, проведенную из левого берега р. Хулхулау. Следуя далее в этом направлении по подошве отраслей хребта Маих-Басса, дорога на 6-й версте идет мимо развалин. Хорочай, входит в широкое ущелье, поросшее крупным, но редким лесом и по постепенно суживающемуся ущелью приближается к левому берегу р. Хулхулау; наконец на 42-й версте она спускается в самое русло реки. Описанная дорога от Шали до спуска ее в русло р. Хулхулау совершенно ровная; грунт земли глинистый.

Спустившись в русло с крутого берега, по весьма дурно разработанному узкому полотну в виде тропинки, дорога на расстоянии 10 верст идет по каменистому грунту в весьма крутых и обрывистых берегах, покрытых сплошным крупным лесом; потом перейдя на правый берег реки, дорога зигзагами, на расстоянии 4 верст, следует через несколько не очень глубоких балок, поросших также лесом и доходит до слияния речек Хулхулау у раз. завала, устроенного Шамилем. Пройдя это 4-верстное гористое пространство, дорога выходит на обширную луговую Веденскую поляну, обрезанную с двух сторон обрывистыми берегами истоков Хулхулау и на расстоянии 4 верст подходит к укр. Ведень. От спуска в Хулхулау до Веденской поляны дорога вьючная, а далее хотя пролегает по руслу реки ровным местом и подъема вовсе незаметно, но следует большею частью по самой воде, текущей с большою быстротою, которая местами вообще глубока, не говоря уже о полноводии.

Дорога от укр. Веденя вверх по ущелью р. Хулхулау в Анди (22½ в.).

Дорога от укр. Веденя до устья речки Чей-ирзау-ахки-ал та же, что и в укр. Преображенское (идущая через аул Хорочай). Перейдя в брод эту речку, дорога имеет направление на юг. Сначала она, при входе в ущелье р. Хулхулау на расстоянии двух верст, пролегает по левой стороне реки, нагорным берегом отходящим от высоты Хорочай-Халхора-лам, потом вступает в глубокую теснину отвесных скал, поросшую густым лесом и следуя по ней на расстоянии одной версты, переходит с одного берега на другой несколько раз, не представляя никаких затруднений. По выходе же из теснины, дорога перейдя на правый берег реки, на расстоянии 8 верст, следует также в скалистом, но обнаженном от леса ущелье, которое замкнуто хребтом Шах-басслам, отделяющимся крутым скатом от хребта Керкете; на этом пути дорога перерезывает только один безымянный ручей. Далее она переходит в брод р. Хулхулау и оставив ее влево, входит в ущелье г. Речола и следует по оному до перевала на расстоянии 4 верст; от перевала Речол до Анди дорога делает крутой спуск по плитняку на протяжении одной версты. Описанная дорога следует по хрящеватому грунту, подъема вдоль ущелья р. Хулхулау почти не заметно на пространстве 10 верст. До перевала Речол дорога совершенно удобна для следования ароб, за перевалом же могут двигаться только вьюки.

Дорога от укр. Шали через аул Автур в Гельдиген (14 в.).

Перейдя за укреплением в брод р. Джалку, дорога имеет направление на северо-восток; первые ½ версты она идет вдоль правого берега реки и через аул Шали, а далее переходит р. Шавдон и канаву, проведенную из р. Хулхулау. Отсюда до аула Автура, на расстоянии 7 верст, дорога пролегает полянами и лесом, пересекая на пути несколько небольших, но топких канавок, а у самого Автура переходит в брод р. Хулхулау. От Автура до Гельдигена (4 версты) дорога следует вдоль просеки, через небольшой овраг и далее к Гельдигену встречает небольшую канаву с крутыми берегами, которую переходит два раза. Грунт земли глинистый; дорога, кроме переправы через реки и крутые овраги, вообще удобна для колесной езды.

Дорога от креп. Грозной через разв. Топли в Умахан-Юрть (33 в.).

Первые 11 верст до бывшего аула Топли (на р. Аргун) дорога пролегает на юго-восток по открытой и ровной долине, только при Топли встречает редкий лес, потом переходит р. Аргун в брод и в одной версте от оного делает незначительный подъем. Отсюда дорога,

поворотив на северо-восток, на расстоянии 10 верст, до переправы через Джалку на половинном расстоянии встречает значительной ширины балку с отлогим спуском и подъемом; следующие 5 верст дорога следует вдоль просеки, по совершенно ровной местности и у самой р. Джалки, с правой стороны, встречает небольшой лес; далее перейдя Джалку вброд, дорога на расстоянии 11½ верст идет вдоль неширокой просеки, мимо разв. аул. Эльдырхан и Баной, на пути пересекает два шавдона и близь впадения р. Гудермеса в Сунжу переходит ее по неразработанному спуску в брод и вступает в аул, а оттуда через Сунжу в Умахан-еЮрт. Грунт земли на пространстве описанной дороги местами хрящеватый, но более глинистый чернозем. Кроме переправы через реки, дорога хороша и удобна для колесной езды.

Дорога от укр. Умахан-Юрта через Исти-су (Горячеводск) в Хоби-Шавдон (18 в.).

От Умахан-Юрта до аула Исти-су дорога идет на юго-восток, на расстоянии 15 верст. На 3-ей версте она встречает сухую глубокую канаву; перейдя через нее по земляному мосту, образовавшемуся над нею наподобие свода, и оставя аул Гудермес вправо, она пролегает по подошве северо-восточного склона Качкалыкковского хребта, между редким кустарником, имея с правой стороны на одну, а местами и более версты густой лес; с левой же стороны вдоль дороги тянется сухая канавка. На 12-й версте дорога близь аула Исти-су идет через мост и обогнув аул, переходит другой такой же мост на речке Исти-су. Отсюда дорога, пройдя 1½ версты, круто поворачивает на юго-запад и 3 версты идет вдоль просеки, довольно широкою ложбиною и легким подъемом на Качкалыкковский хребет. Перевалив через него, она входит в укр. Хоби-Шавдон. Грунт земли глинистый, дорога удобна для колесной езды.

Дорога от Исти-су через Куринский пост в укр. Герзель-аул (18 в.).

Куринский пост отстоит от Исти-су 4 версты к юго-востоку. Дорога пролегает по легкой покатости северо-восточного склона Качкалыкковского хребта, между дерезовым кустарником. Приближаясь к мосту, она имеет через овражек небольшой спуск и подъем.

От Куринского поста до укр. Герзель-аула дорога принимает почти восточное направление и на расстоянии 14 верст следует тою же покатостью Качкалыкковского хребта, между редким кустарником, пахатными и луговыми местами и пройдя мимо лежащих по правую сторону аулов Ной-беро-аул и Кош-кельды, доходит до Герзель-аула.

Грунт земли глинистый; дорога очень хороша. Путь этот между Умахан-Юртом и Герзель-аулом служит главным сообщением Сунженской линии с Кумыкскою плоскостью.

Описание дороги от Укр. Хоби-Шавдон через разв. Джугурты и высоты Кеттыш-корт в укр. Веден (42½ в.).

От Хоби-Шавдона до Ведена дорога пролегает на юг. Сначала она слабым спуском, на расстоянии 2 в. 100 саж., мимо аула Аку-Юрта, подходит к оборонительной башне, защищающей две переправы через рр. Гонсол и Мичик и перейдя обе эти речки в брод, дорога, на расстоянии 8 в. 215 саж., сначала идет по открытой местности левого берега р. Гонсола, мимо аула Бачин-Юрт, потом постепенно поднимается в гору и около одной версты проходит густым лесом; далее же следует опять открытою местностью подъемами и спусками, не затрудняющими впрочем провоза тяжестей, и подходит к разв. Джугурты. Все это пространство составляет 10 в. 315 саж.

От разв. Джугурты, оставя вправо побочную 6-ти верстную дорогу через р. Гудермес в аул Маюртуп, – главная направляется к аулу Ялхун-мохк. Первые 8 в. она идет через аул Яир-барц, по крутой местности, но легкими извилистыми подъемами и спусками вдоль просеки, вырубленной с обеих сторон на пушечный выстрел. Дорога на этом протяжении следует преимущественно по правому берегу р. Гудермеса и не доходя ½ версты до Ялхун-мохк, переходит в брод через безыменный ручей, бегущий в крутом овраге. От Хоби-Шавдона до Ялхун-мохк считается 18 в. 315 саж. Грунт земли глинистый. Дорога удобна для следования ароб.

От аула Ялхун-мохк до высоты Кеттыш-корт, дороги, пройдя 1½ в., разделяется на две ветви: одна отходит влево и на пространстве 12 в. 457 саж. до названной высоты пролегает через аул Гурдалой по гребню лесистого хребта, отходящего от высоты Кеттыш-корт просекою, которая проложена местами на ружейный, но более на пушечный выстрел. Грунт земли глинистый. Дорога хороша и удобна для вьючной езды.

Вторая ветвь проходит через аулы Эникале, Шарды-мохк, Верх, и Нижн. Курчали, также по хребту, пролегающему вдоль р. Гудермеса. Дорога эта от самой точки деления, на протяжении 17 верст, идет непрерывными спусками и подъемами волнистого хребта, большею частью обнаженного от леса; впрочем это не замедляет следование ароб до самого соединения дороги с предыдущею у высоты Кеттыш-корт.

От высоты Кетгыш-корт дорога сначала пролегает по открытой и волнистой местности до аула Тезень-кале, потом на протяжении 4-х верст круто спускается в ущелье Гудермеса, где перейдя эту реку в брод, на 3½ версты делает зигзагами крутой подъем к аулу Эрсеной и отсюда довольно удобно поднимается на высоту Эрсеной-корт. Далее, две версты, дорога следует по открытому хребту Бендук, на 3-й перерезывает хребет Декенедук, круто спускается в ущелье Хулхулау и перейдя ее в брод через крутой спуск и подъем, выходит на Веденскую поляну, а на 4-й версте входит в самое укр. Ведень. Грунт земли глинистый и каменистый; дорога удобна для провоза тяжестей на вьюках. Описанная дорога от Хоби-Шавдона до Веденя пролегает по населенной местности, – чем может похвалиться в особенности долина р. Гудермеса и ее скаты, изобилующие строевым крупным лесом, садами, фруктовыми деревьями, орешником и большими луговыми полями на отлогих ребрах гор. По ней в 1859 году двигались наши войска для взятия аула Веденя и покорения Ичкерии.

Дорога от укр. Воздвиженского до укр. Шали (17 в).

Перейдя мост на р. Аргун, дорога первые 3 версты до аула Нов. Атага пролегает на север, под крутым уступом, поросшим лесом и на таком же расстоянии следует вдоль уступа мимо разв. аула Баши-Юрт, потом поднявшись на самый уступ, она поворачивает на северо-восток и на расстоянии 5-ти верст до бывшего Шалинского окопа, идет по совершенно открытой и ровной Белгатоевской поляне. Далее на 6 верст до укр. Шали, дорога поворачивает на юго-восток и идет сначала по широкой просеке, мимо бывшего Окопа через незначительный овраг, а потом по Шалинской поляне, мимо Воронцовского кургана, через топкую Шавдонку и канавку доходит до Шали. Грунт земли до Белгатоевской поляны хрящеватый, а далее глинистый. Дорога очень хороша для колесной езды, кроме переправы через Шавдонку.

Дорога от укр. Воздвиженского в Урус-Мартан.

Дорога эта до Гойтинской переправы (просеки), на расстоянии 8 верст, идет открытой и ровной местностью, а далее соединяется с дорогой из кр. Грозной.

От укр. Воздвиженского по долине между рр. Гойтой и Аргуном пролегают еще две проселочные дороги: одна идет на северо-запад в аул Гелен-Гойта (11 в.); другая на север в быв. Алды (15 в.) Обе эти дороги следуют по местности открытой и совершенно ровной.

Из укр. Воздвиженского на юг, вверх по Аргуну, через укр. Аргунское и Шатоевское в Евдокимовское (46 $\frac{3}{4}$ в.).

От Воздвиженского до Шатоевского дорога заключает в себе 25½ в. От первого укрепления направляясь к югу, она сначала идет по равнине, имеющей легкий склон к левому берегу р. Аргуна, а в 3-х верстах ее сопровождает очень мелкий, но густой кустарник до подъема к башне. На этом пространстве, т. е. на 6½ верст, дорога пролегает по равнине и очень хороша для всякого рода езды, имея то лишь неудобство, что осенние дожди разрыхляют глинистую почву, отчего она делается очень грязною. Вышеупомянутая башня построена для обстреливания подъема, по миновании которого дорога вступает незаметным склоном в теснину, образуемую двумя хребтами, которые круто упираются своими скалистыми обрывами в Аргун⁵; в этом месте расстояние между берегами Аргуна до 8 саж. Это самое узкое место на всем течении этой реки. – От башни на расстоянии одной версты, дорога трассирована значительным уклоном в косогоре, имея с правой стороны вырубленный лес, в грунте щебенисто-глинистом и сыпучем. Потом она спускается ко второй башне, защищающей переправу через деревянный мост на р. Чанты-Аргун. На восток от моста, по старому руслу Чанты-Аргуна, дорога доходит до уступа, отделяя от себя в этом месте на ¾ версты, влево, ветвь идущую крутым подъемом в укр. Аргунское (от Воздвиженского 8¾ в.), а сама направляется к укр. Шатоевскому на юг, по правому берегу Чанты-Аргуна, частью по старому ее руслу, частью же по низменности глинистого грунта, где во время дождей бывает непроходимая грязь. Для предохранения дороги от совершенного размыва осенними дождями, она устлана хворостом, а в самых трудных местах сделаны водосточные спуски и мостики на овражках. С правой стороны дороги, Чанты-Аргун не имеет почти берегов и местами подмывает дорогу, с левой же тянется она между берегом и косогором, но которому сделана просека и вероятно со временем по ней будет проложена дорога, для устранения всех описанных неудобств. Далее, перейдя несколько незначительных оврагов и ручьев, дорога незаметно поднимается к башне. Отсюда она сначала направляется по плоской возвышенности, потом по косогору и имеет по бокам просеку на ружейный выстрел. На плоской возвышенности дорога имеет еще сырой нетвердый грунт, по причине недавней вырубki леса, а во время дождей здесь бывает непроходимая грязь. Отсюда к редуту Зонах дорога спускается незаметным склоном и далее за редутом входит в лес, имея просеку также на ружейный выстрел. Частые овраги, встречающиеся на пути, несколько не

---

⁵ При слиянии Чанты с Шаро-Аргуном.

затрудняют сообщения, потому что дорога хорошо трассирована. Грунт земли большею частью хрящеватый; местами дорога разработана в скале мягкой породы пластового известняка, а где скала представляла много затруднений в разработке, там она обойдена каменными прикладками с фашинником. От Зонаха дорога идет большею частью тесным ущельем, поросшим до самого верха густым лесом (чинаром). Не доходя $\frac{3}{4}$ версты до укр. Шатоевского, ущелье расширяется и дорога по поляне вступает в урочище Гакко к укр. Шатоевскому. От укр. Аргунского до Шатоевского дорога, исключая грязных мест, которые со временем будут исправлены, не представляет никаких затруднений для следования тяжестей; подъемы и спуски вообще не круты; грунт земли самый удобный для устройства хорошей дороге даже зимой она не может быть заносима глубоким снегом по своему закрытому положению.

От Шатоевского к Евдокимовскому колесного сообщения нет. Дорога, выйдя из укрепления, следует правым берегом Чанты-Аргуна по направлению на юг, делая спуск и крутой подъем через овраг, на дне которого протекает быстрый горный поток Верды-ахк. Далее перейдя 5 ручьев, по лесистой местности, дорога значительными подъемами и спусками доходит до моста, переброшенного через Чанты-Аргун на высоте 20 саж. над уровнем его воды; береговыми устоями моста служат отвесные скалы. Чем ближе дорога подходит к мосту, тем сильнее чувствуется запах серы; берега ручьев довольно круты; по дороге видно много следов железняка и красной глины; грунт земли преимущественно каменистый.

После переправы через мост открывается аул Башин-Кале, расположенный на скате горы. От аула вверх до Чанты-Аргуна выстроено много башен; они попадаются почти на каждой версте. Далее дорога направляется по левому берегу реки и отойдя версты три от моста, она входит в теснину, образуемую круто упершимися скалистыми берегами Чанты-Аргуна; затем перейдя 4 ручья и самый Чанты-Аргун, дорога доходит до укр. Евдокимовского. Грунт земли между Башин-Кале и укр. Евдокимовским более каменистый. На этом пространстве много земляных наносов, образовавшихся от дождей вследствие разрыхленного грунта и каменных завалов, упавших очень давно; есть также много нависших камней, угрожающих падением. Дорога очень трудна даже для вьючного сообщения.

Описание дороги от укр. Шатоевского через Шаро-Аргун в аулы общ. Чебирлой, через Андийский хребет к укр. Преображенскому (общ. Технуцал).

К востоку от укрепления Шатоевского дорога поднимается довольно круто по южному скату гребня гор Бан-дук; далее подъем постепенно слабеет и после трехверстного расстояния от укрепления делается незаметным. Отсюда дорога проведена по населенному и чрезвычайно живописному местоположению, недалеко от горного потока Верды-ахк, который с шумом стремится водопадами между скалистых берегов, поросших густым лесом. У деревни Мускали дорога отделяется от потока, постепенно приближаясь к подошве гор и пролегает по луговым местам, который окаймлены кустарником. Здесь местность обильна водою и очень удобна по свойству почвы для хлебопашества. Не доходя одной версты до аула Хали-Кале, дорога переходит через быстрый ручей и круто спускается к аулу. Вся дорога от Шатоевского до Хали-Кале, на протяжении 9 верст, кроме частых переходов через овраги и ручьи, довольно хороша; грунт земли преимущественно глинистый и чернозем.

На этом пути встречаются значительно населенные аулы с обширными кладбищами, на которых торчат множество шестов с флагами - признак, что здешние жители имели много джигитов (удальцов), павших в борьбе с нами. У аула Хали-Кале был выстроен нами временной редут. – От аула дорога две версты спускается незначительным склоном к лесистой теснине Шаро-Аргуна и одну версту проходит этой тесниной, вдоль течения по левому берегу реки, берега которой осыпные, местами скалистые, между коими быстро несет Шаро-Аргун. Через него наскоро был выстроен нашими войсками мост; козлы привязанные веревками к деревьям были непрочны, отчего мост нередко был разрушаем бревнами, которые горцы пускали по Шаро-Аргуну.

Перейдя этот мост, дорога в северо-восточном направлении начинает всходить крутым, чрезвычайно трудным подъемом, сначала по скату, а потом по хребту. На последнем дорога соединяется с другою, идущею из Аргунского укрепл., через хребет Даргендук и аул Нуй в Шаро и Шекаро. По лесистой местности дорога доходит до пункта, называемого Ленешки. Вся дорога от Шаро-Аргуна до Ленешки идет просекою; почва земли глинистая, а весною и осенью, при постоянных туманах и дождях, она бывает чрезвычайно грязна. У Ленешек был выстроен временный редут, во время занятия нашими войсками Чебирлоевского общества. Далее лес постепенно редет и, пройдя три версты от бывшего редута, совершенно прекращается, а с ним вместе исчезает почти и всякая растительность; наконец дорога легкими спусками и подъемами достигает высоты Гургей-лам (9,000

фут.). От Шатоевского до высоты Гургей-лам 23 версты. На этой высоте, где зима бывает сурова и продолжительна, а лето коротко, обильно дождями и туманами, отчего и почва всегда влажная, сообщение делается чрезвычайно затруднительным в сильно разрыхленном грунте. Даже хорошо разработанная дорога на этой высоте была бы постоянно грязна, а зимою сильно заносили бы ее метели.

На высоте Гургей-лам находился 15 Июля 1859 года один из наших отрядов; он выступил на соединение с главным отрядом, действовавшим около озера Эзен-ам, через страну почти неизвестную до того на наших картах. Дорога с высоты круто спускается в глубокую долину, окруженную со всех сторон горами, изрезанными в разных направлениях промоинами. Поэтому можно судить, что здесь дорога подвергается сильному разрушительному влиянию дождевых потоков. Перейдя незначительный ручей, дорога доходит до аула Чобях-кач и далее через пашни достигает ручья Ачалой-ахк, берега которого поросли густым орешником; спуск к речке крутой. Перейдя ее в брод, дорога круто поднимается к аулу Кулой. Отсюда изворотами и чрезвычайно утомительным и длинным подъемом по местности обнаженной от леса, но богатой кормовою травой, дорога доходит по западному склону Андийского хребта до перевала. От Гургей-лама до перевала 13 верст. На этом пространстве грунт земли большею частью сыпучий хрящ, исключая подъема на перевал, – где он глинистый. Перевал плоский, едва заметный. Это самая низкая точка на всем хребте. С перевала на северо-восток открывается долина, перерезанная ручьями в скалистых берегах и глубокими промоинами. Она образует собою Котловину, замкнутую с трех сторон высокими кряжами гор, а с четвертой перевалом. Весь покат этой котловины к Ансадоевскому ущелью, которое в свою очередь направляется к Андийскому Койсу.

С перевала дорога следует к аулу Макажой и не доходя до него одной версты, разделяется на две ветви. Первая, перейдя несколько крутых балок с ручьями каменистого ложа и косогором, доходит до Кезеной (большой аул с мечетью), далее опять косогором, но более крутым и скалистым, перейдя овраг, достигает аула Хой, где соединяется с дорогой, разработанной из укр. Ведень мимо озера Эзень-ам в укр. Преображенское. От высоты Гургей-лам до аула Хой 25½ верст, а от Шатоевского до аула Хой 48½ верст.

Вторая ветвь направляется по луговому скату, минуя аул Цикоро и несколько овражков, переходит два ручья близ дер. Тондак и входит по левому берегу Мокажой-ахк в тесное, скалистое ущелье

Ансадовское. Это сильно укрепленное природою место было еще обороняемо башнями. Дорога местами разработана в скале самими горцами и считалась самою удобною, чтобы проникнуть с запада в общ. Технуцал. По ущелью, поросшему небольшим кустарником, дорога достигает большого аула Ансадой, откуда открывается все общество Технуцал, или вся горная котловина, резко отличающаяся своим характером от окружающей местности. Котловина эта вся изрезана ручьями и сухими ложами речек в крутых оврагах; почва земли каменистая, даже местами солончакового свойства; растительность самая бедная, а где она в изобилии, там вся местность покрыта искусственными террасами, на которых туземцы сеют пшеницу и кукурузу; но за то по берегам Койсу и ручьев, в него впадающих, растительность роскошная. Здесь богатство жителей составляют превосходные фруктовые сады. Вся котловина окружена серыми скалистыми громадами; летом здесь бывают сильный жары; зимы почти вовсе не бывает.

Определив в главных чертах общий характер местности, имеющей сильное влияние на самое сообщение, возвратимся к аулу Ансадой, от которого дорога пролегает по левому берегу речки Мокажой-ахк и минуя несколько хуторов, садами и по тесному ущелью доходит до аула Миарсу. На всем этом протяжении дорога вьючная, но если ее разработать, то при всем том, что она вся в тени, она была бы удобна, не имела бы сырости и по свойству грунта и вследствие здешней сухой атмосферы. От аула Миарсу дорога частью садами, частью полянами вдоль левого берега Андийского Койсу, достигает укр. Преображенского. От укр. Шатоевского до Преображенского 36 верст.

Вся описанная дорога, исключая подъем ее на высоту Гургей-лам и атмосферных влияний, неизбежных на этой высоте, а также за исключением подъема на Андийский хребет, не представляет больших затруднений для вьючного сообщения.

Для большего удобства сообщения через Шатоевское с укр. Преображенским можно бы принять следующее направление: переправившись через Шаро-Аргун, не подниматься на Гургей-лам, а устроить сообщение вправо, по лесистому ущелью речки Келой-ахк, минуя аул Дай; этим ущельем дойти до перевала, далее подняться на незначительной высоты перевал и берегом речки, впадающей в Андийское Койсу (ущелье), дойти описанным путем до укр. Преображенского. Этот путь, кроме того, что будет иметь хороший грунт, направится по низменным местам; а зимою без труда достигнет

следующих условий: пролегая из укр. Воздвиженского через Шатоевское сквозь самые недра гор, он сравнительно с путем из Грозной через Ведень будет гораздо короче; наконец подвозка леса к Преображенскому гораздо ближе, нежели через Ведень около 20 верст, а это очень важно в стране совершенно безлесной.

Описание дороги от укр. Аргунского до аула Нуй, в Чебирлоевском Обществе (21½ в.).

Переправившись в 2-х верстах от укрепления через временный мост на реке Шаро-Аргун, дорога до самого аула Нуй вдет на юго-восток. Сначала до речки Вашиндира, на расстоянии 4-х верст, она следует по открытому нагорному берегу реки, не представляя на всем своем протяжении до этого пункта никакого препятствия для следования тяжестей, отсюда переправляется в брод по каменистому руслу этой речки, а далее, на расстоянии 3-х верст, к ручью Гамарин, проходит открытою и ровною поляною. Перейдя скалистый ручей по мосту, дорога от р. Шаро-Аргун поворачивает влево и начинает постепенно подниматься на весьма крутой лесистый хребет Даргендук. Следуя по оному вдоль узко проложенной просеки на расстоянии 9½ верст, частыми зигзагами, удобными для провоза тяжестей на вьюках, и не доходя версты две до г. Пешхой-лам, она спускается вправо по косогору, которым проходит версты 2 и перерезав на этом пути безымянный ручей, входит в аул Нуй. Грунт земли описанной дороги глинистый. Во время дождей она делается непроходимую, в особенности по хребту Даргендук.

От аула Нуй в аул Шекаро пролегает тропа, трудная для сообщения. Сначала она идет по северному скату Даргендукского хребта через аулы Ляшкерой и Багачирой (Чебирлоевского общества) лесистою и изрытою местностью и переправившись у Багачирой через речку Мужа-ахк, текущую в крутых берегах, она следует трудным подъемом до соединения с вьючной дорогой, идущей из укр. Шатоевского в общ. Технуцал и в Андию, после чего идет вдоль просеки до м. Ленешки, 6 верст. От Ленешки опять отделяется тропа и следуя густым, крупным лесом мимо аула Бусуа, круто спускается к р. Шаро-Аргуну и в версте от аула Дай переходит ее в брод. Далее дорога следует вдоль Шаро-Аргуна и оставя аул Шаро вправо, через 7 верст поворачивает к аулу Шекаро, где по показанию жителей есть серебряные руды.

По р. Аксаю имеются три дороги:

1) По левому берегу Аксая, через уроч. Мискиит, Шаухал-Берды, Шуани, Гурдали и Цонтори в Дарго.

Дорога эта известна нам с 1832 года.

2) По левому же берегу Аксяя, вправо от первой (обе эти дороги соединяются у Шуани).

По последнему пути в 1842 году следовал отряд генерал-адъютанта Граббе, но встретив здесь непреодолимые препятствия в крутой, глубоко изрытой и лесистой местности, отступил назад в Герзель-Аул.

3) По правому берегу Аксяя на Ахмет-Тала и Сая-сани в Беной.

По этому пути проходили наши войска еще в 1837 и 1839 годах.

Ш. Дороги в Аухе.

Более других здесь известны следующие:

1) Из укр. Хасав-Юрт по Яман-су и Ярык-су, 2) из креп. Внезапной через Акташ-Аух в Юрт-Аух и 3) из Юрт-Ауха в укр. Кишен-Аух.

По этим трем дорогам войска наши проходили еще в 1840 году.

Последние дороги почти вовсе нам не известны в топографическом отношении; мы не имеем под рукою даже официальных сведений ни о их направлении, ни о свойствах почвы, ни о пространстве, а потому вынуждены были ограничиться здесь весьма отрывочным их описанием, сравнительно с предыдущим.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ ТЕРЕКОМ В СУНЖЕЮ.

Горы. Реки. Дороги. Минеральные источники. Нефтяные родники. Солончаки. Список укрепленным местам по левому берегу Сунжи и внутри описываемого пространства, а также Чеченским аулам по левому берегу Терека и по Сунже.

Пространство между Тереком и Сунжою, а также и то которое идет прямою чертою между Казах-Кнчу и ст. Стодеревскою, как и вся остальная местность между этими реками до восточной границы Большой Кабарды, вообще гористо, пересечено оврагами, безводно и отчасти лесисто. На этом пространстве тянутся на довольно большое протяжение два горных кряжа, незначительной впрочем высоты; один из них идет между рр. Урухом и Ардоном и называется хребтом Кабардинским: он прорезывается рекою Тереком и затем, приближаясь постепенно к левому берегу Сунжи, принимает название Сунженского

и оканчивается крутым мысом у кр. Грозной. Другой, столь же невысокий кряж, Терекский или Надтеречный тянется между Терekom и Сунжою вдоль правого берега первой из этих рек; при устье Сунжи он представляется как бы отрезанным от оконечности лесистого хребта Качалыковского, который составляет, как мы сказали выше, крайний отрог ветвей хребта Андийского и замыкает собою с запада плоскость Кумыкскую.

Оба эти хребта по внешнему очертанию и по геологическому своему строению ничем не отличаются друг от друга: высота их, равно как и крутизна их отлогостей – одинаковы: южный склон обоих хребтов круче и короче; а северные склоны хотя также круты, но длиннее. Растительность также одинакова, с тою только разницей, что хребет ближайший к Тереку, между Старым-Юртом и Умахан-Юртом, покрыт сплошным густым кустарником, а в некоторых местах и строевым лесом. Сообщение через оба эти хребта довольно трудно для следования повозок, по причине крутых подъемов и спусков. Почва обоих промежуточных хребтов одинакова с почвою долин, лощин и отлогостей, примыкающих к Сунже и Тереку, как по свойству грунта, преимущественно глинистому, так и по своей производительности.

Реки. Северная и южная границы описываемого пространства орошаются рр. Терekom и Сунжею. Из них последняя описана в предыдущей главе. Терек же входит в настоящее описание только от ст. Стодеревской до впадения в него р. Сунжи, а потому мы здесь ограничимся только беглым описанием течения этой реки.

Терек, древняя Alonta, известнейшая река на Кавказе, вытекает из восточной покатости горы Сивераут и только по принятии в себя речки Цли, у дер. того же имени, становится довольно значительною. Она течет в юго-восточном направлении по Трусовскому ущелью (Турсо) до поста Коби, отсюда поворачивает на восток, а от Казбека прямо на север до Владикавказа. Далее приняв северо-западное направление, течет до Екатеринограда или до устья р. Малки, откуда поворачивает на восток и разными извилинами несет свои воды до устьев р. Сунжи. Правый берег его, прилегающий с северной стороны к землям Кабардинцев и общества Брагунского, есть нагорный. От устья Малки до впадения р. Сунжи, на Терекe нет постоянных бродов даже в маловодие; переправы же находятся: 1) при г. Моздоке, 2) при ст. Ищерской, 3) при ст. Наурской, 4) против ст. Николаевской, 5) у ст. Щедринской и 6) при укр. Амир-Аджн-Юрте. Кроме того, в каждой станции по Тереку имеются каюки, устраиваемые казаками для разных промышленных целей и для сообщения с противоположным берегом.

У Николаевской станицы выстроен через Терек отличный деревянный мост.

Глубина Терека на бродах от 2½ до 4 футов; на переправах же от 1 до 1½ саж. От устья р. Сунжи до г. Кизляра, Терек вообще имеет северо-восточное направление, а далее восточное до самых своих устьев; отделяя Кумыкское владение от Кизлярского уезда, он впадает несколькими рукавами в Каспийское море. Длина течения этой реки около 500 верст.

Терек принимает в себя, начиная от своих истоков, следующие реки: с левой стороны: Рез-дон, Теп-дои, Джимара-дон, Суатис, Мна, Алхояв, Анта, Гизал-дон, Ардон, Урусдон или Белую, Шегола, называемую Русскими Змейкою, Урух, Лезген, Аргудан, Дюменик, Малку и множество других ручейков, текущих между упомянутыми реками. С правой стороны: Цли, Цоцольт, Дез, Эсуком, Байдарку, Тетри-цхали, Чоухи или Сазурги, Каназис, Гудошаурва, Ах-кара-хи или Кистинку, Макаледон или Кистинку, Верх. Конкур с р. Сундон и Ниж. Конкур, Камбилейку, Ахбаш, Курп и Ачкиш.

Дороги. Из всех дорог, проложенных на описываемом пространстве, главная идет от Николаевской станицы мимо Старого Юрта на Горячеводскую станицу, мимо башен Чеченской и Нефтянской, в кр. Грозную. Расстояние этого пути 26 верст. Главное неудобство этой дороги заключается в перевале через Терекский хребет, особенно в дурную погоду.

Из кр. Грозной идут следующие дороги: 1) вверх по Сунжи через Закан-Юрт, Казах-Кичу и далее по Верхне-Сунженской линии во Владикавказ. Дорога эта пролегает по ровной и открытой местности, за исключением 5-ти верстного протяжения между Грозной и курганами Трех Братьев, где местность довольно гориста; 2) вниз по Сунжи до поста Тепли-Кичу. Дорога эта следует тоже ровною и открытою местностью; 3) пролегает между Сунженским и Терекским хребтами, по весьма широкой и ровной логовине Алхан-Чурт, обилующей привольными луговыми и пахатными местами. Главная трудность на этом пространстве (около 100 верст) состоит в том, что оно совершенно безводно до самого аула Ахлова; но не смотря на это, по ней часто провозят тяжести из г. Моздока в Грозную и в другие места Чечни (в укр.); 4) дорога идущая из Грозной через Горячеводскую станицу и по правому берегу Терека вверх до Моздока, считается также удобным сообщением для провоза тяжестей из Чечни.

Кроме этих дорог, существует еще много других – побочных, через хребты, с Сунжи на Терек. Между ними особенно замечательны:

1) От стан. Слепцовской переваливши через Сунженскгй хребет у г. Чунджирхи-корт на север, одна дорога пролегает через Магомет-Юртовскую станицу к г. Моздоку и считается главным сообщением Сунжи с Тереком, а другая следует от сказанного перевала мимо г. Горской и между горами Большим и Малым Калаусом на станицы Галюгаевскую, Ищорскую и Наурскую.

2) Дорога идущая от Казазр-Кичу через гору Могомат, долиной Алхан-Чурт на бывшие аулы Гуниш и Мамакой-Юрт, ст. Калиновскую и далее в пределы Гребенского полка.

Обе эти дороги проходят по местности гористой и перерезанной частыми и крутыми балками.

3) От кр. Грозной через ст. Горячевой окоу, Новый-Юрт, по Тереку в Брагуны и Умахан-Юрт, а также на Кумыкскую плоскость.

По этой дороге в прежнее время следовали наши войска с Сунженской Линии на Терскую или на Кумыкскую плоскость и обратно. На этом пути особенно затруднителен перевал через Терекский хребет. Не менее препятствий встречается в частых протоках между Новым-Юртом и Брагунами.

До 1840 года наши войска из кр. Грозной обыкновенно двигались этими путями на Кумыкскую плоскость, или вниз по Сунже на Умахан-Юрт, или на Чертугай, оттуда на г. Корах и далее по Терекскому хребту в Умахан-Юрт. Протяжение их считается не более 35 верст.

Минеральные источники. В северных предгорьях Кавказа и преимущественно между реками Тереком и Сунжею издавна открыты многие серные минеральные источники, о которых академик Гильденштетт, путешествовавший по Кавказу в 1770, 71, 72 и 73 годах, первый сообщил ученому свету обстоятельные сведения, дав главным из них даже особые названия.

Так как источники эти составляют природное богатство описываемой части края, то мы не лишним считаем их исчисление:

и) Мельчихи. Так Чеченцы называют речку серного свойства, находящуюся в 1½ верстах влево от дороги, идущей из креп. Грозной в Горячеводскую станицу; протекая около 10 верст, она впадает против поста Николаевского в Терек. Этот источник образуется из пяти родников, бьющих из небольшой крутой впадины, шириною в 8 сажень. Родники эти выбиваются из песчано-иловатого грунта небольшими круглыми отверстиями, соединяются вблизи своих истоков, и пройдя около 10 сажень, падают каскадами с пяти-саженной высоты, а далее текут по наклонному руслу. Теплота их воды очень

значительна; даже при Горячеводской станции и селении Старом-Юрте, лежащих двумя верстами ниже, вода столь горяча, что нужно по крайней мере несколько часов, чтобы она остыла для обыкновенного питья. Чем далее течет, тем более вода теряет теплоту, хотя и при самом впадении в Терек еще не совершенно охлаждается. Речка Мельчихи многоводна и быстра.

2) Шельчихи. Под этим именем известен горячий минеральный источник кислосерного свойства. Он берет свое начало влево от дороги, идущей из кр. Грозной в ст. Горячеводскую и в одной версте на юго-восток от речки Мельчихи. Сначала он течет на восток две версты по оврагу, потом 6 верст логовиною и через 3½ версты, приняв направление на восток по склонению Терека, обтекает с правой стороны аул Ново-Юрт и удалившись от него на 1½ версты, впадает в Терек. Шельчихи составляется из двух горных родников, текущих в небольшой балке.

Из ключей Мельчихип и Шельчихи образуется теплица, известная под названием Св. Екатерины.

3) Брагунский горячий минеральный источник. Он выходит из г. Бурыкол и до самого впадения течет на север. Брагунский источник составляется из родников, бьющих на небольшой покатости из глинистого грунта. Самый ручей изобилует водою и имеет быстрое течение. Воды эти были известны еще Петру I; в 1717 году, по именному его повелению, они исследованы доктором Шобером, который назвал их Петровскими и составил краткое им описание, напечатанное в 4-й части сочинения: «Sammlung Russischer Geschichte». Эти исследования Шобера побудили Гильденштета, по Высочайшему повелению, вновь исследовать как Петровские, так и другие, в соседстве их находящиеся воды. Оказалось, что они вовсе не имеют тех свойств, какие им старался приписать Шобер.

В полуверсте от описываемого источника находятся следы четверугольного земляного укрепления с бастионами, еще и теперь замечательными по своей высоте. Укрепление это, по рассказам Брагунских старожилов, построено князем Потемкиным во время управления его Кавказскою Губернию (1782-1787) и разорено по случаю бывшего тогда восстания Чеченцев.

4) Серный горячий источник, вытекающий из г. Кокон-кол. Длина течения его 5 верст; не доходя речки Нефтянки, он теряется в камышах.

5) Серный источник, берущий начало выше аула Мамакайского. Длина течения его около 4 верст; он впадает с левой

стороны в Нефтянку. Оба последние родника названы теплицами Св. Павла.

б) Горячий минеральный источник, берущий начало на восток от бывшего Преградного стана и в двух верстах выше Казах-Кичу впадающий в Сунжу. Он принимает с правой стороны небольшой ручей соляной воды, вытекающий из г. Мысырхи.

Немного выше родников, видны остатки каменного строения, длиною в две, шириною в $1\frac{1}{2}$ саж. Судя по тому, что в настоящее время некоторые ключи обложены каменником, можно заключить, что строение это было возведено для приезжавших пользоваться здешними водами.

Гряда гор, из которой все названные источники берут свое начало, состоит из покрытого илом точильного камня и песчаника. Самая большая высота этих гор над поверхностью Терека не превышает 4000 футов. Выше всех других лежат Екатерининские воды: они имеют почти среднее положение между вершиною гор и поверхностью Терека, ибо на самой их вершине барометр, по свидетельству Гильденштета, показывал 26 дюйм. Парижской меры, при Екатерининских водах 20 д. 6 л., а на берегу Терека 26 д. 11 л. В то же время Реомюров термометр поднимался до 23° выше нуля.

Некоторые из описанных источников, как напр. Павловские, имеют один ключ, а другие: Св. Петра и Св. Екатерины, несколько; они отстоят не более 100 шагов один от другого.

Из трех ключей, находящихся в значительном друг от друга расстоянии, Гильденштет дает тому, который впадает в Терек, название западного, в Сунжу – восточного, а последнему, образующему небольшое озеро, – среднего. Таким же образом он разделил и воды Св. Екатерины на восточные и западные.

О физических свойствах и химическом составе у помянутых вод Гильденштет говорит, между прочим, следующее: количество воды и степень теплоты в этих ключах неодинаковы. Западные Екатерининские ключи обильнее других водою: они дают от 276 до 300 медицинских фунтов в час; западные, Св. Петра, мало им уступают; остальные же, не смотря на то, что бьют постоянно в течение целого гола, водою гораздо беднее предыдущих.

Ключи, которые обильнее других водою, имеют и большую степень теплоты. Она достигает в них до 71° Р. Теплоту эту они сохраняют при всех переменах в атмосфере. Восточные Екатерининские воды имеют в источниках свою различную теплоту: от 50° до 60° .

Все эти воды даже при охлаждении своем чисты и прозрачны. Вкус и запах в них серные, но при охлаждении это качество совершенно исчезает, так что если взять из теплиц воды и продержать ее одни сутки в открытом сосуде, то ее с трудом можно отличить от простой, но не совсем свежей воды. Кроме того Шобер приписывает этим водам запах и вкус нефти, но Гильденштет не признает в них этого свойства, хотя некоторые из близь лежащих источников и заключают в себе много нефти.

При разложении этих вод открыты сера и щелочная соль. Некоторые родники заключают в себе в большом количестве известь, так что на один фунт воды приходится 3 грана извести, что особенно относится до западных Екатерининских и Петровских вод.

Подробное физическое описание этих вод и химического их состава находится в изданном академиком Палласом сочинении: D. Johann Anton Güldenstädt's Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St. Petersburg. 1787. 4°. Th. 1 S. 198-207. Оно было напечатано и на русском языке в Календаре на 1777 год.

Нефтяные родники. По правую сторону реки Нефтянки, в балках северного полуската г. Мягкин-дот находятся в двух местах родники черной нефти, в окруженных плетнем ямах, имеющих глубину от 1½ до 2 аршин. Немного повыше, близь холодного родника имеются пять подобных же ям, а ниже еще четыре из них добывается нефти до двух бочек в месяц.

Солончаки. В уроч. Калаус, лежащем на северном скате Терского хребта, находятся две балки: одна на юго-восток, а другая почти на юг, имеющие солонцоватый грунт, отчего скопляющиеся здесь воды получают вкус соленый. На запад отсюда находится еще балка, называемая Шиван и имеющая тоже свойство.

В заключение приводим список укрепленным местам по левому берегу Сунжи и внутри описываемого пространства, а также Чеченским аулам по правому берегу Терека и по Сунже.

Все население над-Суюкенских аулов составляло в 1850 году до 1140 д. муж. п. и до 1170 д. жен п., а всего 2310 д.

Кроме вышеназванных аулов, между Сунжею и Терекком и прямою чертою между Казах-Кичу и ст. Стодеревскою до 1840 года находилось еще много аулов, ныне не существующих, а именно: а) между Казах-Кичу и Закан-Юртомъ: Албури-Юрт, Нижн. Самашки, Верх. Самашки и Галой-Юрт; б) между Закан-Юртом и кр. Грозной: Большие Кулары, Малые Кулары, Алхан-Юрт и Амир-Хан-Кичу; в) между креп. Грозной и Умахан-Юртом: Шаты-Юрт, Назыр-Юрт,

Атчиха, Чертугай, Тепли-Кичу и Мачик-Юрт. Сверх того близь минеральных источников Св. Павла находились аулы Мамакай-Юрт и Гуниш.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЧЕЧЕНСКИЕ ПЛЕМЕНА.

Назрановцы. Карабулаки. Галашевцы. Джерахи. Кисты. Галгаевцы. Цоринцы, Аю или Акинцы. Пиехой или Шопоты. Шубузы или Шатой. Шаро или Киалал. Джан-Бутри. Чабирлой или Тадбутри. Ичкеринцы. Качкалыки. Мичиковцы. Ауховцы. Чеченцы Терекские и Сунженские. Брагуны. – Вера. Духовенство. Язык. Характер и быт Чеченцев. Земледелие, скотоводство, промышленность и торговля. Раздаение народа на классы и отношения их между собою. Лаи и ясиры. Управление. Адат и Шариат. Право канлы или кровомщение. Отношения отца к детям и обряд сватовства. Отношения мужа к жене. Право наследства. Духовные завещания и опека. Подробности суда и расправы по адату и шариату. Обряд суда по адату. Какие дела и преступления рассматриваются адатом? Определение адата. Изменение адата в отношении женщин. Обряд суда по шариату. Определения Шариата. Восстание Чечни и призвание Шамиля. Меры, принятые Шамилем к упрочению своей власти. Мюриды. Управление и раздаение Чечни на наибства и округа. Военные постановления. Награды. Доходы. Заключение.

Изучение народностей, населяющих Кавказ, составляет одну из тех важных и трудных задач филологии, решение которой может достойно занять всех истинных ревнителей науки, с целью объяснить темные стороны минувшей истории Кавказа, а равно изучить типические особенности его разнообразного населения. Еще древние писатели чувствовали трудность этой задачи и, рассматривая вопрос о том, какие именно племена первобытно населяли Кавказ, сознавались в несостоятельности разрешить его по причине частых передвижений разных народов из Азии в Европу и обратно. Все доводы их по сему предмету основывались на одних лишь правдоподобиях и вероятностях, которые не могут заменить фактов, особливо в наше время, когда приемы науки обуславливаются строгим анализом. Но Кавказ, более всякой другой горной страны, всегда был известен иностранцам разнообразностью своих племен и множеством языков. Греческие и Римские географы насчитывали до 300 наречий только между горцами,

приходившими по торговым сношениям в Диоскур (Dioscurias), где находилось складочное место разных изделий для сбыта диким народам Кавказаб. Это же самое дало Арабам повод назвать Кавказ «Горою языков.» О многочисленности племен, обитающих на Кавказе, упоминают еще Геродот и Страбон. Последний определяет число их до 70, присовокупляя, что каждое племя жило отдельно, не входя в сношения и не зная языка своих соседей. Мы могли бы привести иного и других сказаний в этом же роде, но чтобы не отдаляться от прямой цели настоящего нашего труда, мы ограничимся указанием, что, как дознано современными наблюдениями и более или менее непосредственным изучением Кавказа, в главе разнообразных племен, населяющих его горы, должно быть поставлено Чеченское племя; но составляет, так сказать, ядро, тип большей части горного населения, занимающего страну, которая известна под общим названием Чечни.

Вот беглый перечень племен, населяющих в настоящее время Чечню:

1) Назрановцы. Они занимают низменные места, орошаемые рр. Камбилейкой, верхнею Сунжею и Назрановкою и по течению этих рек до впадения реки Яндырки в Сунжу и по Тарской долине.

Племя Назрановцев по образу жизни и по нравственным качествам ничем не разнится от остального населения Восточного Кавказа. Благодаря географическим условиям обитаемой им местности, оно всегда отличалось особенною к нам преданностью, так что во время общего восстания Чеченцев, Назрановцы отвергли все предложения возмутителя Бейбулата и остались нам верны. Таким же образом они поступили и при возмущении Кази-Муллы в 1837 году.

2) Карабулаки (от слова кара – черный и булак – источник). Они занимают равнину, орошаемую реками Ассою, Сунжою и Фартангой, по течению которых и расположены их аулы.

О Карабулаках упоминает Гильденштег⁷, говоря между прочим, что они платили Аксайским князьям дань и что в 1772 году у них были взяты в Кизляр аманаты.

3) Галашевцы. Они живут по рр. Ассе и Сунже. В 1851 году общество их заключало в себе 30 аулов, 395 дворов, 1139 д. м. н., 992 д. ж. п., а всего 2131 д.

---

⁶ Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. etc. etc. Par M. Vivien de Saint Martin. Paris I b. 1847, P .98.

⁷ D. Iohann Anton Guldenstadt's Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge. St. Petersburg. 1787. 4°. S. 482-483.

Южная часть этого общества мало населена и покрыта сплошным лесом; северная, напротив того, безлесна и более населена.

4) Джерахи. Они живут по обоим берегам Макалдона.

5) Кисты. Они разделяются на ближних и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона, притока Терека, а последние по ущельям р. Аргуна.

Общество дальних Кистин заключало в себе в 1851 году 21 аул, 402 двора, 1620 д. м. п., 1647 ж., а всего 3267 д.

Общество ближних Кистин сосредоточивается в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от главного Кавказского и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого впадает в Терек и р. Кистинка. В этом обществе в прошедшем году считалось 32 аула; они большею частью расположены по берегам р. Кистинки. Самый большой аул состоит из 20 дворов.

6) Галгаевцы. Они обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба-чочь, между Кистинами, Цоринцами и Акинцами.

7) Цоринцы. Обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. В 1851 году общество это состояло из двух больших и трех малых аулов, заключавших в себе 87 дворов, 390 д. м. п., 384 ж., а всего 774 д.

8) Ако или Акинцы. Аулы их расположены по обоим берегам рр. Ассы и Сунжи, между Галгаевцами и дальними Кистами в верховьях р. Гехи, притока Сунжи.

Это небольшое общество, состоявшее в 1851 году из 10 аулов и 270 дворов, занимает местность сравнительно более благоприятную по природным условиям; это видно из того, что в летнее время большая часть табунов и стада Малой Чечни пасутся на богатых травянистых горах этого общества, а в особенности около аула Ялхорой, где есть соляное озеро. Акинцы по образу жизни более пастухи, номады, чем воины...

Из Акинских фамилий важнейшие по влиянию на общество известны Такиловы и Аслануковы.

9) Пшхой или Шопоти, около истоков р. Мартан.

10) Шубузы или Шатой, по р. Аргуну.

11) Шаро или Киалал, по верховью Шаро-Аргуна.

12) Джан-Бутри и

13) Чабирлой или Тадбутри, по р. Аргуну.

Об этих обществах, сделавшихся доступными только в прошедшем году, мы еще не имеем никаких сведений.

14) Ичкеринцы, обитают по верховьям рр. Аксай и Хулхулау.

15) Качкалыки, живут по северному скату Качкалыкского хребта, где они поселились с дозволения Кумыкских князей, которым платили дань.

16) Мичиковцы, обитают по р. Мичик.

17) Ауховцы, – по верховью рр. Акташ и Ярык-су.

18) Чеченцы Терекские, – по берегу р. Терек.

19) Чеченцы Сунженские, составляющие Большую и Малую Чечню, обитают по р. Сунже, между рр. Аргуном, Гудермесом и Ассою.

20) Чеченцы Брагунские, обитают на правом берегу Терека, при впадении в него Сунжи.

Брагуны, по некоторым рассказам, вышли из Крыма и появились лет 300 тому назад в Кабарде, а отсюда вытеснены были в Чечню и за пределы Кумыкской плоскости.

Вот исчисление всех племен, на которые принято делить Чеченцев. В строгом же смысле деление это не имеет основания. Самим Чеченцам оно совершенно неизвестно. Они сами себя называют Нахче, т.е. "народ" и это относится до всего народа, говорящего на Чеченском языке и его наречиях. Упомянутые же названия им были даны или от аулов, как Цори, Галгай, Шатой и др., или от рек и гор, как Мичиковцы и Качкалыки. Весьма вероятно, что рано или поздно все или большая часть приведенных нами имен исчезнут и Чеченцы удержат за собою одно общее наименование.

Вера. Жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и встречающиеся в этой стране развалины древних храмов, некогда исповедовали Христианскую веру.

На вершине горы Матхох у Кистин (ближних) есть три памятника, которые они называют церквами; в одном из них празднуют Св. Георгию, в другом Божией Матери, а в третьем Св. Марине. Все эти здания обращены фасадом на восток. Внутри, кроме навешанных по стенам и наваленных в беспорядке на полу турьих, бараньих и оленьих рогов, да нескольких значков и стаканов, ничего нет. Места эти глубоко чествуются окрестными жителями и на празднества их ежегодно собираются 5 июля даже из дальних обществ. Праздник сопровождается резанием баранов, туземными играми, песнями и плясками и это продолжается несколько дней.

У Галгаевцев, близь аула Хойры, известна старинная церковь, называемая Каба-Ерды и основанная, по мнению некоторых, во времена царицы Тамары или Русуданы, в XII веке. Церковь эта в большому уважении у жителей; два раза в год, на Пасху и в Троицын

день Галгаевцы собираются около церкви, делают жертвоприношения, бьют быков и баранов, спрыскивая их кровью стены и помост и прибывая головы жертв к сенам церкви, после чего бывает джигитовка и пиршество.

Независимо от этих памятников старины, свидетельствующих, что Христианство некогда было распространено между Чеченцами, на языке их существует много выражений и собственных имен, по которым можно подтвердить эту догадку и возвести ее до степени факта, не подлежащего сомнению. Но оно было со временем подавлено по случаю введения исламизма в горах Кавказа.

Ислам водворился между Чеченцами не далее начала прошедшего столетия. В настоящее время все Чеченцы принадлежат к суннитскому толку Шафиэ, за исключением одного Брагунского общества на Сунже.

Духовенство. До Шамиля духовенство в Чечне далеко не пользовалось тем значением, каким оно вообще пользуется на мусульманском Востоке. Стоя по образованию выше народа и имея в своих руках всю судебную власть, оно там имело всегда сильное влияние на общественное управление. В Чечне же, жители которой всегда были плохими мусульманами и где обычай и самоуправство решали почти все дела, духовенство не имело подобного влияния. Ничем особенным не отличаясь от толпы, оно пришло в упадок и до появления Шамиля было бедно и невежественно; во всей Чечне не было ни одного ученого и молодые люди, возымевшие намерение посвятить себя изучению арабского языка и корана, отправлялись с этою целью в Чиркей, в Акушу или Казикумух. В знании грамоты заключалось единственное преимущество, какое имели Чеченские муллы над своими прихожанами; оно доставляло им некоторое уважение в народе, потому что они, как грамотные люди, были необходимы при составлении разных письменных актов. Особыми же правами, как мы сказали выше, они не пользовались и находились в полной зависимости от мирян. При вступлении в духовное звание не соблюдалось никакого обряда, каждый аул выбирал себе кого-нибудь из грамотных и назначал его своим муллою. Круг деятельности муллы был очень тесен и большую часть времени он мог посвящать торговле и хлебопашеству, получая, по примеру всех мирян, известный участок земли. Особенных доходов, предоставленных мухаммедамскому духовенству, муллы в Чечне не получали. В таком положении находилось Чеченское духовенство до водворения власти Шамиля.

Из среды мулл избирались кадии. Звание это не совмещало в себе какой-либо высшей степени в духовной иерархии и не предоставляло ему никакой власти над прочими муллами. Кадий был не что иное, как доверенное духовное лицо, которому предоставлялось пред прочими муллами исключительное право разбирательства по шариату случающихся в его околке тяжб, составление письменных актов и вообще все гражданские дела, в которых допускалось вмешательство духовенства. Впрочем кадиев в Чечни было немного, потому что избрание их требовало от жителей единства, которое трудно было установить между ними.

Язык. Чеченским языком говорят: а) жители горной Ичкерии, т. е. племена, поселившиеся в верховьях Аксяя, б) жители Большой и Малой Чечни, и в) переселенцы из Ичкерии и Чечни, как напр., аулы на Качкалыкской плоскости. К языку Чеченскому принадлежат также наречия Ауховских обществ (верховья Акташа, Ярык-у и Яман-су). Между этими наречиями и языком Чеченским существует такое же различие, как между языками Русским и Малороссийским.

Характер и быт Чеченцев. Наружность Чеченца вообще довольно благообразна: он стройно сложен, приемы его отличаются живостью и проворством. Одежда его состоит из чекмени, обыкновенно желтого или серого сукна собственного изделия, бешмета или архалуха, который бывает разных цветов, но летом преимущественно из белой материи; суконных ноговиц и чирики – род башмаков, без подошв. Нарядное платье обшивается узким позументом, который горцы делают сами довольно прочно и красиво. Женский костюм почти ничем не отличается от костюма татарок: голову они также повязывают длинными белыми платками, но покрывал (чадр) не носят и не прячутся от мужчин.

Несмотря на то, что Чеченцы вышли из первобытного грубого состояния и ведут оседлую жизнь, нравы их все еще находятся на степени полудикости. Жестокость, корыстолюбие, недоверчивость и мщение составляют преобладающий элемент в характере Чеченца; но за всем тем, он не чужд и добрых качеств. Так он всегда чтит права гостеприимства. Если странник, даже и незнакомый, проездом остановится у Чеченца на ночлег, то хозяин не преминет в честь гостя зарезать одного или несколько баранов; зажиточный Чеченец не пожалеет даже рогатого скота, разумеется смотря по важности проезжающего и по числу сопровождающих его людей в качества свиты, конвоя, или товарищей. Чеченец обязан проводить своего гостя до безопасного места или передать другому Чеченцу и вообще

заботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограблен, оскорблен или убит вследствие нерадения Чеченца, или невыполнения им обязанностей гостеприимства, то он подвергается остракизму всего общества до тех пор, пока нанесенная его гостю обида не будет им отомщена. Остракизм выражается следующим оригинальным образом: на дворе виноватого насыпают бугор, который он разумеется сносит днем, но в следующую ночь делается тоже самое и это до тех пор, пока он не смоет с себя пятна за оскорбление гостеприимства⁸.

Вообще обычаи Чеченцев мало разнятся от обычаев других горских племен.

Чеченец умерен в пище и способен переносить все лишения. Чурек, пшеничная похлебка, шашлык, кукурузная каша – вот вся его пища.

Чеченцы, обитающее на долине, живут большими аулами; дома у них турлучные, – внутри чисто, опрятно и светло. Они снабжены окнами без рам, но со ставнями, для защиты от холода и северных ветров, почему и двери обыкновенно обращены на юг или восток. Эта сторона дома обнесена навесом, чтобы дождь не проникал во внутрь и для прохлады летом. Комнаты нагреваются каминами, а хлеб пекут в особо устроенных на дворе круглых печах. В каждом доме есть особое отделение для гостей, называемое кунацкою. Оно состоит из одной или нескольких комнат, которые всегда содержатся в чистоте. Здесь, в кунацкой, хозяин проводит целый день и только к вечеру возвращается в семейство. Каждый дом имеет особенный двор, огороженный плетнем.

У горных Чеченцев, живущих в верховьях Аргуна, где в лесе чувствуется большой недостаток, дома каменные. Чеченцы населяющие верховья Аргуна живут гораздо неопрятнее и беднее.

Чеченцы вообще склонны к праздности. Женщины, напротив того, трудолюбивы: на них лежат все хозяйственные заботы. Они же ткнут сукна для домашнего обихода, делают ковры, войлоки, бурки (только у горных Чеченцев), на мужчин шьют платья и обувь.

В образе жизни между зажиточным и бедным Чеченцем почти нет никакой разницы: преимущество одного перед другим выражается отчасти в одеянии, более же всего в оружии и лошади.

---

⁸ Примечание. Если бы Чеченец совершил что-нибудь дурное, напр. прижил дитя с родственницею, или обидел кунака, то курган делают не всегда перед его саклею; иногда он насыпается близь места, где ежедневно собираются жители аула для беседы и совещаний.

Земледелие, скотоводство, промышленность и торговля. Верхне-Аргунские Чеченцы мало занимаются хлебопашеством и не имеют достаточно хлеба для собственного прокормления; они получают хлеб, соль и другие жизненные предметы от жителей нижних аулов, которым местность более благоприятствует к хлебопашеству, но и там оно не очень развито. Тоже самое можно сказать и о скотоводстве. Обитатели низменных аулов в обмен на свой хлеб получают мед, воск, шерсть, грубые сукна, ковры домашнего, незавидного рукоделья, звериные шкуры, бурки, сафьян из козловых шкур и т. п. Чеченцы, живущие на плоскости, в свою очередь все это отпускали мирным Кизлярским промышленникам, которые для меновой торговли стекались в аулы мирных Чеченцев и привозили с собою холст, грубые бумажные материи, получаемые из Персии, нанки, ситцы, бумажные платки, низшего разряда шелковые материи, железо, соль, медную посуду и т. п.

До 1840 года главная промышленность мирных Чеченцев особенно Сунженских и Терекских, состояла в продаже леса. Они готовили зимою плоты строевого и дровяного леса и сплавляли их в половодье по Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра, где их собиралось ежегодно от 500 до 800. За каждый плот в тогдешнее время платили от 30 до 50 р. с, что в общей сложности составляло около 2,500 руб. сер. Не менее важную отрасль промышленности мирных составляла доставка в Кизляр, богатый виноградными садами, таркалов (колья, коими поддерживаются виноградные лозы). Их ежегодно привозили от 5,000 до 6,000 ароб, продавая каждую от 3 до 5 р. Кроме того Чеченцы выручали хороший доход от продажи обручей и бочарных досок; за 1,000 штук таких досок платили около 30 р. с. и их доставляли в Кизляр в весьма значительном количестве. Сверх того Чеченцы осенью отправлялись в Кизляр и нанимались для работ в садах. Впрочем, число таких было незначительно.

Все сказанное о промышленности и меновой торговле относится к Чеченцам, обитавшим, как мы сказали, до 1840 года по Тереку и Сунже; остальные жили слишком далеко и не имели тех средств сбывать свои произведения; они получали все им нужное через Армян и других промышленников, иногда через третьи или четвертые руки.

Вот в нескольких словах все, что мы знаем о промышленности малой части обширного Чеченского населения. Большая же часть его, занятая в продолжении почти двадцати лет войною с нами, естественно не имела возможности развить свои производительные силы. Но ныне,

с покорением и умирением всего восточного Кавказа, конечно не замедлит наступить для Чеченцев новая эра жизни, которой суждена самая светлая будущность. Мирная гражданственность разовьется в их стране, одаренной естественными богатствами, которые не могли развернуться под влиянием вековой бранной тревоги – и в стране, где кровь лилась рекою, пройдет с плугом мирный селянин и тишина и довольство водворятся в недрах доселе неугомонного Кавказа.

Разделение народа на классы и отношения их между собою. Общественный быт Чеченцев отличается в своем устройстве тою патриархальностью и простотою, какие находим в первобытных обществах, до которых еще не коснулась современность ни одною из своих разнообразных сторон гражданской жизни. У Чеченцев нет тех сословных подразделений, которые составляют характер обществ, европейски организованных. Чеченцы в своем замкнутом кругу образуют собою один класс – людей вольных, и никаких феодальных привилегий мы не находим между ними. Мы все уздени, говорят Чеченцы и это выражение должно понижать в смысле людей, зависящих от самих себя. Но в массе коренного народонаселения время от времени образовался немногочисленный класс личных рабов; его составили военно-пленные, постоянно захватываемые Чеченцами во время наездов. Хотя состояние всех их в сущности ничем не разнилось, однако же их стали подразделять на два разряда: лай и ясир. Последние отличались от первых тем, что судьба их была не совсем определена: ясир мог быть выкуплен и воротиться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение и религию, делался неотъемлемою собственностью своего господина. Положение лаев в Чечне со временем превратилось в то безусловное рабство, какое существовало в древнем мире. Лай почитался, в полном смысле слова, вещь своего господина, который имел над ним безграничную власть. Лай мог быть продан, наказываем по произволу, лишаем жизни по прихоти своего господина. Таким образом сословие лаев было совершенно бесправное и оно могло образоваться только в стране, не обеспеченной никакими почти законами, где каждый коренной обитатель считал сам себя господином полноправным.

Если иногда случалось, что лай от страха жестокого наказания покидал своего господина и прибывал под защиту другого более сильного, или уважаемого человека, то последний давал ему приют в своем доме, под условием принять на себя роль почетного посредника между угнетенным и угнетателем. Он уговаривал, последнего смягчить наказание или вперед поступать милостивее и получивши в том

обещание, отпускал лая обратно к нему. Впрочем защитник лая не мог удерживать его у себя против воли хозяина, из опасения навлечь на себя преследование за нарушение права собственности.

Не смотря на безвыходное положение, в котором находились лай, рабство не считается у Чеченцев постыдным. У них вошло в обычай отпускать рабов на волю⁹ и в таких случаях дети отпущенника пользовались правами вольных туземцев. Этого мало: сам отпущенник со дня своей свободы поступал тотчас в класс вольных и делался равен с ними. Правда, он не имел ни того веса, ни значения, потому что в Чечне как и в Дагестане, то и другое обусловливается многочисленностью родства; отпущеннике же, как лицо изолированное предшествующими обстоятельствами, едва ли когда либо мог рассчитывать не только на обширное, но и на какое-нибудь родство; а потому, благодаря своему одиночеству, он мог быть обижаем и притесняем; поэтому он, пользуясь личной свободой, не покидал своего бывшего господина, брал в замужество одну из дочерей или родственниц его и навсегда водворялся при нем, как член его семейства.

Управление. В племени Нашихэ, колыбели Чеченского народа, как повествует предание, люди не имели до принятия ислама никакой религии и не признавали над собою высшей сверхъестественной власти. В прежнее время, говорят Ичкерские старожилы, когда народ Чеченский был еще малочислен и жил в горах Ичкерии и по верховью Аргуна, все тяжбы судились стариками; старики были в то время умные, жили долго, знали многое и всегда решали по правде, по своему разумению, не руководствуясь никаким законом. Но так как они не имели в своих руках никакой исполнительной власти, то решения их, основанные на здравом уме и совести, хотя и были справедливы, но не всегда приводились в исполнение, а уничтожались часто по произволу, – т. е. платилось кровью за кровь, обидой за обиду.

Дела касавшиеся до целого аула обыкновенно решались на сходках, куда собирался весь народ и на которых свободно говорил всякий, кто что знал. Подобные сходбища для Чеченца, как вообще для всякого горца, были одним из любимых препровождений времени, а потому они составлялись очень часто. Обыкновенно один из жителей,

---

⁹ Примечание. При отпуске раба на волю у Чеченцев соблюдались следующие формальности: его снабжают письменную отпускную, которая составляется кадием при двух свидетелях, при чем отпускные деньги вручаются кадию, который уже сам передает их господину. Отпущенник называется азатом, т. е. свободным.

желавший сообщить свое мнение или объявить какую-нибудь новость, всходил на крышу мечети или своей сакли и громогласно сзывал к себе жителей аула. Сбежавшаяся толпа выслушивала его и если объявленное им заслуживало внимания, то начинались беседы и толки, более или менее оживленные.

Так жили и управлялись одноаульцы. Что же касается до общего народного управления, то между Чеченцами, со времени образования Кавказской линии и заселения Ставропольской губернии, а именно с половины XVIII столетия, не существовало почти никакого единства. По этому-то Чеченцы долгое время находились в зависимости от Кабардинских и Кумыкских князей. Но еще в то время, когда они распространились до Сунжи и Терека и когда предались буйному своеволию, они потеряли прежнее уважение к своим старейшинам. Однако же происшедший от того беспорядок по внутреннем управлении вскоре им до того наскучил, что они с общего согласия положили послать в Ичкерия просить у тамошних стариков совета для водворения порядка. Ичкеринцы, в то время уже мусульмане, затруднялись удовлетворить просьбу своих единоплеменников; многое, предписываемое кораном, не согласовалось с их обычаями; многое, допускаемое обычаями, противоречило учению Могомета. Наконец, после многих совещаний, было решено согласовать народные обычаи с догматами корана, где это оказывалось возможным, не слишком впрочем затрагивая свойственного народу разгула и самоуправства, обратившегося в его любимую стихию. Таким образом произошел адат. Впоследствии он много утратил от соприкосновения с влиянием Русской власти, а с другой стороны возникшее в Дагестане учение мюридизма, совершенно изменив прежние условия общественного быта, утвердилось в Чечне надолго.

И так у Чеченцев введено было законодательство, составленное из двух противоположных элементов: Шариата, основанного на общих правилах нравственности и религии, заключающихся в коране и Адата, на обычаях народа младенческого и полудикого. Адат распространялся и усиливался всякий раз, как шариат приходил в ослабление и наоборот адат падал и был отменяем каждый раз, когда шариат находил ревностных проповедников и последователей.

Так, когда религиозное учение, деятельно распространяемое поборниками корана, выдававшими себя за апостолов исламизма, привело народ к мысли восстановить в делах суда и расправы основной

закон мусульман – шариат, когда в 1832 году Кази-Мулла, один из ревностнейших последователей этого учения, с многими приверженцами возбудил горцев к объявлению неверным казавата или религиозной войны; тогда он, а впоследствии преемник его Шамиль ввели в суд и расправу между горцами законы Шариата, как основания более прочные для приобретения власти над народом и удержания его в том повиновении, какое необходимо было для осуществления предприятий казавата. Но и тут, сознавая шаткость понятий горцев, их огрубевший в вековом невежестве нрав и дикую свободу, не легко поддающееся влиянию религии, а следовательно и законам Шариата, Шамиль заменил казни, определенные Шариатом, денежным налогом. Это более совпадало с духом народа, привыкшего к адату, установления которого образовались именно для тех случаев, где народ по своему быту и вольности не мог судиться так, как установлено в коране, а охотнее подчинялся суду и расправе по обычаям, переходившим в среду их из века в век.

Чтобы составить себе ясное понятие о законодательстве у Чеченцев, надобно рассмотреть тот порядок в условиях жизни общественной, который существовал в Чечне еще до завоевания нами этого края и до утверждения в нем власти Шамиля. А потому мы сделаем очерк общественного устройства Чечни до появления здесь Шамиля. Мы избираем это время для того, что оно представит нам сравнительно более верную картину первоначального общественного быта горцев, не потерпевшего еще резкого изменения под деспотическим влиянием или под гнетом мюридизма.

В гражданственности горцев, стоящей на весьма низкой степени, само собою нет той определительности в правах, которая замечается у несколько образованных народов. Адат можно назвать первым звеном соединения человека в общество, переходом его от дикого состояния к жизни общественной. Человек, соединяясь в общество, старается оградить себя от произвола, изыскивает необходимые для того условия и создает правила, на которых могла бы покоиться жизнь общественная; но правила эти, как и все устанавливаемое человеком в период его младенчества, не прочны и по неимению письмен, существуют в одних лишь преданиях; в них человек как бы боится подчинить себя определенным узам закона, а потому и исполнительной власти в адате почти не существует, штрафов и наказаний за преступления никаких нет, а если и есть, то весьма слабые. Вообще можно сказать, что суд по адату есть суд посреднический, лишенный большею частью средств понудительных;

решетя его исполняются, если на то есть добрая воля судившихся, – пренебрегаются, если одна из сторон находит их слишком невыгодными для себя. Тут последняя граница закона и гражданского порядка и первый переход к личному самопроизвольному праву. Там где закон бессилён, каждый получает обратно природное право мстить за обиду и по своему усмотрению наказывать своего врага, или обидчика – и вот где кроется начало жестокого правила канлы, кровомщениа, признанного у всех горских племен, как дополнительный устав личного права, помещенного в своде их преданий и гражданских постановлений.

Право канлы или кровомщениа. Таким образом все личные обиды и важнейшие преступления против жизни и собственности, как-то убийство, насилие, у горцев никогда не судятся. Благодаря отсутствию порядка и организации их общества, совершивший злодеяние имеет всегда возможность уйти, отчего по адату допущено не только кровомщениа или канлы на лицо, сделавшее злодеяние, но и на его родственников. Канлы состоит в том, что родственник убитого должен убить убийцу, или кого либо из его родных. Те с своей стороны опять должны отомстить за кровь кровью и таким образом убийства продолжаются бесконечно. По этому, после каждого убийства, между родственниками убитого и родственниками совершившего убийство возникает право канлы, которое нередко переходит от одного колена к другому. Бывают, впрочем, случаи, в которых канлы прекращается. Для этого лицо, желающее примириться и избавиться от преследований канлы, отпускает себе волосы и через знакомых просит противника о прощении. Если последний изъявит согласие покончить дело миром, то желающего примириться приводят к нему в дом и в знак примирения, тот должен обрить ему голову. Примирившиеся считаются после кровными братьями и клянутся на коране быть верными друг другу. Случается однако же, хотя и редко, что не смотря на примирение, простивший убивает своего кровного брата. От канлы можно откупаться, т. е. лицо подлежащее кровомщениа платит противнику известное вознаграждение, за что тот при свидетелях дает клятву, что не будет его преследовать. В случае, если и поклявшийся таким образом не сдержит своего слова и все-таки убьет откупившегося, то родственники последнего могут заставить нарушителя клятвы возратить деньги, или самому подвергнуться канлы.

Случалось иногда, что обидчик оставался неотомщенным, наприм. если он, чувствуя себя слабее своего противника, тайно

удалялся с своими родственниками в другое место или прибегал под наше покровительство. Бывало и так, что обидчик, в особенности не имевший родственников, делался абреком.

Итношения отца к детям и обряд сватовства. Отец полновластен над сыновьями только в период их малолетства. Но достижения же ими того возраста, в котором они в состоянии владеть оружием, родительская власть теряет свою силу и отношения между отцом и детьми определяются правом сильного. Все они равны пред судом адата. Право канлы может иметь место даже между отцом и детьми и если случалось, что отец убивал одного из сыновей, то братья мстили отцу.

На домашнее имущество отец и сыновья имеют одинаковое право и последние могут заставить первого во всякое время делиться с ними и по адату им предоставляются одинаковые доли с отцом. Из этого проистекали иногда весьма странные процессы. Наприм., у одного отца было шесть взрослых сыновей. Когда он вздумал взять себе другую жену, сыновья потребовали, чтобы он сперва разделился с ними, потому, говорили они, что было бы несправедливо дать, в случае его смерти, равную с ними долю в наследстве детям от второй жены, тогда как теперешнее имение нажито их общими трудами. Отец был не вправе отказаться и имение разделено с сыновьями от первой жены; затем он женится на другой и приживает с нею семеро детей. После его смерти сыновья от первой жены затевают спор с детьми второй, требуя, чтобы наследство отцовское было поровну разделено между всеми. Дело это разбиралось по адату и старики признали этот иск основательным. Остальное имущество было разделено на 13 частей и каждый из детей от второй жены получил только 13-ую долю той части имения, которая досталась отцу после первого раздела.

На сколько сыновья независимы, на столько же, напротив, дочери подчинены отцу, пока они находятся в его доме. Он выдает их замуж за кого хочет. По адату дочерям не предоставлено никакого права участвовать в разделе отцовского имения. Если по смерти отца дочери остаются незамужними, то старший брат или ближайший родственник обязан содержать их у себя и выдать замуж. Вообще адат не признает за женщиною никакой собственности, кроме калыма, получаемого от мужа, и женихова подарка.

Женитьбе предшествует сговор или сватовство. Когда отец соглашается засватать дочь свою, жених делает девушке подарок, состоящей из шелкового головного платка и десяти руб. сер. В этом заключается весь обряд сговора. После того жених получает право

тайком видаться с своей невестой; но если они встретятся в гостях или вообще при чужих, – приличие требует, чтобы они не говорили друг с другом. При этом невеста должна отвернуться от жениха, чтобы он не мог видеть ее лица. Жених имеет всегда право оставить или отпустить невесту, т. е. позволить ей по ее просьбе выйти за другого, но сама собою она не может отказаться от жениха и должна безропотно ждать, чтобы он согласился освободить ее, или чтобы, заплатив калым, взял ее в жены.

Между сговором и женитьбою проходит часто несколько лет, иногда потому, что жениху нечем заплатить калым; иногда, из неудовольствия за что-нибудь на девушку, он нарочно оттягивает время неопределенного ее положения, а сам между тем женится на другой. Выше мы сказали, что от отца зависит засватать за кого он хочет свою дочь. Но есть обычай, по которому можно получить девушку с согласия ее брата. Напр., если брат во время пирушки выпьет за здоровье своей сестры с кем либо из присутствующих и тут же примет от него какой либо подарок, то сестра его засватана и он обязан принудить отца выдать ее именно за известного приятеля. В противном случае отдаривший брата преследует его как за кровную обиду. Впрочем подобные примеры весьма редки: к ним прибегают в тех случаях, когда теряют надежду получить руку девушки. Кроме этого, у Чеченцев существует еще другой, не менее странный обычай. Молодой человек сговаривается с несколькими своими приятелями похитить девушку и привезти ее в свой дом. Для этого они выбирают удобный случай, нападают на нее все вдруг и, не смотря на все сопротивление с ее стороны и со стороны ее родственников, увозят ее в дом возлюбленного, где товарищи запирают их вдвоем, а сами стерегут у дверей, пока их не позовут в комнату. При них девушка объявляет, хочет ли она воротиться к родителям или остаться у похитителя. Обыкновенно необходимость заставляет ее выбрать последнее и тогда она становится его законною женою.

Отец невесты, получив калым от жениха, обязан передать его сполна дочери во время выхода ее замуж.

Чеченец не выдает дочери или сестры замуж за соседей, как напр. за Тавлинца, на которого горцы вообще смотрят с презрением, считая его гораздо ниже себя. Чеченское семейство, породнившееся с Хаджи-Муратом, человеком весьма значительным, стяжавшим себе славу джигита и любимца Шамиля, не смотря на все это, долго терпело обидные насмешки от своих соплеменников. До такой степени Чеченцы считают себя выше Тавлинцев!

Отношения мужа к жене. Калым и подарок жениха составляют неотъемлемую собственность замужней женщины. Во всем остальном она подчинена мужу, как своему законному и полновластному господину. Она должна работать на него и оказывать ему раболепное уважение; жена не садится при муже и не ест вместе с ним. Но, несмотря на такое рабство, женщина пользуется однако же некоторыми правами, будучи ограждена обычаем от чрезмерного самовластия мужчины. Так муж ни в каком случае не может посягнуть на жизнь жены своей, даже тогда, когда он убеждается в ее неверности, ему предоставлено обычаем лишь право прогнать ее от себя или в наказание изуродовать ее, огрезав ей нос или ухо.

Жена во всякое время может развестись с мужем и по своей воле, но в таком случае она должна удалиться из его дома, оставив мужу свой калым и все находившееся у нее имущество. Если же, напротив того, муж первый требует развода, то должен отпустить жену с калымом и со всем ей принадлежащим имуществом.

Над детьми мать не имеет никакой власти и едва пользуется тем уважением, которое сама природа вложила в человека к виновнице его существования.

Право наследства, духовные завещания и опека. В определении порядка и прав наследства постановлено руководствоваться законами Шариата, но и тут древний обычай чеченский заменяет часто постановления корана и адат действует совместно с шариатом, часто получая перевес над последним. Благодаря такому законодательству, имеющему двоякое толкование и взаимно противодействующему, часто случается, что тяжущиеся, смотря по обстоятельствам, опираются то на адат, то на шариат. Естественное право сыновей наследовать поровну отцовское имение признано одинаково по адату и по шариату, но состояние дочерей определяется ими различно; адат совершенно устраняет их от участия в дележе имения, тогда как по шариату дочь вправе получить третью часть имения, достаемого брату. Впрочем нужно заметить, что незамужняя сестра поступает обыкновенно по смерти отца на попечение старшего брата или дяди, которые обязаны содержать ее до замужества и сделать ей приданое. Если отец умирая не оставил после себя сыновей, то имение делится на две равные части: одна половина отдается дочери, другая ближайшему родственнику; если несколько дочерей, то имение делится на три доли: две принадлежат дочерям, а третья родственнику.

Закон наследования по одной нисходящей линии не соблюдается у Чеченцев; когда нет прямых наследников, имение сына

вновь переходит к отцу, который предпочитается братьям и племянникам; точно также дядя во многих случаях предпочитается двоюродным братьям. В Чечне, где почти нет понятия о личной недвижимой собственности, домашнее имущество, временно приобретенное трудами каждого из членов семьи, должно между ними делиться поровну, потому что каждый, не исключая самого отца, одинаково участвовал в его приобретении. Право собственности не имеет в Чечне другого основания, кроме личного труда или насильственного завладения, а потому неудивительно, что отец обязан во всякое время, по требованию сыновей, делиться с ними, а в случае смерти одного из них, имеет право наследовать его имущество предпочтительно перед другими членами семейства.

Жена не наследует мужу, но может выйти за ближайшего его родственника, если тот пожелает ее взять; в противном случае она получает 4-ю долю из имущества мужа и приобретает право свободно располагать собою. Принесенный ею в замужество калым, подарок жениха и другое имущество делится между детьми, с соблюдением тех же правил, что и в дележе отцовского имения, т. е. чтобы доля сестры составляла третью часть братниной доле; если же она бездетна, имущество ее возвращается в дом родительский, или переходит к ближайшим ее родственникам. По неимению прямых наследников, к которым причисляется и отец, имение покойника переходит в боковые линии, при чем родные братья предпочитают племянникам, племянники дядям, а дяди двоюродным братьям.

Кроме того есть обычай, по которому постороннее лицо заменяет всех прямых наследников. Хозяин наследует после своего кунака, умершего у него в доме, все вещи, какие при нем находились, хотя бы у покойника были самые близкие родственники. Этот обычай основан на том понятии, какое все горцы вообще имеют о гостеприимстве: куначество считается наравне с родством и потому хозяин, наследовавший после своего кунака, обязан принять на себя его канлы, если он за ним считается, как и все его родственники. Долги, оставшиеся после покойника, должны быть уплачены из имения прежде раздела его между наследниками, если между ними и заимодавцами не существует особой сделки. В случае если бы заимодавец объявил претензию, когда имение уже разделено, – долг распределяется поровну между всеми наследниками мужского пола.

Когда умирающий не имеет родственников, то ему предоставляется право завещать свое имение кому он пожелает. Это, можно сказать, единственный случай, в котором духовное завещание

покойника имеет полную силу. Когда же у него есть родственники, он не может ни под каким предлогом отстранить их от законного наследства в пользу постороннего лица. Посмертные пожертвования в мечеть и на богоугодные дела дозволяются, если они не превышают третьей доли имения. Составление духовного завещания принадлежит духовным лицам; оно пишется кадием или муллою со слов желающего передать свою последнюю волю, в присутствии двух свидетелей и с приложением их печатей. Составленная таким образом духовная хранится у завещателя и по смерти его получает законную силу.

Ввод во владение наследников производится тоже через духовное лицо. Кадий обязан, тотчас по объявлении ему о смерти кого либо из жителей его аула, составить подробную опись всего имения умершего и заботиться об его целостности, до тех пор, пока не кончится раздел между наследниками тогда он им сдает имение по описи, а если они малолетни, то опекуну их. Исполнение в точности воли умершего возложено на кадия; назначение душеприкащиков особою волею покойника допускается только за отсутствием кадия, так напр., если Чеченец умирает на чужой стороне. В случаях малолетства наследников, управление имением принадлежит по праву ближайшему родственнику, дяде или старшему брату, а если их нет, то кадию. Опекуну не предоставляется никакой доли из доходов имения, но за то он и не обязан давать отчетов в своих расходах; лишь бы только имение было сохранено в том виде, как оно принято по описи кадия, и состоящий под опекой содержался прилично своему состоянию. Если родственники заметят недобросовестные действия опекуна, растрату доверенной ему чужой собственности или дурное обращение с сиротою, то имеют право жаловаться кадию, который разбирает дело и если найдет опекуна виновным, сменяет его и принуждает отвечать за растрату своею собственностью.

Совершеннолетие полагается в 15 лет. Тогда кончается опека – и опекун, в присутствии кадия и родственников, сдает имение своему бывшему питомцу согласно той описи, по которой сам его принимал; недостаток он обязан пополнить из своего. Само собою разумеется, что женщины не допускаются к опеке.

Если старший брат совершеннолетен, то может требовать выдала себе части имения. Для этого он обращается к кадию, который с двумя или тремя свидетелями, разделит, поровну все имение, кидает жребий и та часть, которая придется на долю старшего брата, поступает в собственность последнего.

Подробности суда и расправы по адату и шариату. До окончательного замирения Восточного Кавказа правом адата пользовались и все покорные Русским общества Чеченцев. Однако ж, имея в виду, что это шаткое право не ограждено силою закона или какой либо исполнительной власти, Чеченцы всегда искали содействие начальства. Вследствие такого отсутствия порядка и правильной организации общества, по проекту бывшего начальника левого фланга Кавказской линии (нынешнего Наместника), Генерал-адъютанта Князя Барятинского, основанному на просьбе всех обществ покорных Чеченцев, в 1852 году, по Высочайшему соизволению, был учрежден в креп. Грозной Чеченский суд (Мэхкемэ-Чачани). Этот суд, под председательством штаб-офицера, составляют: кадий решающий дела по шариату и три старика, знающие адат, для разбирательства дел по адату. В мэхкемэ имеется книга для записки приговоров его, за исполнением которых наблюдает Управление Чеченского народа, употребляя в необходимых случаях понудительные меры.

Обряд суда по адату. Противники, желая кончить дело по адату, бывают вызываемы и являются сами в Мэхкемэ-Чачани. Старики выслушивают отдельно каждого из разбирающихся и затем произносят приговор.

Определение стариков в приговоре должно быть единогласно.

Для обвинения необходимо, чтобы истец представил с своей стороны одного или двух свидетелей. Свидетели должны быть совершеннолетние, мужского пола и не могут быть из рабского сословия (лай).

В случае же, если бы истец не нашел свидетелей, виновный оправдывается присягою на коране¹⁰. Сверх того должны присягнуть в его оправдание еще 6 посторонних лиц.

Часто случается, что обвинитель, боясь мщения, доказывает вину преступника не гласно, а тайно. В таких случаях адат требует от ответчика оправдания присягою 6-ти человек, из которых 3 предоставляется выбрать самому ответчику, а 3-х обязан назначить

---

¹⁰ Чеченцы мало уважают присягу и по адату за свидетельство, подкрепленное ложной клятвой, не положено никаких наказаний. Поэтому к присяге прибегают по необходимости, в таких случаях, когда за неимением ясных доказательств, дело решить было бы затруднительно. Впрочем в делах, где свидетельствуют присягою для обвинения, – правилами, изданными для управления Чеченцев, постановлено подвергать обвиненных во лжи и фальшивой присяге той ответственности, какой подвергается по приговору суда обвиненное ими лицо.

истец. Этот последний, в число 3-х выставляемых им свидетелей, назначает так называемого доказчика, который, будучи уверен в вине преступника, не принимает присяги и тем уже обвиненный изобличается в преступлении.

Так как в адате, как мы выше сказали, нет исполнительной власти, то может случиться, что обиженный не в состоянии принудить противника разбираться с ним; тогда по адату предоставляется обиженному право во всякое время украсть у обидчика лошадь или какую либо ценную вещь с целью принудить его разбираться с собою; в таком случае он представляет похищенные вещи старикам, которые оценив их, выделяют ему из них ту долю, на которую он имеет право, остальную же возвращают хозяину.

Такое же право предоставляет адат и слабому при тяжбе с сильным. Случалось, что обидчик был лицо, имевшее такую силу в обществе, что и сами старики не могли принудить его к исполнению приговора. В этих случаях обиженный бывало собирал все свое имущество, оставлял аул, в котором не находил правосудия, и бежал туда, где по родственным связям имел больше защитников и с помощью их старался украсть у обидчика лошадь, оружие или какую-нибудь вещь, дабы принудить его таким образом к исполнению приговора.

Какие дела и преступления рассматриваются адатом? По адату разбираются преимущественно дела о воровстве, обиде женщин, поджогах и поранении. За тем дела об убийстве, о разделе имений, о брачных разводах и т. п. разбирались шариатом. Впрочем, после учреждения военных округов по Высочайше утвержденному положению об управления Кавказской Армией, 1-го Апреля 1858 года, управление покорными горцами во многом изменилось и между прочим шариату предоставлена только малая доля участия в судебных делах, именно, по делам касающимся до веры и совести.

Определения адата. За воровство виновный обязан платить истцу двойную цену похищенного, а также издержки, употребленные на доказчика. За поджоги и поранения виновный удовлетворяет обиженного по мере причиненного им вреда и в последнем случае должен платить лекарю за лечение раны. Сверх того, во всех этих случаях виновные обязаны с повинною головою, при посредничестве уважаемых людей, просить прощения у обиженных, поднося им при этом подарки, состоящее из материи или других каких либо вещей, ценою от 30 до 50 рублей, и напитков, – браги или водки. Для исправления же поведения замеченных неоднократно в преступлениях

людей, – они, кроме удовлетворения по адату, подвергались наказанию как-то: ссылке в отдаленный места России на сроки; в кр. Геориевск на крепостные работы, тоже на срок, и содержанию под арестом на местной гауптвахте от одного до двух месяцев (смотря по преступлению).

За нарушение чести незасватанной девицы виновный отвечает 18 штуками рогатого скота; но если девица будет засватана кем либо, или оскорбление нанесено замужней женщине, тогда виновник отвечает 80 штуками рогатого скота, если впрочем на это будут согласны родственницы обесчещенной особы; в противном случае, он должен послать в распоряжение мужчин – родственников обиженной, свою жену, если женат, или сестру, или даже мать.

Изменение адата в отношении женщин. В прежнее время женщины Чеченского народа находились в безусловном распоряжении мужчин. Обычай этот, как произвол слишком стеснявший свободу женщин, под управлением нашим совершенно отменен и девицам Чеченского племени предоставлено право освобождать себя из-под зависимости сватающих; только девица предварительно должна объявить начальству о нежелании своем выйти замуж за сватающего.

Также уничтожен и обычай, по которому вдовы после смерти своих мужей должны были разделять брачное ложе с их родственниками; им предоставлено право располагать собою по своему произволу. Ныне женщины допускаются в суд с жалобами на притеснения мужей и вообще против дурных поступков мужчин с ними; словом, они пользуются защитой суда наравне с мужчинами.

Обряд суда по шариату. До окончательного покорения Чечни подведомственные Чеченскому Управлению туземцы, по делам, которые они желали бы кончить шариатом, являлись в мэхкемэ-чачани. Кадий выслушивал противников каждого порознь и затем подводил из шариата статью, сообразную делу и на основании оной объявлял решение.

Если бы кто заподозрил кадия в лицепрятти, тот мог представить решение его, с своим объяснением неправильности оногo, – другому кадию, который или утверждал решение или, отменив его, постановлял другое, согласное с шариатом, – или делал маслахат, т. е. склонял противников на любовную сделку.

Ответчик может требовать от истца, в доказательство его показаний, свидетелей. Если истец их имеет и кадий признает их достойными, то в таком случае от ответчика уже не принимаются никакие оправдания. Подозреваемые в каком либо деле оправдываются

по шариату только присягою; но если противная сторона ею не удовольствуется и обратит присягу на истца, то по принятии ее сим последним, обвинение подозреваемого лица считается доказанным и шариат назначает обвиняемому свое определение.

Определения начальства должны исполняться беспрекословно. Кто не повиновался им, или неохотно их исполнял, того оно к тому понуждало.

Определения шариата. Нет ни одного случая в жизни мусульман, который бы не находил в шариате соответственного решения. Большею частью за важные преступления в шариате постановлены положительные приговоры. Независимо от этого, начальство принимает большое участие в решении важных дел, касающихся до общественной безопасности, и вмешивается в дела кровомщения.

Шариат допускает убить самого убийцу, но не родственника убийцы, дабы этим навсегда прекратить кровомщение (канлы). За неумышленное и нечаянное убийство положено определенное вознаграждение. Умышленному убийце, если он будет прощен наследниками убитого, даруется жизнь, но он при всем том подлежит наказанию со стороны начальства, которое назначает его на крепостную работу сроком от 4 до 6 месяцев. Бывают впрочем случаи, когда начальство может не ставить в вину убийства по праву кровомщения, но дозволения на убийство, само собою, ни в каком случае не дает.

Право канлы между Чеченцами заменяется постановлением тамошних обществ: виновный в убийстве или ссылается в Сибирь на всегда, или по вознаграждении родственников убитого (630 руб. сер.), или без оно, – смотря по их желанию, переселяется на жительство в другой аул из того аула, где совершено убийство и где живут родственники убитого. Бежавшие же убийцы преследуются по праву кайлы.

В делах тяжёбных за наследство и в других случаях правила шариата остаются в своей силе.

Восстание Чечни и призвание Шамиля. До 1840 года, т. е. до отпадения большей части Чеченских племен от России, Чеченцы находились под нашею властью; но с этого времени в народе почему-то стали распространяться слухи о намерении Русского Правительства обратить Чеченцев сначала в крестьян, а потом обложить их рекрутскою повинностью; конечно, полудикие горцы не могли быть столь дальновидны, чтоб подумать, что частные злоупотребления

поставленного над ними русского начальства (если таковые были – или по незнакомству с страной и с характером ее обитателей, или же по частному произволу), отнюдь не могли быть приписаны правительству. Таким образом тревожный слух о скором обращении Чеченцев в податное сословие взволновал их и вынудил обратиться к Шамилю. Это было вскоре после взятия Ахульго, откуда разбитый наголову имам бежал и очутился в самом бедственном положении, не имея на себе даже черкески и скитаясь из одного аула в другой, пока сами Чеченцы не отыскали его в Шуэти, где и предложили ему, как чужестранцу, сделаться главою их вооруженного восстания.

Но Шамиль, хорошо зная народ, с которым он имел дело, и будучи уверен в его непостоянстве и своеволии, не вдруг согласился идти в Чечню. Наконец, после продолжительных переговоров, он прибыл в Урус-Мартан и изъявил согласие принять управление над Чечнею, но не иначе, как на условии, чтобы Чеченцы дали ему наперед присягу в строгости выполнять все устанавливаемые им законы и порядок управления.

С ранней весны 1840 года жители Большой и Малой Чечни, а также общества Качкальковское и Мичиковское отложились от нашего правительства. Измена эта началась с того, что все Надтеречные и Сунженские Чеченцы бежали за Сунжу.

Вскоре за тем последовало движение наших войск в Чечню и разорение нескольких аулов. К сожалению, меры эти, принятые необдуманно в самый разгар народного восстания, способствовали к еще большему ожесточению против нас и утверждению власти Шамиля. Он утешал Чеченцев сладкою надеждою в будущность и представлял разорение их аулов нашими войсками, как временное, скоропроходящее бедствие, возбуждая при этом религиозный их фанатизм.

Таким образом власть Шамиля более и более упрочивалась и со временем облеклась в правильные и постоянные формы. Приобретая раз власть, он ее уже не терял; напротив, случайный успех, какое-либо ничтожное обстоятельство служило ему предлогом к утверждению своего владычества и только через долгий кровавый период времени, при помощи русских, Чеченцы успели освободиться из-под тяжкого его ига.

Меры принятые Шамилем к упрочению своей власти. Первым действием Шамиля по прибытии в Урус-Мартан, было потребовать аманатов и набрать мюридов из Чеченцев, имевших влияние на народ. Вместе с аманатами имея в своих руках залог верности, он

сосредоточил в себе через мюридов и исполнительную власть. Каждый, вступавший в мюриды к Шамилю, к Ахверды-Могома, к Шуаиб-Мулле и к другим лицам, близким к Шамилю, приносил на коране присягу свято исполнять все его приказания, какого бы рода они не были. Таким образом имам составил около себя особый орден из лучших Чеченских Семейств, для которых воля его была законом.

Строгий устав мюридизма в руках Шамиля служил самым верным орудием к распространению власти и он употреблял мюридов на истребление опасных для него людей. Мюрид, совершивший несколько раз убийство по приказанию своего начальника, не только ставил себя тем в полную зависимость от последнего, но давал вместе с тем и ручательство в верности ему всего своего семейства и даже родственников. Возбудив против себя убийством непримиримую вражду, мюрид естественно находил спасение под защитой лишь того, кто наставил его на этот опасный путь. Семейство мюрида, и без того уже привязанное к имаму, еще более привязывалось к нему когда мюрид делался убийцею.

Приобретя посредством мюридов сильное влияние в Чечне, Шамиль начал стремиться к еще большему упрочению над нею своей власти. Чтобы обуздать вольность дикого народа, он счел нужным постепенно отменить адат, потворствующий неопределенностью своих постановлений буйным страстям Чеченцев и вместо адата предписал судить все преступления по шариату. Сверх этого в непродолжительном времени Шамиль ввел нечто похожее на администрацию, учредил правильный сбор войска и издал свод постановлений военных и политических. Но самым надежным и долго неослабевавшим орудием к возбуждению фанатизма горцев служило то убеждение, которое имам успел вселить в них – именно, что они призваны вести священную войну с неверными, казават, вне которого нет спасения истинному мусульманину. Эта мысль как нельзя более пришлась по вкусу горцам и надолго воспламенила их врожденную кровожадность.

Управление Шамиля. В 1842 году Шамиль разделил Чечню на три наибства: 1) Мичиковское, заключавшее в себе все пространство между Аксаем, Качкалыкским хребтом, Сунжею, Хулхулау и Андийским хребтом. Наибом туда был назначен Шуаиб-Мулла. 2) Большой Чечни, граничившее пр. Хулхулау, Сунжею, Аргуном и Черными горами. Управление этим наибством было вверено Иссе; и 3) Малой Чечни, т. е. всего пространства между Аргуном, Сунжею,

Ассою и Черными горами, где наибом был Ахверды-Магома. Над Ауховцами был назначен Чалубей.

После смерти Ахверды-Магома в 1842 году от раны, полученной им при набеге на аул Цори, на его место был назначен наиб Большой Чечни Исса, а на место последнего Суаиб. Но когда в 1843 году Шамиль лишился и другого наива, Шуаиб-Муллы, убитого из кровомщения в ауле Цонтери, где он имел свое местопребывание, то имам для лучшего наблюдения за Чеченцами, между коими было много недовольных его нововведениями, стеснявшими их свободу, разделил наибства Мичиковское и Большой Чечни на две части, а наибство Малой Чечни на 4 части: над обществом Ичкеринским был назначен Магомет Мусакаев, а над Качкалыковцами и Мичиковцами Элар. Суаиб по-прежнему был оставлен наибом Большой Чечни, с тем только, что от него отошли аулы, лежащие у подножия Черных гор и в самых горах, которые поступили, вместе с Шатоевским обществом, под власть Дапы. Над аулами, лежащими между рр. Аргунем и Мартаном, а также главной дорогой, идущей из Атаги через Урус-Мартан, был назначен Таиб. Другие аулы, лежащие между означенными реками, Сунжею и дорогой, Шамиль поручил Саибдулле; из остальной же части Малой Чечни наиву Иссе были поручены только аулы, лежащие между рр. Мартаном, Сунжею и Ассою, а также дорога из Урус-Мартана в Нестеровское укрепление. Все аулы, находящиеся выше этой дороги и Черных гор, отданы были наиву Дапе. По убиении же наивов Суаиба и Элара, во время движения нашего отряда из Дарго в Герзель-аул, на место первого был назначен Талгик; Таиб был смещен за слабое управление и на его место назначен Дапа, которого заменил Шалинский старшина Дачой; Исса умер и место его занял Атабей, а на место Дапы, смененного также Шамилем, был назначен Гатат.

Впоследствии число и состав наибств изменились. Так в 1845 году уже Большая и Малая Чечня с обществами Мичиковским, Качкалыковским и Ичкеринским были разделены на 7 наибств, в следующем 1846 образовались еще наибства Шатоевское, Шубутоевское и Чабирлоевское. В 1850 году в Малой Чечне было два наибства: Гехинское и Гойтинское; наибом первого был Саибдулла, имевший местопребывание на Гехи, в ауле Нурикой; второго – Шуаип, живший в верховьях Гойты. В Большой Чечне было три наибства: Аргунское, Сунженское и Мичиковское. В первом наибом был Талгик, живший в Сержан-хуторе, во втором – Тарам с резиденцию в г. Осман-Юрте; а в последнем Геха, живший в Гордали. Наибом Ичкерии был

Хандакай, имевший местопребывание в Цонтери, а в Аухе Идрис, бывший Андреевский мулла, живший в Зандаке.

В наибах соединялась власть гражданская и военная. Разбирательство дел было в руках кадиев. Для исполнительной власти при каждом наибе состояло от 100 до 300 мюридов.

Наибства делились на округа, которыми управляли мазуны; при мазуне для разбирательства дел находились муллы, составлявшие в Чечне первую инстанцию судебной власти¹¹; от них дела поступали на рассмотрение мазуна, который в важных случаях представлял их на решение к наибу. При мазуне мюридов заменяли муртазеки. Для решения же дел собственно административных в Дарго, первоначальном местопребывании Шамиля, был учрежден по предложению Джемал-Эддина в 1844 году совет (диван-ханэ), в котором присутствовали духовные лица, известные своею преданностью к Шамилю и мюридизму.

Военные Силы и учрежденья. Главное внимание Шамиля было обращено на военную часть. В этом отношении он действовал не только убеждениями, но и настоятельными требованиями к пожертвованию всего своего имущества на приобретение коня и оружия. Вместе с тем был издан закон, дабы каждые десять семейств содержали одного всадника, который назывался муртазекком и всегда должен был быть готовым явиться по первому призыву Шамиля. Войско, составленное из муртазекков, простиралось во всей Чечне до 3,000 челов. Кроме того были постановлены правила о сборе муртазекков и образе ведения войны.

Сбор муртазекков происходил по распоряжению или самого Шамиля или его наибов. В первом случае рассылались мюриды к наибам, с приказанием собрать известное число Чеченцев и явиться с ними к определенному времени на назначенное место. Во втором случае каждый наиб собирал известное число муртазекков, как для обороны собственного наибства, так и для набега в наши пределы. Для лучшего же управления муртазеками во время боя, Шамиль разделил их по наибствам на отряды в 500 и 100 чел., приказав иметь наибам, пятисотенным и сотенным начальникам значки.

---

¹¹ Духовенство получило значительную силу в Чечне со времени Шамиля. С целью образования необходимых для вступления в это звание людей, Шамиль в разных местах при мечетях учредил школы. Мера эта была весьма важна в политическом отношении, ибо наставники в этих школах, выбираемые из людей преданных Шамилю, давали благоприятное для имама направление умам юношества, вверенного их воспитанно.

Военные постановления. Наибы и мазуны при разбирательстве военных преступлений, обязаны были руководствоваться особым сводом законов, изданным Шамилем. На основании этих законов, за побег к неприятелю и измену определялась смертная казнь. Кроме того за виновника отвечали еще 10 поручителей, которые обязаны были заплатить пеню в 50 р. сер. и для этого в Чечне все мужское народонаселение совершеннолетних было разделено на десятки, которые составляли круговую поруку и обязаны были наблюдать за поведением друг друга. За изменническое сношение, как напр., шпионство, полагалась тоже смертная казнь. Всякое сношение с покорными нам племенами, хотя и торговое, строго воспрещалось; виновных сажали в яму и подвергали телесному наказанию. За ослушание и неповиновение старшему мера наказания зависала от важности обстоятельств, при которых оно произошло, так напр., на поле битвы или во время похода. Нередко случалось, что ослушание наказывалось смертью; в других, менее важных случаях, преступник подвергался обыкновенно телесному наказанию. За неявку на службу наказывал всегда ближайший начальник, по своему усмотрению. Виновного сажали в яму на известное число дней или наказывали палочными ударами.

Награды. За заслуги и храбрость Шамилем были установлены разные награды, заключающиеся в знаках отличия, т. е. медалях, денежных наградах и подарках. Орденские знаки имели различные формы и степени. На некоторых из них были надписи на арабском языке; другие, напротив того, не имели надписей. Так на одном из знаков, жалуемых тысячному командиру, была такая надпись: «тысячному командиру войск великого имама, за храбрость и за полное усердие». На другом: «тысячному командиру войск великого имама, вновь сформированных. Боже, помоги ради почетнейшего на свете предмета.» На третьем: «кто думает о последствиях, в том нет храбрости» и т. д.

Доходы. На содержание муртазек, духовенства, мечетей, бедных, вдов и сирот указаны были Шамилем особые доходы. Все они поступали к Шамилю, как главе духовенства и предводителю военных сил, и составляли так называемую шариатскую казну.

Источники доходов составляли: 1) закят, или 10-я часть с доходов имения, 2) хумс, пятая часть со всей добычи. Сюда относились и пленные, потому что по продаже их 5-я часть вырученных за них денег также поступала в шариатскую казну, и 3) штрафные деньги,

взыскивавшиеся за разные преступления и от конфискации имущества, оставшегося по смерти казненного преступника.

Заключение. Из представленного вкратце обзора управления, введенного Шамилем в Чечне и обществах Внутреннего Дагестана, видно, что все его усилия и реформы стремились к тому, чтобы образовать нечто похожее на правильно-организованное государство. Но мог ли он надеяться на успех? Он имел против себя слишком могучего неприятеля, борьба с которым ему предвещала, рано или поздно, неминуемое падение. При всем этом на старания имама к прочному соединению разнородных племен Кавказа в одно стройное целое, повинующееся одному верховному главе, по справедливости можно смотреть как на смелые порывы энергического ума, которому нельзя отказать ни в политическом смысле, ни в обширной предприимчивости, характеризующей гениального человека, одаренного железной волей и сумевшего в продолжении почти 25 лет управлять по своему произволу народом, от природы чуждым порядка и подчиненности.

Исход борьбы на Кавказе обнаружил однако же всю шаткость тех оснований, на которых Шамиль думал утвердить свое самодержавие.

Чеченцы уже давно тяготились деспотизмом имама, они начинали разочаровываться в нем, смеяться над его выходками, над его прокламациями, в которых он ежегодно клялся вести их для конечного истребления Русских, и в особенности над его сношениями с Турецким султаном. Тавлинцы в этом отношении были далеко легковвернее Чеченцев, потому что Чеченцы далеко смысленнее Тавлинцев. Чеченцы не столько уважали, сколько боялись Шамиля, которого стража телохранителей, состояла из отъявленных изуверов, раз на всегда разорвавших всякую связь с обществом, оказывалась в деле охранения особы имама незаменимою и составляла единственно-надежную точку опоры, на которой покоилось самовластие Шамиля.

Но не смотря на все справедливые неудовольствия Чеченцев, они упорно отстаивали против нас свою независимость и только строго обдуманый план последних экспедиций мог положить предел слишком полувековой борьбе, конец которой трудно было предвидеть. С падением Веденя мюридизм был потрясен в самом его основании, – вскоре он не замедлил пасть, а с ним рушилось и управление Шамиля. Чеченцы поняли наконец свое заблуждение, они сбросили с себя оковы ненавистного им ига, чтобы приобщиться к России и со временем занять место в ряду образованных народов. Замкнутые до того в

неприступных горах и мрачных ущельях, куда к ним не мог проникнуть благотворный луч европейской цивилизации, они начали целыми аулами выселяться на плоскость, где они скорее поймут выгоды мирной оседлой жизни, составляющей первую ступень к гражданственности.

В заключение этой главы представляем список всем нашим укреплениям в Чечне, а также аулам, выселившимся из гор с 1857 по 1859 год. На основании этих сведений составлена и приложенная к этой статье карта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРЕДАНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА.

Ход развития какого либо народа, как и жизнь отдельно взятого человека, обозначается двумя главными эпохами, по-видимому противоположными между собою: это эпоха младенчества, когда народ почти бессознательно подчиняется тем общим законам природы и истории, которые обуславливают начальное развитие всего человечества, — и эпоха зрелости, когда он, сознавши свою возмужалость, обращается к выработке идеи, составляющей физиономию его, как особой нации, и вводящей его в семью народов, занявших уже место в истории. Последнее однако выпадало на долю не многих наций, да и из них сколько уже, достигши апогея своего развития, сошли с исторического поприща или и вовсе исчезли с лица земли, уступив место другим народам, более благоприятствуемым условиями своего национального духа, природы и местности! Под этими условиями мы разумеем то, что в частной жизни всякого народа составляет особые черты, помимо общих законов развития человечества, — те черты, из совокупности коих образуется его отличительный характер, физиономия. Чем более этот характер заключает в себе счастливых данных к дальнейшему самобытному развитию, тем скорее совершается исторически процесс этого развития. Но эти данные вытесняются для науки тогда, когда она ближе узнает и приведет в ясность все самомаleastшие физиологические особенности народа, все без исключения обстоятельства, которые имели неотразимое влияние на его судьбу. Но исследуя различные фазы существования такого народа, у которого нет записанной истории, чуждого даже самих письмен, наука должна обратиться к его преданиям и другим памятникам его старины. В этом отношении предания племен и народов, рассеянных по горам и ущельям Кавказа,

составляют хотя еще не початый, но тем более драгоценный исторический материал для основательного изучения их быта и нравственных особенностей. Можно сказать без преувеличения, что предания эти, приведенные в строгую научную систему и сличенные между собою, представили бы довольно полную картину здешних народностей, точную обрисовку их умственного склада и тех элементов, какие каждая из них заключает в себе для будущего развития.

Предания всех почти народов тождественны между собою в общих чертах, особенно же с той стороны, что в них главнейшие сохранились сказания о подвигах и делах людей былого времени. Содержанием их служит всегда действительный факт, который живя в устах народа и переходя от поколения к поколению, со временем подвергается значительному искажению и наконец принимает сказочный характер. Это замечается преимущественно в тех преданиях, которые относятся до происхождения какого либо народа. Но в наш век, положительно практический, нельзя не спросить: какая может быть польза от изучения сказок ? Ответим на это словами незабвенного исследователя русских народных мотивов, Надеждина: «в баснях и сказках старинный человек высказывает сам себя во всей, так сказать, подлинности своей натуры, со всеми особенностями и оттенками своих качеств. Изучить эту простую, искреннюю, задушевную исповедь человека о самом себе, значит изучать самого человека по самым верным данным, какие мы имеем о его давно минувшей старине.»

Смотря с этой именно точки зрения на предания народов Кавказа, мы хотим обратиться к Чеченскому народу, предания коего о собственном происхождении имеют тот сказочный характер, каким вообще отличаются они у других народов. Рассказы о происхождении Чеченцев еще никогда не были приведены в систему. В имевшихся у меня под рукою материалах, полученных из разных мест Чечни, я нашел мало единства. В каждом из них различно, с большею или меньшею ясностью, рассказывается повесть о происхождении Чеченцев и нет сомнения, что с течением времени предания об этом подверглись еще значительнейшим изменениям, которые лишили их уже всякого вероятия. Не входя в подробное исследование этих вариаций на одну и ту же тему, я упомяну о них только вкратце и за тем перейду, к тем рассказам, в которых замечается связь с известными историческими фактами.

О родоначальнике Чеченцев (это название они получили впоследствии) сохранилось несколько преданий:

Одно из них родоначальником Чеченцев признает какого-то Молкха или Малкху, который жил в Меэстэ, на высотах горных хребтов. Из Меэстэ Чеченцы переселились в Нашихэ, где теперь находится аул Керстен-Акх или Киоло. Это событие, по словам предания, совпадает с тем временем, когда впервые появилось оружие, состоявшее сначала из лука и стрелы, которые вошли в употребление при богатыре Кургухе, указавшем людям также меру. Впоследствии Чеченцы расселились и из Нашихэ; это совершилось при сыне Молкха Тинавин-вису, при котором жили богатыри Тингелдер, Термагалла, Гуно-Кархалой, Гардазеирик, Ширдии-Канат и др.

Другое предание¹² гласит, что когда-то в старину молодой одноглазый араб пришел из Аравии в Константинополь, откуда он, боясь преследования за несчастный случай, в котором он нанес сыну одного знатного вельможи смертельный удар, бежал и на купеческом судне прибыл на Кавказ. Здесь, странствуя из одного места в другое, он наконец зашел в нынешние Чеченские горы, где в то время жили три одноплеменных фамилии или рода: Галгой, Али и Шатой. Галгаевцы радушно приняли Али (так звали пришельца), который был восхищен простотою и независимостью жителей и дикими красотами здешней природы. Ловкость, сметливость и блестящее красноречие Али, столь свойственное Арабам, очаровали в свою очередь жителей. Али навсегда поселился у Галгаев и женившись, вскоре прижил сына, которому дано было имя Нахчи. По смерти Али, Нахчи сделался предприимчивым и отважным Галгаевцем. Предание говорит что он увез какую-то Калмыцкую ханшу с ее прислужницею в то время, когда они купались на минеральных водах в нынешнем Пятигорске. Нахчи женился на ханше и ее прислужнице. После этого брака у него родилось три сына от ханши и два от прислужницы. По смерти Нахчи, сыновья его женились и разделились на две партии. Два сына от прислужницы ушли с своими семьями далее в горы и поселились в котловине близ снегового хребта. От них сохранился по настоящее время только один бедный аул Меэсты. Три же брата от ханши вышли с своими семьями в Малую Чечню, на урочище Нашах, и поселились между реками Гехи и Аргуном. Эти три сына Нахчи удержали за собою родовое имя Нахчууо или Нахчой. Потомки этих 3-х братьев,

---

¹² Оба эти предания мы рассказываем со слов природных Чеченцев, долго живших в непосредственных сношениях с низовым и горным Чеченским населением; имена их: Заур и Сайт-Курт-Магомет.

умножаясь время от времени, расселились по Малой и Большой Чечне и в Ичкерии на восток до Ауха и на юг до Андии.

От 3-х братьев Нахчууо Чеченцы в настоящее время насчитывают до 66 родов или фамилий. Все эти роды называют себя общим родовым именем Нахчууо.

Кроме приведенных двух рассказов, есть еще третий о том же предмете, сообщенный мне Качкалыковским наибом Бата. Вот он почти слово в слово:

Город Шами (?) в Аравии составлял некогда ханство, управляемое самостоятельными ханами. Жители Шами были идолопоклонниками. По смерти одного из владетельных ханов, имя которого неизвестно, осталось три сына; из них младший Нахчууо, по прозвищу Турпал (богатырь), недовольный доставшеюся ему по разделу землею, собрал довольно сильную партию приверженцев, – вероятно, людей беспокойных, жаждущих приключений и с ними неоднократно пытался завладеть землями своих братьев и правами самостоятельного владетельного хана, но попытки его не имели успеха. Подстрекаемый честолюбием и беспокойным нравом, Турпал покинул родину и отправился вместе с приверженцами искать счастья на чужбине. Путь, по которому пробиралась эта толпа воинственных людей, может служить предметом разнообразных догадок. Легенда застаёт их водворившимися в Кабарде, в месте, носившем название Татар-туп¹³, т. е. татарский стан. Близкое соседство этой беспокойной колонии не могло не встревожить владетельных Кабардинских князей. Старания их завладеть Турпалом оставались безуспешными. Силою оружия вытеснить его из пределов своих владений они не надеялись, потому что Турпал укрепился в Татар-тупе и решился во чтобы то ни стало держаться и отстаивать свои права, приобретенные личною отвагой. Кабардинские князья решились прибегнуть к коварству, – средству, несколько не предосудительному по понятиям азиата. Они притворились не только кающимися в своих враждебных замыслах против Турпала, но под предлогом уважения к его неустрашимости, они предложили ему вступить в брак с их сестрою; Турпал охотно согласился, потому вероятно, что он видел в этом союзе залог будущей неприкосновенности занятой местности. Между тем предполагаемая невеста его разделяла коварные замыслы своих братьев. Турпал отличался необыкновенною бдительностью, даже по

---

¹³ На Военно-Грузинской дороге, где ныне стоит большой минарет и развалины.

ночам он не расставался с полным вооружением и по-видимому не хотел изменить своих привычек даже и тогда, когда Кабардинская княжна, в качестве законной жены, вступила в его дом. Чтобы вернее достигнуть цели она, конечно, должна была прежде всего стараться вовлечь мужа в беспечность. Однако же первая ночь прошла благополучно для Турпала, обаяния страсти не могли победить его бодрой и крепкой натуры, но в следующую ночь природа взяла свое и богатырь, выбившись из сил, уснул в первый раз по приходе в Кабарду. Тогда коварная жена опутала ему руки и ноги шелковыми нитками. Братья тотчас же в сопровождении своих оруженосцев, явились в дом Турпала, схватили его, обезоружили и объявили своим пленником. Застигнутый врасплох и при том сонный, с руками и ногами опутанными шелком, богатырь не мог далее сопротивляться и молча покорился своей участи. Князя приговорили его к сожжению на костре, – единственному роду казни, существовавшему в то время у различных племен Кавказа.

Но вдруг любовное чувство заговорило в груди молодой жены Турпала: когда богатырь, связанный по рукам и ногам, лежал на приготовленном для него костре и уже готовились зажечь его, она спасла Турпалу жизнь словами, которые произвели поразительное впечатление на ее братьев: «Я уже ощущаю – говорила она – в своем чреве плод от сообщения с Турпалом; если у меня родится сын, то по обычаю нашей страны, когда он подрастет, должен будет мстить за смерть своего отца родным дядям, а если их уже не будет на свете, то их поколению; чтобы этого не случилось, не благоразумнее ли даровать Турпалу жизнь». Таким образом Турпал был спасен; но воинственным замыслом его не было пищи и поля действия, потому что князья неусыпно наблюдали за его образом жизни. Вскоре у Турпала родился сын. Обстоятельство это имело своим последствием то, что Кабардинские князья, явившиеся приветствовать новорожденного, уговорили Турпала покинуть их владения и отправиться в страну, лежащую по ту сторону Терека, где, говорили они, местность менее населена и следственно ему и его челяди будет более простору. Турпал согласился и его с большим почетом проводили до Сунжи. Там он основался навсегда и со временем племя его распространилось. И так судьба бросила беспокойных выходцев Шама на берега реки, орошающий край, известный ныне под именем Чечни.

В этих преданиях много подробностей, которые по своему очевидно-сказочному характеру не могут иметь никакой важности для

изыскателя; но в них не мало и такого, на чем он должен с любопытством остановиться, дабы получить какой-либо вывод, могущий послужить к разъяснению предмета. Это именно собственные названия лиц и местностей, нисколько не вымышленный, так как они в точности сохранились и до наших времен. Молкх или Малкху и Нахчууо или Турпал Нахчууо – одно и тоже лицо, известное у различных племен под тем или другим именем; но достовернейшее из них Турпал Нахчууо. Это предположение получает большую степень достоверности от того, что Чеченцы себя и по настоящее время называют Нахчууо. Кроме того, имя Турпала Нахчууо сохранилось в одной старинной Чеченской песне, сильно выражающей жизнь удалцев, страстно привязанных к своей отчизне и независимости¹⁴. Вот ее содержание:

«Не охотно приближаешься к старости, не охотно удаляешься от молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, Турпал Нахчууо, я спою вам нашу родную песенку: как искры сыплются от булата, так мы рассыпались от Турпала Нахчууо. Родились мы в ту ночь, когда от волчицы рождаются щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс; такими произошли мы от праотца Турпала Нахчууо. Когда на небе нет туч, тогда и дождь не идет, так и у нас, когда нет думы на сердце, то и глаза не плачут. Если душою не положитесь вы на Бога, то и ее деле не успеете. Не утратим славы имени отца нашего Турпала Нахчууо.»

Эта песня даже в переводе не могла утратить той оригинальности и безыскусственной простоты, которыми отличаются все вообще подобные памятники народной старины.

Но откуда мог явиться Турпал? Считать родиною его Шами – название, под которым, как известно, восточные историки понимают Сирию и столицу ее Дамаск, – было бы далеко от истины, по географическим и историческим соображениям. По нашему мнению, здесь Шами не что иное, как Шамхальство Тарковское, владетели которого с первых веков ислама считались древнейшими и сильнейшими в целом Дагестане. Что Турпал мог быть уроженец этой территории, некогда служившей главным поприщем Аравитян, – это отчасти подтверждается следующим преданием, сохранившимся у Кумыков и сходным по месту действия с предыдущим:

---

¹⁴ Песня эта сообщена мною во Французском переводе Г. Д. С. С. Жилю и помещена в изданном им сочинении о Кавказе, напечатанном в 1859 году в Париже.

Между женами Шамхала Тарковского была Кабардинка, сын которой не только не пользовался любовью отца, но признанный им незаконнорожденным, был лишен права наследства. Это заставило сына удалиться в места, смежные с нынешним Чир-Юртом, где он основался и жил в совершенном одиночестве. Однажды к нему зашел неизвестный странник и просил позволения переночевать в его доме. В беседе с гостем сын Шамхала, между прочим, узнал о своем настоящем происхождении. Желая отомстить отцу, он удалился вместе с странником в Кабарду, искать помощи у своих родственников. Здесь он успел собрать шайку удальцов, с которыми пошел в Таркавское владение. Захватив в плен отца, он заставил его признать наследственные права изгнанного им сына. Следствием этого было то, что он получил в ленное владение всю землю от Сулака вдоль по горным хребтам, до реки Терека. Сюда к нему начали стекаться с разных сторон выходцы; к этой, случайно составившейся орде вскоре присоединилась целая толпа Кабардинцев под начальством Баташа, который основал впоследствии Баташ-Юрт, существующий и поныне. Около того же времени явилась сюда другая толпа – Донских выходцев, предводительствуемых каким-то Андреем, то же в свою очередь основавшим Андрееву деревню (Эндери)¹⁵. По преданию Гребенских казаков, появление последнего на Кавказе совпадает с тем временем, когда Ермак шел на север для покорения Сибири.

Место жительства Чеченцев в древнейшие времена, по весьма темным и сбивчивым преданиям, находилось выше Шуэти, Чабирли и Чаэнти, куда они пришли из Нашихэ, урочища, упоминаемого в вышеприведенном нами рассказе Саит-Курт-Магомета. Рядом с этим именем мы встречаем там же и Меэстэ, где, как говорит Заур, было местопребывание Молкха. Такое тождество двух преданий дает повод думать, что Меэстэ и Нашихэ были первобытными местами жительства Чеченцев, откуда они уже позже перешли к верховьям рек Аксяя, Гудермеса и Хулхулау в землю, известную под именем Ичкерии и называемую самими Чеченцами Нахчи-Мокх, т. е. «место народа». Эпоху описываемых нами происшествий можно определить только приблизительно, считая пределами их конец XVI или начало XVII столетия. Поселившись, в Ичкерии, новом своем отечестве, Чеченцы пришли в соприкосновение с Калмыками, жившими разбросанно по укрепленным деревням на всем пространстве по соседству Ичкерии до

---

¹⁵ Предположение, будто бы Эндери основано казаком Андреем и что оно есть испорченное Андреева (деревня), ошибочно. Эндери, или лучше, Индри, есть Кумыкское слово и значит: «место, где молотят хлеб».

правого берега Терека. Между ними происходили неоднократно столкновения, о которых свидетельствуют курганы, встречаемые на землях занимаемых в то время Калмыками. Расселение из Нашихэ, говорит Заур, совершилось при сыне Молкха, Тинавин-вису, о котором мы сейчас будем иметь случай говорить. Рассказ о нем у Заура несколько сокращен, но по содержанию совершенно схож с тем, который сообщил мне Качкальковский наиб, что меня и заставило оставить без внимания первый и дать преимуществу последнему, как более подробному. Здесь предание получает некоторую историческую достоверность.

Во время оно между Калмыками пронесся слух о необыкновенной красоте одной Чеченки, отбитой Тинавин-вису у Чеченца Каната. Слух этот дошел до Калмыцкого хана. Место жительства этого хана в предании не означено; известно только, что неподалеку от Маюртупа было укрепление Али-Султан-Кала, откуда Чеченцы вытеснили Калмыков и заняли около укрепления место, которое ныне называется Маюр-туп, т. е. «стан храбрых». Итак, когда хан узнал о чудной красоте женщины, увезенной Тинавин-вису, тогда он отправил к нему послов просить у него красавицы для себя, в знак совершенного примирения и дружеского союза. Тинавин-вису согласился и несколько знатных Чеченцев отправились в стан Калмыка с подаренною ему женщиною. Он принял их ласково, не хотел отпустить их без приличного сану его подарка и спрашивал их – чего они желают. Чеченцы, видевшие довольство и роскошь, в которых жил Калмык, просили уступить им земли по сю сторону Терека. Калмык благосклонно их выслушал и объявил, что у него очень много земель за Терек, что земли эти почти необитаемы и следовательно ему ничего не стоит самому перейти за Терек, куда он через месяц и обещал переселиться.

Чеченцы не нахвалятся умом хана, особенно выразившимся в настоящем случае; они говорят, что подобная уступка со стороны Калмыка была следствием весьма благоразумной политики, – что Калмык ясно видел, что ему невозможно будет долее держаться на занимаемых им землях по причине беспокойного и воинственного духа соседей. И так он дал им обещание удалиться за Терек. Два месяца спустя, три Чеченские узденя: Цвантуро-Меэгти и два зятя его Гордоло-Эльгукко, женатый на старшей дочери, и Хорачо-Уэзи, женатый на младшей дочери Цвантуро, отправились осмотреть земли, занимаемые Калмыками, дабы удостовериться, сдержал ли Калмык обещание и очистил ли свои владения на правом берегу Терека. На

всякий случай, целью этого путешествия они выставили охоту, как благовидный предлог, а путем избрали Аксай. Следуя вниз по этой реке, они не встретили Калмыков. Так достигли они Терека, до того места, где впоследствии основали Дадан-Юрт; оттуда они отправились к Сунже, где убили козу и расположились отдохнуть. Место это называется теперь Алахан-Юрт. Оно понравилось Гордоло и он просил старика Меэтти предоставить ему это место; но Меэтти как Дадан-Юрт, так и Алахан-Юрт предназначил себе и зятю своему Хорачо-Уэзи, сказавши Гордоло, что он посмотрит места еще дальше и тогда увидит, что можно будет дать ему. Между тем, отдыхая и жаря шашлык, они увидели на Исти-су дым и приняли это за бивуак оставшихся Калмыков; они встревожились, затушили костер и удалились в лес. Эльгукко вызвался лично удостовериться в справедливости испугавшей их причины. Он стал пробираться к тому месту, где виднелся дым, и приблизившись к нему, был поражен странным зрелищем: хромой и расслабленный заяц подошел к ручью, выкупался в нем и вышел на берег совершенно бодрым. Ручей этот славится в настоящее время свойством вылечивать ломоту. Эльгукко прокрался к тому самому месту, откуда поднимался дым и не нашел там никого, а то, что они приняли за дым, было не что иное, как пар испускаемый горячим источником. Здесь Эльгукко удалось убить тура, которого один рог он принес к двум своим товарищам. Умахан-Юрт и Исти-су были отданы Эльгукко.

Цвантуро, Эльгукко и Хорачо, удостоверившись, что Калмыки окончательно покинули занимаемые ими земли по правую сторону Терека, возвратились в Ичкерии и объявили всему племени Чеченцев, что оно может наконец поселиться на покинутых Калмыками землях. И так племя Чеченцев заняло все пространство между правым берегом Терека, Сунжею, хребтом гор, опоясывающим нынешнюю Чечню и Старыми Аксаем, теперь не существующим; аул этот находился подле Герзель-аула и существовал до умерщвления генералов Лисаневича и Грекова (в 1825 году), после чего Старый Аксай был совершенно срыт и сравнен с землею.

Что касается до трех предприимчивых Чеченцев, отважившихся обозреть покинутые Калмыками владения, то они разделились следующим образом: на долю старика Цвантуро-Меэтти и его зятя Хорачо-Уэзи достались Дадан-Юрт, Алахан-Юрте и Ойсенгур. Сам Цвантуро поселился в Ойсенгуре. Гордоло-Эльгукко получил во владение Умахан-Юрт и Исти-су.

Предание, рассказывая нам в таком виде переселение Чеченцев из гор на плоскость, не опровергает того мнения, что выход их был вынужден, вследствие размножения населения и тесноты в горах. Выселились же они на равнину обширную, покрытую густым непроходимым лесом, нашли здесь большое раздолье, прорубили себе поляны и селясь отдельными хуторами, в короткое время обзавелись стадами и табунами лошадей и сделались весьма зажиточны.

Домашняя жизнь Чеченцев в это время носила даже некоторые следы гражданственности и довольства. Сами Чеченцы и теперь еще рассказывают, что в старину котел, как символ семейного очага, считался чем-то священным. В такой-то фамилии, говаривали, столько-то котлов. Чем больше какая-либо фамилия или род насчитывал у себя котлов, тем сильнее и почетнее был этот род.

Но Чеченцам не давала покою врожденная им страсть к удалству; они стали делать набеги на соседей: к Кумыкам за Мичик, в Малую Кабарду за Сунжу и за Терек, – словом, стали грозой других племен, забирая везде добычу и пленных. Это развило в Чеченцах гордость, жажду крови и ненасытную алчность; они стали смотреть на все соседние племена с презрением. Не в это ли время своей необузданной и соединенной деятельности Чеченцы назвали себя Нахчуй или народ, т. е. *le peuple par excellence*? Горцев, даже Чеченского происхождения, они и теперь называют Таули¹⁶.

---

¹⁶ Кумыки и казаки па Левом Крыле линии называют Тавлинцами вообще всех горцев, живущих на южной стороне хребта Салатау и далее внутрь Кавказских гор. Название это происходит от слова тау, гора. Точно таким же образом жители Кахетии и вообще всей Алазанской долины, равно как и Грузины называют Лезгин, живущих за главным Кавказским хребтом, Дагестанцами от татарского слова даг, гора.

Между Чеченцам сохранилось между прочим воспоминание о следующем событии:

Спустя около 100 лет после выхода их из гор, когда они уже значительно размножились и разбогатели, бывшие их одноплеменники, но оставшиеся в горах, т. е. Тавлинцы, жители верховьев Аргуна и Хулхулау, завидуя их благосостоянию, пошли огромным скопищем на них за добычей. Они спустились на равнину из Аргунского ущелья, где ныне крепость Воздвиженская, и направились к Ханкальскому ущелью. Чеченцы не препятствовали им двигаться вперед, показывая вид, что сами хотят укрыться в леса с семействами и скотом: на самом же деле это была хитрость, посредством которой Чеченцы успели обойти Тавлинцев в тыл у выхода из Аргунского ущелья. Тогда Тавлинцы, видя, что им заграждено

Таким образом совершилось водворение племени Нахчууо на огромном пространстве, называемом ныне Чечнею. Сверх того в Чечне селились в разный времена выходцы и других соседних племен. Но коренными Чеченцами должно считать только потомков Нахчууо, которые и до сих пор себя называют по имени своего праотца и составляют сословие узденей, т. е. дворян. К этому сословию принадлежат лишь коренные жители тех аулов, которым различный отрасли фамилии Нахчууо дали свои имена, как-то: Харачи, Цуонтари, Гордоли, Белготи, Беяни, Гуни, Экишбачи, Елохоймохий, Ширдимохни, Дышнимехки, Зандок, Черупой, Сесени, Черми, Алерм, Антни, Аникалли, Блитти, Эрсени, и н. др. Некоренной житель одного из названных аулов не вправе считать себя Нахчууо, т. е. Чеченцем. И так почетнейшие Нахчууоские фамилии (тохумы) дали названия аулам, ими основанным. Эти названия и донныне сохранились с прибавлением слов: аул или юрт, что означает селение или деревня.

Но огромное, воинственное и беспокойное племя Чеченцев не могло сохранить на долго свою самостоятельность, которая поддерживается только взаимною непоколебимою связью различных отраслей между собою. В их необузданном характере лежали начала племенной разрозненности, при которой немыслима целостность и гражданственное единство какого бы то ни было народа. Между аулами начали возникать поземельные споры, оканчивавшиеся нередко кровопролитием. Это заставило Чеченцев искать над собою власти. Некоторые знатнейшие фамилии вызвались было управлять ими, но Чеченцы отвергли их предложения, из опасения утратить под аристократическою властью своих родичей и последнюю тень независимости и сделаться жертвою пристрастия и несправедливых действий. Они предпочли признать над собою власть чуждого, но единоверного им владетеля и с этой целью решились отправить депутацию к Шеами-хану (Шамхалу Тарковскому), с просьбою прислать к ним доверенное лицо для разбирательства их споров и решения поземельных прав¹⁷. За неприкосновенность его ручались

отступление, пытались пробиться назад, но мгновенно были окружены и рассеяны, при чем больше половины их было истреблена. С тех пор между Чеченцами осталась поговорка; чтобы выразить понятие о каком-нибудь большом количестве ничтожных предметов, они говорят: «это дешевле, чем тавлинские папахи на Аргуне».

¹⁷ С таким же поручением ходила депутация к Шеами-хану и от Ауховского общества и также выпросили себе князя для решения между

лучшие Чеченские фамилии. В вознаграждение за труды этого доверенного лица, они обязывались платить ему по одной мере хлеба с каждого двора, по одному барану с каждого стада и т. д. Местопребыванием ему они назначали Старый Аксай. Шеами-хан согласился и отправил к Чеченцам Султа-Мотта, а по уверениям других, Али-Бека.

Любопытно сказание об определенной Чеченцами по этому случаю мере хлеба. В то время Чеченцы не имели никакого понятия о деревянной посуде; они отрубили часть дупла и к одному из отверстий ее приставили дно. Это, говорят, послужило первообразом меры, общеупотребительной почти у всех туземцев и известной под названием сабы. Кумыкский князь, т. е. присланный от Шеами-хана наместником, не довольствуясь получаемой им платою, заменил назначенную Чеченцами меру другою, несколько большею. Один Чеченец, заметив подлог и видя разницу в величине сабы, швырнул ее у него же на дворе и разбил в дребезги. Испугавшись такого явного негодования, Кумыкский князь бежал с своими приближенными, опасаясь народного волнения и новых оскорблений. Но представители тех фамилий, которые должны были отвечать пред Шеами-ханом за неприкосновенность особы присланного им князя, бросились за ним в погоню и настигли его в том месте, где теперь лежит Хасав-Юрт. Они уговорили его вернуться в Аксай и остаться у них правителем.

Таким образом Кумыки появились в первый раз во владениях Чеченцев. Им дозволено было пользоваться землями только по ту сторону Аксая и Чеченцы взяли с них обещание никогда не переправляться через эту реку; но впоследствии времени Кумыки постепенно и исподволь завладели Чеченскою плоскостью, отчего она и носит теперь название Кумыкской¹⁸.

Об Аксае и Кумыках упоминается и в предании, сохранившемся о походе Петра Великого к Дербенту. Конница его шла сухим путем сначала вдоль по Качкадыковскому хребту и потерпела урон на реке Аксае от Уцмия, потом бригадир Апраксин был разбит около нынешней кр. Внезапной, а рейтеры Петра Великого сброшены с кручи сильным натиском горских племен. Кумыки и теперь показывают это место на обрывистых берегах Акташа.

ними поземельных споров. Резиденция этого князя была в селении, и теперь еще существующем и называемом Индри (Эндери).

¹⁸ Кумыкскою плоскостью и до сих пор туземцы считают только пространство между левым берегом Сулака и правым Аксая. Начиная от левого берега Аксая, плоскость называется Качкадыковскою.

Чтобы наказать за это горские племена, Петр Великий пригласил Калмыцкого Хана вторгнуться за Терек с своими ордами. Ряд курганов обозначает путь, по которому следовали полчища Аюки, а в двух верстах от старой Внезапной крепости показывают большой насыпной холм, где стояла ставка алмылкого Хана. Внутри одной из котловин Большой Чечни есть также на Мичике остатки укрепления Калмыцкого Хана.

Чеченцы некогда были, по существующим между ними преданиям, христианами. Впоследствии у них начал распространяться ислам, к чему много способствовал Шейх Ман-сур, и следы христианства постепенно исчезали. Один из значительнейших тохумов (фамилий) Чеченских принял последний мусульманскую веру около 90 лет тому назад. Кроме того следы христианства сохранились и в самом языке: так по-Чеченски неделя называется, как у грузин, квирэ, а воскресенье квирендэ, т. е. недельным днем; пятницу же они называют пирескэ от греческого и грузинского параскеви. Слово это ныне заменено словом джум'э. – Кроме этих признаков можно указать еще на следующее: в Большой Чечне, при входе в Аргунское ущелье, близ аулов Атага и Чахкери, в том самом месте, на котором построена крепость Воздвиженская, найден был большой каменный крест, похожий формою на древний грузинский, с углублением для образа. От этого крепость и получила настоящее свое название¹⁹.

Чеченцы указывают близ Грозной, против Ханкальского ущелья, переправу на р. Сунже, говоря что здесь когда-то был мост Тамерлана. Переправа эта и до сих пор называется по-Чеченски Тай-Астага-Тимер, т. е. мост хромого Тимура. Но предание это Чеченцы заимствовали или у Ногайцев или у Кумык. Это видно из того, что мост известен более под татарским именем Копыр-Аксак-Темур. Чеченцы, по всем верованиям, основанным на преданиях и исторических соображениях, выселились из гор на низовье гораздо позже нашествия Тамерлана на Кавказ.

Сообщив в этой главе все, что мы успели по настоящее время собрать о старине Чеченского народа, нам остается сказать еще несколько слов о происхождении названия Чеченцев.

Рассказы об этом предмете весьма различны и большею частью носят сказочный характер.

---

¹⁹ См. статью мою: Краткий Обзор Горских Племен на Кавказе. Тифлис 1858 г. Стр. 32-33.

Саит-Курт-Магомет, в своем предании о родоначальнике Чеченцев, говорит, что когда у Али родился сын и ребенка начали обмывать, то заметили, что у него были сжаты пальцы правой руки. Когда их раскрыли, нашли в руке слизистый кусок похожий на сыр. Это послужило причиной дать малютке имя Нахчи – слово означающее на Галгаевском наречии и вообще у всех Чеченских племен сыр.

Другие напротив того говорят, что Русские, живя в старину по Тереку и находясь в близких сношениях с Монголами, знали язык их, говорили на нем и вообще привыкли к его звукам. Но когда вследствие движения из Нашихэ, прибыло на плоскость племя, говорившее особенным наречием, то Русские, слыша горловые и шипящие звуки, дали этому племени название чечетка, намекая этим на то, что пришельцы говорили как бы по-птичьи. Они чеченят (щебечат), говорили про них Русские, – отсюда название Чеченец, и с ним вскоре свыклось и то самое племя, которое получило это прозвище²⁰.

Третьи говорят, что у Турпала Нахчууо в числе имен было одно, подходящее к слову Чечен.

Достовернее же всех этих рассказов то, что слово Чеченцы произошло от аула Большой Чечен, находившегося на берегу Аргуна у подошвы Сюйри Корта Чачани, одной из двух гор, возвышающихся на плоскости Большой Чечни и образующих между крепостями Грозной и Воздвиженской так называемое Ханкальское ущелье. В настоящее время существуют только следы Большого аула, тогда как имя его так вкоренилось и усвоилось, что не только сделалось общепринятым у Русских для обозначения целого народа, но даже весьма часто употребляется самими Чеченцами. Кумыки называют ближайших к ним Чеченцев за рекою Мичик-Мичигиш; тех же, которые от Мичика расселились в глубь до Андии – Ичкерии, т. е. дальше или живущие там где-то. Под именем Мичигиш они известны и Кабардинцам. Лезгинам же имя это вовсе неизвестно: они не имеют даже общего имени для своих соседей, горных Чеченцев, которых называют по отдельным их обществам. Сами Чеченцы себя называют Нахче, т. е. «народ» и это, как мы сказали выше, относится до всего народа, говорящего на Чеченском языке и его наречиях. Слова Мачигиш и Нахче примяты на Кавказе только Кумыками, Кабардинцами и

---

²⁰ См. Русский Инвалид за 1856 год. Война в Большой Чечня. № 160. Стр. 689.

Чеченцами, в России же и в западной Европе известно одно общее имя – Чеченцы²¹.

На страницах нашей отечественной истории имя Чеченце в первый раз встречается в 1708 году, а именно в договорной статье Калмыцкого Люки Хана, учиненной на р. Ахтубе с Ближними Министром, Казанским и Астраханским Губернатором Петром Апраксиным. О вечном и верном Российскому Государю со всеми улусами подданстве, о всегдашнем при Волге кочевании, о защищении низовых городов от всех неприятелей, о неперехождении ему на горную сторону реки Волги, об удержании Чеметя и Мункотемира от набегов и о преследовании Чеченцев и Нагайцев²².

---

²¹ См. статью мою: Краткий обзор Горских Племен на Кавказе. Тифлис. 1858 года. Стр. 31.

²² См. Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1619 года. Т. IV. 1700-1712. Стр. 419. Статые 2207, и 708 года. Сентября 30.

ЧАСТЬ 2.
СБОРНИК СВЕДЕНИЙ О КАВКАЗСКИХ ГОРЦАХ
ВЫПУСК 1
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ АРГУНСКОГО ОКРУГА.
Статья А.П. Ипполитова.

тифлис 1868

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Аргунский Округ. – Его величина; число жителей. – Племена, его населяющие; их происхождение, вера, язык. – Внутреннее подразделение их. – Религиозные обряды.

Глава II. Суеверия и предрассудки горцев чеченского племени.

Глава III. Народные сказания горцев чеченского племени. – Песня о Хамзате. – Песня об Эль-Мурзе. – Сказка о пророке Соломоне. – Басня о медведице.

Глава IV. Сословные классы горцев чеченского племени. – Военное значение Аргунского округа во время имамета и в настоящее время. – Памятники древности.

I

Аргунский округ. – Его величина; число жителей. – Племена, его населяющие; Вера, язык. – Внутреннее подразделение их. – Религиозные обряды.

Аргунский округ, в его настоящем административном виде, граничит к северу с Чечнею и Галгаевскими обществами, к югу – с Ичкерией и Андией, к востоку – с Чечнею, западной же своей стороной он соприкасается с Тушетией и обществом Малхистинским.

Величина Аргунского округа до сих пор еще не определена, но, по занимаемой им территории, это один из больших военно-народных округов Терской области. Число жителей его, по последней камеральной ведомости, составленной в 1866 году, доходит до 25 тысяч душ обоего пола. Все народонаселение этого округа, распределенное на 200 аулов, происхождения чеченского и говорит одним языком с населением Чечни. Общество же Чаберлой хотя и говорит тем же языком, но видно, что язык этот не родной его язык, а только усвоенный им, вследствие частых сношений и родственных связей, от других отраслей чеченского племени.

У чаберлоевцев есть поверье, что они происхождения русского; об этом они говорят неохотно и даже скрывают предание, приписывающее им славянское происхождение; но во всяком случае

несомненно то, что общество это, по происхождению, совершенно отлично от других племен, населяющих Аргунский округ, чему доказательством служат характер, черты лица чаберловцев и наконец чеченский язык, на котором они говорят как иноземцы.

Не вдаваясь далее в исторические изыскания о степени достоверности упомянутого предания чаберловцев о их русском происхождении, можно однако же принять его как более или менее правдоподобную гипотезу, особенно если мы припомним, что, начиная со времен удельной системы в древней России, Кавказ всегда служил приманкою не только для русской вольницы и авантюристов, живших на окраинах государства, но и целые дружины, отправляясь в этот край, не возвращались более назад. Это факт, подтверждаемый историей.

Как бы то ни было, но мне кажется, что в Чаберлое, в некоторых фамилиях, и теперь можно отличить еще славянский тип, не смотря на то, что племя это выродилось, перемешалось с андийцами, чеченцами и т. д.

Остальные племена, населяющие Аргунский округ, считаются нами все происхождения одинакового, т. е. чеченского, потому вероятно, что они говорят одним и тем же языком с Чечнею. Что большая часть племен Аргунского округа и племена, населяющие Чечню, одни и те же – это бесспорно, но совершенно ошибочное мнение, приписывающее всему народу чеченскому и племенам этим единство, общность происхождения, между тем как каждое племя (тайпа), на самом деле, считает себя происхождения по большей части различного. Так, например, фамилия Зумсой считает себя происхождения грузинского, Келой – тушинского, Ахшипатой – фиренгеского, т. е. европейского; родоначальники фамилии Варандинской – выходцы из Хевсуретии. Многие фамилии считают себя происхождения греческого и т. д. Из всего этого ясно видно, что чеченскому народу общности происхождения – как мы это делаем – приписывать нельзя ни каким образом, и что звенья, связывающие все те племена или фамилии (тайпа), из которых он состоит, это – вера, язык, одинаковая историческая судьба и совершенно одинаковые интересы и убеждения.

Каждая фамилия в свою очередь подразделяется на несколько отдельных колен или родов (гар).

Сословных каст здесь нет вовсе, хотя некоторые фамилии и считаются происхождения высшего, нежели другие; так, например, фамилия Ахшипатой, вышедшая прежде других на плоскость Чечни и

взыскивавшая когда-то подать за эту землю, признается за аристократическую.

Господствующая и, надо прибавить, единственная вера здесь – мусульманская, сунитской секты. Христианами чеченцы никогда не были. Между тем нельзя того же сказать про некоторые пленены Аргунского округа, соседние с галгаевцами, как например общество акинское.

Галгаевцы были христианами еще в очень недавнее время, точно также как и кабардинцы, у которых, если верить словам генуэзца Интериано²³, посещавшего этот край, еще в половине XVI столетия были греческие священники. Водворилось же там христианство далеко ранее этого времени, так что уже в XI и XII столетиях оно существовало в Кабарде, поддерживаемое усилиями русских князей, царивших в Тмутаракани. При Иоанне Васильевиче Грозном, после покорения им царства Астраханского, т. е. в 1555 году, христианская вера уже исключительно господствовала в Кабарде, и только уже в конце этого столетия, стараниями крымских ханов, а потом турок, кабардинцы стали мало-помалу обращаться к исламу. Обращение это совершалось тем легче, что лучшие княжеские фамилии не переставали исповедовать учение ислама, вынесенное предками их из Египта.

Вследствие всего этого галгаевцы, тогда еще идолопоклонники, необходимо должны были подчиниться влиянию кабардинцев и ближайших своих соседей, осетин, в то время тоже христиан, и принять веру, которую исповедовали эти два народа. Грузия также в свою очередь не могла сильно не влиять в этом случае на галгаевцев, тем более, что, начиная с Тамары, подчинившей владычеству своему большую часть горских племен, цари грузинские всеми силами старались распространять между ними христианство. Надо полагать, что христианская вера в галгаевском и кистинском обществах глубоко в то время пустила корни свои: лучшим доказательством этому служат древние храмы, находящиеся в их обществах и из которых некоторые по архитектуре своей вполне заслуживают внимания. Христианство между этими племенами впоследствии исчезло, но верования, а иногда и обряды этой религии, хотя и бессознательно, до сих пор еще чтутся: христианские ли это верования – народ сказать не может; он даже убежден в противном, но тем не менее их чтит преемственно, по преданию. И это, более нежели

---

²³ Dubois de M. Pereux. L. 1. p. 91.

существование самих храмов, доказывает, как некогда сильна была христианская вера в этом народе.

Акинское общество, близкое к обществу галгаевскому и кистиным как по географическому своему положению, так равно и по единству происхождения, также было некогда, вероятно, обществом христианским, хотя верования этой религии в настоящее время едва ли уже можно отыскать у акинцев. Это и понятно: акинское общество замирено только в 1858 году, а потому гнет мусульманских имамов и в особенности верховная цензура Шамяля, проверявшая не только поступки, но и самый образ мыслей и следившего за чистотою исламизма так строго, что всякое проявление идеи, противной его догматам, наказывалось беспощадно смертью – все это не могло не отразиться на акинцах и не стереть у них всякие следы христианских верований и памятников.

Религиозные обряды здешних горцев общины, следовательно, с обрядами других мусульман. Здесь нельзя встретить того, что существует у тех племен горских, у которых мусульманство водворилось недавно, так что у них сквозь верования исламизма проглядывают еще идеи языческие. У тех религиозные обряды получают часто свой особый отпечаток. Так, например, у некоторых племен закубанских, при похоронном обряде, древние языческие обычаи и правила, предписываемые кораном, совершенно смешиваются и элемент языческий даже преобладает над этими последними. У чеченцев подобных обычаев при исполнении религиозных обрядов встретить нельзя; воспитанные в школе муллы Магомета, Кази-муллы и Шамяля, они вынесли из нее, если не чистоту самого учения и его дух, то, по крайней мере, строгое следование ее наружным обрядам.

Если же и при их обрядах встречаются иногда различные обыкновения, не строго, по-видимому, согласные с предписанием религии, то на самом деле они духу этой религии не противоречат, а основанием своим имеют народный обычай. Правда, что, разбирая внимательно обычаи чеченцев, и в них можно также найти идеи языческие, но подобные же идеи встречаются в религии и обычаях каждого народа, даже и христиан; стоит только припомнить свадебные обряды некоторых местностей России, не говоря уже про различные обычаи чисто языческие, как например – завиванье венков, ночь Иванова дня, масленицу и проч., распространенные у нас повсеместно.

У горцев, как и вообще у всех мусульман, обряды брачный и похоронный – главные, а потому постараюсь подробно описать их.

У них, точно также как у европейцев, браки заключаются или по страсти или по расчету. Но как девушка, за весьма редким исключением, приданого за собою не приносит никакого, то обыкновенно стараются выбрать себе невесту из сильной фамилии или сильного и почетного семейства: это обстоятельство при выборе невесты стоит всегда на первом плане; красота и качества ее – дело уже второстепенное. Задумавши сватовство и получивши на это согласие родственников невесты, жених делает уже предложение формальное: выбираются два или три почетных человека, обыкновенно родственники жениха, и едут к отцу девушки. Если он согласен – ему отдают калым или часть калыма²⁴, и дело считается оконченным.

---

²⁴ На мусульманские калымы европейцы вообще смотрят чрезвычайно ошибочно. Их обыкновенно считают платою, даваемою женихом отцу или родственникам девушки за свою невесту, как за какую-нибудь вещь. Между тем это мнение не верно. Калым есть ничто более как приданое, даваемое невесте самим же женихом; он составляет обеспечение всей ее будущей жизни и есть исключительно ее собственность.

Цифра калыма различна и зависит от большей или меньшей степени богатства народа, равно как и от общественного положения девушки. Между теми племенами горцев, где есть сословные различия, калымы в прежнее время были значительны. У кабардинцев, например, даже в последнее время они доходили до 1500 руб. сер. за дочь князя; за дочь узденя от 1000 до 400 руб. Из числа этой суммы половина отдается тотчас же, а другая половина остается обыкновенно за мужем. В случае, если бы муж дал развод своей жене или умер, она сполна весь калым (наках) и получает. Лет сто тому назад, когда монеты в обращении между горцами было весьма мало, калымы почти все сполна выплачивались панцирями, шишаками, оружием и холопами, а в особенности холопками. Бывали примеры, что за дочь князя платился калым в десять холопок, в счет которых давалось обыкновенно два дорогих панциря, два шишака, два налокотника, две шашки, а остальное доплачивалось или лошадьми или же действительно холопами. Стоимость упомянутых вещей доходила, в старое время, иногда до 14 холопов-унаут за панцирь или шашку. И теперь еще можно встретить горцев, у которых эти вещи, большую частью все времен Крестовых Походов или периода существования республик Генуэзской и Венецианской, бережливо, как святыня, хранятся в сундуках и только раз или два в год вынимаются самым близким узденем или аталыком для чистки. Между этими вещами встречаются такие, которые для наших европейских антиквариев были бы действительной находкой.

У племен чеченского происхождения, где, говоря вообще, народ не богат и где сословных классов, так редко очерченных, как напр. в Кабарде,

Взять назад свое слово – жених имеет право; но ни невеста, ни ее родственники, по получении калыма, не имеют уже права отказаться от своего обещания, не нанося этим обиды жениху. Если же девушка, засватанная за одного, выйдет замуж за другого, то это необходимо навлекает месть на ее родственников и такое происшествие редко не оканчивается кровью.

Засватавши девушку, жених делает подарки ее отцу, деду или дяде – кому-либо из главных и ближайших ее родственников; дарится обыкновенно оружие, лошадь, кусок шелковой материи и проч. Время свадьбы зависит от согласия обеих сторон и может быть отложено на срок неопределенный. Во все это время жених имеет право свою невесту посещать, стараясь только не встречаться с ее отцом и матерью. За четыре дня до свадьбы, невесту везут в дом родственников жениха. Обыкновенно посылают за ней, на арбе, какую-нибудь старую женщину, с бойким и острым языком, и с ней вместе человек двадцать – тридцать молодежи, любителей всякого рода скандалов и бурных сцен. Вся эта толпа, недалеко от дома невесты, встречается криком и бранью мальчишек, камнями и выстрелами; но не смотря на это, отшучиваясь и защищаясь каждый как сумеет, посланные подъезжают к ее дому. У дверей ее комнаты они, обыкновенно, встречают одного из родственников девушки, который при их приближении запирает дверь и требует подарка. Ему дается кинжал – и заветная дверь отворяется. Но там их встречает другое препятствие: вместо цербера мужского пола, в комнате невесты ожидает их множество церберов-женщин: это – родственницы и подруги невесты, собирающиеся к ней за несколько дней до свадьбы, чтобы заготовлять вместе ее приданое и свадебные подарки, как-то: тесьмы, галун, пистолетные чахлы и прочие недорогие вещицы. Женщины встречают посланных за невестою истинно по-женски – иглами, булавками, ножницами, рвут на них черкески и бешметы, отнимают шапки, так что половина из них выходит из комнаты без рукавов и без одной или обеих пол платья. Когда достаточно пошумели, посланные за невестою угощены, и поезд вместе с нею тронулся в обратный путь, его провожают снова камни мальчишек и ружейные залпы взрослых.

Три дня празднуют свадьбу в доме одного из родственников жениха. Но сам он во все это время уходит из дома и не имеет права показываться ни невесте, ни гостям, о которых заботятся уже старшие

никогда не было, калымы (урдау) не превышали никогда цифры 250 р. сер., обыкновенно же были всегда и менее. Меньшая цифра их 28 р. с. за девушку в 14 р. сер. за вдову.

из его родственников. На четвертый день совершается обряд бракосочетания.

Мулла, с двумя свидетелями, идет сначала в комнату невесты и, выславши оттуда всех, за исключением одной или двух маленьких девочек, спрашивает ее: *«желает ли она выйти замуж за такого-то, сына такого-то и за столько-то калыма»?* после утвердительного ее ответа, он идет к отцу девушки и спрашивает его: *«желает ли он отдать дочь свою такому-то и за столько-то калыма»?* Вслед за тем он идет к жениху и, взявши его за руку, точно также делает подобные же вопросы и ему, строго наблюдая, чтобы кроме двух свидетелей никто из посторонних его ответов не слышал: о происхождении этого последнего обыкновения я упомяну, говоря о суеверии горцев. По прочтении молитвы брак считается заключенным.

Вышедши замуж, женщина, в первое время после свадьбы, не имеет права ни видаться, ни говорить со своим мужем не только в присутствии посторонних, но даже и родственников. Если муж вечером бывает у нее, то он старается, чтобы этого никто не заметил; в противном случае он подвергается различным шуткам и насмешкам и на него смотрят как на человека, не уважающего закона своих предков. В Кабарде требования подобного же обычая идут еще далее. Там можно встретить людей, которые, будучи двадцать или тридцать лет женаты, никогда не входили и не выходили из комнаты своей жены так, чтобы это мог кто-либо заметить. Говорить молодой женщине, в первые дни своего замужества, с отцом своего мужа или старшими родственниками – чеченский обычай также не позволяет. Все приказания их она исполняет молча. Видеться со своею матерью и идти к ней в дом она может не прежде, как по прошествии нескольких месяцев.

Вошь весь свадебный обряда у горцев здешних обществ и вообще целого чеченского народа. Добавить к этому можно только еще один обычай, господствующий между ними повсеместно, но значение и происхождение которого между тем никто из них объяснить не может. Обычай этот требует, чтобы по прошествии пяти-шести дней после свадьбы новобрачная, взявши большую чашку блинов и кувшин, в сопровождении целой толпы женщин, с песнями и музыкой, отправлялась на реку и там бросила, один по одному, несколько штук блинов в воду, проколовши предварительно каждый из них иглою или булавкой. После этого, зачерпнувши в кувшин воды, она снова провожается обратно домой. С того же времени она становится вполне женщиною-хозяйкой и получает право, наравне с другими женщинами,

ходить на реку за водой; до этого же дня она из комнаты не выходит и никому не показывается.

Я рассказал про обряд бракосочетания, совершающейся по согласию родственников невесты на предложение ее сватающего. Часто же случается так, что молодой человек, получивши отказ или не надеясь, что его сватовство будет принято, уговаривает предварительно девушку, крадет ее силою: по крайней мере, девушка всегда показывает вид, что она увезена насильно. Он увозит ее к себе в дом, или бежит с нею в другие аулы и потом уже посылает к родственникам невесты калым и просит их о примирении. Так как согласие на брак для них остается единственным разумным средством, чтобы загладить пятно, которое необходимо падает на девушку, если бы она похитителем была возвращена обратно, то, обыкновенно, согласие всегда и дается. В тех же случаях, когда отец девушки, или тот из родственников, от кого она зависит, не хочет изъявить согласие свое на ее брак, прибегают к кадию, или старшему мулле, который, по закону, заменяя собою отца невесты, ей этот брак и разрешает. Без предварительного согласия девушки подобных похищений никогда в настоящее время не делается. В прежнее время, до Кази-Магомы и Шамиля, они однако же редкостью не были: власть людей, стоявших в главе народа, была тогда слишком бессильна для того, чтобы наказать похитителя, так что если родственники похищенной девушки не были сами в состоянии отомстить ее позор, то он оставался безнаказанным. В большей части случаев подобные подвиги наездничества всегда оканчивались кровью.

Вследствие прежних условий быта горцев, хищничество глубоко привилось к их нравам и обычаям, а потому весьма часто случается и так, что жених, вместо того чтобы взять засватанную уже им девушку из дома ее родственников обычным, установленным порядком, крадет ее тайно, с ведома самих же ее родственников. В прежнее время две трети свадеб, как в Чечне, так и в здешних обществах, совершалось таким порядком: считалось совестным и недостойным мужчины и порядочного человека взять себе жену иным путем.

В горных обществах чеченского племени, до подчинения их русскому правительству, было весьма сильно развито обыкновение - засватывать своих дочерей в малолетстве; обычай этот господствовал отчасти в Чечне, хотя и в меньшей степени. Между племенами, вошедшими в состав настоящих округов Аргунского и Ингушевского, он был принят однако же повсеместно. В залог будущего калыма

давалась пуля, хазырь черкески, или несколько абазов денег, – и дело считалось решенным. Обыкновение это, в высшей степени вредное, в настоящее время совершенно уничтожено.

Что касается до *похоронного* обряда чеченцев, то он сложен еще менее, нежели обряд брачный, и чужд всех тех правил и обыкновений, которые вносятся обычаем при свадебных церемониях.

Когда родственники больного видят, что наступает последний час его, посылают за муллою, который и начинает читать над ним молитву (*ясын* – отходную христиан). Женщины, в изъявление своего горя, громко плачут, бьют себя в грудь, царапают лицо ногтями и рвут волосы. Как только больной скончался – их тотчас же удаляют, или заставляют силою молчать, так как подобное выражение печали совершенно противно духу мусульманской религии. Все удаляются из комнаты умершего и мулла со своими мутаалимами начинает готовить тело для погребения. Он кладет его на чистую дубовую доску или скамью, нарочно для этой цели сберегаемую в больших мечетях, берет кувшин воды и оmyвает тело. Потом берет кусок полотна, или белой бумажной материи, и завертывает в него труп; после этого он завертывает его в другой кусок такой же материи и потом в третий. Оторвавши от этого савана две неширокие полосы, он ими завязывает саван над головою умершего и ниже ног его. Я забыл упомянуть, что в рот, глаза и уши умершего кладется, обыкновенно, вата. Приготовленное таким образом к погребению, тело оставляется на постели, а родственники и знакомые покойного тихо его оплакивают. Тогда, обыкновенно, одна из присутствующих женщин встает и начинает петь надгробную песнь. Впрочем, это не есть собственно песнь, а скорее причитанье, которое и у нас в большом употреблении в низшем классе народа. Плакальщица высчитывает, по большей части, достоинства умершего, его качества и сетует, зачем он оставил свое семейство и детей. «Ты оставил нас, а мы все так тебя любили! Ты ушел от нас в лучший мир, где нет ни печали, ни горя, а одни только радости. Но кто же позаботится, о твоём семействе и детях? кто их накормит, кто защитит их от злого человека?» Так в большей части случаев говорит она. Иногда она высчитывает различные происшествия из жизни покойного и вообще смысл ее причитанья сообразуется с обстоятельствами его прежней жизни и

положением, которое он занимал в своем народе. Когда одна женщина окончит – начинает другая, потом третья²⁵ и т. д.

Во все время этой надгробной речи присутствующие хранят глубокое молчание, прерываемое лишь стоном и рыданием их. Но так как мусульмане погребают своих мертвых в самый же день их смерти, то эта печальная сцена продолжается, обыкновенно, недолго. Тело кладут на арбу и везут на кладбище. Многие чеченские фамилии имеют свои родовые кладбища, а потому умершего везут иногда за несколько десятков верст. Если встретится на пути другое какое-либо

---

²⁵ Я привожу для образца надгробную импровизацию, сохранившуюся, слово в слово, в памяти народа, потому что в свое время она наделала в одном из здешних горных обществ много шума и толков. Дело в том, что по смерти одного человека, пользовавшегося в этом обществе большой известностью, его оплакивали две женщины: его жена, старавшаяся из чувства любви, конечно, выказать его пред народом как наездника, владельца наследственной башни и человека, жившего открыто и принимавшего много гостей, – качество, весьма уважаемое горцами, – и другая женщина, которая, напротив того, из ненависти, старалась изобразить в своем причитанье жизнь покойного, как жизнь простого работника – дровосека, косца, пахаря, одним словом как человека, жившего своим личным трудом, – обстоятельство, на которое горцы смотрят по большей части с презрительным снисхождением.

Жена умершего: «О мой Тесса (собственное имя)! Ты умер, – пусть же умрет и хозяйка твоего дома: не жить ей уже более со своим мужем».

«Не говорю я, что та дорога, по которой ездили в наш дом гости, порастет травой и исчезнет. Не говорю я, что твоя родовая крепкая башня достанется чужим людям, а не детям твоим (при каждой фразе плакальщица обыкновенно останавливается и громко рыдает). Не говорю я, что то ружье, которое носил ты на своих гордых плечах, будет запыленное на стене висеть. Не говорю я, что твой черкесский пояс, с серебряными подвесками, обнимавший твою тонкую талию, будут носить чужие дети. Не говорю я, что твоя стальная шашка будет, заржавленная, в своих ножнах покойно лежать...

Одна из присутствующих: Для сырой травы – с блестящей косою, ты был хороший косец. Для желтой земли – за черным плугом, ты был хороший пахарь. Для ветвистого дерева – с острым топором, ты был хороший дровосек.

Жена: «О мой Тесса! У горящего камина твоего дома ты был для нас важный князь. Пока голова твоя была на плечах – она бросала тень и в тени ее я скрывалась с детьми. Теперь я плачу о твоих бедных детях: кто их будет кормить и кто за ними будет смотреть?»

кладбище, мулла и все присутствующее останавливаются и читают молитву за всех вообще умерших (доадер), причем все поднимают в это время руки и держат их несколько секунд обращенными ладонью к лицу. Подъезжают, наконец, к родовому кладбищу покойного; там могила уже готова и два или три человека, осторожно, вместе с одеялом, на которое положено тело, поднимают его и тихо опускают в могилу, где его принимает мулла; он развязывает тесьмы савана и кладет умершего на правый бок, обращая головою по направлению к западу. Тело покрывается дубовой доской, которая утверждается над ним наклонно к ногам мертвого. После этого, засыпавши могилу землею, мулла и присутствующее молятся и потом, за исключением муллы, все от нее удаляются на довольно большое расстояние, так, что около нее остается один только мулла. Тогда он берет приготовленный заранее кувшин с водою, снова читает молитву (заам) и три раза поливает из кувшина могилу, в головах умершего. Исполнивши это, он тотчас же быстро от нее отходит.

По поверью мусульман, или, как уверяют муллы, по сказанию их священных книг, в то время когда налитая на могилу вода касается тела умершего, он оживает и спрашивает присутствующих: «зачем они оставляют его одного?» Горцы верят, что тот, кто услышит этот голос, становится навсегда глухим. Вследствие то подобного убеждения они и отходят от могилы на такое расстояние, чтобы нельзя было слышать ни слов, ни голоса мертвеца.

Когда похороны кончены и все удалились – мулла присылает на могилу одного из своих мутаалимов и тот три дня и три ночи читает там коран. Иногда же чтение, вместо могилы, совершается в доме умершего. Отдельных поминок по усопшим у чеченцев не делается никогда, но каждую пятницу, каждое сколько-нибудь зажиточное семейство приготовляет блины и относит их в мечеть, для раздачи там присутствующим в память всех своих умерших.

Обычай горцев требует, чтобы все родственники, друзья умершего, или его знакомые, приезжали к нему в дом для заявления своих сожалений пред членами его семейства. Обычай этот исполняется весьма строго, – и по смерти человека уважаемого, к его семейству приезжают с утешениями и сетованьем люди, часто даже и незнакомые.

II.

Суеверия и предрассудки горцев чеченского племени.

Говоря о религии горцев, нельзя в тоже время обойти молчанием их народные предрассудки и суеверия.

Явления внешнего мира производят на различных людей и различные впечатления. Чем человек необразованнее, тем явления эти, по своему разнообразию, сложности, по необъяснимости, наконец, самых причин и источника их происхождения, – поражают его чувства более и сильнее, нежели человека развитого. Первый придает им значение чудесного, последний объясняет их научно. Что можно сказать о личности отдельной – вполне приложимо и к целому народу. Отсюда – большая или меньшая степень суеверия народа и более или менее резкие оттенки в его сказаниях и поверьях. Жизнь идеальная кавказского горца никогда не имела возможности сильно развиться: постоянная борьба с дикою природою, его окружающею, и с насущною, суровою нуждою, – всегда заставляла его жить в мире действительном и сузила его мир фантазий. Его религиозные понятия, всецело направленные к выполнению лишь наружных форм обрядов, к газавату и кровомщению, – способствовали этому еще более. При всем том, нельзя отрицать у горцев склонности их к поэзии и сказкам, – следствие пламенного воображения их и жажды к чудесному. Но прежде нежели мы коснемся их сказаний, я упомяну о некоторых из их суеверий и предрассудков, более или менее господствующих в массе народа.

Вера в гадания и гадалщиков – обща всем племенам чеченского происхождения. Можно сказать, что она обща всем горцам и – более того – всем людям, хотя и выражается в различных формах.

Кроме множества способов гадания, пользующихся в массе народа известною степенью веры – посредством зеркал, камней, платков, – относящихся по большей части к гаданиям любовным и употребляемых преимущественно только женщинами, у горцев здешних обществ есть три рода гаданий, пользующихся большою известностью и верою в них, а именно: гаданье по кости барана; гаданье по книге Абдурзукка и Абдурахмана, Седиен-джайнэ, и, наконец, гаданье по книге Сулеймана, Пайхомар-Сулейман-джайнэ; эта последняя книга есть тот же наш вещий царь Соломон.

Прежде нежели говорить подробно об этих трех родах гаданий, из коих два последние общи всем мусульманам, я в нескольких словах дам пониже о гаданиях любовных.

Гаданье зеркалом употребляется исключительно девушками, с целью угадать своего суженого. Оно весьма несложно. Берется зеркало, которое кладут в камин, и с крыши сакли, чрез трубу, пристально смотрят в него. Проглядевши таким образом две-три минуты, сходят с крыши, берут из каждого угла комнаты, или же по

направлению четырех стран света, немного земли, которую завязывают в узелок и кладут на ночь под подушку. Некоторые видят лицо своего суженого в самом зеркале; те же, которые его там не видят, – положивши под свою подушку землю, собранную по вышеприведенному способу, наверно уже видят его во сне. Гаданье это носит у чеченцев название *кюсгехажу*.

Гаданье камнями – *пальтасар* – заключается в том, что ворожея обыкновенно старая женщина, берет девять небольших камней и, пошептавши на двух из них имена любовников, бросает вдруг все девять камней на землю. По способу их падения, по расстоянию, на котором они один от другого лягут и, наконец, по численности камней, которые лягут между двумя камнями любовников, ворожея делает уже заключение о благополучном или неблагоприятном соединении их, о времени этого соединения и тех препятствиях, которые могут при этом встретиться.

Гаданье посредством – платка *дольдустер* – производится также с помощью ворожеи. Обыкновенно берут большой платок, на одном из концов которого завязывается узел, и потом от этого узла ворожея, вымеривает локтем расстояние до противоположного угла. Остающееся между этими двумя точками пространство служит основанием предсказанию, более или менее благоприятному для той, которая желает поднять завесу будущности. Впрочем, гаданье этого рода не есть исключительно гаданье только любовное, но употребляется часто и в тех случаях, когда хотят узнать причину болезни, необъяснимой для родственников больного, или же приписывающих ее влиянию дурного глаза живого человека или мертвеца. Результаты этого гаданья столько же случайны, сколько могут зависеть от ловкости самой ворожеи и от проворства ее рук.

Эти три способа гаданья в большом употреблении между горскими девушками и женщинами и составляют их исключительную принадлежность. Но гаданье посредством кости барана и книг, о которых я упомянул, сильно распространено в целой массе народа; в особенности же первый род гаданья, как более двух других доступный. В прежние годы, во время войны нашей с Чечнею, оно прилагалось преимущественно к угадыванию будущей судьбы предприятий военных, предпринимаемых целым ли племенем, партией, или личностью отдельной – все равно. Самые умные из наибов Шамиля, не говоря уже про предводителей мелких наездничьих шаек, отправляясь на какое-либо отважное предприятие, не выезжали, не посоветовавшись прежде с хажером, прорицателем посредством кости.

В одном из обществ, лежащих по Шаро-Аргуну, до сих пор еще живет знаменитый из горских хажеров, по имени Тода, советами и пророчеством которого не пренебрегал и Шамиль. Меня уверяли многие из уважаемых людей этого общества, что судьба, постигшая Шамиля на Гунибе, была ему заранее предсказана Тода – и, говорят, Шамиль был убежден в истине этого пророчества, но обстоятельства сложились так, что поступить иначе он не мог и, волею или неволею, вынужден был укрепиться на Гунибе. Этот же самый Тода предсказал, по уверению горцев, известному в свое время наибу Шамиля, Нур-Али, его смерть. Когда Нур-Али, управлявший обществами Чаберлой и Шатой, поехал в Малую Чечню, чтобы, увеличивши свою партию чеченцами, выступить против русских, он нарочно заехал в аул, где жил Тода, и тот по лопатке барана предсказал ему скорую смерть. «Я вижу, ведут лошадь и на ней веревками привязано мертвое «тело» – сказал он ему и более не хотел ничего говорить. Так как чрез неделю после того Нур-Али умер от холеры, то обстоятельство это приобрело искусству Тода бесчисленное множество поклонников и раз навсегда упрочило за ним славу прорицателя.

Гаданье по кости барана носит у горцев название пхенер, а часто и пхенер-хажер. Тот, кто хочет гадать, должен иметь своего собственного барана, т. е. из своего стада; купленный же полагается годным для этого процесса в таком только случае, если он пробыл у своего нового владельца год времени, или же этот последний давал ему три раза соли. Баран должен быть годовалый; шерсть допускается произвольная, хотя некоторые прорицатели и предпочитают баранов совершенно белых. Хажер режет барана, варит и потом, по одной из лопаток передней ноги животного, предсказывает будущее. Основанием для предсказания служит ему темные и светлые пятна, находящиеся на кости и заметные, если сквозь нее смотреть на свет, точно также как и пятна кровавые и узоры жилок, часто видимые на лопатке. Кровавые пятна, – предзнаменование дурное, и в прежнее время не раз какой-нибудь план, смело задуманный горскими наездниками, оставался без выполнения, вследствие открытия хажером вещей знаков.

Гаданье по Седиэн-джайнэ заключается в несложных математических выкладках. Книга эта пользуется между горцами большим авторитетом; ей верят даже муллы, имеющие в народе репутацию людей ученых и здравомыслящих. Мне удалось видеть один из экземпляров ее, хотя вообще книга эта более или менее

редкость – быть может потому, что всякий, у кого она есть, скрывает это. Я попробую дать понятие о способе гадания по ней.

Седиэн-джайнэ в переводе значит книга звезды (седи, по-чеченски – звезда). Мусульмане принимают двенадцать небесных созвездий, по числу главных их пророков или святых. Каждый из этих последних родился под известным созвездием, а потому вся книга Седиэн-джайнэ разделена на двенадцать отделов, из которых каждый соответствует известному созвездию и тому пророку, который под ним родился. На первой странице книги излагается арабская азбука, с соответствующими каждой букве известными числами: элип – один, би – два, ти – четыре, си – восемь, джим – туя, хи – восемь, хие – о, дал – четыре, дзал – четыре, ри – восемь, дзи – семь, сен – о, шен – о, сат – шесть, и т. д. Гадающий, или гадающая, прежде всего говорят свое имя и имя матери своей. И то и другое разбирается по буквам, и величины, соответствующие каждой из них, складываются; потом от суммы, получаемой от сложения величин, выраженных буквами имен гадающего и его матери, откидывается по двенадцати единиц до тех пор, пока не останется числа менее двенадцати. Согласно величины оставшегося числа отыскивается отдел одного из созвездий под тем же числом, в котором и заключается прорицание для мужчин и женщин отдельно. Начинается оно, обыкновенно, описанием наружности: «у него красивое лицо, высокий рост, тонкий стан, «блестящий взор», - потом уже следует описание его жизни настоящей, а потом и будущности.

Книга эта, состоящая всего из двадцати-тридцати страниц восьмую долю листа, как читатель видит сам, очень невинна и далеко не замысловата; между тем в нее верят до такой степени, что Седиэн-джайнэ, вместе с двумя другим книгами – Дуруруль-Акбар и Сюрюль-Афа, также принадлежащими, как кажется, к числу астрологических арабских книг, – в прежнее время не один раз служила для ученых фанатиков Чечни и Дагестана способом направлять волю народа по тому пути, который вел к достижению их целей личных. Двух последних книг, в полном их объеме, у чеченцев нет; у некоторых только мулл существуют выписки из них, весьма краткие, но по ним тем не менее предсказываются неурожаи хлеба, болезни, войны, землетрясения и проч. Полные же книги Дуруруль-Акбар и Сюрюль-Афа существуют, по мнению народа, только в Турции, и по своей огромной стоимости могут быть доступны лишь одному султану да самым богатым людям этой империи.

Составители Седиэн-джайнэ были, как я сказал уже, арабы Абдуррахман и Абдурзукк, в особенности же последний. Появление ее относится к эпохе Магомета и только что зарождавшегося тогда исламизма. Горцы, по поводу Седиэн-джайнэ, рассказывают следующую легенду:

Абдурзукк, написавший эту книгу с помощью Джиннов²⁶, подслушивавших все сведения, ему сообщенные, у ангелов, встретил однажды на мосту пророка. Этот последний, желая испытать степень его знания вещей сокровенных, спросил его: есть ли на земле или небе Пайхомар-Магомет, и если – есть, то где он в настоящую минуту находится? Абдурзукк, посоветовавшись со своею книгою, которая всегда находилась при нем, отвечал, что Пайхомар-Магомет, действительно, существует и что это величайший пророк настоящего и грядущих времен. «Но удивительно, прибавил он, моя книга мне указывает, что он не находится в настоящую минуту ни на небе, ни на земле. Поэтому я полагаю, что Пайхомар-Магомет, если не я, то наверно – ты, так как мы двое только теперь стоим на этом мосту и не находимся ни на земле, ни на небе». Сделавши еще несколько вопросов Абдурзукку и видя, что Седиэн-джайнэ открывает ему такие тайны, которых не дано знать смертным, считая их к тому же даром, похищенным от Всемогущего хитростью и коварством джиным, – Магомет тот час же взял от Абдурзукка книгу и бросил ее в реку. Книга немедленно погрузилась на дно, но несколько листов ее,

---

²⁶ Джинны горцев, – это джин восточной мифологии и сказок, гении добрые и злые, так часто встречающееся на страницах «Тысячи и одной ночи». Горская мифология относит их к категории духов, которые составляют одну из переходных ступеней, в непрерывной цепи существ от ангела до человека включительно, – между ангелами и духами зла. По их поверью, джины, пользуясь свободой доступа своего на небо, похищают иногда обманом, иногда же узнают чрез подслушивание, тайны сокровенной от них и от человека будущности. Эти тайны они сообщают своим земным друзьям; связь с джинами никогда, впрочем, к добру человека не приводит и почти всегда оканчивается умственным расстройством последнего. Поэтому людей, сошедших с ума и идиотов, горцы относят, в большей части случаев, к числу людей, знакомых с джиннами.

Падающие звезды и метеоры они объясняют тем, что ангелы, заметя, что джины подслушивают их тайны, и раздраженные этим, схватывают первую попавшуюся им под руку звезду и бросают ее в непрошенных посетителей, небесных чертогов.

разнесенных при падении ветром, Абдурзукк успел однако же схватить и скрыть у себя. Пророчества, в них заключавшиеся, дополненные Абдуррахманом – но уже без помощи джинов – и составили настоящую книгу, Седиэн-джайнэ. Этим-то и объясняется то обстоятельство, присовокупляют горские муллы, что книга эта, не смотря на всю непреложность своих предсказаний, иногда не совсем ясно прозревает будущее.

Вследствие всего предыдущего, Седиэн-джайнэ у мусульман считается книгою запрещенною, атеистическою, и попадаетя весьма редко. Муллы, твердо в нее веруя, тем не менее, не решаются никогда пред народом гадать по ней, и тот, у кого она есть, хранит ее втайне.

О способе гаданья по книге Пайхомар-Сулейман я говорить не буду, так как и самая книга и способ гаданья по ней тождественны с теми книгами Царя Соломона, которые распространены и у нас в низшем классе народа, и способ гаданья одинаков.

Чтобы закончить разбор суеверий и предрассудков горцев, мне остается сказать еще о их веровании в дурной глаз, заговариванье, порчу и приворотную траву.

Мнение о дурном глазе между ними в точно таком же ходу, как и у нас. Противодействующим средством сглазу служит обыкновенно амулеты, в которые зашивается молитва или изречение из корана. Такие амулеты горцы вешают часто на шею дорогих или любимых лошадей своих, чтобы отвратить таким образом влияние на них дурного или завистливого глаза.

Вера в возможность заговариванья ружей, заговора от пули, более или менее господствующая между нашими линейными казаками, между горцами распространена весьма мало. Их самолюбие и храбрость возрастают против мысли, что жребий боя может зависеть не от судьбы или личной неустрашимости, а от воли подобного же им человека.

Что же касается до верования в возможность порчи, то оно принимается целою массою народа. Есть различного рода порча. «Злая женщина, например, завязавши известную ей траву и заговоривши ее, бросает в камин дома того человека, которого она хочет испортить. Следствием этого бывает обыкновенно болезнь. Излечение испорченного может быть произведено не иначе как с помощью той ворожеи, которая его испортила.

Другого рода порча, в которую горцы чистосердечно верят и которой крайне боятся, состоит в том, что какой-либо злонамеренный человек, во время венчанья и в ту минуту, когда мулла делает жениху

известные вопросы, – при каждом ответе его завязывает узлы на нитки, заранее им для этой цели приготовленной. Пока эти узлы не будут развязаны, – полное обладание своею женою для жениха становится невозможным, несмотря ни на какие медицинские средства. Поэтому, вследствие глубокого убеждения в возможность и действительность такого рода колдовства, при спросе жениха, кроме муллы и двух свидетелей, в комнату обыкновенно не допускают никого и предварительно строго осматривают, не скрылся ли кто в ней из посторонних. В большей же части случаев, для полной безопасности, мулла, как я сказал уже, делает жениху свои обрядовые вопросы не в доме, но на дворе, стараясь, чтобы кроме свидетелей никто другой ответов его не слышал.

Кроме порчи посредством завязывания узлов, жениха можно испортить еще и другим способом, более легким: стоит только, при каждом его ответе мулле, вынимать несколько из ножен клинок своего кинжала и тотчас же опять его вкладывать, или же вынимать и вкладывать газырь своей черкески. Такое действие, три раза повторенное, равносильно с завязыванием узлов и производит совершенно одинаковые результаты.

В здешних горных обществах сильно распространена также вера в порчу посредством отравы. Нередко, не смотря ни на какие убеждения и доказательства, производит она большие ссоры и несогласия. Горцы утверждают, что есть род травы, джалиенга-леттенбуц (травя, заставляющая лаять), известной некоторым лицам, которая, если дать ее в питье или пищу, производит порчу, выражающуюся болезненными припадками, судорогами и криком, похожим на лай собаки. Подобный же предрассудок господствует и у нас в простом народе и, вероятно, многим случалось видеть или слышать, так называемых в некоторых местностях России, кликуш. Эти болезненные припадки, действительно, здесь между женщинами существуют и в некоторых обществах развиты более или менее сильно, хотя, конечно, источник их происхождения – не отравы. Замечательно, что болезнь эта исключительно почти господствует в горах, тогда как на плоскости Чечни она почти неизвестна, или, по крайней мере, встречается весьма редко. От этого-то в Чечне и славятся пальхаккен-ламройн-дзудериш, – горские колдуньи. Я неоднократно посылал медика для исследования этой болезни и в большей части случаев оказывалось, что это были либо болезни нервные, либо же – притворство, вызываемое, конечно, самым складом семейного быта здешних горцев. Между мужчинами болезнь эта неизвестна. Я обещал

довольно значительную денежную награду тому, кто доставит мне «джалиенга-леттен-буц» но все попытки мои по этому поводу оставались до сих пор безуспешны, по причине, конечно, весьма понятной. Впрочем, необходимо сказать, что пагубное действие этой травы приписывается горцами столько же ее ядовитым свойствам сколько и заклинаниям, употребляемым при ее собирании, равно как и самому способу и времени, в которое она собирается. Собирается же она следующим образом:

«Злая женщина», или мужчина, ночью, обыкновенно в полнолуние, – хотя, впрочем, это и не есть условие необходимое – выходит из дома, стараясь ни с кем не встречаться на пути, и отправляется в заранее уже высмотренное место, на гору, где растет джалиенга-леттен-буц. Там колдунья снимает с себя все платье, и, совершенно обнаженная, идет задом, отыскивая эту траву и стараясь срывать ее между ступнями ног. Во время этого процесса, колдунья мыслью и словами отрекается от веры и от Бога. «Я не признаю Бога; я не его создание: я равна ему и также могуща, как и он. Я навсегда отрекаюсь от него», – говорит она. Это общая формула заклинания, употребляемая повсеместно горскими ворожеями и кудесниками при сборе упомянутой травы. Злой дух, в противоположность чародеям и колдунам всех стран и всех эпох, горскими ворожеями, как видно, оставляется в покое и помощи его не просят. Трава, таким образом сорванная, впоследствии сушится и дается обреченной жертве в пищу или питье. Впрочем, достаточно также бросить ее в огонь камина, около которого сидит эта жертва, чтобы навсегда ее испортить.

Вера в приворотную траву также сильно распространена между горцами, как и вера в джалиенга-леттен-буц. Действие этой травы, точно также как и последней, зависит и от самих свойств ее, и от заклинаний и чар, употребляемых при ее собирании. Приворотная трава имеет двоякое действие: или она привязывает чувством непобедимой любви известное лицо в другому лицу, или же, наоборот, поселит ничем непобедимые ненависть и отвращение. Противодействующим средством приворотной травы служат известные молитвы. Есть муллы, специалисты по части отчитывания волшебного действия приворотной травы, к которым, обыкновенно, в случае крайности и прибегают. Есть также и такие, которые посредством известных им заклинаний производят чары, соответствующие действию приворотной травы. Само собою, разумеется, что подобное эксплуатирование народа, рассчитанное на его легковереие, делается в строгой тайне.

III.

Народные сказания горцев чеченского племени.

Свои поэтические представления и образы народ заимствует большею частью из собственной же жизни и той среды, в которой живет. Стало быть, народные сказания есть более или менее верное выражение характера народа, общественного или частного его быта и, наконец, тех фазисов его исторической судьбы, чрез которые он прошел. Поэтому, изучение народных сказаний различных эпох важно как одно из средств для изучения самого характера народа и его прошлого быта. У некоторых племен кавказских горцев, более других развитых, в песнях излагаются целые события, имеющие иногда значение историческое; чаще же всего они касаются частных фактов и событий из прежней жизни. У чеченцев подобных песен мало. Хотя иногда смелые разбойничьи подвиги, отчаянная защита и смерть какого-нибудь известного наездника и сохраняются в песнях; тем не менее большая часть их – вызванная минутой импровизация: ею восхищаются, она воспламеняет известные чувства, но в весьма редких случаях заучивается и становится популярною. Исключение составляют разве только те из песен, которые складываются иногда на происшествия, заинтересовывающие целый народ, или же на известные действия лица, на которые народ смотрит как на действия постыдные. Эти песни непременно уже заучиваются: их знают не только взрослые, но даже и дети. Такова, например, песня о Шамиле, сложенная одним чеченским импровизатором, после изъяснения бывшим имамом покорности. Сказки чеченцев можно встретить изложенные письменно, по-арабски; но песни составляют исключительную принадлежность людей, специально занимающихся ремеслом певца, и письменные не встречаются никогда: быть может, и потому впрочем, что свой собственный письменный язык народ себе еще не успел усвоить, перевод же на арабский положительно не в состоянии передать все их оттенки и особенности. Наконец, арабский язык – язык церковный и знание его не распространяется далее духовного лишь сословия горцев, а между тем ни один сколько-нибудь серьезный и ученый мулла не взял бы на себя заняться подобными переводами из одной уже боязни стать смешным в глазах народа и потерять репутацию своей учености.

Для образца народной чеченской поэзии я привожу несколько песен и сказок, более других распространенных в Чечне и здешних обществах; хотя популярными их назвать и нельзя, но их знают, однако же, все местные горские барды, нередко, впрочем, их варьирующие.

«Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать! Порастет кладбище могильной травой – заглушит трава твое горе, мой старый отец! Слезы высохнут на глазах сестры моей – улетит и горе из сердца ее!»

«Но не забудешь меня ты, мой старший брат, – пока не отомстишь моей смерти! Не забудешь ты меня, и второй мой брат, – пока не ляжешь рядом со мной!»

«Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, – но не ты ли была моей верной рабой? Земля черная, ты покроешь меня – но не я ли тебя конем топтал? Холодна ты, смерть, – но ведь я был твоим господином!»

«Мое тело – достояние земли. Мою душу – примет небо!»

Песня о Хамзате²⁷.

Догоняет на крыльях и ловит свою добычу когтями белый ястреб. Он ловит ее – и тут же клюет сырою.

На резвых ногах своих догоняет и крепкими рвет когтями пестрый барс красного зверя.

Оставляет за собою Терек и переправляется на левый берег, с храбрыми Гихинскими наездниками, смелый Хамзат.

Переправился чрез Терек смелый Хамзат и отправился в Ногайские степи. Захватил он табун белых коней и снова переплыл Терек и перегнал белый табун.

С рассветом дня переправился он с табуном своим и догнал его до Шиванских кустов, на Черкесской горе²⁸.

Опасно днем было ехать, да и устали наездники. Остановились они на Шиван-Кули и в лес скрыли добычу свою.

Скрывши в лесу добычу и товарищей, пошел Хамзат на высокий курган, на Черкесской горе, и стал смотреть он в зрительную трубку: не идет ли за ним русский отряд.

Смотрит Хамзат и видит: на том месте, где он чрез Терек переправился, чернеет большая толпа. Как быстро гонит ветер черные тучи, – так быстро скакала толпа эта по его следам.

Увидав толпу, он спустился с кургана и сказал товарищам: «За нами гонятся так шибко, как летит туча, гонимая ветром. Не бойтесь, будем драться мы, как голодные барсы»

---

²⁷ Хамзат был абрек ив над-теречных аулов. В первые годы имамета он бежал в горы и, предводительствуя небольшими наездничьими шайками, постоянно тревожил нашу Терскую линию. Знание местности и беззаветная храбрость этого абрека способствовали тому, что в большей части случаев все наезды его были весьма удачны.

²⁸ Малгабегский хребет.

Еще сказал он им: «Мы теперь перережем угнанный скот и окружим себя им как высоким забором. Если мы это сделаем – мы будем в состоянии защитить себя».

На это согласились его товарищи и обрадовались. Зарезали лошадей, закололи быков и сделали крепкий завал вокруг себя.

Опять стал говорить Хамзат своим товарищам «Гихинский наиб, Ах-Верды-Магома, верно также стоит на горе со своей партией. Услышавши шум нашей драки с русскими, Магома, как воздушная птица, прилетит на помощь нам». А сказал он для того это, чтобы ободрить товарищей.

Сел Хамзат со своими наездниками за кровавый завал и велел одному из них наблюдать за отрядом. Стоит часовой и пристально смотрит.

И видит: впереди толпы скачет всадник – князь Кагерман. «Какого князя вы люди?» он спросил, подскакавши.

Не давши ему никакого ответа, передал караульный вопрос Хамзату: «Князь Кагерман хочет знать, какого князя мы люди».

Вышел из-за завала смелый Хамзат и подошел ко всаднику. «Что ты хочешь от нас?» – так спросил он его. – «Я спросил, какого князя вы люди».

Засмеялся Хамзат. «Никаких князей мы и знать не хотим! Мы наездники из Гихов и приехали за добычей».

«Не Хамзат ли ты?» спросил Кегерман. – «Да, я Хамзат», ответил он ему.

«Напрасно же, Хамзат, приезжал ты сюда. Вас догнал теперь русский отряд; догнал и окружил он вас. Если у вас не вырастут крылья перелетной птицы, и не улетите вы вверх – вы не можете скрыться. Меня прислал русский начальник: пощадит он вас – если не будете драться».

Отвечал ему на это Хамзат: «Приехал я сюда, Кагерман, не по бедности: я приехал сюда, чтобы заслужить смерть газавата²⁹. И сдайся я тебе – надо мной посмеется весь гихинский народ. Как волк, усталый и голодный, хочет скорее добраться до лесу, как горячий и несытый конь рвется в чистое поле – так и товарищи мои жаждут смертного боя. И не боюсь я тебя, Кагерман, и смеюсь над всем вашим отрядом: наша надежда на всемогущего Бога».

---

²⁹ Смерть за веру, или, вернее, смерть в бою против неверных, считается у мусульман мученической.

И снова сказал Хамзат Кагерману: «Мы искали всегда добычи и золота, а для такого дня, как нынешний, лучше красивого, черного пороха – нет драгоценней добычи».

И опять он сказал: «Для нынешнего дня золото – не деньги; для такого дня крымский³⁰ надежный кремень – чистое золото».

Воротился Кагерман к русскому начальнику и сказал ему, что не хочет сдаваться Хамзат. А Хамзат воротился в завал и сел к своим товарищам.

Подошел отряд и стал стрелять. Стрелял и Хамзат со своими наездниками.

Стал густой дым от их выстрелов и сказал Хамзат: «Да погибнет отец этого дня³¹! Такой жаркий день, что на одну лишь тень от наших шашек мы и можем надеяться».

Опять сказал Хамзат: «Какой дым густой, какой мрачный день! Лишь один нам свет – ружейные выстрелы».

Опять сказал Хамзат своим товарищам: «В этот день гурии райские смотрят из окон с неба на нас и любят; они ссорятся, выбирая из нас себе мужа. И тем из нас, кто будет храбрее – каждая перед подругой своей будет хвастаться. А избранного, боязливой других, – она будет совеститься и закроет от него окно, отворотится. Кто из вас будет трус – будет стыдно ему пред Богом!»³²

И в душе тогда подумал Хамзат, что настал час его смерти, и что нет им больше надежды.

Высоко в небе увидел он перелетных птиц и сказал он им: «О, воздушные птицы! Передайте вы наш последний привет (салам), наш последний поклон, гихинскому наibu Ах-Верды-Магома. Передайте и поклон красавицам, белым девушкам, и скажите вы им, что наши крепкие плечи стеной служат теперь для русских пуль³³; что желали мы по смерти лежать на родном кладбище – в Гихах, где бы поплакали над нашей могилой сестры и пожалел бы народ, – но что не дал нам Бог этой радости: вместо плача сестер будет слышен над нами вой

---

³⁰ Ружейные кремни, привозимые из Константинополя, чеченцы называют крымскими.

³¹ Подобное выражение песни, очень употребительное в чеченском языке, не переводимо на русский. Да погибнет отец этого дня – да будет проклят этот день.

³² В подлиннике: да предстанет он пред Богом с черным лицом.

³³ В подлиннике: «наши гордые плечи останавливают русские пули».

голодных волков. А наместо толпы родственников – соберется стая черных воронов».

И скажите вы всем: «На Черкесской горе, на земле христиан, с голой шашкой в руках – мы лежим мертвые. Наши очи – выпьют вороны, наше тело съедят волки жадные!»

Песням, подобным приведенной, чеченцы вообще сильно сочувствуют. Мне не раз случалось видеть слезы на глазах людей самых серьезных, при рассказе певцом о смерти Ханзата.

Привожу и другой образец песни такого же рода, как песня о Хамзате.

Песня об Эль-Мурзе³⁴.

«Как быстро летит черный сокол, что свивает себе гнездо выше темных туч – так быстро скачет и конь мой», говорит Эль-Мурза, выводя из конюшни и лаская рукой дорогого коня.

Вывел он его и привязал к столбу. Оседлал потом седлом черкесской оправы. Сам, свирепей медведя, опоясал он свое оружие, и, как легкий ястреб садится на дерево, вскочил Эль-Мурза на коня своего.

Поехал Эль-Мурза к муталимам в аул и сказал им «салам». Те спросили: зачем он приехал? Он ответил им, что ищет товарищей ехать в землю христиан за добычей и искать газавата.

Подумали, посоветовались меж собой муталимы: «что же будем мы дома сидеть, как молодые безмужние вдовы? Не будет ли совестно нам и пред девушками, за которыми мы ухаживаем?»

Подумали так муталимы и пятнадцать из них приготовились, поехали: Эль-мурза впереди, а они все за ним.

«Есть еще товарищ один, храбрый и умный», сказал Эль-Мурза и поехал за ним и привел к муталимам.

У зверей, их царем – пестрый барс; у птиц, их царем – черный сокол; Эль-Мурза же Бярчи отважней голодного водка.

Впереди Эль-Мурза, а спутники сзади, приехали они к Тереку. Приходила ли им дорогою дума о любимых девушках, что в ауле они оставили, – били они плетью лошадей своих. Приходила ли им мысль о смертном бое, ожидавшем их, – хватались они рукой за оружие.

Приехали они к синему Тереку и их лошади им служили лодками, а их плети веслами.

---

³⁴ К имени Эль-Мурза придается народом эпитет Бярчи, т. е. проводника, вожака. Так местами называется он и в самой песне.

Эль-Мурза был в тридцати годах из замечательнейших предводителей мелких партизанских шаек.

Переправились они за синий Терек, – и сделали засаду на большой дороге, где ездят русские.

Едут по дороге люди и везут с собой богатую добычу. Перебил и переловил их Эль-Мурза-Бярчи и вдоволь от них взял он добычи.

Возвратились назад, переправились опять чрез синий Терек. Но лишь только переправились – ударили по станицам в сигнальный набат и раздались там оружейные выстрелы.

Вышли за ними русские в погоню и догнавши окружили их. Окруживши их, начальник послал к Эль-Мурзе требовать сдачи.

И сказал ему посланный: «У тебя нет крыльев, Эль-Мурза, чтобы взлететь на небо; нет и когтей, чтобы выкопать нору и уйти под землю».

«Крылья мои на небо – мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сделать нору – моя шашка терсмеймуль³⁵. И сдамся я тогда только, когда вместо газырей надену женские петли.

«Приезжал ведь я не затем, чтобы сдаться, когда догонят меня, и спокойно уйти – когда не догонят. Я приезжал за тем, чтобы умереть – если догонят».

И сказал Эль-Мурза муталимам: «Этому послу русского начальника определите вы сами казнь по китабу».

Отвечали ему муталимы: «По китабу следует – отрезать ухо ему и отправить назад».

И отрезавши ухо, они отправили посла к начальнику.

Искал начальник другого посла, но никто им быть не решался. Обещал он тогда дать деньги тому, кто поедет – и нашелся новый посол.

Приехал к Эль-Мурзе новый посол и сказал, что он прислан от начальника; что оставит он Эль-Мурзе – его голову, если он сдастся без боя.

Отвечал на это Эль-Мурза: «Тебя сказать мне прислали, чтобы на ту голову, на которой я привык носить мужской папах, – я надел бы женский платок».

А один из его товарищей сказал послу: «Ожидают нас в ауле девушки, прекрасные как райские гурии; к этим девушкам никогда не дойдет весть о нашей сдаче, а дойдет весть о славной смерти».

Говорить Эль-Мурза муталимам: «Послу, который приехал к нам предложить низкую сдачу, – что определите вы по китабу?»

---

³⁵ Клинки, с изображением на них двух волчьих голов, с двумя французскими буквами на средние, называются чеченцами терсмеймуль и почитаются за самые лучшие и ценные.

«По китабу ему следует – глаза вырезать», отвечали муталимы. Вырезали глаза послу и отправили обратно к христианскому начальнику.

Стали тогда стрелять в них из широких ружей, с оправленными медью прикладами.

Закричал Эль-Мурза христианам: «Послушайте вы, христиане: пуль у нас – как звезд на небе, а пороху – как черной земли. Пока небо стоит – и мы будем стоять; пока земля не пойдет – не пойдём и мы».

В толпу людей били они из крымских ружей, а одиночных людей – били шашками. От огня выстрелов сделался дым, от дыма стал день черней темной ночи.

И сказал Эль-Мурза товарищам: «Говорили нам, что конца света не будет: а не нынче ли света конец (кематы)? Мало пользы нам от ружейных выстрелов и не лучше ли в шашки броситься?»

Отвечали ему товарищи: «Пока порох есть и в пулях нет недостатка – лучше будем стрелять; они кончатся – в шашки кинемся».

И стреляли они, а как кончился порох – заревели, как голодные барсы, и бросились в шашки.

Дрались они шашками до самой ночи, а стемнело – стали русские бить в барабаны и стали от них отходить.

Когда смолк барабанный бой и русские отошли от них – были товарищи Эль-Мурзы уже все перебиты и переранены. Сам Эль-Мурза, сильно раненный, отошел в сторону от своих товарищей.

Тогда закричал ему первый посол, с отрезанным ухом: «Какую добычу из земли христиан ты везешь теперь, Эль-Мурза, любовнице?»

Отвечал Эль-Мурза: «Дорогая наша добыча – белый газават, нами сегодня заслуженный».

И потом закричал он Товарищам: «Есть ли из вас, товарищи, еще кто-либо в живых?»

Отвечал ему его близкий друг: «Муталимы твои перебиты все, а остался в живых только я один и то раненный».

Пошел тогда Эль-Мурза собирать все тела муталимов. Положил он их рядом все, обративши головами к западу, а ногами туда, где восходит яркое солнце.

Собрались с небес толпой ангелы, чтобы присутствовать при их похоронах. Прилетели райские гурии, чтобы оплакивать их вместо смертных жен. Стала мертвых душа зеленой птичкою, высоко поднялась и взлетела на седьмое небо.

И сказал Эль-Мурзе его близкий друг: «Обвинят тебя, Эль-Мурза, божьи ангелы, если оставишь ты наши тела на земле христиан; обвинит в том тебя весь чеченский народ».

И еще сказал он ему: «Есть в ауле у нас одна девушка; любил я ее и тогда еще, когда был мальчиком. Передай ты ей мой посмертный поклон и скажи ты ей, что остался и на земле врагов, смертельно раненный. И скажи ты ей, что те подарки, что я ей возил из земли христиан, – я возить уже больше не буду».

И скончался он в глазах Эль-Мурзы; и спустились тогда с неба ангелы, а с земли явились шейхи³⁶, и взяли они из тела его светлую душу.

Как хищный волк с добычи пошел Эль-Мурза к себе в аул, и шел он, опираясь на свою шашку. Воротился он и сказал свой «салам» всем жителям, а те не могли и узнать его: так он был обрызган весь кровью.

Стал собираться народ и могли тогда его разгадать только по голосу. И спросили его, что случилось с ним?

Отвечал он им: «Лицо мое стало теперь черно пред всеми. На христианской земле, где остаются всегда нами убитые, осталась и мои товарищи».

«А тот из них, кого больше всех я любил, велел мне передать поклон своей любовнице; он велел ей сказать: подарки те, что возил он ей из земли христианской, – возить уже больше не будет».

И, услышав то, девушка пошла домой заплакавши; рукой била в грудь и рвала на себе черные волосы.

И просил Эль-Мурза всех собравшихся, чтобы шестьдесят из них с ним поехали взять тела его товарищей.

И когда они поехали – Эль-Мурза ехал впереди всех, а они за ним следом. Взявши тела, он пустил их вперед, а сам позади их поехал.

Привезли мертвецов – всем купил он от себя саваны и для всех нанял мулл читать на кладбище. Схоронивши же всех, на могилах их поставил значки³⁷, что ставят тем, кто умер на святой войне, за веру.

Некоторыми певцами конец этой песни варьируется. Они доводят рассказ об Эль-Мурзе до самой его смерти. После похорон убитых муталимов на свой собственный счет, – дело, считаемое мусульманами самым высоким подвигом любви и милосердия, – Эль-

---

³⁶ Шейхи, по понятию горцев, – святые люди, могущие, по желанию, переноситься с одного места в другое, ходить по воде и проч.

³⁷ Убитым в делах с русскими ставили, вместо памятников, на могиле значки на высоких и толстых древках.

Мурза, по варианту песни, велит нести себя в мечеть, где при народе молится; потом, будучи принесен обратно домой, он расстегивает свой пояс, сжимавши до того времени тяжелый раны, и кровь, ничем более не сдерживаемая, течет из них, как «горный ручей»; он умирает, обращаясь попеременно с речью к отцу, матери и сестре своей.

Я не привожу этого варианта, полагая, что приведенных мною трех песен весьма достаточно, чтобы дать полное понятие о той дикой поэзии, которой дышат все песни чеченцев. Выражения и особенности оборотов речи я старался сохранить такими, как они есть в подлиннике, точно также как и самый размер стихов, – на сколько это последнее было возможно.

Чтобы закончить о народных сказаниях горцев, мне остается привести образец их сказов. Объем этой статьи, в предположенном размере ее, мне не позволяет привести их несколько, различных родов, а потому привожу одну из наиболее популярных, которая едва ли, впрочем, сложена самим народом, а не заимствована от турок или арабов. Вообще в чеченских сказках – сколько мне кажется – видимо можно отличить два рода их: почерпнутые из восточных сказаний, и те, вымысел которых принадлежит собственно народу. Те и другие принимаются им одинаково за свои собственные и слушаются, обыкновенно, с большой жадностью. Что же касается до приводимой здесь басни «о медведице», то она, несомненно, происхождением своим обязана вымыслу горцев здешних племен.

СКАЗКА О ПРОРОКЕ СОЛОМОНЕ³⁸.

Расскажу я вам сказку такую хорошую, как дай Бог, чтобы в жизни пришлось вам слышать столько же хорошего. Дай Бог, чтобы все князьки дети не поднялись из своих люлек и из нор своих, чтобы не вылезли волчята³⁹. Кто выйдет из дому, пожелавши вам зла, – дай Бог тому в своем доме зла и чтобы он воротился туда, принеся с собою новую беду. А кто вам пожелает хорошего – пошли Бог и ему всего хорошего. Дай Бог, чтобы кадий, для народа вредный, – умер, и кузнец, который для народа плох, – также в могилу с ним рядом лег. Пусть дурная для мужа жена – умрет, а муж, хотя для жены и дурной,

---

³⁸ Библейского царя Соломона горцы называют Пайхомар-Сулейман, т. е. Пророк Соломон. Он принимается вообще мусульманами за одного из главных пророков.

³⁹ Здесь невольно высказывается тот взгляд, которым горные чеченцы смотрят на аристократию своих кумыкских и дагестанских соседей.

пусть долго живет! Если ваш отец жив – дай Бог ему молодую жену, а помер – пошли ему Бог тихую могилу⁴⁰.

Был когда-то на свете царь Сулейман-Пайхомар. Был он царем не только над всеми людьми, но и над зверями, птицами и джиннами. Все повиновалось его воле: и птицы, и звери, и джинны, и все что только живет на земле, в воздухе и воде; повелевал он также и ветрами, и морем, и отовсюду они приносили ему вести. Выступал ли он в поход против врагов своих – люди, звери, джинны – все шли за ним, и ветер летел вслед за отрядом. Проводником ему служила всегда пестрая кукушка, с длинным носом в пять локтей. А проводником ее брал Пайхомар-Сулейман потому, что она умела хорошо своим длинным клювом разрывать песок и отыскивать воду. От этого-то у кукушек, которые живут в наше время, и стал нос короче. Часто ходил он против неверных христиан, и если они упорно ему сопротивлялись, – он посылал ветер и приказывал ему сносить и раскидывать все их жилища.

Творил он суд не только над людьми и джиннами, но судил, по очереди, и птиц, и зверей, – и в его суде от всех их были представители. Сам же он знал все языки и людей и животных.

Сидел однажды в своем суде Сулейман-Пайхомар; был день, когда разбирались жалобы птиц и депутатами от них были Филин и Анкаа. Сулейман сидел, окруженный множеством птиц, а Анкаа и Филин сидели близь него. Сидел Сулейман – и вдруг засмеялся. Те, которые это заметили, просили его сказать: «Чему он засмеялся»? Зная, что без причины он ничего не делает. На это Сулейман сказал: «Быстрый ветер сейчас шепнул мне на ухо, что на востоке, у сильного царя, родилась дочь, а у того царя, который правит людьми на западе, родился сын. Ветер принес мне весть, что, когда они вырастут, – сын царя западного женится на восточной царевне. А как может знать это ветер за такое долгое время? Вот поэтому-то я и засмеялся. – Если бы ветер сказал тебе и правду, отвечали Сулейману Анкаа и Филин, но если мы не захотим, чтобы это случилось, то мы сделаем так, что восточная царевна никогда не выйдет замуж за сына царя запада».

---

⁴⁰ Передавая слово в слово эту присказку, я ее сокращаю, так как в ней есть желания, не совсем удобные для печати.

Горцы большие любители подобных присказок, разнообразие их формул и величина зависят совершенно от воображения рассказчика и его умения говорить. Большая часть сказок их начинается обыкновенно присказкою.

« – Как Можете вы изменить предопределение вашего Творца, если только соединение это назначено Всемогущим? сказал им на это царь».

„ – Если мы не будем в состоянии сделать то, что сказали тебе, – мы никогда больше не покажемся и на свет дневной, снова ответили Анкаа и Филин».

После этого разговора они оставались до вечера в суде Сулеймана, а когда настал вечер – Филин полетел в одну сторону, а Анкаа – в другую.

Был Анкаа очень красивая птица; такая красивая, что лучше его нельзя было и на свете найти. Величиною больше его также между птиц ни одной не было; крылья его были как самые большие бурки; а когда он летел, шум от них слышен был более чем за двадцать дней пути пешего человека. Когда Анкаа и Филин улетели от Пайхомар-Сулеймана, Анкаа прямо полетел на восток, в то царство, где жил царь, у которого родилась дочь. В то время когда он подлетел к дворцу (гаала), – царица, вместе со своими детьми и с новорожденной дочерью на руках, прогуливалась от него недалеко. Анкаа прямо бросился на царицу; та так была напугана его нападением и оглушена шумом его крыльев, что, не помня себя от страха, выронила из рук дочь свою, и, оставивши детей, побежала во дворец. Анкаа только этого и желал; схвативши ребенка в свои когти, он тотчас же поднялся высоко на воздух и скрылся за темными облаками.

Жилище Анкаа было на высокой горе, со всех сторон окруженной глубоким морем; на самой высокой вершине горы росло высокое дерево, а на самой высокой ветви его было устроено гнездо Анкаа. В это-то гнездо и опустился он вместе с похищенным ребенком. Прошло много лет, прежде чем восточная царевна выросла и стала такой красавицей, какими бывают только одни гурии небесные. Во все это время Анкаа заботился о ней, как родная мать, и доставлял ей пищу.

Пока росла царевна, вырос и царевич, сын того царя, который правил людьми в той стране, где солнце ложится за горы, на дно синего моря. Сильно любил царевич охоту; охотился он каждый день по степям и горам за всякой дичью и за всяким зверем и испытал охоту на всех их. Вот однажды сказал он товарищам – охотникам: «Товарищи! мы убивали и ловили всех птиц и зверей, которых Бог создал, чтобы жили на земле. Попробуем теперь охоту на море – Сел он с товарищами на лодку и отправились они в море на охоту, взявши с собою и вороного коня, которого царевич так любил, что ни день, ни

ночь с ним не расставался. Заехали они далеко в море, и там захватила их сильная буря, продолжавшаяся три дня и три ночи, так, что лодка перестала их слушаться, а неслась туда, куда нес ее ветер. На четвертую ночь буря перестала, и лодка царевича остановилась. Когда рассвело и поднялось солнце, царевич и его охотники увидели недалеко от себя высокую каменную гору, а на ней высокое дерево. На этом дереве они увидели какую-то фигуру, похожую на человека. Крепко удивился этому царевич и велел подплыть ближе к каменной горе; подплыли ближе и стал смотреть он тогда в зрительную трубу на дерево, чтобы узнать, что такое они на нем видели. Только что взглянуть он в свою трубу, сейчас же увидел, что на дереве была женщина и такая красавица, каких и в целом царстве отца его не было. Удивился этому царевич еще больше. Стал он громко звать ее и спрашивать: кто она такая и зачем находится в этом пустынном месте? Отвечала ему восточная царевна: «О чем ты спрашиваешь меня – не знаю; я знаю только одного Анкаа» – «Жаль мне тебя, девушку, сказал ей царевич: подобные тебе красавицы выходят замуж, живут во дворцах со своими мужьями, носят канаусовое платье и серебряные украшения и кушают хорошее кушанье, а не живут на каменной горе, на высоких деревьях». Горько стала плакать царевна, услышав речи его. – «Полюбила я тебя, сказала она царевичу, с первого же взгляда, и если могла бы отсюда прийти к тебе, – то пришла бы; а если бы ты сам мог прийти сюда, – то это было бы еще лучше». И стала просить она царевича, что бы он постарался как-нибудь подойти к ней. – «Не знаю я, как бы подойти к дереву, сказал царевич; подумай и найди ты сама для этого средство: ведь женщины, говорят, гораздо хитрее мужчин на всякие выдумки».

Посмотрела восточная царевна вокруг себя, подумала, и вдруг сказала: «А что это я вижу на вашей лодке»? – «Это лошадь моя любимая, ответил ей царевич; я так ее люблю, что без этой лошади не могу на свете прожить и одного часа». – Сказала ему царевна: «Рано утром каждый день Анкаа улетает в суд Пайхомар - Сулеймана, а вечером, каждый день, возвращается он назад в гнездо свое. Если я скажу Анкаа, что мне скучно – он сделает все, что может, чтобы забавить меня. Сделай ты вот что: зарежь ты ножом твоего любимого коня, выбрось из него внутренности, а сам садись в середину его и вели труп бросить в море, привязавши его прежде веревкою к лодке. Когда Анкаа возвратится домой, я спрошу его, что такое виднеется на море? Он мне ответит, что это виднеется лодка, а к ней привязана убитая лошадь. Тогда я скажу ему, что лошадь мне понравилась, и попрошу

принести ее. Анкаа принесет, а ты будешь сидеть внутри ее, – и когда завтра утром Анкаа улетит, ты выйдешь из лошади, и мы весь день проведем вместе, а вечером, когда мы услышим шум его крыльев за 20 дней пути для человека, ты опять в нее спрячешься».

Так и сделал царевич, как сказала ему хитрая красавица. Зарезал он любимца коня своего вороного, выбросил его внутренности, сам сел в середину и велел привязать труп веревкою к лодке и бросить его в море.

Немного погодя прилетел и Анкаа в гнездо свое. Стала тогда царевна жаловаться ему на то, что ей скучно жить одной на горе, посреди моря, и стала она горько плакать; потом вдруг спросила Анкаа, что такое видно на море, и указала ему на пустую лодку. Поглядел Анкаа и ответил ей, что она видит лодку. – «А что такое красивое плывет за лодкою?» спросила его царевна. – Это убитая лошадь, ответил Анкаа. Стала тогда девушка просить его, чтобы он принес ей красивую убитую лошадь, и опять стала плакать и ссылаться на то, что ей одной скучно. Анкаа, радуясь, что может ее чем-нибудь утешить, полетел, схватил зарезанную лошадь царевича, принес и положил ее в гнездо, где сидела царевна.

Стал тогда царевич каждое утро, как улетит Анкаа, выходить из трупа лошади и целые дни проводить с восточною царвеною, а как только услышат они, за двадцать днем пути для человека, шум крыльев его, – опять прятался царевич внутрь своего убитого коня.

Снова сидел однажды в своем суде Пайхомар-Сулейман и снова тот же ветер, который сказал ему, за несколько лет пред тем, что у царя восточного родилась дочь, а у царя западного сын, – шепнул ему на ухо, что царевич и царевна успели соединиться, но что живут они не по закону(харам). Услыхавши весть, сообщенную ему ветром, Пайхомар-Сулейман сказал Анкаа и Филину, по-прежнему сидевшим в суде его:– «Много лет прошло, как у царя, живущего на востоке, родилась дочь, а у того царя, который правит людьми на западе, родился сын, и Богом было предопределено, чтобы восточная царевна вышла замуж за сына царя запада. Исполнили ли вы обещание, которое вы мне дали, и помешали ли вы этому соединению?» - «Правда, ответили Анкаа и Филин, мы дали обещание и исполнили его: царевич и царевна между собой не могли соединиться».

Выслушавши ответ их, Сулейман-Пайхомар сказал джинну Нахину, ему служившему: – «Есть на море каменная гора, а на горе высокое дерево, а на дереве том гнездо Анкаа, где находятся теперь царевич, царевна и зарезанный конь. Лети туда и возвращайся обратно

так быстро, как только человек успеет один раз моргнуть глазами. Принеси ты мне царевича, царевну и убитую лошадь».

В одно мгновение Нахин исполнил повеление Пайхомар-Сулеймана и принес в суд убитого вороного коня, а в середине его были царевич и царевна, которым Сулейман тотчас же приказал оттуда выйти.

Царевна была уже беременна и Сулейман это заметил. Заметил это и Анкаа и стало ему совестно пред другими птицами и Сулейманом, что он не исполнил того обещания, которое дал пророку; и стал он просить Бога, чтобы он сделал так, чтобы с этого часа ни люди, ни птицы никогда больше его не могли видеть на свете. Когда молитва его дошла до Бога, Всесильный исполнил ее, – и с того времени, хотя Анкаа и существует, глаз человеческий не мог его нигде видеть.

Стало совестно в Филину, и он поднялся со своего места и полетел, обещаясь днем более никогда не показываться ничьим глазам. И действительно, с того времени он более при дневном свете не показывается и летает только ночью. А если иногда, забывши свое обещание, вылетит он на свет дневной, все другие птицы собираются и бьют его и снова заставляют скрыться в темный лес или горную пещеру, куда никогда не проникают лучи солнца и где его никто не может видеть.

БАСНЯ О МЕДВЕДИЦЕ.

В лесу, на высокой горе, где одни лишь соколы вьют себе крепкие гнезда, жила медведица с двумя медвежатами. Зорко сторожила мать любимых детей своих, оберегала их от зверя и от злого человека и не выпускала из берлоги, сама заботясь об их пище.

Надоела такая жизнь медвежатам. Вот в один день стали они просить мать, чтобы она дала им груш, зная хорошо, что груш у нее нет и, чтобы достать их, она пойдет вместе с ними в далекий лес. – «Я знаю одно дерево, сказала медведица, и хотя к нему дойти нелегко, но зато груши на нем большие и сладкие. – Знаем и мы эту грушу, отвечали медвежата, и не раз в твое отсутствие собирались идти к ней, но боимся, что ее стерегут охотники. Стала тогда смеяться мать над робостью детей своих и уверяла их, что трусам всегда достается самая плохая добыча; хорошее же все выпадает на долю только храбрых.

Подумали, подумали медвежата и пошли вслед за матерью. Приходят к груше. Спелые фрукты на ней – как камни на берегу реки: выбирай, который больше.

Но не в добрый час вышли медвежата. Два охотника, зная, что медведи любят груши и часто посещают это место, сидели в кустах и стерегли их. Выстрелили из ружей – и убили обоих детей; сама мать едва могла уйти, и то раненная. Пришла на свою гору медведица и горько, горько заплакала. – «Боже! пошли ты мне смерть за то, что я не сумела уберечь детей своих и сама навела их на гибель!»

Да, пусть Бог проклянет ту мать, которая не сумеет угадать будущность родных детей своих!

Как сказка, так и басня записаны почти слово в слово. По совершенно своеобразному характеру, разнообразию содержания, сказки чеченские заслуживают полного внимания. Замечательно, что в них можно встретить нередко и римских кесарей – Рум-Падшах, Падшах-Кейсар, точно также как и Салмек и Кококбольдин (конь о трех ногах, в переводе), Змея-Горыныча и Сивку-Бурку наших русских народных сказок. Оборотни и красавицы замужем за медведями, как и в наших сказках, у чеченцев также играют немаловажную роль.

IV.

Сословные классы. – Военное значение Аргунского округа во время имамета и в настоящее время. – Памятники древности.

Сословных отличий, как выше я сказал, ни в Чечне, ни между племенами, населяющими Аргунский округ, нет. В прежнее время хотя и был здесь класс рабов, но он возник тем особым путем, каким обыкновенно возникает рабство у всех нецивилизованных народов, т. е. путем войны и права сильного. Рабы, весьма впрочем, немногочисленные, были здесь исключительно одни лишь пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские. Они стояли вне всякого права: и собственность и жизнь их вполне зависела от воли владельца. Нельзя не иметь, однако же, что, не смотря на свою дикость, горцы вообще обращались с рабами весьма мягко. У них раб, если только, разумеется, он был мусульманин, считался скорее одним из младших членов семейства, нежели бесправным рабом; он служил старшим членам точно так же, как служат и теперь дети отцу, младшие братья старшим и т. д.

У чеченцев, живущих на плоскости, класс рабов, однако же, был; он существовал назад тому еще два года, хотя и в меньшем объеме, нежели у кумыков и кабардинцев. Вопрос о холопах, на ряду с другими вопросами, не менее важными – о наделе землею горцев, о государственной подати, – решены невозвратно, и горцы не составят

уже более, как это было прежде, государства в государстве, но станут русскими подданными в полном значении этого слова. Как легко разрешать подобные вопросы между горцами вообще, а между чеченцами – в особенности, поймет всякий, кто знает прежнюю историю Кавказа, со времени нашего на нем владычества, кто знает характер населения, его недоверчивость ко всяким реформам и нововведениям, его односторонние понятия и, наконец, те личные интересы, которые подобные вопросы необходимо затрагивали. Исход этих вопросов в настоящее время мы пока можем ценить только как совершившийся факт, смело задуманный и искусно и энергично выполненный; оценка же его важных результатов – есть дело истории.

Что касается до аристократизма некоторых фамилий, то различие между ними, начиная со времен Кази-Муллы, стало чисто-номинальным. Он возник вследствие того только, что в прежнее время анархии и междоусобиц в горах, прекращенных отчасти Кази-Муллою и окончательно уже только Шамилем, фамилия, бравшая перевес над другими числительностью членов, ее составлявших, необходимо становилась в главе других, потому что имела за себя если не самое естественное, то во всяком случае самое древнее из прав – право сильного. Не таким ли же, впрочем, путем образовалось высшее сословие и у других горских племен и вообще везде, где дворянство или княжество не было жалованным главою правительства? В Грузии точно также, независимо от жалованных - царями достоинств дворянского и княжеского, большая часть родов, составляющих высший класс, возникла таким же путем; иначе трудно объяснить себе громадную числительность грузинских княжеских фамилий сравнительно с цифрою населения страны. Как бы то ни было, но аристократизм некоторых чеченских фамилий, с покорением Чечни, сгладился окончательно, и только как следствие прежнего порядка вещей, убийств, насилий, продажи свободных людей и проч., остается лишь одна кровная вражда лиц между собою, а часто и целых родов. Впрочем, из того что я сказал касательно отсутствия в племенах чеченского происхождения всякого аристократического начала, не надо заключать однако же, чтобы стремления к нему вовсе в народе не существовало; напротив, каждая фамилия (тайпа) чрезвычайно гордится пред другими древностью своего происхождения, его прошлою или настоящею силою и тою ролью, которую она играла в прежнее время, до Кази-Муллы и имамета: так что у чеченцев ни качества личные, ни заслуги, никогда не выкупают происхождения человека от слабой фамилии или происхождения *бесфамильного*, т.е.

происхождения людей, предки которых были персиане, дагестанцы и т.д.

Военное значение Аргунского округа, при Шамиле, было весьма важно. Ущелье, образуемое р. Чанте-Аргуном и делящее округ, в его настоящих административных границах, почти на две равные части, по близости своей к нашей линии и главному тогдашнему населению замиренных чеченцев, галгаевцев, назрановцев и других, издавна нам покорных племен, всегда служило сборным пунктом для всех многочисленных скопищ Шамиля, стягивавшихся им с лезгинской линии, Чечни и Северного Дагестана. Отсюда направлялись всегда шайки наездников и абреков на нашу сунженскую линию и к ближайшим крепостям чеченской плоскости. Отсюда же были им предпринимаемы большими массами все движения в Грузию, Кабарду, Назрань, чему самое положение Аргунского ущелья как нельзя более способствовало. Шамиль глядел на него также как на последний могущественный оплот своей власти в горах, полагая в крайнем случае переселиться сюда из аула Ведено.

Дикость жителей, встречавшихся с русскими только в бою и глубоко нас ненавидевших, отсутствие дорог и, наконец, грозные укрепления, созданные самою природою и встречающиеся здесь на каждом шагу, - все это еще в начале пятидесятых годов делало доступ к этому ущелью не мыслимым.

Для нас, русских, а отчасти и для самих чеченцев, оно было в то время terra incognita и служило предметом различных басней про его жителей, их зверство, образ жизни, религию проч. Между тем, покорение его совершилось быстрее, нежели можно было когда-либо предполагать. Причина, впрочем, понятна: горцы были измучены постоянною войною, в которой гибло бесполезно и бесследно столько людей, а главное – они были утомлены беспощадным деспотизмом Шамиля, губившего людей более, чем русские войска, для собственных корыстных целей. Рассказы про него надо послушать именно в горах, где его глубоко и справедливо ненавидят; чем далее от гор, тем уважение к нему усиливается пропорционально расстоянию, так что в глазах чеченцев – он был только поборник мусульманской веры, а в Кабарде – святой. Между тем здесь и до сих пор народ вспоминает о нем с ненавистью, за его жестокость и корыстолюбие.

В настоящее время военное значение Аргунского ущелья остается точно также важным, как и во время борьбы нашей с Чечнею. Все народонаселение Терской области, оцепленное рядом крепостей, начиная от Хасав-Юрта, Ведено, Шатоя и до Владикавказа, помимо

даже нравственного влияния нашего на него, совершенно в наших руках и вполне зависит от нашей воли. Выдвинутые вперед от Шатоя, укр. Башен-Кале и Евдокимовское, для горцев неприступные, служат твердым оплотом нашей власти в нагорных обществах, пограничных с племенами уже христианскими, на которые, в случае крайности, мы можем рассчитывать также смело, как и на наши войска. Правда, что пространство от левого берега Чанте-Аргуна и до Владикавказа не прикрывается ни одной крепостью, и я всегда был того убеждения, что крепость в ауле Ялхорой была бы весьма полезна, но тем не менее линия крепостей, расположенных по Чанте-Аргуну, совершенно разъединяет воинственные племена горцев Дагестана и Терской области и, в случае войны, может служить базисом для наших военных действий.

Что касается до нравственного влияния нашего на горское народонаселение, то условия прочного владычества нашего, над покоренными племенами не могут уже, конечно, в настоящее время зависеть от того взгляда, которым горцы на эту новую для них власть смотрят. Те условия, при которых владычество наше в торах создано, и те разумные начала, которые введены при управлении горцами, вполне уже достаточные гарантии для мирной будущности. Но подобные гарантии, хотя и верные, обеспечивают скорее будущее, нежели настоящее. Для нас они осязательны и вполне понятны; но что касается до покоренного народа, до его старого поколения, то материальное благосостояние, безопасность жизни и собственности его частных лиц, хотя в настоящее время признаны им и ценятся, но не настолько, однако же, чтобы исключать в глазах, если не массы, то отдельных личностей, возможность всяких попыток к мятежу. Вина этому – не неумение наше сблизиться с покоренным народом, не неумение наше выяснить ему все преимущества настоящей его жизни пред жизнью прошлой и, наконец, не бессилие или ошибочность принятой нами системы управления, но жажда свободы, хотя быть может и в превратном для нас значении этого слова, легковерие, лежащее в основе характера горца, и, наконец, те предрассудки и традиционные понятия, которые всосал он вместе с молоком матери и изменить которые может, разумеется, только одно время. Поэтому-то, для поддержки нашего влияния в горах, и при том, как опора и поддержка вводимой гражданственности, нам нужна еще в глазах этого поколения видимая, материальная сила, та сила, которая сломила его несколько лет тому назад: она одна пока может быть гарантией спокойствия и мирного господства нашего над покоренными

племенами. Эта материальная сила будет, конечно, не более как средство второстепенное, на которое власть наша будет опираться, но тем не менее необходимо, чтобы на известный период времени горцы могли ясно ее видеть. Новое поколение будет, разумеется, уже совершенно иное, притом только условия, однако же, что мы сумеем продолжать вести его тем путем, по которому оно направлено уже нами, и если мы не испортим тех задатков, которые мы положили уже в основу его будущности. Это поколение, бесспорно, будет с совершенно уже иными взглядами, иными желаниями, требованиями и образом мыслей; только оно сознательно поймет и оценит все те блага, которые мы, в продолжение последних пяти лет, внесли в жизнь горца.

Памятников древности, так часто встречающихся в горах Кавказа, в Аргунском округе весьма мало. Объясняется это легко как неприступностью самой местности, бывшей за несколько сот лет тому назад, конечно, еще более неприступной, так равно и отдаленностью здешних обществ от известных путей, служивших во все исторические времена большою дорогою для народов, переходивших из Азии в Европу, или для отдельных лиц, средневековых искателей приключений, присутствие которых не в одном месте Кавказа оставило следы свои. Один из наиболее замечательных памятников находится в акинском обществе, близ аула Галанчодж. Это церковь, выстроенная из камня, на горе, на берегу озера вулканической формации. Постройка церкви сама по себе не имеет ничего замечательного, но любопытно и важно предание, связанное с ее сооружением.

Акинцы утверждают, что лет четыреста или более тому назад, из галгаевских обществ пришли вооруженные люди, европейцы (фиренг), и поселились близ Галанчоджского озера. На горе, лежащей на южном берегу его, они выстроили церковь, обнесли ее каменною оградой, с четырьмя воротами, – для тушин, галгаевцев, чеченцев и местных племен. Каждые ворота обращены были к горам, занятым упомянутыми племенами. Постройка церкви сопровождалась большими затруднениями и препятствиями со стороны горцев, в то время еще язычников, но не смотря на то церковь была воздвигнута, и тогда, прибавляет предание, из Чечни, Грузии, Галгаи и окрестных обществ стали стекаться люди молиться в церкви Богу христиан, и каждый народ входил отдельно в ворота, для него в ограде сделанные. Несколько лет продолжался этот порядок вещей, и европейцы находились в самых миролюбивых и дружеских отношениях с туземцами, но потом, мало-помалу, они стали теснить этих последних, отнимать, у них женщин, имущество, – и все фамилии горские, даже и

те, которые между собою враждовали, – заключивши союз, восстали на пришельцев. После кратковременной, но упорной и кровавой войны, европейцы были побеждены и удалились опять тою же дорогою, чрез Галгай.

Акинцы и терлоевцы до сих пор еще показывают то место, где был у них с этими чужеземцами последний кровавый бой, после которого они вынуждены были отступить. На берегу озера до сих пор сохранился еще ряд тополей, чрезвычайно правильно и симметрически насаженных, – отростки тех, которые, по словам горцев, были когда-то посажены жившими тут европейцами. Горцы щадят эти деревья, считая за величайший грех рубить их и искренно веря тому, что тот, кто срубит одно из них, непременно в скором же времени умрет. Этому-то поверью настоящие тополи и обязаны своим существованием. Дорога, ведущая к церкви, проведена спирально по горе, имеющей конусообразную форму, и в свое время разработана была так хорошо, что следы ее видны еще и до сих пор.

К какой нации принадлежали люди, пробывавшие водворяться в горах акинского общества, – отвечать на это определенно весьма трудно. Но если мы, однако же, припомним, что Генуэзская и Венецианская республики, раскидывавшие, в XIII и XIV столетиях, колонии свои по всем побережьям Востока, имели и на Кавказе своих представителей, то почти достоверно можно полагать, что европейцы, жившие в акинских горах, принадлежали к одному из этих народов, и это тем вероятнее, что присутствие генуэзцев в Кабарде в конце XV столетия доказано уже несомненно. Впрочем, и в этом случае, как и во многих других, касающихся древней истории Кавказа, нам приходится довольствоваться только одними догадками и оставаться пока в области легенд и преданий.

Другой замечательный памятник древности был открыт мною в прошедшем году в отрогах хребта, служащего водоразделом между реками Андийским-Койсу и Шаро-Аргуном. Это были медные, литые статуэтки, величиною не свыше нескольких дюймов, изображавшие людей совершенно обнаженных, с шлемами на голове и с дротиком в одной руке. Между этими статуэтками находились также изображения козлов, оленей, баранов, весьма грубо сделанные, точно также как и самые фигуры людей. Предания туземцев молчат о том, какому народу принадлежали эти изображения, и какое было назначение их. Между тем, у горцев шароевского общества, они известны, однако же, под именем «христианских богов», и это обстоятельство, по моему мнению, служит прямым и ясным указанием на то, что статуэтки эти

служили никогда домашними пенатами народу, уже исчезнувшему или слившемуся с существующими племенами. Мусульмане вообще, а горцы в особенности, относятся к христианской религии наравне с паганизмом; наши духовным верования, выраженные материально, служат для них самым осязательным знаком идолопоклонства, и для горца христианские образа стоят ни сколько не выше языческих богов. Следовательно, понятно, почему во мнении народа поклонение этим идолам приписывается христианам. Самая форма шлемов доказывает, что принадлежали они народу иноземному, так как шлемы у горцев в употреблении никогда не были. Здесь носили всегда шишаки, образчики которых можно видеть и теперь. Поэтому нельзя ни каким образом предположить, чтобы горцы, бывшие несколько столетий тому назад дикарями, в полном значении этого слова, – давая какому-либо отвлеченному понятию форму вещественную, могли заимствовать ее из среды им чуждой, а не из той, в которой они жили сами.

Тем не менее, отнести найденные идолы исключительно к тому или другому народу можно только весьма гадательно.

Начиная с мифических времен истории, с похода Аргонавтов и странствований Улиса, на Кавказе перебивало множество народов: одни – как завоеватели, другие – как коммерсанты и колонизаторы. Персы и треки должны были чаще других сталкиваться с кавказскими племенами, так как, разновременно, они основывались здесь более прочно, нежели другие народы. В пятом уже веке нашей эры персы владели северным Кавказом, или, по крайней мере, имели в своих руках два главных ключа Закавказья – Дарьял и Дербент⁴¹. Нельзя, следовательно, не допустить, что они могли жить и в здешних горах; это тем вероятнее, что и до сих пор везде в горах северного Кавказа остались еще башни, постройки весьма древней, и сооружение которых нельзя никаким образом приписывать гуннам, хазарам и другим ордам, неоднократно разорявшим Грузию, но народу, стоявшему уже на известной степени цивилизации. Все это ясно доказывает присутствие здесь народа, господствовавшего когда-то, как завоеватель, над местными туземными племенами⁴². Был ли этот народ именно персы –

---

⁴¹ Dubois-de M. Pereux, L. II. p. 77.

⁴² Башни эти построены по большей части в местах совершенно неприступных, а потому служат постоянным жилищем для туземцев, имевших семейства и хозяйство, хотя и бедное, они не могли ни каким образом. Поэтому можно логически допустить только две причины их сооружения: или, как я сказал, они служили для победителей как крепости, т. е. как средство держать постоянно в повиновении и зависимости от себя

сказать наверно невозможно, но надо полагать однако же, что это были скорее персы, нежели греки, потому что, кроме этих башен, в некоторых местах, как например в Осетии, по хребтам гор существуют древние дороги, и народные предания говорят, «что по этим дорогам ходили войска персиан».

Как бы то ни было, но найденные идолы, во всяком случае, мне кажется, трудно отнести к мифологии персов, совершенно своеобразной, вследствие того, что они были последователями учения Зороастра. Скорее можно признать их за весьма грубое подражание божествам мифологии греческой. Что греки были в различных местностях Кавказа со времен самых древних, это факта, подтверждаемый с точностью и древними историками. Не говоря уже про новейшую, эпоху, т. е. после падения Западной Римской Империи, когда колонии их еще существовали на Рионе и греческие императоры имели такое сильное влияние на Абхазию и Мингрелию, что история этих стран тесно связана была с историей Восточной Римской Империи, – греческие колонии в самую древнюю, эпическую эпоху Греции уже рассеяны были по всему восточному побережью Черного моря. Поэтому нельзя не допустить, чтобы греки, колонизаторы и авантюристы по самому характеру своему, не проникали из гор западного Кавказа и сюда. В эпоху христианства греки были здесь; лучшим доказательством этому служат древние храмы, из которых некоторые, как например в Галгае церковь Тхабяй-Эрды (две тысячи святых, в русском переводе), видимо работы греческой.

побежденные племена, или же они выстроены самими горцами и служили им временным убежищем в случаи нападения на них враждебного народа. Но последнее труднее, мне кажется, допустить, нежели первое, так как самая местность, на которой башни эти по большей части расположены, делала подвоз материала весьма трудным; величина же камней, которыми выложены стены, правильность кладки, необыкновенная крепость этих башен – все это необходимо обуславливает известную степень цивилизации того народа, который воздвиг эти памятники своего здесь пребывания. Для туземцев они также служили убежищем в случаях неприятельского нападения, а некоторые башни, построенные на местности более удобной, обращены были ими в постоянные жилища, но это во времена уже гораздо позднейшие, когда башни были покинуты тем народом, который воздвиг их для обеспечения и прочности своей власти в горах. До изобретения огнестрельного оружия подобный способ вести войну и господствовать над дикими племенами горцев – имел, конечно, свои достоинства.

Следовательно, нет никакой причины не допустить, что и в языческую эпоху они могли быть здесь. А если мы к тому же припомним, что в некоторых чеченских фамилиях сохранилось предание о их греческом происхождении, то все это, вместе с формой шлемов статуэток, дает нам право с некоторым вероятием заключить, что они принадлежат к эпохе греческой, хотя, повторяю опять, древняя история Кавказа у нас, к сожалению, до настоящего времени исследована еще так мало, что для какого-либо положительного вывода почти всегда трудно найти достаточно данных, и нам, поневоле, остается только довольствоваться тем слабым, светом который иногда разливают на нее народные предания.

Хотя мифы и предания всякого народа (горцев точно также как и других) есть та же его изустная история, и часто самые важные исторические факты встречаются облеченными в форму предания и, стало быть, в них всегда бывает сокрыта частица истины; но трудно, а часто и невозможно, отделить эту истину от басней и вымыслов, ее окружающих.

1868 года.
Укр. Шатой.

ЧАСТЬ 3
Б.К. ДАЛГАТ
ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ
ВВЕДЕНИЕ

Башир Керимович Далгат – выдающийся просветитель, видный ученый в области обычного права, этнологии, этнографии, фольклора народов Кавказа, известный общественный деятель, юрист-правовед – родился 5 ноября 1870 г. в селении Урахи Даргинского округа. В своем кратком жизнеописании Б. Далгат писал: «Отец был свободным горцем, «узденем», образование имел арабское, избирался кадием (судьей); дед по отцу тоже был ученым-арабистом. Род отцовский играл в общественной жизни известную роль, имел нравственный вес. Но кровная вражда, начавшаяся убийством моего отца, когда мне было 2-3 года, сильно ослабила и обезлюдмила наш род».

Девятилетнего мальчика из аула в город Владикавказ взял дядя Башира Магомет Магометович Далгат. Он был первым из даргинцев, получившим в XIX в. высшее медицинское образование в России (а затем и в Германии) за казенный счет. М. Далгат (впоследствии член IV Государственной думы от Дагестана) помог определить племянника в Ставропольскую классическую гимназию с получением так называемой «горской» стипендии. Уже здесь проявились его недюжинные способности: все время он был одним из первых учеников, при этом выделялся как филолог (в семинаре Л.Г. Лопатинского) и как математик. Будучи гимназистом, Б.К. Далгат летом 1886 г. встретился в Нальчике и подружился с членом Московской этнографической экспедиции (возглавлявшейся профессором В.Ф. Миллером) студентом-этнографом Николаем Харузиным (впоследствии профессором этнографии Московского университета), который оказал значительное влияние на его научную деятельность⁴³.

В 1887 г., еще будучи учеником седьмого класса Ставропольской гимназии, Б. Далгат (с помощью родственников Алибека. Абдул-Маджида, а также знакомых) записывает в селении Урахи Даргинского округа материалы по обычному праву даргинцев (по программе для сбора сведений о юридических обычаях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии). Эту работу

---

⁴³ См. переписку Б.К. Далгата с Н.Н. Харузиным в "Отделе письменных источников Государственного исторического музея", Ф. 81; Керимова М. Эпистолярное наследие Н.Н. Харузина // ЭО. 2003. № 4. С. 90-106.

(рукопись содержала около 200 страниц) он посылает в Отдел этнографии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве и получает одобрение: «Ваша работа по этнографии Кавказа... найдена весьма обстоятельно и интересно, вследствие чего Отдел просит Вас продолжать исследования». Для поощрения трудов Б. Далгата Отдел посылает ему 35 рублей. Письмо от 5 апреля 1888 г., выдержку из которого мы привели, подписано председателем Этнографического отдела, вице-президентом Общества профессором В.Ф. Миллером⁴⁴. Работу Б.К. Далгата «Обычное право даргинцев прошлым» (к сожалению, пока не опубликованную⁴⁵) активно использовал проф. М.М. Ковалевский, ссылаясь на нее неоднократно в своем труде «Закон и обычай на Кавказе».

Б. Далгат был человеком с незаурядными дарованиями и огромным трудолюбием, качествами, позволившими ему стать одним из образованнейших людей своего времени. В 1887-1888 гг. Б. Далгат впервые применил на практике для записи Географического материала алфавит П.К. Услара, записывает в ауле Урахи даргинский фольклор, в том числе и песни своего близкого родственника, прославленного певца, поэта-лирика О. Батырая, бывшего родным братом его деда по линии матери, тоже ученого-арабиста, кадия Сулейман Омар оглы.

В 1888 г. Б. Далгат записывает на урахинском и цудахарском диалектах даргинского языка 12 цудахарских песен, высокопоэтических народных лиро-эпических и героических баллад у знаменитого народного певца и поэта Хаджи. Они исполнялись не только цудахарцами, но и аварцами на аварском языке. «Двенадцать цудахарских песен» в оригинале и в переводе на русский язык (подстрочном и литературно-адекватном) были опубликованы Б. Далгатом с обстоятельной лингвистической и фольклористической статьей в 1892 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа»⁴⁶. В переводе даргинской песенной поэзии с оригинала на русский язык Б. Далгат проявил и свои недюжинные поэтические способности.

Песни эти удивительны. Например, песня «Два друга», в которой молодая невеста, узнав о смерти своего жениха, обращается к

---

⁴⁴ См. Приложения. С. 215.

⁴⁵ Рукопись хранится в личном архиве дочери Б.К. Далгата У.Б. Далгат.

⁴⁶ *Далгат Б.К.* Двенадцать цудахарских песен // СМОМПК. Тифлис. 1892. Вып. XIV.

могильщикам со следующими словами: «Не копайте могилы для друга моего: я положу его в серебряный гроб: если же выкопаете могилу, не сыпьте землю: вместо земли я насыплю драгоценные камни; если же насыплете землю, не делайте надгробного памятника: вместо него встану я сама на его могиле лицом к югу; но если и памятник поставите вы, то не читайте погребальных молитв: вместо них я спою любовные песни»⁴⁷. Благодаря высоким филологическим, фольклористическим, лингвистическим, текстологическим достоинствам эта публикация (в ней более 100 печатных страниц) получила заслуженное признание в науке как классическая. На нее ссылался А.Н. Веселовский, она упомянута в списке литературы по Кавказу, подготовленном для Л.Н. Толстого, не раз упоминается в трудах знаменитого лингвиста Н. Трубецкого и др.

По окончании гимназии Б.К. Далгат в 1889 г. поступил сначала на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (где учился весьма успешно), но со второго курса перешел на юридический факультет того же университета⁴⁸, где за отличные успехи и в связи с недостаточной материальной обеспеченностью получал так называемую «горскую» стипендию. Помимо учебной программы по юридической специальности Б. Далгат прослушал курсы на естественном факультете по химии у выдающегося русского ученого проф. Д.И. Менделеева, по физике – у проф. О.Д. Хвольсона, по математическому анализу – у проф. А.А. Маркова, по астрономии – у проф. С.П. Глазенапа. Кроме того, он слушал курсы по филологии (лекции проф. В.И. Ламанского), географии, антропологии (у проф. Э.Ю. Петри и др.), этнографии, общей истории, логике истории философии. Б. Далгат в совершенстве знал латынь, греческий и французский языки, читал и выступал на этих языках. Помимо родного даргинского он знал и другие дагестанские и языки, в частности кумыкский, лезгинский. Весьма прилично играл на скрипке, участвовал в музыкальном кружке студентов-любителей музыки при Санкт-Петербургском университете. И вообще он глубоко понимал и любил классическую русскую и западную музыку.

Будучи студентом. Башир Далгат совершил не одну экспедицию и экскурсию по Кавказу, собирая фольклорный и этнографический материал. Он читал рефераты по кавказоведению на семинарах профессора антропологии Э.Ю. Петри и в юридическом,

---

⁴⁷ 5 Там же. С. 67-68.

⁴⁸ Не без значительного влияния на студента-математика известного профессора этнографии Московского университета Н.Н. Харузина.

географическом и антропологическом обществах в Петербурге. Один из рефератов о первобытной религии чеченцев и ингушей, прочитанный в 1892 г. на семинаре Э.Ю. Петри, по словам маститого русского ученого, «отличался выдающимися достижениями»⁴⁹. Дальнейшая деятельность Б.К. Далгата как этнографа-кавказоведа и фольклориста проходила в тесном сотрудничестве с крупными русскими учеными М.М. Ковалевским, В.Ф. Миллером, Н.Н. Харузиным, Н.С. Трубецким, Д.Н. Анучиным, В.И. Ламанским и др.

Б. Далгат как ученый придерживался сравнительно-исторического метода. Кроме того, по словам самого исследователя, в своих сочинениях он всегда должен был «отдавать преимущество точности, осторожности перед легким, свободным изложением». Этому принципу Б. Далгат следовал всегда как в своей научной, так и общественной работе. Б.К. Далгат в предреволюционное время активно участвовал в различных научных обществах, существовавших в Санкт-Петербурге, Москве и на Северном Кавказе. Членство в научных обществах котирировалось очень высоко и расценивалось как явление общественно-научного признания. В 1892 и 1900 гг. он был избран членом-сотрудником Императорского общества любителей естествознания, антропология и этнографии при Московском университете, председателем которого был В.Ф. Миллер. Б. Далгат неоднократно читал свои сообщения по этнографии кавказских горцев. Так, 28 февраля 1894 г., в частности, им был прочитан доклад на тему: «Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей» в Отделении обычного права Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. В 1899 г. Б. Далгат был избран членом-сотрудником этого Общества⁵⁰, где имел возможность общаться с лучшими представителями русской науки. Б. Далгат стал одним из главных членов-учредителей «Общества кавказских горцев в Санкт-Петербурге», созданном в 1890 г. К обсуждению Устава Общества, утвержденному 11 января 1894 г., имели прямое отношение представители разных народов Кавказа: Т. Алхазов, С. Курумов, И. Кундухов, М. Берсанов, А. Галаджев, З. Темирханов, Б. Султанов, В. Эмиров, Т. Тхостов, И. Цаликов, Дзалоев, А. Гасанов и осетинский поэт Коста Хетагуров. Но составил и написал текст Устава Б.К. Далгат. Главной целью Общества кавказских горцев помимо материальной поддержки учащихся была «совместная

---

⁴⁹ ЦГИА СПб. "Петербургский университет. Отчет за 1892 год", Ф. 14. Ед. хр. 9348. С. 71.

⁵⁰ См. Приложения. С. 226.

подготовка членов Общества к общественной деятельности на Кавказе», для выполнения «нужд и потребностей горцев Кавказа» не только «материальных, экономических», но и «духовных или культурно-социальных». Предусматривалось участие горцев в издании «полезных статей, брошюр и сочинений». При этом особо выделялась культурно-просветительская цель – «печатание на родных языках оригинальных и переводных сочинений», «полезных для распространения в народе», что способствовало бы «возникновению и развитию национальных литератур» (и это было сто с лишним лет тому назад!). Устав нацеливал кавказских горцев на «сохранение национальных особенностей, ценных для существования и правильного развития горских народностей», но, однако, в русле достижений европейской и русской культур.

Живя во Владикавказе. Б. Далгат был активным членом совета Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области, членом Терского областного статистического комитета. Совета Горного общества и одновременно членом Императорского географического общества. Важно отметить, что Владикавказское отделение русского горного общества субсидировалось Императорским географическим обществом. От последнего Горное общество имело разные «поручения», например по исследованию ледников в районе Казбековской группы, по изучению отдельных горных групп или районов Кавказа, по организации метеорологических наблюдений в высокогорных районах, исследованию минеральных ископаемых и вод, производству точных топографических съемок ледниковых областей и т.д., чем весьма обстоятельно занимался и Б. Далгат. В названных обществах Б. Далгат также выступал с постоянными сообщениями и докладами, насыщенными иллюстративным материалом, в русле основных задач обществ: изучение природы края и внедрение просвещения и культуры на Кавказе.

В 1893 г. Б. Далгат публикует в «Терском сборнике» (вып. 3, кн. 2) этнографический очерк «Первобытная религия чеченцев» (сокращенный вариант его большой работы). В 1896 г. выходит очерк «Поездка к Чегемским ледникам Центрального Кавказа» – в газете «Казбек» и отдельной брошюрой. В 1901 г. в «Этнографическом обозрении» (вып. 4) он при содействии академика В.Ф. Миллера публикует работу «Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса – ингушские и чеченские сказания о нартах, великанах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 г.». В 1905-1906 гг. в

нескольких номерах газеты «Весь Кавказ» публикуются отрывки из его большой работы «Родовой быт чеченцев и ингушей». В разные годы Б. Далгат сотрудничает в газетах «Терек», «Казбек», «Терские ведомости», «Утро гор», «Северный Кавказ», «Русская жизнь» и др. под псевдонимами (Друг народа. Беркут. Горец), помещая в них фельетоны о земельных вопросах, о горских словесных судах, о просвещении и обучении горцев, о горной промышленности и др. В 1894 г. в своей полемической статье «О русско-туземных школах в Терской области» Б. Далгат ставит вопрос об организации школьного дела на Кавказе. Он пишет о важности изучения горцами в «русско-туземных» школах не только своей национальной литературы и языка, но и русского языка, русской литературы, русской науки и культуры⁵¹. В статье «Горная рогалия и горная свобода» (1896 г.) Б. Далгат ратует за открытие горного училища на Северном Кавказе, пишет о необходимости реформы горного законодательства, что должно было способствовать развитию горного дела на Северном Кавказе и в Дагестане.

Б. Далгат был самозабвенным любителем-туристом: он неоднократно бывал в горах и на ледниках Кавказа и совершил в период с 1908 по 1914 г. ряд восхождений на Казбек и Эльбрус и даже в 1911 г. экипировал за свой счет экспедицию на Эльбрус. При этом о всех своих наблюдениях он делал сообщения и доклады в различных научных обществах (о географии и природе Кавказа, геологическом строении гор, о малоизученных в то время ледниках и т.п.).

По окончании Санкт-Петербургского университета в 1895 г. Б.К. Далгат получил диплом высшей степени и звание кандидата прав⁵², приехал из Петербурга во Владикавказ, где и жил примерно до 1920 г. Он был другом и единомышленником выдающегося осетинского писателя и поэта Коста Хетагурова, тесно общался со многими просветителями Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии,

---

⁵¹ Далгат Б. О русско-туземных школах в Терской области (по поводу предположения местного начальства распространить грамотность среди горцев) // Педагогика. М., 2002. № 2 (публикация осуществлена У.Б. Далгат).

⁵² Примечательно, что в 1895 г. в числе лучших выпускников юридического факультета Санкт-Петербургского университета, получивших высшую оценку и звание "кандидата прав", были В.И. Ульянов. Б.К. Далгат, П.К. Струве, И.С. Джабадари (см.: ЦГИА СПб. Дело юридической испытательной комиссии СПб. университета. № 09. 1895 г. Ф. 14, 18. Оп. 3906).

Абхазии (в частности, был хорошо знаком с Д.И. Гулия) и даже Средней Азии (например, с казахским ученым А.А. Диваевым).

Б. Далгат был не только ученым и просветителем, но и юристом-цивилистом высокой квалификации. Он был защитником интересов широких трудящихся масс, прав крестьян-бедняков, горцев, выступал против разорительных налогов, оброков (наложенных при Г.С. Голицыне) и других поборов со стороны казны и местных феодалов. Показательны дела по защите Б. Далгатом общественных и земельных прав жителей-бедняков селений Гапца, Губден, Аtpаки, Чомпа и др. в Дагестане. Б. Далгат имел заслуги и перед рабочим классом, выступая защитником рабочих-революционеров в 1906 г. в крупных политических процессах в городах Грозном и Минеральных Водах.

После февральской революции 1917 г. Б. Далгат – активный участник съезда Союза горцев, придерживающийся определенной политической ориентации на федеральное вхождение общественных структур Северного Кавказа в состав демократической России.

После установления советской власти, когда Терская область была объявлена Советской Автономной республикой в составе Российской Федерации (4 марта 1918 г.), Б. Далгат был избран Ингушским народным советом членом Владикавказского окружного народного суда. В начале 1920 г. стал заведовать отделом юстиции в Назраньском окружном революционном комитете.

В ноябре 1920 г. Б. Далгат был командирован представителем Реввоенсовета и Промбюро Юго-Востока России в Дагестан для восстановления Хпекского ртутного рудника, который и восстановил, самоотверженно работая в труднейших условиях, прожив в глухом ауле и терпя всяческие лишения полтора гола. За посланные с рудника первые два пуда ртути В.И. Ленин прислал Совнаркому Дагестана благодарственную телеграмму⁵³. По окончании этой работы Б. Далгат осенью 1922 г. был назначен юрисконсультom Дагестанского центрального исполнительного комитета Совнаркома и Экономического совета.

Зачем был назначен заведующим отделом законодательных предположений Народного комиссариата юстиции и с 20 ноября 1922 г. до 1 мая 1927 г. (около 5 лет) работал для ЦИК и Совнаркома ДАССР. С 1923 г. и до 1 ноября 1928 г. в течение почти пяти лет он нес всю ответственную работу по согласованию и составлению

---

⁵³ Ленин В.И. Сочинения. 4-е изд. М., 1952. Т. 33. С. 173.

законопроектов для всех наркоматов Дагестана, участвовал во многих ответственных государственных комиссиях при СНК и ДЦИК'е. Б. Далгат участвовал также в составлении и написании окончательной редакции проекта новой Конституции Дагестанской республики; а в Народном комиссариате юстиции, будучи заведующим отделом законодательных предположений, был инициатором, составителем и редактором «Сборника узаконений».

Активное участие в государственной и общественной жизни республики не мешает Б. Далгату продолжать и научную работу.

Путем тщательной лингво-аналитической работы, сравнения алфавитов арабского, русского, латинского. П. Услара, дополнительных включений необходимых звукобукв, фонем даргинского языка⁵⁴ он составляет проект «Нового латинского алфавита для даргинского языка», взятый за основу тогдашней реформы письменности.

Будучи сотрудником Дагестанского научно-исследовательского института национальной культуры, Б. Далгат выступает на различных научных конференциях с имеющими большую ценность научными докладами и сообщениями, например такими, как «Об обычном праве дагестанцев». «Изучение обычного права горцев Кавказа и, в частности, Дагестана в условиях советского строительства», «О горских съездах и образованных правительствах» и т.д. Продолжает он и работу по записи дагестанского фольклора. Б. Далгат подготовил к печати свои работы по обычному праву даргинцев, обычному праву и родовому строю народов Дагестана, сборник даргинского фольклора («Даргинские песни и сказки»), которые, к сожалению, не были опубликованы и хранятся в Рукописном фонде Дагестанского НИИ языка и литературы (ДАГНИЯЛ) им. Г. Цадаса.

За научные заслуга Б. Далгат избирается член-корреспондентом Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института. Ингушского научно-исследовательского института. В «Известиях» первого из них в 1930 г. в г. Владикавказе выходит работа Б. Далгата – «Материалы по обычному праву ингушей»⁵⁵. По своей научной обстоятельности и общественной значимости эта работа представляет исторический документ эпохи из жизни обозреваемого им народа. А в 1934 г. в

---

⁵⁴ См. Приложение. С. 242.

⁵⁵ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Северо-Кавказского краевого НИИ. Владикавказ, 1930.

«Известиях» Ингушского научно-исследовательского института выходит в несколько сокращенном варианте историко-этнографический труд Б. Далгата «Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом»⁵⁶.

Б. Далгат был женат дважды: на русской москвичке, выпускнице Высших московских курсов О.И. Кокуриной, рано ушедшей из жизни на полячке-варшавянке Е.А. Майстеркевич, от которой имел двух дочерей и которая пережила его на 44 года.

Б.К. Далгат умер в 1934 г. в возрасте 63 лет, в расцвете творческих сил в связи с тяжелым заболеванием. Похоронен в г. Махачкала. Он любил свою родину, под которой понимал и Дагестан, и Россию, никогда не покидал ее и верен был ей душой и сердцем, самоотверженно работая на ее благо.

Не случайно в 1990 г. в Дагестане на конференции Научного центра Российской АН, посвященной 120-летию Башира Керимовича Далгата, прозвучали в докладе ныне академика Российской академии наук Гаджи Гамзатовича Гамзатова и такие слова: «В лице Б. Далгата народы Дагестана и Северного Кавказа имели выдающегося деятеля национальной культуры, яркую творческую индивидуальность, плодотворного ученого, мыслителя и просветителя, крупного общественного деятеля. Многогранен его талант, масштабен круг интересов, оригинален образ мышления.

Во всеоружии знания жизни и общества, с исключительной самоотдачей, гражданским достоинством и традиционным горским интеллектом служил он делу социального благополучия и культурного прогресса народов родного Дагестана и Северного Кавказа.

Благороден жизненный путь Б. Далгата. Многогранно и богато его идейное, творческое, научно-публицистическое наследие. Оно все еще не оценено по заслугам, хотя безусловно имеет первостепенное значение для современной научной и общественно-политической мысли не только Дагестана. Такая работа еще впереди. Имя Башира Далгата, образ и деяния его увековечены в памяти благодарных потомков».

* * *

Предлагаемый вниманию читателей труд Башира Керимовича Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей» в таком полном варианте никогда не публиковался. В «Тереком сборнике», издаваемом

---

⁵⁶ Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия Ингушского НИИ. Владикавказ 1934. Вып. IV.

во Владикавказе, был напечатан только сокращенный (на две трети) вариант «Первобытной религии чеченцев»⁵⁷. Именно он был переведен в 1908 г. на немецкий язык и издан в Германии известным немецким антропологом и этнологом, кавказоведом Адольфом Дирром⁵⁸. Естественно, что многие ценные материалы, мысли и научные рассуждения автора по проблеме не вошли в публикацию. Полный вариант рукописи Б.К. Далгата хранится в личном архиве У.Б. Далгат и представляет собой 464 страницы автографа, испещренного неизвестным редактором в целях сокращения для публикации. Десятки страниц перечеркнуты ручкой, на некоторых – вычеркнуты фрагменты авторского текста.

В свое время, в 1894-1895 гг., выпускник юридического факультета Петербургского университета Б. Далгат представил вышеобозначенный труд вместе с рукописью «Родовой быт чеченцев» в качестве дипломной работы. Тогда эти исследования были высоко оценены такими выдающимися русскими антропологами, этнографами и правоведами, как Э.Ю. Петри, С.А. Бершадский, И. Дювернуа, Д. Анучин и др. и Б. Далгату была присуждена ученая степень кандидата прав.

Автор в своем труде активно пользовался известными в то время теориями о первобытной религии и фундаментальными трудами теоретической науки о древнем обществе А. Бастиана, Э. Тайлора, Г.С. Мэна, Ф. де Кюланжа, Дж. Лёббока, Г. Спенсера, О. Пешеля, Э.Ю. Петри и др. Помимо этого в поле зрения Б. Далгата были все известные печатные источники на русском и иностранном языках, относящиеся к проблемам кавказоведения вообще и к истории, жизни, быту, религии, устной словесности чеченцев и ингушей в частности. Это капитальные труды И. Гюльденштедта, Ю. Клапрота, Я. Рейнегса, В.Ф. Боденштедта, П. Палласа, Я. Потоцкого, П. Зубова. Интенсивное использование Б. Далгатом кавказоведческих трудов В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, Н.Н. Харузина, Н.Ф. Грабовского, Н.Ф. Дубровина, А.Л. Зиссермана, П.И. Головинского, П.А. Буткова, С.М. Броневского, М.А. Селезнева, А.П. Ипполитова, И. Иванова, не говоря уже о Ч. Ахриеве, У. Лаудаеве, А. Базоркине и др. Кроме того, Б. Далгат тщательно изучил русские периодические издания: «Северный архив», «Живая старина», «Русский инвалид», «Пантеон»,

---

⁵⁷ Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев (сокращенный вариант) // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

⁵⁸ *Dirr A. Die alte Religion der Tscheschen // Antropos. 1908. Bd. III. Heft 4.*

«Москвитянин» и др., а также кавказские сборники, календари, газеты, в частности «Терский сборник», «Сборник о Терской области», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа», газеты «Кавказ» и др. На всю эту литературу Б. Далгат ссылается в своем труде. Использовал он и различные русскоязычные толковые словари, в частности А. Щекотова. П. Семенова, И. Березина, в которых содержался материал, так или иначе относящийся к изучаемой Б. Далгатом теме.

Важно отметить, что Б. Далгат не только досконально изучал всю литературу по предмету, но критически оценивал каждое произведение и делал пометки типа: «книга научного характера», «весьма ценный труд», «простое беллетристическое описание», «серьезные» или «компилятивные статьи» и т.п. Все это показывает, насколько обширна и значительна научно-литературная база, на которой основывалось исследование Б. Далгата.

Самыми ценными были материалы по этнографии, археологии, фольклору, собранные Б. Далгатом во время личного наблюдения языческих обрядов, а также полученные в беседе с информаторами в период двух экспедиций в Нагорные Чечню и Ингушетию в 1891 и 1892 гг.

Б. Далгату посчастливилось встретить наиболее сведущих в области этнографических знаний, народной религии и устной словесности стариков, которые были к тому же и превосходными сказителями. Один из них Ганыж Абиевич Келигов-Фалханов был в возрасте за шестьдесят. В течение восьми лет он был руководителем народа и хранителем его религиозных таинств в качестве жреца Мецхальского и Джераховского обществ ингушей. Другой – столетний старик Газбык Казиевич Хабиев-Буржаев. Этот человек, по словам Б. Далгата. «был воин в полном смысле этого слова, служил у русских в качестве добровольца и участвовал почти во всех походах их во время покорения Чечни и Дагестана». Но, главное, этих двух информаторов характеризует необыкновенная одаренность, природный интеллект, обширные знания древней народной культуры ингушей и чеченцев. Б. Далгат утверждает, что сведения, полученные от этих «сказителей», «смело можно отнести к периоду от 1800 по 1830 г., когда еще ингуши не были тронуты русской культурой и наружно исповедовали не магометанство, а христианство». Непосредственное наблюдение обрядов жертвоприношений языческим богам на Столовой горе помогло Б. Далгату ярко и зрелищно описать эти интереснейшие

действия, священнодействия жреца и молящихся. В труде приведены и образцы языческих молитв, обращенных к богам.

С первых же страниц своего исследования Б. Далгат акцентировал внимание читателя на том, что и изучение жизни и быта кавказских горцев, серьезное ознакомление с их нравственно-религиозными воззрениями, с народной этикой и моралью, духовными ценностями имеет важное государственное значение.

Под первобытной религией чеченцев и ингушей автор понимал «языческий культ, который можно признать у чеченцев национальным и господствовавшим до появления теперешнего мусульманства и бывшего некогда христианства». При этом первобытная религия народа рассматривалась им как одна из форм его древней культуры. Б. Далгат особо выделяет вопрос об этническом единстве чеченцев и ингушей. Он признает ингушей «одной из ветвей чеченского племени», считая, что «ингуши – те же чеченцы в смысле этнографическом»; религия у них, пишет Б. Далгат, в основных чертах – общая; язык, нравы, обычаи, общественный строй у ингушей и чеченцев тоже были в своей основе общие. Подобные взгляды разделяли многие дореволюционные кавказоведы в своих трудах, посвященных чеченцам и ингушам. Так, известный русский этнолог и этнограф Н.Н. Харузин в статье «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» пишет: «Ингуши и чеченцы – два племени, не только соседние друг с другом, но и связанные между собой единством происхождения. Племенное родство их настолько близко, что некоторые исследователи отождествляли оба народа и нередко, говоря об ингушах, называли их чеченцами»⁵⁹. «Это родство, – пишет Н.Н. Харузин далее, – засвидетельствовано... и народным преданием...»⁶⁰. Действительно, известно несколько вариантов преданий, зафиксированных учеными, в том числе и Б. Далгатом, свидетельствующих о живущем в обоих народах сознании своего единства. А.К. Вильямс о труде «Географический очерк ингушей» тоже пишет: «Ингуши представляют собою отрасль чеченского племени и, согласно новейшей теории акад. Н.Я. Марра, принадлежат к древнейшим насельникам Кавказа, относящимся к народу «яфетического происхождения»⁶¹ и т.д. Позиция современных кавказоведов (историков, археологов,

---

⁵⁹ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888. Вып. III. С. 115.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Вильямс А.К. Географический очерк ингушей. Владикавказ, 1928. С. 100.

лингвистов, этнологов, фольклористов) в отношении этнической близости чеченцев и ингушей не изменилась. Более того, чеченцев и ингушей теперь именуют общим термином «вайнахи» (наш народ). В состав современных «нахских народов» помимо чеченцев и ингушей входят и субэтнические группы: цова-тушины, кисты и бацбийцы.

Говоря о научно-методологической направленности исследования Б. Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей», необходимо подчеркнуть, что его автор был последователем эволюционной школы – направления в этнографии второй половины XIX в., основоположниками которой были Э. Тайлор, Г. Спенсер, Д. Лёббок, А. Бастиан и др. Эволюционисты, в том числе и Б. Далгат, признавали культурное единство человечества, общие законы развития культур всех народов от простых форм к сложным, от низших к высшим; различия в культуре разных народов – следствие разных ступеней их эволюции. Идейной основой труда Б. Далгата, по его собственным словам, была теория развития, противопоставлявшаяся теории разложения, деградации, по которой существовавший ранее высокий уровень цивилизации, в том числе и религиозных культов, со временем регрессировал, сохранившись лишь в поверьях и пережитках. Несомненно, что теоретическая концепция эволюционистов была ориентирована на исторический подход в объяснении древней культуры человечества. Можно с уверенностью утверждать, что Б. Далгат, создавший свой труд о первобытной религии, находился под большим влиянием трудов Э. Тайлора и его последователей. При исследовании своего материала Б. Далгат придерживается и анимистической теории с ее представлениями о душе, о метемпсихозе, о возможности переселения душ после смерти, о загробном продолжении существования и т.д.

Б. Далгат помнит высказывание своего учителя Э.Ю. Петри (лекции и семинары которого он посещал, будучи студентом Санкт-Петербургского университета) о том, что «под религиею первобытных людей нельзя разуметь какие-либо стройные религиозные системы или даже зачатки монотеизма»⁶². Однако в своем труде он ставит и решает вопрос о степени «стройности религиозных систем» в первобытной религии чеченцев и ингушей, в которой, по мнению Б. Далгата, намечаются «зачатки монотеизма». При этом он соглашается с Ф.В.

---

⁶² *Петри Э.Ю.* Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890. Т. I. С. 493.

Шеллингом, который был прав, называя религию «универсальным феноменом» (цитируется по Э. Петри)⁶³.

Обратимся непосредственно к труду Б. Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей».

В главе первой – «Христианство и магометанство в Чечне» – речь идет о следах христианства и магометанства у чеченцев, которые выявляются по преданиям, языку, археологическим памятникам, а также о связи первобытной религии чеченцев и ингушей с христианством и магометанством.

В главе второй – «Представления чеченцев о загробном мире, душе и духах» – ставится и решается ряд вопросов, относящихся к первобытной религии изучаемого им этноса. Здесь акцентируется внимание на происхождении и формировании первобытной религии чеченцев и ингушей, влиянии природы и других объективных факторов на это формирование. Основное содержание этой главы – загробное существование и состояние души после смерти, развитие идеи о загробном мире. Речь идет о склепах, похоронах и поминках, о природе души человека и идее загробного возмездия. Говорится также об оборотнях и колдунах, о духах человека и природы...

Предметом изучения в третьей главе – «Боги природы, культ предков у чеченцев» – являются: год и его деление на части (месяцы, недели, дни); семейный культ и культ домашнего очага; влияние этого культа на строй жизни; организация семьи, кровная месть, усыновление, присяга и проч. Рассмотрен культ и обоготворение предков, общих аулу, обществу и всему народу, а также боги, созданные по типу обоготворенных предков, – бог войны, деторождения и т.д. Отмечены памятники христианства, ставшие языческими молельнями (Гиль-ерда, Тхаба-ерда и др.). Показаны высшие божества кистин: Амали-ерда, Тамыж-ерда и Мятцели. Особое внимание уделено молитвам жреца, предсказанию будущего и гаданию, влиянию этих актов на жизнь людей.

В главе четвертой – «Боги природы и Вселенной» – речь идет о пантеоне богов природы, «из коих каждый управляет известным явлением, будучи в то же время его олицетворением». Верховный, или Высший. Бог – «отец всех прочих богов, – пишет Б. Далгат, – представляется последней ступенью в развитии чеченского пантеона». Его называют Дэла, Дяла или Дэйла. Б. Далгат, согласно общей эволюционистской теории развития, преемственности и

---

⁶³ Там же.

последовательности ступеней культуры, придерживается идеи постоянного развития и религиозной мысли. Поэтому в данной главе говорится о богах более высокого порядка, нежели «боги-предки», в частности о происхождении богов природы и Вселенной: богини вьюг на Казбеке, бога охоты Елта, духов ручьев, озер, лесов, обоготворенных солнца, луны и звезд. Свое место занимают: Мать ветров, Звезда ветров, бог-громовержец Сели и его дочь Сели-Сата. Помимо них фигурируют: бог времени, бог царства мертвых Эштр, а также Верховный Бог, глава всех богов и творец мира. Уделяется внимание и «чудесам», приводятся сказание о Боге и Елте и мифический рассказ о «Сотворении мира и человека».

Таким образом, у чеченцев и ингушей, как определяет и показывает Б. Далгат, «сложилась целая характерная система религиозных учений относительно душ и их поселения, относительно духов, делающих людям добро или зло, и великих богов, стоящих выше этих духов».

Б. Далгат в своем труде немало места уделяет довольно подробному описанию археологических памятников старины, с которыми он встречался в Чечне и Ингушетии. Это древние башни, подземные и наземные склепы (каш) и катакомбы, храмы, могильники, святилища, кресты, высеченные в стенах, а также различные атрибуты языческих религиозных культов и т.д.

Все это воспринимается и расценивается Б. Далгатом как признак развитой материальной культуры изучаемого им народа. Что касается подробного описания самих археологических памятников, то само по себе оно весьма ценно, особенно теперь, когда многое навсегда утеряно. То же следует сказать и применительно к этнографическому материалу, собранному Б. Далгатом и широко используемому им в своем труде. Большое место в работе отведено свадебным и похоронным обрядам, поминкам, правовым, общественно-социальным нормам народной жизни в условиях родового коллектива, в частности обычаям побратимства, молочного родства, присяги ингушей, тесно связанной с культом предков. Представляют значительный интерес этнографические записи автора, связанные с представлениями чеченцев и ингушей о загробном мире. Б. Далгату удалось даже зафиксировать такой чрезвычайно любопытный «закон о браке» между умершими, когда отец покойного сына требует с родителей умершей дочери калым, будто бы выплаченный ими когда-то, как с бывшей невесты его сына.

В главе уделяется особое внимание культу почитания огня, домашнего очага, надочажной цепи, котла и даже золы. Очаг в жизни чеченцев и ингушей, если воспользоваться словами Ф. де Кюланжа, это «род духовного существа»⁶⁴. Культ домашнего очага, как показал Б. Далгат, имел большое значение даже в кровных делах. Подробно освещая обычай кровной мести. Б. Далгат говорит и о способах примирения кровничества, в частности и о роли домашнего очага при этом. Впечатляет описание обрядов жертвоприношений языческим богам, очевидцем чего был сам Б. Далгат. Ему удалось запечатлеть всю выработанную веками процедуру, строго установленный традицией порядок совершаемого религиозного действия: «театрализованное» поведение жреца, его позу во время молебства, движения его рук, поворот головы, тембр голоса. Подробно описаны и средства религиозной атрибутики: особый шест с белым флагом либо с колокольчиками (так называемый «значок»), ритуальная посуда, свечи, используемые жрецом во время жертвоприношения, «божественная пища», даруемая богам, и т.д.

Много внимания уделяется в работе устному народному творчеству чеченцев и ингушей, преимущественно записанному самим Б. Далгатом. Этот материал приводится не только ради иллюстрации прекрасных образцов «неподдельной поэзии» чеченцев и ингушей. Он важен для автора в связи с изучением их первобытной религии.

Различные предания, сказания, мифы, легенды, молитвы, проклятия, заклинания, клятвы, поверья, обрядовые песни и плачи, былички, мемораты, колядки, сновидения, архаические сказки, впервые записанные Б. Далгатом, примечательны тем, что в них запечатлен своеобразный синтез мистического, демонического с бытовым и общечеловеческим.

Остановимся на некоторых фольклорных жанрах. В первую очередь, на разного рода преданиях – этиологических, эпонимических, мифологических, исторических, – встречающихся в книге Б. Далгата. Одни из них моносюжетные, состоящие из скупого указания на какое-либо явление, примечательное место, например, указание на местонахождение храма либо указание на небывалый случай. Полносюжетные предания – более расширенные повествования эпического склада, преимущественно с мистическими сюжетами и образами. В этом смысле представляют интерес предания о лесных

---

⁶⁴ Кюланж Ф. де. Древнее общество: Обзор культа, права и учреждений Греции и Рима. СПб., 1867. С. 93-94.

духах, лесных людях. Это либо женщины невиданной красоты, зазывающие путников, – алмазы (например, в предании «Чопа Борган и алмас»), либо злобные, коварные хун-саги (как в предании «Алмас и охотник по имени «Я сам себя»»). Здесь наглядна антропоморфизация духов природы.

Чудесное и сверхъестественное отражено и в предании о жителях селения Арзиб⁶⁵ Из-за засухи люди решили переселиться в христианское селение Бацой. Во время подъема в гору у одной девушки закружилась голова и она воскликнула: «Боже, о Боже!».

Тут же на высохшей почве зазеленела сочная трава и люди вернулись назад. Здесь уже явное проявление божественного откровения. С точки зрения анимистической теории интересно замечательное предание об «Аксак Темире» (историческом Тамерлане), которое удалось записать Б. Далгату. Это предание примечательно не столько сложным (полисюжетным) составом, сколько своим базовым сюжетом, а именно рассказом о душе кузнеца, отделившейся во время его сна от тела и представшей в образе мухи. Бесспорно, что подобное представление о душе в ее материальном виде совершенно в духе учения о метемпсихозе. Любопытно, что Б. Далгатом в связи с этим преданием затрагивается проблема заимствования, к которой он относится с настороженностью. При том, что он обращается к одной бурятской сказке, где гоже идет речь об отождествлении души человека с образом пчелы.

Два других предания – исторические. Одно из них относится к событиям XVI в. В нем идет речь об одном «христианском» князе, поселившемся на землях галгайцев (ингушей), возле их священного храма Тхаба-ерда. По этому преданию, один местный житель жертвует своей любимой женою, в которую влюбился «христианский» князь: отдает ее князю в обмен на то, чтобы чужеземец покинул галгайскую землю. В другом предании преобладают общественно-социальные мотивы, в нем говорится о том, как чеченский народ выбирал себе князя. Этот князь предстал перед народом в своем богатом одеянии, но подпоясанный грубым ремнем, к которому были подвешены ослиные уши. Таким образом князь убедил народ в том, что его (народа) свобода так же несовместима с княжеской властью, как несовместимы ослиные уши с богатым одеянием.

Если нельзя напрямую говорить об исторической принадлежности эпонимических преданий чеченцев и ингушей, об их

---

⁶⁵ В современной литературе часто встречается написание Эрзи.

мифических родоначальниках – Га, Аго, Шото, Цикма, с которыми они связывают свое происхождение и расселение, то вполне возможно признать их «исторический смысл»⁶⁶.

Что касается преданий вообще. Б. Далгат (как мы уже отмечали раньше) считает, что они не являются достоверными историческими источниками.

Обратим внимание на два сказания, приведенных Б. Далгатом в ракурсе разрабатываемой темы. Эти сказания имеют прямое отношение к древнему общекавказскому нартскому эпосу, в чечено-ингушской версии именуемому нарт-орштхойским⁶⁷.

Исходный сюжет одного из этих сказаний, впервые записанного Б. Далгатом, – преследование и домогательства богом-громовержцем Сели одной орштхойской девушки, «которую Бог создал... красавицей, какою только мог», но которая умерла. Базовый сюжет этого сказания – осквернение трупа божеством, вследствие чего у умершей красавицы родилась девочка, и девочка эта, как дочь громовержца Сели, была названа Сели-Сатой. В сказаниях ингушей и чеченцев Сели-Сата тоже причислена к небожителям, наделена некоторыми божественными чертами. Она олицетворяет образы эпических героинь общекавказского нартского эпоса, каковые Сатана у осетин. Сатаней-гуаша у адыгов и т.п. Что касается мотива рождения Сели-Саты у умершей девушки, то он является уникальным. В большинстве нартских этнических версий этот мотив подвергся более поздней по времени происхождения семантической модификации и потерял свое архаическое ядро.

Другое сказание, «О пастухе Горжае, у которого орштхойцы угнали скот», тоже рассматривается Б. Далгатом с точки зрения наличия элементов первобытного религиозного мышления. Сюжет этого сказания связан с богом Сели, с одной стороны, и Верховным Богом – с другой. Могущественный, человекоподобный бог Сели терпит поражение от воинственных нарт-орштхойцев, не сумев защитить богоугодного пастуха Горжая. Зато всемогущий Бог Дяла возвращает ему половину угнанных животных, а также предотвращает

---

⁶⁶ См.: *Пронн В.* Об историзме русского эпоса // Русская литература. 1962. № 2. С. 84.

⁶⁷ Известны разные огласовки термина "нарт-орштхойцы": нарт-арштхойцы, нарт-эрштхойцы, нарт-ортсхойцы или нарт-орхустойцы. Мы придерживаемся принятого Б. Далгатом варианта - нарт-орштхойцы. Однако при цитировании из других источников сохраняется принятая в них терминология.

кровапролитие между враждующими сторонами тем, что по его велению между ними возникает река Терек.

Рассмотрим некоторые языческие молитвы, которые представлены в труде Б. Далгата. Так, уже говорилось о молитве «Божьему лику Тушоли». Тушоли – бог деторождения и вообще всякого приплода. Женщины, особо почитавшие его, просили дать им «благодать свою», дать «благополучие»; сделать «так, чтобы неродившие родили детей». Молились также об «обильном урожае», «дожде масляном и солнце лекарственном». Вообще чеченцы, по словам Б. Далгата, «высоко чтут Солнце», считают его «добрым божеством». Они возносят ему хвалы и молитвы, просят при этом: «Божье солнце (Дэла-Молх), принеси нам благодать свою».

В пространной ингушской молитве, дословно записанной Б. Далгатом от жреца Мятцели Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова в 1892 г. на Столовой горе, представлена целая совокупность духовных и мировоззренческих понятий чеченского народа о языческих божествах. Б. Далгат, пользуясь выражением Тайлора, отмечает, что молитвы в устах ингушского жреца (цайнсага) не успевают «застыть в неподвижности традиционных формул», а являются «свободными, подвижными порывами души». В молитве упоминается несколько богов, к которым обращается жрец от имени молящихся. У «Всемогущего Боже» (видимо, это Верховное Божество) просят о многом; «Гостя к нам благополучно приведи», «гостю и хозяину огонь дай чистый разводить (не потуши)», «блюдо чтобы полно было», «хозяину и гостю дай наследников, которые будут иметь чистый огонь и полное блюдо». Молят дать людям «подольше потоптать это место (где живем)», т.е. дать «подольше пожить»; просят человека «поставить на путь истинный»; дать путнику «благополучного пути, а кто останется дома, его место сделать масляным (зажиточным)», просят об урожае, о приплоде скотины и т.д. При всем этом жрец уверяет молящихся, что этот Бог провозглашает; «произносящим имя мое и просящим у меня благодать я даю, людям добро я даю».

Любопытно, что в обращении к другому богу – громовержцу (если испрашивается не только благодать, но и защита от бед, несчастья, злого духа. Тогда просят Сели: «пулей божией ударь», «головешкой Сели (молнией)», «своей шашкой и своим ружьем ты (т.е. Сели) истреби и удали от нас всякое зло». «Свою благодать дать» молящиеся просят и у богов: Золотого Мятцели, у Бейн-Сели, у Тушоли; даже обращаются к святым (цу) тоже «свою благодать дать».

Б. Далгат считает, что «в этой вдохновенной детски-наивной и чистосердечной... молитве жреца» с «поразительной ясностью сказалось все религиозное мировоззрение» народа. В данном случае он цитирует то место из труда Э. Тайлора «Первобытная культура», где автор говорит, что «молитва является в религиях уже на низших ступенях культуры, но не имеет еще тогда нравственной основы и только на более... высоких ступенях нравственности... молитва становится орудием нравственности»⁶⁸. Данную молитву Б. Далгат относит не к «первоначальной, низшей ступени культуры», а к «ранней стадии религиозного сознания», поскольку в ней он усматривает «многие нравственные черты из жизни ингушей», «как и чеченцев вообще». Это и гостеприимство, возводимое народом в культ, и порицание неблагодарности, и просьба молящихся «поставить на истинный путь», и даже своеобразное выражение народной этики в прошениях к Богу, когда говорят, что надо «умело просить» Бога, чтобы он не убавил своей милости, чтобы не попрекнул, сказав: «прося много, вы надоели мне!».

В заключение важно еще раз подчеркнуть, что труд Б. Далгата о первобытной религии чеченцев и ингушей весьма ценен и интересен для науки и области религиоведения, этнологии, этнографии и фольклористики. Он представляет большую научную значимость по своему содержанию, широте поставленных проблем, охвату привлеченного в исследование оригинального материала, точности и достоверности его анализа и оценки, а также теоретико-методологическим изысканиям автора, тем более, что работа Б. Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей» издается в полном объеме впервые. Этот труд в своей совокупности является документальным свидетельством эпохи, жизни, быта, мировоззрения и эстетических представлений одного из кавказских этносов, а точнее, вайнахского суперэтноса, объединяющего и чеченцев, и ингушей в их прошлом культурно-историческом развитии.

За ценные научные советы и содействие в издании данного труда выражаю искреннюю благодарность академику А.В. Куделину. Весьма признательна также чл.-корр. РАН В.М. Гоцаку – руководителю проекта по изданию трудов Б.К. Далгата.

У. Далгат

---

⁶⁸ Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 459.

ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Первая задача антрополога – «добыть первичную мысль». Понимание первобытных народов служит «ключом, с помощью которого раскрываются перед нами сложнейшие построения высших форм».

Бастиян (цит. по Э.Ю. Петри)^{1*}

«При научном изучении религии, которое обещает, по-видимому, сделаться на многие годы одним из главных предметов, занимающих современную мысль, не следует постановлять решительных приговоров в собрании, в котором принимают участие одни только теологи, метафизики, биолога или натуралисты. В этих совещаниях должны также участвовать этнографы и историки, чтобы указать на историческое положение каждого мнения и обряда, и их исследования прошлого должны простирались до последних следов древней или дикой жизни, так как едва ли существует столь первобытное состояние человеческой мысли, чтобы оно не имело отношения к нашим идеям, или столь древнее, что бы связь его с нашей собственной жизнью была окончательно порвана».

Э.Б. Тейлоре^{2*}

---

^{1*} Бастиян А. (1826-1905) - немецкий антрополог, этнограф, врач. Основатель Берлинского музея народовластия (1868). Выдвинул прогрессивную идею единства человеческой психики, которой объясняет единство культуры всех народов.

Бастиян говорит, что первая задача антрополога "добыть первичную мысль" (Bastian A. Die Ethnologie und deren Aufgabe... // Verhandlungen des I. Deutschen Geographentages. Berlin: Reiner. 1882. S. 52). И далее: «Понимание первобытных народов служит "ключом, с помощью которого раскрываются перед нами сложнейшие построения высших форм". Эти выражения цитируются Б. Далгатом в его рукописи "Первобытная религия чеченцев" (СПб., 1893. С. 1).

^{2*} Тайлор Э. (1832-1917) - выдающийся английский антрополог, этнолог, этнограф и историк культуры первобытного общества. Наряду с Г. Спенсером. Д. Лёббоком является создателем эволюционистской школы в этнографии и истории культуры, впоследствии названной "антропологической".

Разработал анимистическую теорию происхождения религии - анимизм. Тайлор был хранителем этнографического музея при Оксфордском университете, проректором кафедры антропологии Оксфордского университета, президентом Антропологического института Великобритании.

«Изучение печальною зрелища, которое представляют нам данные суеверия и грубая форма верований, для религиозного ума может доставить и некоторое чувство удовольствия, так как вместе с тем он может наблюдать постоянное развитие более правильных воззрений и более человеческих верований».

Сэр Дж. Лёббок^{3*}

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение кавказоведения вообще и, в частности, для истории религии. – Значение изучения языческих религий. – Происхождение и задачи настоящей работы. – Трудности, его представляемые, и средства, имеющиеся для ее выполнения. – Критика источников.

Значение кавказоведения для сравнительной истории права и языкознания твердо установлено такими светилами русской науки, как В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, а интерес, возбужденный их трудами среди самых крупных представителей этих отраслей науки на

Известные труды Э. Тайлора: Tylor E.B. *Researches into the History of Mankind* " или в другой редакции "Early History of Mankind " (London, 1865. Vol. 1-2). Первое русское издание "Древняя история человечества" (СПб., 1873. Т. I. II); "Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации)" (СПб., 1882).

В своих трудах Э. Тайлор проявил себя как горячий убежденный эволюционист. Приверженец идеи последовательного развития человечества, он показал пример комплексного использования данных этнографии, археологии, фольклористики. Труды Э. Тайлора имели первостепенное значение в исследовании Б. Далгатом первобытной религии чеченцев.

^{3*} Лёббок Дж. (1834-1913) - английский археолог и историк культуры, эволюционист. Известный труд "Начало цивилизации. Умственное и общественное состояние дикарей" (СПб., 1876), в котором идет речь об "умственной неподвижности дикарей", об "отношении между тещей и зятем", о куваде ("La souvade"), об "употреблении молитв при врачевании", о "браке и родстве", о "верованиях", о "значении сновидений у низших рас", о "колдовстве как причине смерти", а также о "вере в духов", "гаданиях", "поклонении животным", "одухотворении неодушевленных предметов", "поклонении деревьям", "поклонении воде", "поклонении горам и камням", "поклонении огню", "поклонении Солнцу и Луне", о фетишизме, "тотемизме", "шаманизме", "поклонении жертве", "жрецах", "понятии будущей жизни" и др.

И этот труд весьма часто цитируется Б. Далгатом.

Западе, каковы Гюбшман^{4*}, Дарест^{5*}, Эсмен^{6*}, Поль Виоле^{7*}, Колер^{8*}, Деклярёл^{9*} и др., еще более закрепил за кавказоведением его важную роль в науке о первобытном человеке и обществе.

В самое последнее время у нас явилась попытка низвести роль кавказоведения с той высоты, на которую возвел его профессор М.М. Ковалевский. Я имею в виду критическую заметку г-на С.Д. Гальперина на сочинение М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», напечатанную в «Живой старине» за 1892 г., вып. IV. Автор заметки доказывает, что кавказоведение, как наука о народе, перешедшем уже в своем развитии первобытную стадию, не может служить основанием для построения теории первобытного строя жизни человечества, и что изучение обычного права, переживаний и исторического материала Кавказа может служить лишь к проверке гипотез, построенных на изучении быта дикарей и природе индивидуума. Пусть будет так, но ведь всякая проверка данных, добытых наукою, посредством нового материала может повести за

---

^{4*} Гюбшман Г. (1848-1908) - немецкий филолог, профессор сравнительного языкознания в Страсбурге. Его труды: "Ein Zoroastrisches Lied" (1872), "Zur Geschichte Armeniens" (1875), "Grundzuge der armenischen Etymologie" (1883), "Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache" (1887). Работы о Зендвесте, иранских языках и др. в трудах Мюнхенской Академии.

^{5*} Дарест де-ла (1824 - ?) - французский юрист. Известен работами по истории древнего права. Издал "Etudes d'histoire du droit", в которой объединил результаты своих исследований по истории права различных народов. Дарест изучил русский язык и познакомился с работами русских ученых, например, М. Ковалевского, сочинениям которого он посвятил ряд статей в "Journal des Savants" (1887 и 1893 гг.) и др.

^{6*} Эсмен Ж.П. (1848-1913) - выдающийся французский историк, юрист, профессор в Париже. Проявил интерес к эволюционному исследованию развития правовых норм и институтов. Последователь Фюстель де Кюланжа. Известен его труд "Etudes sur les contrats dans l'ancien droit francais". Paris, 1883.

^{7*} Виолле П. (1840 - ?) - ученый и писатель, историк права и политэкономии средних веков Франции. Известен его труд "Precis de l'histoire du droit francais..." (Paris: Larose et Forcel, 1884).

^{8*} Колер И. (1849 - 1919). Известные труды: "Шекспир с точки зрения права" (СПб., 1895); "Философия права и универсальная история права" (Киев, 1913).

^{9*} Деклярёл. Об упомянутом Б. Далгатом авторе ничего установить не удалось.

собой коренное их изменение, освещение их с новых сторон, пополнение и разъяснение темных вопросов разных теорий и т.д. Следовательно, важность для антропологических наук изучения быта и истории кавказских горцев не умаляется и в том случае, если мы согласимся с г-ном Гальпериным. Опасаясь упрека в преувеличении значения изучения религиозного быта одного из племен, населяющих северные склоны Кавказского хребта, а именно, чеченцев, служащих предметом настоящей моей работы, я, собственно, и привел здесь мнение других о том же предмете. Во избежание всяких недоразумений и в интересах ясности и точности предмета моей работы, я должен сказать несколько слов в пояснение заголовка о задачах и происхождении ее.

Если так важно изучение быта кавказских горцев вообще, то знакомство с их религиозными воззрениями приобретает особый интерес ввиду общей неудовлетворенности сведений о первобытной религии человечества, собранных среди дикарей Африки, Азии, Америки и Австралии заезжими путешественниками и миссионерами. Сведения первых в большинстве случаев лишены всякого научного значения: причиною тому – неумелые расспросы и крайняя легкомысленность отзывов авторов о «дикарях»; много затруднений путешественники встречали и вследствие незнакомства их с языком туземцев и полной зависимости их от переводчиков; случайность выбора лиц для расспросов, невозможность привлечь к даче сведений лучшие силы туземцев и обыкновение составлять мнение о целом народе по словам двух-трех малосведущих лиц – все это также отражается на достоинстве работ многих путешественников; но все эти затруднения – ничто в сравнении с трудностями добиться от «дикаря», насквозь пропитанного разными предрассудками, каких бы то ни было ответов на вопросы о таком щекотливом предмете, как его религиозные воззрения: как же можно говорить с «дикарем» о божествах, когда он боится даже произнести имена их и дрожит от страха при одной мысли о них? Отсюда понятны недоверчивость «дикарей» и уклончивые ответы на многие вопросы, в особенности в сфере его религиозного мира. Что же касается сведений, сообщаемых христианскими миссионерами, то сама роль их делала из них плохих исследователей: являясь в среду «дикарей» с известными практическими целями и с предвзятою идеей видеть религиозность только там, где они встретят идею Бога в христианском смысле, они отрицали самые зачатки религиозной мысли, наличность какой бы то ни было религии у данного народа, не имеющею представления о

едином Боге¹⁰. При таком материале сомнительного достоинства понятны жалобы исследователей религии первобытных народов на трудность задачи; понятен тот разлад между самыми крупными светилами науки антропологии¹¹ в вопросах о религии дикарей, который так тяжело действует на изучающего их труды. «План, которому следует Тайлор в своем замечательном труде «Early History of Mankind»¹², ближе всего подходит к тому, который я предпочитал для себя; но разрабатываемый нами предмет таков, что два человека не могут смотреть на него совершенно одинаковыми глазами», – говорит сам Лёббок в предисловии к известному своему сочинению «Начало цивилизации». Он говорит дальше: «Однако, действительно, нужно согласиться с тем, что наши сведения относительно общественного и нравственного состояния низших человеческих рас еще весьма недостаточны как в отношении обширности, так и в отношении точности. Путешественникам, естественно, гораздо легче описывать жилища, суда, пищу, одежду, оружие и утварь дикарей, чем понимать их мысли и чувства. Весь умственный строй дикаря до такой степени отличается от нашего, что часто бывает чрезвычайно трудно проследить, что происходит в его уме, или понять мотивы, руководящие его действиями. Многое из того, что кажется ему совершенно естественным и почти очевидным, на нас производит совершенно иное впечатление»¹³. Таковы затруднения, вытекающие

---

¹⁰ Об этом см.: Петри Э.Ю. Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890. Т. I; Лёббок Д. Начало цивилизации, умственное и общественное состояние дикарей. СПб., 1876. Главы о религии. [Петри Э.Ю. (1853-1898) - председатель Русского антропологического общества. С 1887 г. заведует кафедрой географии и этнографии в Санкт-Петербургском университете. Более 200 работ Э.Ю. Петри опубликованы на разных языках. На русском языке наиболее известен его капитальный труд: "Антропология", а также "Методы и принципы географии. Руководство по методике географии" (СПб., 1892). - Примеч. составителя.]

¹¹ Я понимаю антропологию в широком смысле этого слова, как науку о человеке вообще и о человечестве; в нее входят как составные элементы - естественная история человека, этнография, этнология, социология и антропогеография (см. упомянутые выше работы Тайлора, Петри и др.).

¹² Tylor E.B. Early History of Mankind. (Здесь приведено одно из первых английских изданий (1865, 1870 гг.) его труда "Древняя история человечества". - Примеч. составители.)

¹³ Лёббок Д. Указ. соч. С. 9.

из свойства материала, относящегося к первобытной культуре человечества. А между тем значение дикой цивилизации вообще и первобытной религии, в частности, велико. Здесь не место указывать на научное значение знакомства с религией дикарей; оно твердо установлено европейской наукой, и желающих уяснить себе этот в высшей степени интересный вопрос я могу отправить к трудам Тайлора, Спенсера, Лёббока и др. Остановлюсь здесь на той роли, какую эта наука играет для такого государства, как Россия.

Но помимо общего интереса, который возбуждает изучение первобытных народов, возможно, близкое знакомство с бытом и мировоззрением кавказских горцев составляет для русских исследователей задачу, имеющую государственное значение.

Подобно азиатской соседке своей – Англии*, Россия вмещает в себя племена, стоящие почти на всех ступенях цивилизации, пройденных человеком до настоящего времени. Она поставила себе высокую культурную задачу – приобщить все племена к европейской цивилизации и успешно содействовать их постепенному развитию, ведя осторожную политику, дабы неумелыми мероприятиями не погубить эти мелкие народности; принцип самоуправления, широкой терпимости к племенным особенностям своих подданных – инородцев, каковой характеризует политику России, по справедливости заслужили должное уважение со стороны западных ученых и публицистов. Отчасти такой именно гуманной политикой можно объяснить тот интерес, который пробудился в последнее время в ученых сферах и в публике по отношению к быту инородцев. Все прекрасно поняли, что, выражаясь словами Лёббока, «политические расчеты невозможны без знания народа». Такое незнание оставляет пустое место, которое по необходимости занимает предрассудком.

«Зло и бедствие неарийских племен состоит не только в том, что их не понимают, но еще и в том, что их понимают в превратном виде». Слова эти, сказанные Лёббоком по отношению к английским инородцам, вполне применимы и к русским. Повторяю, инородцы России в этом отношении гораздо счастливее, русские ученые вовремя взялись за изучение их быта и выяснения их нужд: в этом достаточно убеждают труды ученых и готовность русских этнографических и других журналов принять все, что проливает свет на темную область быта инородцев. На необходимость такого внимательного отношения к

---

* В данном случае имеются в виду колонии Великобритании. – *Примеч. составителя.*

инородцам Английской империи красноречиво указывал и показывал исследователь Индии Генри Мэн. Приведу здесь следующее характерное место из книги этого крупного английского социолога: «В Индии существует языческое миросозерцание; но в тесной связи с этим миросозерцанием в Индии в настоящее время возникает мало-помалу другое, насквозь проникнутое западноевропейской культурой; совместное существование обоих – причина того, что управление Индии англичанами является чем-то небывалым еще в истории и по новизне своей, и по трудности, и по необходимому запасу осторожности, проницательности и самообладания, которых оно требует от администраторов»¹⁴. А вот что пишет авторитетный русский ученый Д.Н. Анучин о том же предмете: «Незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было и у нас причиной многих административных и законодательных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственно русской народности... Не нее, конечно, разделяемое и сохраняемое народом может быть признано справедливым, разумным и заслуживающим сохранения и поддержки, но, с другой стороны, и навязывания ему чуждых форм, от которых для него не может быть никакой пользы, также нежелательно и способно лишь разрушить коренные устои его жизни. Данные этнографии и статистики могут быть важными свидетельствами в вопросах, касающихся организации и улучшения народного быта, и с ними нельзя не считаться при всякой серьезной реформе крестьянских отношений и порядков»¹⁵. В том же духе написана статья маститого

---

¹⁴. Мэн Г. Древний закон и обычай: Исследование по истории древнего права. М., 1884. С. 37. [Мэн Г. - один из основоположников теории происхождения и организации родового строя. Его труд "Древний закон и обычай" - исследование по истории древнего права. В первых четырех главах автор стремится пролить свет на тесную связь древнейшего права с древней религией, которая выступает в юридических системах многих обществ, игравших большую роль в развитии современных цивилизаций. Последние части своего исследования автор предварил рассмотрением некоторых теорий о первобытном обществе. Здесь идет речь о "переселении душ" (по Вишну и Ману), о "культе предков" и т.д. Труд Мэна подвергся, как и другие, тщательному изучению со стороны Б. Далгата. который весьма часто ссылается на него. - *Примеч. составителя.*]

¹⁵ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // ЭО. 1889. Кн. I.

русского ученого В.И. Ламанского¹⁶, помещенная в I выпуске «Живой старины» за 1890 г. В ней высказан высокогуманный взгляд относительно русских инородцев и воздается должное уважение к их бытовым, национальным особенностям; указывается значение изучения их для русской науки и просвещения вообще.

Сказанного, думается мне, вполне достаточно для выяснения интереса, представляемого задуманной мною теперь работою. В интересах ясности и точности и во избежание каких бы то ни было недоразумений, я должен сказать теперь же, в предисловии, несколько слов по поводу задачи настоящей работы и о ее происхождении. Заинтересовавшись при знакомстве по литературным источникам с бытом чеченцев, этого «любопытнейшего» из племен Кавказа, как выразился о них А. Берже¹⁷, религиозными воззрениями этого народа, я задумал собрать все, что до сих пор было напечатано по этому вопросу; сведения оказались весьма скудными; в бытность мою на Кавказе летом 1891 г. я совершил поездку к одной из ветвей чеченского племени, ингушам, а именно в Мецхальское общество, в селение Байни; тогда же удалось мне побывать на горе Мат-Хох, или Столовой горе, и присутствовать на религиозном празднестве ингушей, ежегодно происходящем на вершине этой горы¹⁸. Сведения, добытые в эту поездку путем наблюдения и расспросов сведущих людей, пролили значительный свет на скудные данные, добытые мною из печатных источников. Кавказские горцы давно уж привлекают внимание западноевропейских и русских ученых и местных исследователей. Однако до сих пор более или менее обстоятельно изучены лишь те черты народной жизни, которые легче поддаются наблюдениям: внутренний же мир горца, религиозный и нравственный склад его мировоззрения исследован лишь отчасти, причем имеющиеся в литературе сведения при всей своей скудости и неполноте рассеяны по страницам самых разнообразных изданий, столичных и местных, общих и специальных. Я уже имел возможность более или менее отчетливо, хотя далеко еще не полно, нарисовать картину религиозного быта чеченцев в домагометанскую и дохристианскую

---

¹⁶ Ламанский В.И. [его статью см. в издании "Живая старина" (СПб., 1890. Вып. 1), Ламанский В.И. - выдающийся русский ученый-славист (1833-1914). Известны более 200 его работ. Основатель и редактор издания Русского географического общества "Живая старина". - *Примеч. составителя.*]

¹⁷ Автор монографии "Чечня и чеченцы" [Тифлис, 1859].

¹⁸ Об этом празднестве читатель найдет подробные сведения ниже.

эпоху их жизни. Все это послужило содержанием моего реферата, читанного в 1891 г. на заседании Отдела этнографии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве.

Летом 1892 г. я еще раз воспользовался случаем побывать в горах и пополнить уже собранные сведения об интересующем меня вопросе и благодаря счастливой случайности мог узнать и записать такие ценные сведения, перед которыми все, известное мне до того, бледнеет. Хотя изложение подробностей и может показаться утомительным и неподходящим в предисловии, тем не менее, в интересах науки, для которой ясность материала измеряется главнее всего его достоверностью, я должен указать здесь на то, из каких источников добыты мною сведения, каковы их достоинства и недостатки: ведь никто другой не сделает этого лучше самого автора¹⁹. Как туземец²⁰, я пользовался полным доверием со стороны дававших мне сведения стариков-ингушей, которые могли свободно отвечать на мои вопросы и говорить о религии их отцов и дедов. Немало значения я придаю и тому, что оба старика – истинные дети гор, прошедшие почти всю жизнь у себя в ауле, не знающие никакого другого, кроме родного, языка. Это дает нам право исключить какое-либо чужеземное влияние и считать их ответы относящимися непосредственно к жизни горных чеченцев. Важно также и то, что одному из моих стариков уже за 100 лет (народная молва считает, что ему 110 и даже 130 лет), а другому на вид – за 60. Следовательно, сведения, ими сообщенные, смело можно отнести к периоду от 1800 по 1830 г., когда еще ингуши не были тронуты русской культурой и наружно исповедовали не магометанство, а христианство²¹. Еще большая ценность и достоверность сообщенных для моей работы сведений – это то, что один из этих стариков не обыкновенный смертный, а человек, который в течение восьми лет был руководителем народа и хранителем его религиозных таинств в качестве жреца Мецхальского и Джераховского обществ ингушей. Его зовут Ганыж

---

¹⁹ Б. Далгат указывает, что в общении на чеченском языке ему содействовал "хороший переводчик Амирали Кастоев, молодой человек, ингуш по происхождению, окончивший курс в Назрановском горном училище".

²⁰ Башир Далгат, как природный горец (даргинец) из Дагестана, владел несколькими кавказскими языками (даргинским, кумыкским, лезгинским, чеченским).

²¹ Об этом подробности см. в главе I.

Абыевич Келигов-Фалханов: родился он в селе Байни Мецхальского общества. Никогда не был на войне и занимался хозяйством. Старшиной сельским не бывал, а от низших сельских должностей постоянно отказывался (квартильного юрты-турк, всадника и пр.); ему эти должности не нравились из-за необходимости вмешиваться во всякие конфликтные ситуации. Он же предпочитал спокойный образ жизни. Уже пять лет, как он оставил свое родное гнездо – Байни – и живет теперь в Длинной долине близ Владикавказа у входа в Дарьяльское ущелье. Ему теперь шестьдесят с лишним лет; до выселения с гор восемь лет он был жрецом в трех обществах – Байни, Фелхали, Мецхали (и Джерах)²². Жрецом на Столовой горе Ганыж²³ состоял приблизительно с 1879 по 1887 г. Старик еще бодрый, хороший работник, знаток народной устной словесности; понятно, лучше других знающих религиозные воззрения народа.

Другой старик, столетний Газбык Казиевич Хабиев-Буржаев, житель селения Арзи Мецхальского общества Сунженского отдела Терской области. Его биография также чрезвычайно интересна; жаль, что о ней мне приходится говорить здесь лишь то, что непосредственно касается настоящей работы. Если Ганыж – тип мирного ингуша, вполне соответствующего отправляемой им роли жреца, то Газбык – воин в полном смысле этого слова. С самого начала нынешнего столетия он верно служил русским в качестве добровольца и участвовал почти во всех походах их во время покорения Чечни и Дагестана; за храбрость получил две медали; женился, будучи 40 лет от роду; из двенадцати детей восемь умерло, а четверо живы и теперь; жена также умерла. Нужно удивляться бодрости старика: он еще не бросил заниматься хозяйством и может десятки верст пройти пешком; высокого роста и весит 4 пуда 14 фунтов; с любым из молодежи может поспорить в беге и работе. Но память у него ослабела, и от продолжительных расспросов он легко устает и засыпает.

При расспросах этих симпатичных стари ков-ингушей, я старался выведать от них все, что они знали, и оставил их в покое лишь тогда, когда старики устали отвечать: такова участь исследователя, не имеющего возможности постоянно жить среди интересующего его

---

²² Последнее общество образовали выходцы из трех названных обществ и осетины.

²³ Фотография его имеется у г. Руднева в г. Владикавказе. [По сегодняшним сведениям, эта фотография Ганыжа Абыевича Келигов-Фалханова сохранилась в Краеведческом музее г. Алагир Северо-Осетинской республики "Алания". - *Примеч. составителя.*]

народа, а принужденного пользоваться благоприятными обстоятельствами и записывать то, что можно, а не то, что хотелось бы.

Таковы материалы, которыми нам придется оперировать. Пользуясь всеми этими данными, добытыми из всех почти печатных источников, касающихся быта чеченцев и собранных мною лично путем расспросов названных стариков и многих других, молодых людей из ингушей же, не говоря уже о личном наблюдении обозреваемых языческих обрядов, я и намерен представить свой труд о первобытной религии чеченцев. Хотя большинство данных относится к ингушской ветви чеченского племени, тем не менее, я с полным правом называю мою работу религией «чеченцев», а не только ингушей; это я делаю потому, во-первых, что ингуши – те же чеченцы (в смысле этнографическом); а во-вторых, потому, что я старался собрать сведения не только об ингушах, но и о чеченцах, в тесном смысле этого слова, и если не мог собрать больше, то лишь потому, что чеченцы давно приняли магометанство и позабыли свои прежние религиозные воззрения: сверх того, если иметь в виду, что первые чеченцы все жили в горах по соседству друг с другом, то смело можно сказать, что религия у них в основных чертах была общая; язык, нравы, обычаи, общественный строй у ингушей и чеченцев в основе и теперь даже общие (несмотря на столетнюю вражду этих племен друг с другом); возможно поэтому по аналогии безошибочно высказать мнение и об общности религиозного культа. Я должен еще пояснить, что понимается мною под словом «первобытная» религия. Я разумею здесь языческий культ, который можно признать у чеченцев национальным и господствовавшим у них до появления теперешнего мусульманства и бывшего некогда христианства. И христианство, и магометанство, конечно, наложили свою печать на языческую мифологию чеченцев, и первой задачей моей будет: выделить из нее следы первых двух религий и по силе возможности представить читателю целую картину этой языческой симфонии в последовательном ее развитии.

Задача, признаюсь, нелегкая и без помощи научных данных о религиях разных народов, добытых сравнительной этнографией, буквально невыполнимая. Мы будем пользоваться теориями о первобытной религии человечества постольку, поскольку это окажется необходимым для нашей цели – понять религию чеченцев и указать в ней различные ступени развития.

Предупреждаю при этом читателя, что я не беру на себя ответственность за некоторую несоизмеримость отдельных частей

моего исследования: неполноту одних и насыщенность сведениями других, что объясняется степенью наличия у меня соответствующего материала. Считаю необходимым также делать массу ссылок на других авторов и вообще отдавать преимущество точности, осторожности – перед легким, свободным изложением, так как я бы не хотел, чтобы работа моя потеряла всякое значение для науки: я убежден, что только такое осторожное исследование, чуждое чересчур смелых выводов, имеет научную цену. Оперировать над подобными исследованиями разных сторон жизни у различных народов – это уже дело ученого; они одни могут строить смелые теории, не боясь быть односторонними, так как они пользуются всем материалом, добытым бытописателями разных народов. Насколько я думаю удержаться в намеченных границах – дело, конечно, другое, и не мне о том судить.

В числе литературных источников, которыми я пользовался, заслуживают внимания следующие:^{24*}

«Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И.А. Гюльденштедта чрез Россию и по кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. « издано по повелению Императорской Академии наук в 1809 г. Первое издание; отличающееся небрежностью, было сделано в 1787-1791 гг. Палласом^{25*}.

В этой книге мы находим много ценных сведений о чеченцах (называемых в ней кистами) и кое-какие данные об их религии; она заслуживает внимания как один из ранних источников.

Такой же исторический интерес имеет «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (СПб., 1776 г., перевод с немецкого 1799 г. У. Готлиба Георги). Вторая часть этого сочинения содержит краткие сведения о кистах, заимствованные у Гюльденштедта, как указывает на то сам Георги на с. 46, т. II.

---

^{24*} В своем библиографическом списке автор при номинации книг сопровождает их краткой, но весьма ценной аннотацией, что свидетельствует о совершенном знании называемого им источника.

^{25*} Первое издание, отличающееся небрежностью, было осуществлено в 1787-1791 гг. Палласом [Паллас П. (1741-1811) - естествоиспытатель и путешественник, изучавший Европейскую Россию и Сибирь. О Палласе см. в кн.: Voyage au mont [Caucase](#) et en Jeorgie 1807 an von J. Klaproth. Paris, 1829. Ю. Клапрот - профессор восточных языков в 20-30-х годах XVIII в., занимался, наряду с минералогией, и происхождением народов. - *Примеч. составителя.*]

Из того же путешествия заимствованы сведения о кистах в словаре «География Российского государства» Аф. Щекотова (ч. III. М., 1804. С. 501).

Далее, в хронологическом порядке идет сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (М., 1823). Превосходная книга. «Это первый обстоятельный труд о Кавказе на русском языке. Он не лишен даже современного интереса и принадлежит к лучшим источникам при изучении местной этнографии», – таков отзыв компетентного кавказоведа А. Берже об этой книге, и я могу, со своей стороны, подтвердить его слова; прибавлю лишь, что она является сводом всего, что было сделано по исследованию Кавказа до 1810 г.; она облегчает труд исследователя, избавляя его от необходимости перечитывать все мелкие статейки, напечатанные до этого периода; но, конечно, не имеет значения самостоятельного источника. На с. 151-181 есть сведения о кистах, заимствованных из путешествия Гюльденштедта, Палласа и др.

Почти одинаковое значение с только что названным сочинением имеет книга «Картины Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель» Платона Зубова (СПб., 1835). В III части, с. 151-180 – о чеченцах. Эта книга также не имеет значения самостоятельного источника и есть простая переделка сочинения Броневского.

В «Русском инвалиде» (1822. № 35. С. 138) тоже находим кое-какие сведения о кистинах и их религии; но много ошибочного; кажется, заимствованы сведения у того же Гюльденштедта. Вообще до издания газеты «Кавказ», где начали появляться оригинальные статьи о чеченцах и их религии, после Гюльденштедта почти нет достойных внимания данных об этом народе. Впрочем, не лишены значения и многие сочинения на иностранных языках (Паллас, Клапрот, Потоцкий, Рейнегс и др.), хотя сведения о религии чеченцев у них вообще весьма скудные, мы их тоже имели в виду в процессе своей работы.

«Кавказ» (1846, № 27-30) содержит оригинальную и важную для нашей работы статью: «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников» А.М. Шегрена. При всех достоинствах этой статьи, существенный недостаток ее заключается в том, что религиозные обряды ингушей смешаны с таковыми у осетин, и выделить их трудно, иногда даже невозможно.

Хицунов в «Кавказе» (1847. № 41. Ч. II) напечатал интересную статейку «Древние христианские памятники на Северном Кавказе». Сведения заимствованы главным образом у Гюльденштедта и Палласа.

«Руководство к познанию Кавказа» М.А. Селезнева (СПб., 1847. Кн. II, гл. III. С. 28-55) содержит обстоятельный очерк религиозных воззрений осетин и чеченцев, составленный по Шегрену.

А. Берже, «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859). В свое время эта монография имела большой научный интерес; но с тех пор, как профессор Леонтович опубликовал в «Адатах кавказских горцев» сборник обычаев чеченцев Фрейтага (легший в основание еще многих других сочинений о чеченцах: И. Иванова в «Москвитяине» за 1851 г., № 19-20; К. Самойлова в «Репертуаре и Пантеоне» за 1855 г.. № 9 и 10; Н. Дубровина и др.), научное значение этой монографии, построенной на сборнике Фрейтага, значительно умалилось. Непонятно, почему такой знаток Кавказа, каковым был Берже, не обратил должного внимания на религиозные верования чеченцев в специальном сочинении об этом народе; у него мы находим лишь жалкие намеки, уступающие статье Шегрена и др.

С возникновением «Сборника сведений о кавказских горцах» почти все исследования о чеченцах сосредоточиваются в этом издании. В I, II, III, IV, V, VI, VIII и IX выпусках мы имеем ряд ценных статей о чеченском племени г-д Попова, Ипполитова, Лаудаева, Базоркина. Грабовского, Чаха Ахриева и др. Из них статьи Ахриева и Базоркина имеют для нашей задачи первостепенное значение среди всех вышеназванных сочинений: ни до, ни после этого мы не находим лучших сведений.

Следует отметить также статьи П. Головинского, Ч. Ахриева, Ив. Попова и др., напечатанные сперва в «Терских ведомостях» за 1868, 1870, 1871 и 1872 гг. и затем перепечатанные в «Сборнике сведений о Терской области». Но у Н. Благовещенского только сделан один непростительный пропуск – не отмечен в сборнике «Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий» Ч. Ахриева, помещенный в «Терских ведомостях» за 1872 г.. № 27-45; очерк этот представляет огромный интерес для знакомства с бытом чеченцев, так как написан лицом, хорошо знакомым с жизнью этого народа (автор – сам чеченец).

Следует назвать еще сочинения Н. Дубровина «История войны и владычеств русских на Кавказе» (Т. I. II, 1871) и В. Потто «Кавказская война в отдельных очерках» (т. II). Как популярные руководства эти сочинения принесут большую пользу для всякого

желающего познакомиться с кавказскими горцами; но будучи чисто механическим сводом сведений, имевшихся дотоле в печати, и лишенные критической оценки их, эти сочинения не имеют большого значения для науки и ни в каком случае не могут служить самостоятельными источниками для изучения быта чеченцев и их религиозных верований. Я обращаю на это особенное внимание, потому что, как более распространенные, эти сочинения могут ввести пишущего о Кавказе в нежелательное заблуждение; так, например, если бы г-н Вертепов в интересном историко-статистическом очерке об ингушах²⁶ воспользовался для характеристики религиозных верований ингушей не Дубровиным, а больше статьями других авторов (например, Ахриева), то эта характеристика выиграла бы вдвойне.

Эти сочинения преследуют совершенно иную цель: не исследование быта горцев составляют их задачи, а военная история. Заслуга их в этом последнем деле велика, но не нужно переносить ее за пределы их основной задачи и не относиться слишком доверчиво к сообщаемым в них этнографическим сведениям.

Отмечу еще весьма ценную статью г-на Висковатова «С Казбека» в «Русском вестнике» за 1865 г., т. 60. Здесь сообщается миф гвелетцев²⁷ о Казбеке (Гвелеты – селение ингушей у подножия Казбека).

Последним по времени и капитальнейшим исследованием древностей чеченцев являются «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Московского Археологического общества, снаряженной на Высочайше дарованные средства» В. Миллера (М., 1888).

Этот труд вносит целый поворот в известные до сих пор сведения о религии чеченцев и интересен еще тем, что в нем имеются рисунки религиозных храмов и гробниц у чеченцев. Не раз мы будем пользоваться им в дальнейшем изложении.

Можно назвать еще следующих авторов: А. Зиссермана (статья в «Кавказе», 1851 г., № 93 и 94); Географический словарь П. Семенова, 1866 г.; Словарь Березина и другие сочинения – А. Берже, Самойлова («Репертуар и Пантеон», 1855 г., № 9 и 10) и др.

---

²⁶ См.: *Вертепов Г.* Ингуши: Историко-статистический очерк // ТС. Владикавказ, 1892. Кн. II, отд. III. С. 72 и след.

²⁷ Гвелеты - селение ингушей, расположенное по Военно-Грузинской дороге, у подножия Казбека в шести верстах от селения Казбек, ныне выселенное за разбои.

Я бы мог отметить еще множество статей и книжек, в которых говорится мимоходом о религии чеченцев, но все они лишены всякого научного значения, и я не считаю себя вправе утомлять читателя их перечислением, так как сам я считаю время, [потраченное на это,] без всякой пользы для дела потерянным.

В заключение по необходимости растянувшегося предисловия обращаю внимание читателей на то, что за последнее десятилетие для изучения быта чеченцев вообще и, в частности, для их религиозных верований местными исследователями сделано весьма мало и даже почти что ничего; в этом отношении предыдущее десятилетие было наиболее обильным трудами. Замечательно то, что такое охлаждение не только к исследованию чеченцев, но и вообще кавказских горцев совпало с прекращением существования «Сборника сведений о Кавказских горцах» и «Сборника сведений о Терской области». На месте этих двух сборников появилось в Тифлисе новое издание – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемый при Управлении Кавказским учебным округом и заключающий в себе главным образом труды народных учителей и учащихся в средних учебных заведениях. Некоторые местности, где имеются народные учителя, в этом сборнике изучаются хорошо; но другие, где таковых нет, как, например, Чечня, почти совсем не изучаются. Отсутствие народных учителей легко и с преимуществом для дела можно было бы заменить учащимися-горцами; но, к сожалению, в средних учебных заведениях на это мало обращается внимания: не всегда находятся учителя, интересующиеся изучением края и народов, его населяющих; некому поэтому в гимназиях и реальных училищах заинтересовать учащихся-горцев этнографией, некому направить их на изучение быта своего народа, его материальной и духовной культуры, его творчества, проявившегося в мифах, баснях, сказках, песнях, пословицах и т.п. Десятки молодых людей из горцев поэтому без всякой пользы убивают каникулярное время в ауле, не находя для себя подходящего занятия.

Вообще, на мой взгляд, на это дело стоило бы обратить серьезное внимание, так как оно могло бы принести большую пользу для самих учащихся и в то же время значительно двинуло бы вперед изучение богатого во всех отношениях и для всех отраслей науки края – нужно бы только научить работать десятки и сотни рук молодежи.

С возобновлением с 1891 г. издания «Терского сборника» есть надежда на возрождение научного исследования Терской области и народов, ее населяющих.

Пожелаем полного успеха важным и хорошим целям, поставленным этим сборником; научное исследование страны и населения области составляет одну из главных отделов «Сборника», который не ограничивается только чисто статистическим и экономическим исследованием края.

Моя работа, надеюсь, будет уместной теперь ввиду состоявшегося недавно постановления Терского статистического комитета об организации областного музея; в ней можно найти указания всех древностей горной Чечни, известных доселе в печати.

ГЛАВА I. ХРИСТИАНСТВО И МАГОМЕТАНСТВО В ЧЕЧНЕ

Следы христианства у чеченцев по преданиям, языку и археологическим памятникам. – Распространение магометанства между частью чеченцев, исключая ингушей. – Распространение христианства и магометанства среди ингушей.

Прежде чем приступить к систематическому очерку первобытной религии чеченцев, необходимо раскрыть и выделить все то, что относится к позднейшим наслоениям под влиянием христианства и магометанства. В противном случае будут непонятны многие обряды и верования смешанного характера. Ввиду этого является необходимостью прежде всего установить факт исповедования чеченцами христианской и магометанской религий, к чему мы и приступим. Что магометанство могло оказать влияние на религиозные верования чеченцев, это не подлежит никакому сомнению – *аргіогі*, если иметь в виду, что в настоящее время все чеченцы, за редкими единичными исключениями, – магометане. О распространении этой религии среди чеченцев мы скажем после, а сначала остановимся на более интересном и темном вопросе – о распространении среди них христианства.

Первый вопрос, который сам собой напрашивается, это – были ли чеченцы христианами до начала соприкосновения их с русскими, т.е. до XVIII столетия?⁶⁹ И если были, то с какого и до конца какого периода приблизительно? На эти вопросы история не дает прямого ответа. Остается одно средство – обратиться к народным преданиям чеченцев, к их языку и к археологическим памятникам, которые, к счастью, довольно хорошо исследованы в последнее время.

Все авторы, писавшие о чеченском народе, единогласно свидетельствуют о том, что чеченцы в древности были христианами.

---

⁶⁹ С XVIII столетия, как мы увидим дальше, начата проповедь христианства по повелению Св. Синода.

Конечно, со слов самих чеченцев, а не на основании исторических данных⁷⁰. Предание, записанное чеченцем Лаудаевым⁷¹ и другими авторами, из коих особенного внимания заслуживает г-н Ахриев как природный чеченец, гласит, что предки современных чеченцев были «керестанами». Этим именем, по словам г-на Лаудаева, чеченцы называют в настоящее время всех немусульман, как-то: евреев, христиан, шиитов и ламаитов, верующих в Бога, но не признающих Магомета. Этим же именем называют чеченцы и язычников, только для отличия их прибавляют еще слова «дин-бацу», т.е. «без веры». Но самое слово «керестан» ясно указывает на его первоначальное происхождение и ближайшее значение; оно, очевидно, есть искаженное слово «христианин». Г-н Попов, хороший знаток Чечни, также сообщает, что все восемнадцать фамилий чеченцев, образовавших по выселении из гор в Ичкерия столько же аулов, единогласно свидетельствуют в своих преданиях, что предки их в местности Нашихэ в верховьях Аргуна, этой колыбели чеченского народа, были христиане⁷². В одном из этих аулов Ичкерии, а именно Гуни, последним принял мусульманство один из знатнейших чеченских тохумов (фамилий) не далее, как в половине XVIII столетия⁷³. «Там, в стороне Баш-лама, – рассказывают старики-чеченцы, – есть горы, из которых вытекают реки Асса, Форганга, Геха. Это – горы Акилам; там живут, или, по крайней мере, жили при наших предках «ламкресты» (горные христиане). Это наша колыбель, как и других чеченских родов. Сменилось четырнадцать поколений с тех пор, как наша часть «ламкрестов» вышла из своего гнезда по причине

---

70 См.: Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771. 1772 и 1773 гг. СПб., 1809. С. 81; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. I. С. 154; Селезнев М. А. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. I. С. 30; Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах: Из записок П.И. Головинского//ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 253; Берже А.П. Чечни и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 137 и след.

⁷¹ Лаудаев У. Чеченское племя //ССКГ. Тифлис. 1872. Вып. VI. С. 27.

⁷² Попов И.М. Ичкерия: Историческо-топографический очерк // ССКГ. Тифлис. 1870. Вып. IV. С. 11.

⁷³ Берже А.П. Указ. соч. С. 137.

малоземелья и протянулась на восход солнца. Роды нохчи (чеченцев) ели тогда свинину и были «русские», т.е. «христиане»⁷⁴. Судя по этому преданию, чеченцы в горах были христианами лет 400-500 тому назад; очевидно, они оставались ими и долгое время по выселении из гор в Ичкерию (предгорья) и далее на плоскость, пока не стали забывать принесенное ими с гор христианское вероучение. По другим преданиям, в горах жили некогда «джелты», т.е. греки, которые настроили множество церквей, замков, башен и ушли, оставив большие клады⁷⁵. Одни чеченские фамилии ведут свое происхождение от европейцев (фиренги), другие – от хевсуров, третьи – от грузин, четвертые – от тушин и т.д.⁷⁶ По этим преданиям, в Галгаевских горах жил некогда христианский царь, который оставил в своем ауле церковь⁷⁷. Старики, которых я расспрашивал, также неоднократно подтверждали вышесказанное. Мы, таким образом, приходим к заключению, что, судя по преданиям, были попытки, и довольно успешные, распространить христианство в горной Чечне.

К преданиям, конечно, следует относиться с величайшей осторожностью, так как они при большом доверии к ним могут привести к ошибочным выводам, как это и случилось со всеми первоначальными историками европейских народов. В них часто события из разных эпох и мест бывают перемешаны, и нередко преобладает мифический элемент. Но в данном случае основная мысль чеченских преданий не подлежит никакому сомнению, так как подтверждается, в свою очередь, преданиями, записанными в разные эпохи, в различных местностях и различными авторами. Все они единогласно говорят, что чеченцы-горцы исповедовали некогда христианство. Г-н Лаудаев нашел арабскую рукопись с хронологическим перечнем событий на Кавказе, где говорится, что «чеченцы 104 года находились в крестопоклонстве до принятия ими мусульманской веры»⁷⁸. Это весьма важное свидетельство, подтверждающее вышеизложенное; жаль, что эта рукопись неизвестна, тогда бы она могла иметь значение исторического документа.

---

⁷⁴ Казбек. Землевладение у чеченцев // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 267-270.

⁷⁵ Ахриев Ч. Ингуши: (Их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII, отд. I С. 6,8.

⁷⁶ Ипполитов А.П. Заметки об Аргунском округе А.П. Ипполитова //ТВ. Владикавказ, 1868. № 3, 5.

⁷⁷ Ахриев Ч. Ингуши... С.18.

⁷⁸ Лаудаев У. Указ. соч. С. 58.

Свидетельства эти приобретают значение, несомненно, исторического факта, когда мы обратимся к древностям, археологическим памятникам прошлой жизни чеченского народа.

Еще знаменитый Гюльденштедт, труды которого в изучении Кавказа составляют целую эпоху, как выразился профессор Л. Цагарели⁷⁹, указывал со слов самих кистин (чеченцев) на существование христианской церкви в горах Чечни⁸⁰.

Один римско-католический проповедник, посещавший лично эту церковь, рассказывал академику Палласу, что эта церковь построена по образцу церкви Спасителя гроба в Иерусалиме. Г-н Броневский, приводя подробное описание этой церкви, говорит, что существование ее подтверждается общими слухами на Кавказской линии⁸¹. Г-н Селезнев, заимствуя, главным образом, сведения у Шегрена, также указывает, что прежде кистины были христианами, на что указывают предания и старинные христианские памятники – церкви и часовни, а также христианские имена святых и дней недели⁸². В Большой Чечне, при входе в Аргунское ущелье, близ аулов Атага и Чахкери, в том месте, где была построена крепость Воздвиженская, найден был большой каменный крест, похожий формой на древнегрузинский, с углублением для образа; от этой находки крепость и получила такое название⁸³. По словам г-д Ахриева, Грабовского и Дубровина, в селе Хули Галгайского общества есть железный крест, вделанный в скалу при входе в церковь⁸⁴. В Акинском обществе горных чеченцев, близ аула Галанчодж, по словам г-на Ипполитова, хорошо сохранилась церковь, построенная лет 400-500 тому назад пришлыми из Галгаевских обществ (т.е. с запада) вооруженными людьми, европейцами (фиренг). Они выстроили ее на горе, обнесли каменной оградой с четырьмя воротами – для тушин, галгайцев, чеченцев и местных племен. Каждые ворота обращены были к горам, занятым упомянутыми племенами. «Постройка церкви

---

⁷⁹ Цагарели А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. СПб., 1891.

⁸⁰ Подробности в своем месте. См.: Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 82.

⁸¹ Броневский С.М. Указ. соч. Ч. II. С. 160 и след. (1823 г.).

⁸² См.: Селезнев М.А. Указ. соч. 1847. Кн. II. С. 30.

⁸³ Берже А.П. Указ. соч. С. 138.

⁸⁴ Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 16; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. ч. I. С. 383-388.

сопровождалась большими затруднениями и препятствиями со стороны горцев, в то время еще язычников, но несмотря на это, церковь была воздвигнута, и тогда, – прибавляет предание, – из Чечни, Грузии, Галгаи и окрестных обществ стали стекаться люди молиться в церкви Богу христиан, и каждый народ входит в ворота, для него в ограде сделанные. Несколько лет продолжался этот порядок вещей, и европейцы находились в самых миролюбивых и дружеских отношениях с туземцами; но потом, мало-помалу, они стали теснить этих последних, отнимать у них женщин, имущество, и все фамилии горские, даже враждебные друг другу, заключили союз, восстали на пришельцев, и после упорной и кровавой, но короткой борьбы европейцы были побеждены и удалились тою же дорогою через Галгаю». Церковь их (или монастырь) разрушена. Г-н Ипполитов полагает, что эти пришельцы были колонисты-миссионеры Восточно-Римской империи или генуэзцы и венецианцы, которые встречаются в XIII и XIV столетиях и в Кабарде⁸⁵. Не могу ничего прибавить от себя к этой догадке. В 1851 г. А. Зиссерман в своем путешествии в Цоринском обществе на холме видел большой крест, высеченный из большого цельного камня. Кистинец Бехо рассказывал ему, что крест этот поставлен предком его христианином в память победы над мусульманами⁸⁶ (к 1851 г. уже сами цоринцы – все мусульмане). Г-н Грабовский также лично видел два креста на часовне Дзорах-деэль. на возвышенности Тезген-дук, возле селения Кост Галгаевского общества⁸⁷.

Множество ценных данных мы находим в трудах Археологического общества (Миллера), тем более важных, что непосредственно целью экспедиции является изыскание следов древнего христианства в Чечне и, главным образом, в горной ее полосе. Экспедиция этого общества встречала в Аргунском округе множество каменных крестов. Относительно креста близ аула

---

⁸⁵ *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) // ССКГ. Тифлис, 1868. С. 48; а также: *Головинский П.И.* Указ. соч. С. 247.

⁸⁶ *Зиссерман А.Л.* Воспоминания о кистах: Из записок А.Л. Зиссермана // Кавказ. 1851. № 93-94. См. также: *Он же.* Десять лет на Кавказе // Современник. СПб., 1854. Т. XLVII. отд. V. С. 41.

⁸⁷ *Грабовский Н.Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // ТВ. Владикавказ 1868. № 21-26.

Нихалоя⁸⁸ (в четырех верстах от Шатоя) существует суеверие жителей, что если опрокинуть этот крест, то переменится погода. На многих древних башнях в Галгае в Хамхинском обществе (например, в аулах Нгой, Пеленг, Таргим, Муруг и др.) виднеются высоко, несколько ниже пирамидальных крыш, фигуры крестов, высеченных в стенах. В башне аула Хайбах (Нашхойского общества Аргунского округа) замечены плиты с крестами в двух местах. В. Миллер полагает, что они взяты с христианского могильника и вделаны в стену.

Клапрот (путешественник. 1807-1809 гг.) близ р. Ассы в Галгае видел железный крест, к которому население ходило поклоняться в июле месяце. Возле аулов Воуги и Туркали находится памятник с крестами из лепестков на камне и изображением человеческой фигуры. Головинский передает, что на горе Будур-лам, где устроена часовня в честь Тимич-ерды (близ аула Хули Галгаевского общества), в особом хранилище находятся три железных креста, играющие большую роль в жизни чеченцев⁸⁹. С тех пор все авторы упоминали о различных остатках христианства в Чечне, но самые верные данные по этому вопросу мы находим в трудах Московского археологического общества (у В. Миллера).

Лучшим памятником бывшего в Чечне христианства является церковь Тхаба-ерда (т.е. «две тысячи святых» или, по другому переводу, – «святой двух тысяч»), находящаяся в долине р. Ассы в Галгае. Об этой церкви знают почти все чеченцы; о ней ходили слухи и далеко за пределами Чечни. О ней писали и Гюльденштедт, и Паллас, и многие другие; но окончательное исследование ее выпало на долю профессора В.Ф. Миллера, бывшего во главе упомянутой экспедиции. Уже Гюльденштедт слышал о рукописях и книгах, хранящихся в церкви Тхаба-ерда (этого названия у него нет, но церковь, по всей вероятности, та самая); повторение того же мы находим и в «Русском инвалиде» за 1822 г., №3590. А монах, рассказывая об этом Палласу, говорит, что на преддверии этого храма находится «готическая

---

⁸⁸ Миллер В.Ф. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Московского Археологического общества, снаряженной на Высочайше дарованные средства. М., 1888. Вып. I. С. 6 и след.

⁸⁹ Головинский П.И. Указ. соч. С. 253; а также см.: Миллер В.Ф. Материалы по археологии... С. 8. Подробности об этом в своем месте.

⁹⁰ В журнале "Русский инвалид или Военные ведомости" (1822. № 35. С. 140) о "каменном храме" писалось: "Сей последний находится, по преданию народа, далеко в горах и украшен сыпями и надписями".

надпись» такого же письма, как эта надпись; есть и книги, писанные золотыми, голубыми и черными буквами; «они хранятся в Храме, яко святыня, и никто к ним не прикасается»⁹¹. Буквы эти признаны были миссионером за латинские. Самая церковь в то время еще (конец XVIII столетия) была совершенно прочною. Об этой же церкви упоминает А. Берже и относит ее ко времени царицы Тамары, XII в.⁹²; то же говорят и г-да Грабовский⁹³ и Ахриев, причем последний книги считает греческими. Но никто из вышепоименованных авторов не мог верно определить ни надписи, ни книг. Подробное описание этого замечательного памятника мы сделаем после, в связи с религиозными верованиями и обрядами чеченцев.

Миллер уже не застал никаких книг, но часть надписей еще сохранилась и сделалась достоянием науки. Первая надпись на камне гласит, что церковь построена царем Давидом (патроном) в округе епископа Георгия в 830 г. по Р.Х. Перевод сделан грузинским археологом г-ном Бакрадзе и свидетельствует о том, что еще в начале IX в. по Р. Х. грузины распространяли христианство среди горных чеченцев. Предания как осетин, так и балкарцев и чеченцев приписывают постройку многочисленных церквей по всем горам Кавказского хребта именно грузинам и приурочивают к царствованию знаменитой царицы Тамары (царствовавшей с 1184 по 1207 г.). Должно признать в этом большую долю правды. Конечно, как свидетельствует надпись, начало распространения христианства в Чечне следует отнести к более раннему периоду, но, несомненно, распространение его на всю горную Чечню вернее всего приурочить к XI-XII вв. Сказанное станет для нас несомненным, если обратиться к истории Грузии. Как известно, в самой Грузии начало христианства должно быть отнесено еще к IV столетию, ко временам Св. Нины. В VI в. по Р.Х., во время продолжительных войн Юстиниана с шахом Хосроем, происходивших частью в пределах Грузии, страна эта была уже вполне христианскою. Историк этих войн Прокопий Кесарийский говорит о предках грузин: «Иберы – христиане, и лучше всех известных нам народов хранят уставы христианского вероисповедания». Арабское владычество, хотя и задержало на время рост христианской культуры в Грузии, но с ослаблением арабов и усилением Византии в X в. страна

---

⁹¹ См.: *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 162.

⁹² См.: *Берже А.П.* Указ. соч. С. 84.

⁹³ *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССГК. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 16

эта, под мудрым правлением царей из династии Баградитов, снова усиливается, так что X-XI века в истории Грузии по справедливости могут считаться веками полного политического и военного могущества этого царства, расцвета литературы, искусства и общественной жизни. Этому золотому веку Грузии положило конец нашествие монголов в начале XIII в.⁹⁴ Но владычество монголов для процветания христианства в Грузии было не очень тяжелым. Так продолжалось все XIII и XIV столетия.

Падение Константинополя в XV столетии лишило Грузию ее культурной соседки и защитницы Византии, а во второй половине XV столетия Грузия расчленилась на три царства и несколько княжеств. Вместе с политическим ослаблением должно было, конечно, пасть и влияние Грузии на горцев. Нечего было и думать о распространении христианства вне пределов Грузии, когда турки, с одной стороны, и персы – с другой, терзали ее самое. В XVI в. турки с успехом стали распространять магометанство из Ахалциха не только среди других племен, населявших Кавказ, но и среди самих грузин. С этого времени взоры Грузии от Византии обратились к Москве; но Россия ничем не могла помочь умирающей под ударами жестокого Аббаса I (XVII в.) и турок Грузии.

Из вышеизложенного краткого очерка исторических судеб Грузии в период от VI по XVIII в.⁹⁵ ясно, что не ошибаются чеченцы, относя постройку церквей и утверждение христианства среди них именно к «золотому веку» Грузии, олицетворяемому в их преданиях в лице царицы Тамары. Надо полагать, что и позднее время от времени грузинское духовенство высылало миссионеров к чеченцам для поддержания среди них христианства, но это носило случайный характер и вскоре совершенно прекратилось, уступив место более сильному влиянию магометанства из Турции через кабардинцев и, главным образом, из Дагестана (Шамхал Тарковский). Конечно, самое распространение грузинами христианства совпало с политическим подчинением почти всего Северного Кавказа грузинскому владычеству и прекратилось с окончательным ослаблением Грузин в XVI и XVII столетиях.

Распространение христианства среди чеченцев грузинами подтверждается еще множеством слов у первых, заимствованных у грузин. Таковы названия монет: *сом*, *абаз*, *шаур*, или *шен*⁹⁶; дней

---

⁹⁴ Цагарели А. Указ. соч. С. 34.

⁹⁵ Все эти сведения см.: Там же. С. 3-4.

⁹⁶ Лаудаев У. Указ. соч. С. 43.

недели: по-чеченски неделя называется, как и у грузин, *квирэ*, а воскресенье – *квирендэ*, что значит «недельный день»; пятница называется *пирескэ* (от груз. и греч. *пароскеви*); лишь недавно это слово стало заменяться мусульманским словом *джумэ*⁹⁷; крест – *джарк* (груз. *джавари*); пост – *марха* (груз. *мархва*). Счет дней недели чеченцев также ведется по-христиански, с понедельника. Первый день недели – *ориот*, шорник (*шинери*) – второй день, среда (*кара*) – третий день, четверг (*иера*) – четвертый, пятница (*переска*, *пхеро* или *джумэ*) – пятый день, суббота (*шабат-шуатта* – у чеченцев и шот – у ингушей) – шестой день и воскресенье (*киринде*) – седьмой день, или недельный день. Все нижеизложенное доказывает, что христианство распространено было среди всех чеченцев преимущественно грузинами; период господства его – X-XII вв. Начало приблизительно относится к IX в. и период упадка, умаления и почти окончательного прекращения – к XVI и XVII вв.

Следует, однако, прибавить, что на распространение христианства в Чечне, помимо Грузии, могла оказать влияние и Византия, конечно, до падения Константинополя в XV столетии. Если греки просвещали и укрепляли в вере самих Грузин, то нет ничего удивительного, что греческие миссионеры заходили и в Чечню. Весьма вероятно, что генуэзцы и венецианцы, часто посещавшие Кавказ в XIV и XV столетиях с торговыми целями, также распространяли христианство среди чеченцев. Для подтверждения этих слов вспомним, что черкесы в XV в. по словам путешественника Интериано, были христиане и имели у себя Греческих священников⁹⁸. А во второй половине XVII в. они все уже – магометане. Но это были лишь единичные случаи (например, френгами, построившими церковь у селения Галанчодж, могли быть греки или другие европейцы), и их проповедь носила временный и случайный характер. Во всяком случае, первенство в этом деле, несомненно, принадлежало грузинам.

Все вышесказанное дает достаточные основания для предположения, что чеченцы некогда исповедовали христианство. Начало его распространения относится к IX в., а период упадка охватывает эпоху XVI и XVII вв. При более близком знакомстве с религиозными верованиями и обрядами чеченцев мы увидим, что следы христианства у них сохранились до настоящего времени.

---

⁹⁷ Берже А.П. Указ. соч. С. 137.

⁹⁸ См.: Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 149.

Теперь скажем несколько слов о распространении магометанства среди чеченцев, в тесном смысле слова, оставив пока в стороне ингушей, так как у тех и других это случилось в разные эпохи.

XVI, XVII и в особенности XVIII столетия, как мы установили выше, являются периодом ослабления и почти прекращения всякой проповеди христианства среди чеченцев. Непонятно, после всего сказанного, почему г-н Дубровин полагает, будто нагорные чеченцы никогда не были христианами, а жители плоскостной Чечни (Большой и Малой) будто исповедовали некогда эту религию. По всем данным, к этому периоду следует отнести и выселение чеченцев с гор и заселение ими Ичкерии и XVI столетии и далее всей Чеченской плоскости – в XVII и XVIII столетиях⁹⁹. Таким образом, весь означенный период чеченцы все более и более удаляются на север от центра христианства – Грузии – и приближаются к мусульманским народам – дагестанцам, кумыкам и раньше их принявшим магометанство кабардинцам. Правда, с самого начала XVI в. чеченцы сталкиваются с терскими казаками-христианами, рождаются с ними, иногда платят им дань¹⁰⁰; но казаки никогда не занимались религиозной проповедью и всякая мысль о возможности распространения ими христианства среди кавказских горцев должна быть оставлена. Предоставленные самим себе, чеченцы, конечно, стали постепенно забывать христианское учение и возвращаться к языческим верованиям. Таким удобным моментом переходного состояния искусно воспользовались соседи их – дагестанцы и кумыки и, по преданиям чеченцев, в конце XVII столетия Шамхал Тарковский отправил к ним особых проповедников, которые распространяли между ними мусульманство шафиитского¹⁰¹ толка и вывели у них из употребления последние остатки смешанных с язычеством христианских обрядов. Предание называет красноречивого проповедника Термаола, который нередко прибегал к силе и гонениям. После этого чеченцы даже платили некоторое время «ясак» (дань) Шлмхалу, в то время ставшему Валием Дагестанским¹⁰². Дело, начатое Термаолом, было, по преданию, закончено Берсаном, шейхом, сделавшимся главою чеченцев в XVIII столетии. Он обратил в

---

⁹⁹ См. об этом, например: *Головинский П.И.* Указ. соч. С. 245.

¹⁰⁰ Там же. С. 245.

¹⁰¹ Шафииты - последователи одной из суннитских религиозно-правовых школ в исламе, названной по имени Мухаммеда ибн Идриса аш-Шафии.

¹⁰² *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 29; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 219.

мусульманство последних чеченцев-язычников, жителей аулов Ахшпатай и Гуни¹⁰³; последним принял мусульманство один гуновец во второй половине XVIII столетия¹⁰⁴. Утверждению ислама среди чеченцев, кабардинцев, отчасти ингушей, осетин и черкес способствовал имам Шейх Мансур (1785-1791), который был взят в плен генералом Гудовичем в Анапе и отправлен в Соловецкий монастырь¹⁰⁵. Его Бутков называет Ушурма, а Головинский – Ушмара. По преданию, он был природный чеченец из Эльджеровской чеченской фамилии.

Вследствие принятия мусульманства чеченцы, до того времени весьма дружественные русским, становятся их заклятыми врагами. Начинается борьба, и уже в конце XVII в., совместно с кабардинцами, они делают нападения на русские поселения. Как известно, в начале XVIII в. Петр Великий посылает войска наказать чеченцев за их набеги. Все XVIII столетие они беспрестанно беспокоят русских. События XIX столетия, связанные с именем Шамиля, слишком хорошо известны, чтобы напоминать об этом здесь.

Такие же неприязненные чувства чеченцы начинают питать и по отношению к своим единоплеменникам – ингушам, которых историческая судьба и непроходимые леса и горы отделили от участия в общем течении исторической жизни остальных чеченцев¹⁰⁶. Постепенно ингуши также начинают выселяться около половины XVIII столетия на плоскость и селиться при входе в Дарьяльское ущелье. Они подпадают под владычество кабардинцев, а часть их считается подданными аксайских, или кумыкских князей и Шамхала Тарковского. Кабардинцам они платят дань «по одному барану или железа на одну косу» вплоть до начала XIX столетия. Если чеченцы порвали всякие связи с Грузией, то этого нельзя сказать про ингушей. Вместе с осетинами они занимали единственный удобный путь из Грузии по Дарьяльскому ущелью, который был необходим грузинам для сношений с Россией. Поэтому грузинские цари продолжали

---

¹⁰³ Лаудаев У. Указ. соч. С. 55.

¹⁰⁴ Берже А.П. Указ. соч. С. 138.

¹⁰⁵ Бутков П.А. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. II. С. 238; Головинский П.И. Указ. соч. С. 246.

¹⁰⁶ Ингуши - эта отрасль чеченского племени, оставшись в стороне от общего движения чеченцев, сохранила больше всех остальных первобытные верования и обычаи. Поэтому, как увидит читатель ниже, большинство примеров для характеристики первобытной религии чеченцев заимствовано нами из обрядов и обычаев ингушей.

заботиться о поддержании христианства среди ингушей и осетин и ласкали их. В первой половине XVIII столетия, с усилением русского владычества на Северном Кавказе, грузинское духовенство первое берет на себя инициативу организации миссионерской деятельности среди кавказских горцев и с этой целью зовет к себе на помощь русское духовенство, прося у Святого Синода покровительства и материальной помощи. Культурные и политические интересы России также требовали распространения христианства на Кавказе. Таким образом, после продолжительного перерыва христианская проповедь на Кавказе возобновляется с середины прошлого века и продолжается до наших дней, и ежегодно число вновь обращенных доходит на Кавказе до нескольких тысяч¹⁰⁷. Подробности о первоначальной организации христианской миссионерской деятельности среди ингушей мы находим у Буткова, у Цагарели и у многих других авторов. В 1744 г. русское правительство весьма благосклонно относилось (если не сказать «ласкало») к грузинскому духовенству, представители которого еще раньше указанного времени посвятили себя проповедничеству среди осетин и ингушей. Святейший Синод при этом руководствовался тем, что эти народы всегда были склонны принять христианство и что, судя по оставшимся в их жилищах следам, старым церковным строениям, предки их тоже были христиане.

Таким образом, с половины XVIII в. (1744 г.) руководящая роль в проповеди христианства среди ингушей и осетин от Грузии переходит к России, но в качестве миссионеров продолжает выступать грузинское духовенство. Так возникла известная Осетинская комиссия в Моздоке с грузинским духовенством во главе¹⁰⁸. У этой комиссии было подворье в Кизляре, где горцы могли торговать беспошлинно, а за принятие христианства они получали деньги (до 20 р.) или по куску холста. Деятельность комиссии была весьма слаба; она ограничивалась посылкой священников и дьяконов к горцам для временной проповеди, и обращение в христианство было номинальное, внешнее¹⁰⁹. Теснимые кабардинцами, ингуши охотно прибегали к помощи России и принимали крещение не только ради утилитарных целей, но и

---

¹⁰⁷ См.: Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева за последние (т.е. девяностые) годы.

¹⁰⁸ Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 266. 575; Цагарели А. Указ. соч. С. 3-4.

¹⁰⁹ О двух католических патерах, делавших попытки в 1765 г. к обращению ингушей в католичество, см.: Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I С. 270; Цагарели А. Указ. соч. С. 37.

вообще в целях защиты от кого-либо. Но духовенство грузинское, а впоследствии и русское, было невежественно и больше заботилось о собственных материальных интересах, чем о проповеди.

В секретной инструкции, данной от Святейшего Синода начальнику Осетинской комиссии в апреле 1771 г.¹¹⁰, а также в Высочайшем рескрипте астраханскому губернатору Якобию¹¹¹ это подтверждается самим правительством.

Способ проповеди, невежество духовенства, препятствия, встречаемые проповедниками со стороны кабардинцев, нередко разорявших церкви и нападавших на самих проповедников и ингушей¹¹², проживавших в Моздоке, появление впоследствии Шейх-Мансура* и многие другие обстоятельства были причиной неудачной проповеди среди ингушей и осетин. Не помогла делу и школа, открытая в Моздоке в 1765 г. для вновь обращенных. Число обращенных в разное время было следующим. С 1746 по 1764 г. всего обращенных в христианство Осетинской комиссией считалось 2085 душ обоюбого пола⁴⁵; много ингушей приняло христианство в 1769 и 1770 гг. при принятии ими подданства России (ради защиты от кабардинцев); а число обращенных в христианство осетин, ингушей и других иноверцев по 1827 г. доходило до крупной цифры – 62 249 человек; церковей служащих считалось 53 и 61 – приходских священников.

Цифровые сведения о числе обращенных в христианство горцев не внушают к себе доверия. С одной стороны, возможно допустить преувеличения со стороны духовенства, а с другой, как справедливо подозревал тифлисский военный губернатор Сипягин, многие инородцы из корыстных целей подвергали себя обряду крещения по несколько раз⁴⁶.

К концу XVIII столетия проповедь христианства среди ингушей ослабевает, а еще позже сосредоточивается исключительно на

---

¹¹⁰ Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 444.

¹¹¹ Там же. С. 439.

¹¹² В 1769 г. убит сам архимандрит Осетинского подворья и подворье разорено ингушами и кабардинцами. См.: Бутков П.А. Указ. соч. Ч. III. С. 917; Броневский С.М. Указ. соч. Ч. II. С. 154.

* Шейх-Мансур появился у чеченцев в 1785 г. Лжепророк, возмущавший горские народы против России.

⁴⁵ Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 438 и след.

⁴⁶ Там же. С. 439; Цагарели А. Указ. соч. С. 38.

осетинах. В 1820-х годах еще раз были довольно удачные попытки обращения ингушей⁴⁷.

В 1810 г. ингуши заключают договор⁴⁸ с командующим Владикавказской крепостью полковником Дельпоццу, в котором, присягая на верноподданство России и выговаривая себе свободу от дани кабардинцам, обязуются «к проповедованию и введению у нас магометанского закона эфендиев, муллою и прочих особ духовных магометанских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить». Они говорили: «Мы считаем врагами Российскому престолу и себе всех окружающих нас магометанского закона народов, каковыми являются чеченцы, кумыки и кабардинцы».

Для характеристики религиозного мировоззрения ингушей того времени интересен текст клятвы, которая приводится в упомянутом договоре. «В том по обычаю нашему, по особому присяжному листу, пред Всемогущим Богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемым Гиль-ерда, утверждаемся клятвою», – говорят ингуши.

Договор подписывают 60 человек (по десять человек от каждой из шести фамилий). Однако полковник Дельпоццо в своем рапорте генералу Булгакову поясняет, что ингуши – народ кичливый и вероломный. И действительно, войдя в тесную связь с кабардинцами и чеченцами, они переселились все из окрестностей Владикавказа на место, именуемое Назрань, приняли мулл, построили мечети, приступили к исповедованию магометанства и обязались как кабардинцам, так и чеченцам платить дань. На вид они остались подданными России, но тайно принимали участие в грабежах чеченских партий. Когда же сами они стали терпеть от соседей, опять заговорили о русском подданстве. Вследствие такого политического непостоянства и религиозное мировоззрение ингушей складывалось под влиянием различных вероучений.

В предписании г-ну Булгакову генерала Тормосова от 22 июля 1810 г. говорится: «Ингуш, будучи еще нетвердо укорененным в мухаммеданской религии, может быть обращен в христианскую религию»⁴⁹.

---

⁴⁷ Броневский С.М. Указ. соч. С. 30; Селезнев М.А. Указ. соч. С. 30.

⁴⁸ См.: Акты Кавказской Археографической комиссии. СПб., 1867. Т. I. С. 894. (Цитировано много мест из этого договора и г. Грабовским в "Сборнике сведений о кавказских горцах", вып. IX.)

⁴⁹ Акты.... Т. I. С. 898.

Итак, к концу XVIII и к началу XIX столетий среди ингушей является пропаганда мусульманства⁵⁰, но между ними много еще христиан и ЯЗЫЧНИКОВ. Эта смесь трех религий остается и до самого покорения Кавказа. В «Географическо-статистическом словаре» П. Семенова (1865. Т. II. С. 336) указывается, что число магометан среди ингушей – 11960 человек, а христиан – 3540 человек, считая в том числе и придерживающихся «отчасти идолопоклонства». На эту смесь религий у ингушей указывают все авторы⁵¹. Отвечая на вопрос, какую религию исповедуют ингуши, все авторы согласно утверждают, что они принадлежат к «смешанной религии»: часть их магометане, другая – христиане, но те и другие в то же время – язычники. Как на след христианства указывает то, что ингуши до сих пор клянутся нередко «тремя великими лицами», не давая себе в том ясного отчета; празднуют Новый год, Троицу и день св. Илии; держат два поста – один зимой, другой летом; едят свинину; в год считают не 360 дней, как мусульмане, а 365 – счет христианский. Они хоронят мертвых через три дня (трое суток) по смерти; и в то же время поклоняются кумирам, дают языческие имена, имеют множество языческих обрядов и т.д. Шегрен в 1846 г. пишет в газете «Кавказ»: «По наружности осетины и чеченцы Владикавказского округа (т.е. ингуши, джерахи, кисты, галгайцы и цори) исповедуют православие; меньшая часть – магометане; 3-я часть – язычники. Джерахи имеют особого священника и составляют приход; две трети назрановцев – тоже христиане, но религиозность очень слаба; явные язычники – горцы, т.е. кисты; галгаи и цори и часть ингушей некрещенных – не явно язычники. Все остальные – христиане». Эта смесь религий выражена у автора характерными словами: «Мулла свободно кричит при колокольном звоне, кистинский кумир Гиль-ерды покойно стоит в старой, оставленной церкви царицы Тамары»⁵².

---

⁵⁰ Среди ингушей еще в 1770 г. Гюльденштедт встречал мусульман.

⁵¹ Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 81; Русский инвалид или Военные ведомости. СПб., 1822. № 35. С. 138; Броневский С.М. Указ. соч. С. 154. 161. 162; Зубов П. Картины Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч. III. С. 163; Селезнев М.А. Указ. соч. Ч. II. С. 30, 39; Ахриев Ч. Ингуши; Грабовский Н.Ф. Ингуши: (их жизнь и обычай) // ССКГ. Тифлис. 1876. Вып. IX, отд. I. С. 21; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Ч. I. С. 388 и след.; Ковалевский М. М. Закон и обычай... Т. I. С. 162 и след.

⁵² См. также: Селезнев М.А. Указ. соч. Ч. II. С. 29.

Из этой борьбы различных религий в конце концов победительницей, однако, вышло мусульманство. Профессор Миллер утверждает, что новое поколение чеченцев и ингушей – настоящие мусульмане. Однако такое утверждение можно принять лишь с оговоркой, что в глубине гор у ингушей до наших дней сохранились остатки прочих религий, а старое поколение – скорее, язычники, нежели мусульмане.

Последними ингушами, принявшими мусульманство, были жители аула Гвелеты на Военно-Грузинской дороге. Это событие относится к 1862 г., т.е. к эпохе, когда покорение Кавказа⁵³ было уже закончено. К этому времени ингуши являются уже настолько ревностными мусульманами, что возникшее в 1860 Г. в Тифлисе Общество восстановления православного христианства на Кавказе, которое продолжает дело, начатое Осетинскою комиссией за 100 лет ранее, оставляет в стороне ингушей, как совершенно безнадежных в смысле обращения в христианство. Предметом своей деятельности оно избрало пять кавказских племен: грузинское, осетинское, абхазское, удинское и айсорское⁵⁴.

Так пропали бесследно труды и средства, потраченные русскими на восстановление христианства среди ингушей: чеченские муллы оказались лучшими проповедниками, нежели русские и грузинские попы⁵⁵.

В отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе мы находим следующее замечательное место⁵⁶: «Так как от проповеднической деятельности в горских приходах, при настоящем составе духовенства, нельзя ожидать важных успехов, то следует озаботиться распространением грамотности и образования в горских племенах посредством введения на их языках письменности и учреждения среди них школ». «Нужно было, – продолжает отчет, – устранить только мертвый догматизм, навязывание христианской обрядности, а вместо всего этого поставить

---

⁵³ Висковатов С. С Казбека // Русский вестник. СПб., 1865. Т. СХ. С. 419.

⁵⁴ Договор общества восстановления православного христианства на Кавказе, за 1860-1870гг. С 17.

⁵⁵ Такая же точно борьба между мусульманскою проповедью и христианскою происходит в настоящее время на наших глазах, только в более грандиозных размерах; и опять в пользу христианства - в центре Африки и Азии.

⁵⁶ "Отчеты" указанного общества. С. 39.

живое слово начального обучения для проведения в жизнь горцев понятий, выработанных жизнью, под влиянием христианства». В этом именно положении и заключается секрет успеха мусульманства, проповедники которого были также политическими деятелями и догматы своего учения связывали с практической деятельностью. Не в одной системе возвышенных догматических и нравственных понятий познается христианство, а во всем том – «что только истинно, честно, справедливо, чисто, любезно, достохвально, что составляет добродетель и похвалу»⁵⁷. Пожелаем, чтобы такая просветительная деятельность школ среди чеченцев хоть несколько восполнила распространением христианской науки тот пробел, который является в жизни этого народа вследствие неудавшейся попытки обратить их в христианство и привлечь тем самым не косвенно (как это происходит теперь), а непосредственно к христианской науке и цивилизации.

Выяснив ту роль, какую играли до сих пор в жизни чеченцев религии христианская и магометанская, мы можем теперь перейти к описанию «первобытных», или языческих, религиозных верований этого народа. При этом не раз еще мы встретимся со следами христианства и магометанства при выделении чисто народных верований из всей суммы амальгамировавшихся друг с другом противоположных религиозных воззрений чеченцев, что и составляет нашу главную задачу.

ГЛАВА II. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ, ДУШЕ И ДУХАХ

Задачи исследования религии вообще. – Характеристика быта чеченцев и страны их. – Значение природы в образовании религии вообще и другие элементы, влияющие на возникновение религии. – Загробное существование и состояние души после смерти; дальнейшее развитие идеи о загробном мире. – Ингушские склепы. – Похороны и поминки. – Природа души человека. – Идея о загробном возмездии. –оборотни и колдуны. – Духи человека и природы. – Заключение.

При рассмотрении истории всякой религии предстоит решить вопрос, в какой мере она служила двум великим назначениям: с одной стороны, назначению учить человека пониманию самого себя, мира, его окружающего, и грозной, безграничной силы, проникающей во все сущее – философская сторона религии; а с другой стороны,

---

⁵⁷ Там же.

назначению практически руководить человеком и укрепляй, его при выполнении налагаемых на него жизнью обязанностей – нравственная сторона ее¹¹³.

Вот те пути, по которым нам надлежит идти при исследовании первобытной религии чеченцев. Этими словами определяется и точка зрения, которой мы будем следовать при изложении религиозных верований чеченцев в их историческом развитии. Рассматривать религию чеченцев с теологической точки зрения (онтологической¹¹⁴ или перцепционистической¹¹⁵), при которой главную задачу исследователя составляло бы определение степени ее истинности, отношения ее к религии христианской и т.п., не входит в нашу задачу этнографа, или правильнее, этнолога. Нельзя также приступать к исследованию какой бы то ни было первобытной религии с предвзятой идеей, что дикари придерживаются верований и обрядов, вполне понятных для нас, как искаженные остатки прежней высшей цивилизации – это теория вырождения; напротив того, теория развития, предполагающая у цивилизованных народов сохранение верований и обычаев, имеющих разумное значение в менее развитых стадиях общества, считается единственно возможной в науке. При этом, согласно установленному Тайлором и Спенсером и другими учеными принципу этнологических исследований, мы будем смотреть на религиозные верования чеченцев не как на бессмысленные суеверия «дикарей», а как на разумное, с их точки зрения, объяснения явлений природы, разумное, при тех сведениях, которыми они обладали на известной ступени развития; кроме того, теория вырождения, отвергнутая Тайлором, должна быть и здесь заменена теорией развития, не должно объяснять религиозные верования чеченцев, как извращение истинного учения о едином Боге, присущего высшим

---

¹¹³ Тайлор Э.Б. Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации. СПб., 1882. С. 369.

¹¹⁴ То есть теория об интуитивном приобретении представлений о Боге.

¹¹⁵ Теория приобретения представления о Боге путем внутреннего опыта. Школа онтологов в наиболее распространенных учениях о происхождении религии стояла за интуитивное приобретение представлений о Боге, а школа перцепционистов (Якоби, Шлейермахер, Ульриц и др.) учит, что представление о Боге приобретается путем внутреннего опыта. Учения эти, как исключительно богословские, не поддаются опытному анализу.

религиям, а наоборот, следует в коренных народных воззрениях искать и выделять позднейшие наслоения.

Прежде, чем приступить к главной цели нашего очерка, следует теперь же, хотя и в нескольких словах, нарисовать картину той природы, которая окружает чеченцев, и охарактеризовать их общественное устройство; иначе не будет понята для нас и религия чеченцев, поскольку она выражает философию природы и человека и поскольку она руководит их жизнью. Территорией, где господствовала и развивалась народная, естественная религия чеченцев, нужно считать не всю Чечню, как мы понимаем ее теперь, а лишь горную полосу, простирающуюся от вершины Казбека ($62^{\circ}15'$ вост. долготы) и Дарьяльского ущелья до верховьев рек Аксай, Хулхулау и др. (приблизительно до 64° вост. долготы) и от снежных гор Кавказского хребта (приблизительно $42^{\circ}40'$) до предгорий, или Черных гор, покрытых лесом (приблизительно 43° сев. широты). Это горное пространство состоит из отрогов Передового хребта с вершиною Казбек и включает в себе, главным образом. Скалистые, или Пестрые, горы, тянущиеся в 12 верстах к северу от Передового хребта (высота его 9000-11000 ф.) и часть Черных. Скалистый хребет от горы Мат-хох до реки Аргун идет вытянувшись параллельно Главному хребту по направлению к 42° параллели. Черные горы сплошь покрыты лесом и зеленью (средняя высота их 3000-4000 ф.), живописные ущелья их удобны для поселений. Пестрые горы почти лишены растительности; лишь некоторые скаты их одеты лесами, а вершины в лучшем случае представляют тощие пастбища, но преобладают скалы и голые камни. Все эти хребты и отроги гор перерезываются многочисленными реками и притоками, берущими начало частью в Главном хребте (Асса, Аргун и др.), частью в Передовом, Пестрых и Черных горах (Форганга, Гехи, Мартан, Гойта, Хулхулау, Аксай и др.). Котловины, образуемые этими реками, представляют единственные места, годные для жительства.

Верховья Аргуна и Ассы были местами первых поселений чеченцев. Климат этих мест суров; сношения с равниною и между горными обществами трудны, а зимою и в период разливов рек (лето и часть осени) почти невозможны. Каждое горное общество чеченцев (Кистинское, Цоринское, Акинское, Шатоевское, Шароевское) жило большую часть года совершенно изолированно от соседей, чему содействовало и враждебное отношение их между собою. Общества большей частью состояли из совершенно чуждых друг другу фамилий, или родов. Каждый род поселялся в укрепленном ауле (от 2 до 20 дворов) в ущелье реки и составлял как бы особую независимую

республику. Род увеличивался, к нему присоединялись новые роды, мелкие, слабые, ищущие защиты у него, и возникало целое общество. Доселе эти общества, или роды, ведут патриархальный образ жизни. Агнатический род доселе является господствующим в строго общественной жизни чеченцев. Эти роды не эндогамные, а экзогамные. В горах рано стала развиваться рядом с общинно-родовой личная, частная собственность. Сословий чеченцы не знали вовсе: «Мы все уздени» (т.е. «мы все равны и свободны»), – говорили они всем. М. Ковалевский говорит, что периоду господства агнатического рода у чеченцев предшествовал материнский род¹¹⁶, но он оставил мало следов и для того, чтобы понять религию чеченцев, нам важно знать, скорее, существование у них агнатического рода.

Суровая жизнь гор не особенно щедро наделила чеченца естественными богатствами, и ему приходится добывать кусок хлеба тяжелым трудом. Ни скотоводство, ни земледелие, ни охота не могли прокормить бедняка-горца даже в течение полугода. Приходилось волей-неволей или выселяться в незанятые места на плоскости, или добывать пропитание грабежом у соседей и, надо думать, меновой торговлей¹¹⁷. Грабежи и войны бывали часто практикуемы в горах, но все же выселение было главным способом поддержания жизни.

Всю историю чеченцев можно рассматривать как упорную и бесконечную борьбу за существование, которая постепенно вытеснила их с гор и рассыпала по всей Чеченской и частью по Владикавказской равнинам.

Изложенные выше особенности природы Чечни и быта ее обитателей имеют большое значение для составления верного понятия о религиозном мировоззрении чеченцев.

Отсутствие морей, больших рек, озер, лесов, преобладание гор, грандиозных и подавляющих, отсутствие изобилия, умеренный, а местами и суровый климат, обилие атмосферных осадков и разрушающее их действие, чувство зависимости от окружающей природы – все это не могло не отразиться на религиозных верованиях людей, в данном случае, чеченцев. Я далек от мысли утверждать, что религия чеченцев всецело возникла в горах Кавказа; несомненно, чеченцы имели религию и до поселения их на Кавказе; история и

---

¹¹⁶ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. гл. 1.

¹¹⁷ Антропология говорит, что торговля существовала на самых ранних ступенях культуры.

антропология не знают народов без религии¹¹⁸. Но Кавказ дал известное направление религиозной мысли чеченцев, развил ее, видоизменил и внес много нового. Для подкрепления этой мысли не мешает обратиться к такому авторитету в этом вопросе, каковым был и остается Карл Риттер. «Страна влияет на жителей, жители на страну», – писал он уже в 1804 г.¹¹⁹ и в дальнейшем периоде своей научной деятельности он выдвигал на первый план соотношение между духом и жизнью человека и природы. Важны для нас и два других вывода Риттера. Во-первых, он отметил тот факт, что природа сильнее влияет на массы, чем на отдельного человека, «ибо здесь масса влияет на массу и индивидуальность народа, подавляет собою индивидуальность отдельного человека»; а во-вторых, он указал на то, что природа сильнее влияет на человека первобытного, потому что он больше зависит от нее, чем человек цивилизованный, который до известной степени может даже подчинить ее себе¹²⁰. При этом Э.Ю. Петри разъясняет, что К. Риттер понимал в данном случае не абсолютную зависимость человека от обитаемой им местности, напротив того, он никогда не упускал из виду известной самостоятельности человеческого духа.

Вполне соглашаясь с выводами Риттера, Петри говорит: «Народы низшей культуры сохранили теснейшую связь с природою; они находятся в зависимости почти безусловной от природы; они живут тою жизнью, которую предначертывают им местные географические условия... Природа руководит первыми шагами человека. Первобытный человек отражает в себе все особенности окружающей его природы»¹²¹.

Приведу еще слова знаменитого А. Гумбольдта, одного из основателей научной географии; он говорит: «Влияние физического мира на нравственный, таинственное взаимоотношение между чувственным и сверхчувственным придаст изучению природы, если приступить к нему с более высоких точек зрения, своеобразную и еще мало известную прелесть»¹²². Таковы взгляды научных авторитетов

---

¹¹⁸ Петри Э.Ю. Антропология. Основы Антропологии СПб., 1890. Т. I. С. 493; Пешель О. Народоведение. СПб., 1890. Вып. IX. С. 267.

¹¹⁹ Цит. по: Петри Э.Ю. Методы и принципы географии. СПб., 1892 С. 22.

¹²⁰ Там же. С. 23.

¹²¹ Петри Э.Ю. Антропология. С. 283.

¹²² Цит. по: Пешель О. Народоведение. С. 312. [Оскар Пешель (1826 1875) - известный немецкий географ. - Примеч. составителя.]

на интересующий нас вопрос, и они обязывают всякого, берущегося за разработку религии любого из народностей земного шара, обратить при этом внимание на влияние природы на религиозную мысль и обрядности. Одним анимизмом, т.е. теорией душ, по которой «понятие о человеческой душе, представление о коей, вызывается размышлениями об умерших, о причине болезней, сновидениями, тенью, отражением и т.д., есть настоящее *pons ed ovigo* (источник и начало) всех понятий о духе и божестве вообще»¹²³, в настоящее время, как это думал сделать Э. Тайлор, уже нет возможности объяснить возникновение религиозной мысли у народа; рядом с анимистическими размышлениями, составляющими, как говорит профессор Петри, существенный элемент в первобытной религии, существуют и другие основы религиозной мысли, способствующие ее реализации.

Таково влияние могучей природы. Чувство зависимости, порождаемое ею в душе человека, результатом чего является искание причин в явлениях природы; страх или опасение перед неизвестным, чувство благоговения перед благодетельной стороной ее – все это придаст действительную жизнь анимистической деятельности человеческого ума. При этом, конечно, большую роль играет свойственная человеку пытливость, свойство ставить всюду вопросы: «Почему? Отчего?». Творчество, фантазия поэтическая, способная одухотворить, оживить и мертвую природу, занимает при создании и развитии религии человеком не последнее место. Недаром мифологи так много значения придают творчеству человека при образовании ими мифов.

Но самое существенное в возникновении религиозной мысли остается за свойством человека вкладывать во все душу свою, антропоморфизировать явления природы и свои анимистические представления¹²⁴.

---

¹²³ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. СПб., 1873. Т. II. С. 300; Он же. Антропология. С. 368.

¹²⁴ Пешель О. Указ. соч.: Петри Э.Ю. Антропология. Гл. XXII, XXIII; а также главы о верованиях у Д. Леббока [см.: Леббок Д.] Начало цивилизации, умственное и общественное состояние дикарей, СПб., 1876; Кюланж Ф. де. Древнее общество. Обзор культа, права и учреждений Греции и Рима. СПб., 1867. С. 173 и след. Сам Тайлор не отрицает известной роли при образовании религии страха и любви, хотя они играют у него второстепенную роль. См.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 375.

Все изложенное выше дает нам надежное руководство в трудном вопросе, на что следует обратить внимание при знакомстве с религиозными воззрениями чеченцев.

В соответствии с принципиальными взглядами на возникновение и развитие религии вообще следовало бы излагать нам и религию чеченцев; но эта религия не подходит ни под одну из ступеней, установленных наукой в развитии религиозной мысли. Я имею в виду семь ступеней, устанавливаемых Лёббоком¹²⁵, но отвергаемых современной наукой.

Можно было бы привести и здесь массу возражений против такого деления, но считаем это здесь неуместным. Что касается сути, содержания религиозной мысли, так в ней и поклонение предкам, и почитание природы с поклонением ее явлениям, и одухотворение неодушевленных предметов, и культ предков, тотемизм и сабеизм, антропоморфизм, фетишизм и шаманизм¹²⁶, и признание Единого Бога – все это перемешано и существует одновременно, с большим или меньшим преобладанием одного над другим.

Религиозные воззрения чеченцев, пожалуй, можно назвать анимистическими, как это сделал Тайлор, но надо понимать при этом, что само это понятие расчленяется на фетишизм и анимизм, понимая под первым «учение о духах, воплощенных в вещественных предметах, или связанных с ними, или, наконец, действующих через их посредство»; а под вторым – «учение о духах вообще»¹²⁷. Притом это понятие не имеет уже того всеобъемлющего значения, после того как рядом с анимистическими представлениями играют значительную роль в образовании религии и другие элементы, указанные нами выше. Тем не менее, отчасти за недостатком лучшего термина, а отчасти и потому, что я лично вслед за Тайлором, Спенсером и другими, со своей стороны, склонен придавать важное значение возникновению у человека идеи о душе, я начну изложение о религии чеченцев с выяснения их представлений о душе и о загробном мире, а затем уже перейду к представлению о духах, культу предков и, наконец, поклонению силам природы и т.д.

Первый и основной вопрос в деле разъяснения коренных начал любой из естественных религий человечества – есть ли душа человека и если есть, то какова ее природа, какими свойствами она обладает? На

---

¹²⁵ Лёббок Д. Начало цивилизации... С. 150.

¹²⁶ Значение всех этих терминов выяснится в своем месте; некоторые из них разными учеными понимаются различно.

¹²⁷ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 207.

этот вопрос чисто философского характера простой чеченец, не лишенный, однако, свойственной образованному европейцу склонности искания причины всему, дает следующий ответ: Чеченец умирает; но это – только смерть тела, бранных частей человека, а не существа его; сущность человека не погибает. Но куда же она девается? На этот вопрос спрошенные чеченцы приводят вам следующую легенду.

Некогда на земле жили нарт-орштхойцы. Среди них были выделяющиеся герои, как Урузман, Орзми, Солса, Патараз, сын Хамча* и др. Они положили начало всем порядкам среди ингушей и чеченцев; от них же производят свою родословную многие фамилии ингушей. Видную роль между ними играло одно мифическое лицо – Батыга-Шертко; он является постоянным защитником и руководителем народа, поучающим народ добрым делам, показывающим ему, как надо жить и поступать в разнообразных случаях жизни. Этот «человек» обладал сверхъестественным свойством – отправляться, когда ему вздумается, на тот свет и возвращаться обратно. Однажды Батыга-Шертко отправился в селение Яндырское, возле Назрани, где жили нарт-орштхойцы. Один из нартов, у которого недавно умерла мать и который не знал, что делать с горя, обратился к нему с вопросом: «У меня умерла мать. Как и где она живет?» «Если ты так сильно любишь свою мать, то утешь ее, – ответил Батыга-Шертко, – зарежь что-нибудь из своего скота. Зарезанное будет принадлежать твоей матери». «Правду ли ты говоришь, Батыга-Шертко?» – спрашивает его недоверчивый орштхоец. «Если не веришь, то пошли со мною вместе какое-нибудь доверенное лицо на тот свет, где живет твоя мать, а ты здесь зарежь что-нибудь в ее утешение». Орштхоец так и поступил; он зарезал петуха, курицу и вместе с корзиною хлеба (чуреков) роздал бедным. Между тем Батыга-Шертко вместе с доверенным лицом отправился на тот свет. Идут они и видят горы, под горами сидит умершая мать орштхойца, а на вершине горы петух и курица; возле них стоит корзина с чуреками. Возвратившись с того света, Батыга-Шертко и доверенное лицо говорят орштхойцу: «Мы видели горы; под горою сидела твоя мать, на горе – петух и курица, а возле них находилась корзина с хлебом». «Нет, я ничего не резал для матери», – начал говорить орштхоец, чтобы испытать их. Но после вторичного подтверждения с их стороны виденного ими орштхоец поверил им и

---

* Те же нарты, как известно, встречаются и у других горцев Северного Кавказа: осетин, кабардинцев и проч.

стал делать поминки по своей матери. С тех пор все убедились, что зарезанные животные в память о покойниках доходят до них; с этого времени и обычай устраивать поминки сделался всеобщим¹²⁸.

Эта легенда указывает на верование ингушей и чеченцев в загробное существование. Верование основано на свидетельстве очевидцев, людей, посещавших тот свет, – черта весьма характерная и общая для многих народов земного шара. Тот свет похож на этот; он построен воображением ингуша и чеченца по аналогии с его родиной, область эта горная. Аналогия вообще играет выдающуюся роль в образовании религиозных верований первобытного человека; недаром Спенсер и Тайлор придают такое значение аналогии для понимания первобытных религий¹²⁹. Единственный способ понять религию ингушей и чеченцев – это сводить все к жизни их и к природе, их окружающей. Ниже мы увидим, что самый мир богов у них построен по образцу жизни людей с некоторыми различиями, вытекающими из областей поэтической фантазии человека, его воображения, которые все более и более изменяют представления религиозные, внося фантастический элемент; конечно, и заимствования тех или других верований у соседей, иностранцев, вносят большой раскол и изменения в простые и естественные верования народа.

На мой вопрос, где же находится тот свет и каково его отличие от настоящего, старик Ганыж сообщил два взгляда, существующие у ингушей рядом: «В старину одни старики говорили, – начал Ганыж, – что тот свет находится под землей, но более опытные старцы считают, что он на небе». Остановимся на первом веровании как более раннем¹³⁰ и более устойчивом в народе (в верованиях ингушей).

Тот свет находится под землю. Им управляет подземный бог Эштр, или Этер. Человек умирает тогда только, когда этот бог пожелает взять его к себе. Тот свет называется по-ингушски «Дэли-Аилли»¹³¹, а этот свет – «Дэли-Малхли». Ингуши говорят: «В три года

---

¹²⁸ Ахриев Ч. Ингуши: (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис. 1875. Вып. VIII. отд. I. С. 32. Эта легенда записана и мною в 1892 г. со слов обоих стариков Газбыка и Ганыжа.

¹²⁹ См. также: Лёббок Д. Начало цивилизации... С. 273.

¹³⁰ См. об этом: Тайлор Э.Б. Первобытная культура Т. II. С. 146.

¹³¹ Первый звук слова Аилли (точнее илли) по-русски непереходим. Он соответствует открытому "а", но выражает не гласный, а согласный звук. Буква означает арабское ε и введена Усларом для чеченского языка. Дэли-Малхли в переводе "Божий этот свет", а Дэли илли - "Божий тот свет".

выстроенный Дэли-Малхли, в семь лет выстроенный Дэли-Аилли»*. Это поговорка, а потому можно ругаться за ее древность и точность передачи. Этот и тот свет построены Богом. Солнце днем освещает этот свет, а ночью – тот свет¹³², а по другому варианту, солнце – светило этого света, а луна – того света или мертвых; от луны покойникам так же жарко, как нам от солнца. Хотя ингуши прямо и не говорят об этом, но, судя по тому, что в представлениях о загробном мире играет роль солнечный миф, можно почти безошибочно допустить, что тот свет находится там, где заходит солнце, т.е. на западе, – черта, опять-таки общая большинству первобытных религий¹³³. Тот свет, как постоянное местопребывание людей, является более массивным; его Бог строит не три, а семь лет. Мертвецы на том свете ведут такую же жизнь, как на этом: те же симпатии, те же страсти, дружба, любовь и вражда, какие присущи им на этом свете, остаются и на том. Они живут так же отдельно, родами; всякий умерший отправляется к своим родственникам, умершим раньше. Характерная точка зрения на поминки сказывается в веровании ингушей, по которому поминки необходимо делать для того, чтобы мертвые хорошо приняли вновь умершего родственника. В то же время, как мы видели выше, поминки являлись средством утешить своего родственника (мать). Там играет роль нравственный мотив – любовь к родным. Но в данном случае выступает побудительной причиной необходимости поминок черта эгоистическая. Известно, что на первобытной ступени культуры главную роль в религиозном культе играет страх или боязнь мести со стороны покойников на этом свете за неприношение им даров, пищи со стороны живых. Из только что приведенного текстового примера очевидно, что и ингушам не чуждо то же самое опасение, но оно проявляется в иной форме, нежели общепризнанной в науке¹³⁴. Если бы можно было обобщить путем сравнений первый мотив приношения даров покойникам, то упрек первобытных религий в эгоистическом характере их, делаемый им учеными, был бы значительно лишен прочной почвы, и можно было

---

* Подробнее о подземном боге см. ниже.

¹³² Ахриев Ч. Заметки об ингушах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 289 или Терские ведомости. 1871. То же сообщали и мне в 1892 г.

¹³³ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 133. Собственно ингуши прямо не говорят об этом, но на такое представление указывает солнечный миф.

¹³⁴ Тайлор Э.Б. Антропология. С. 350; Он же. Первобытная культура. Т. II. С. 431; Петри Э.Ю. Антропология. Гл. XXII. С. 497.

бы установить как одну из основ почитания умерших – нравственное побуждение, а вместе с тем можно было бы сказать, что хотя у тех народов, у которых мы находим почитание умерших, религия с самого начала связана с нравственностью. Пока это можно сказать лишь про ингушей, и мы не имеем права делать обобщения на этом основании. По-видимому, тот же мотив руководит при жертвоприношениях покойникам и осетинами, и другими горцами Кавказа¹³⁵.

Загробный мир ингуши не считают местом отдыха от земных трудов; покойники на том свете точно так же исполняют все работы, как и на этом свете, и притом одновременно с последними: когда кончают покос или жатву на этом свете, одновременно прекращаются работы и на том. Разница лишь в том, что покойники работают по ночам, когда солнце уходит из мира живых в страну умерших. По окончании жатвы ингуши устраивают *марспорр*, или жатвенный ужин, угощение для мертвых родственников, говоря: «Может быть, теперь и они окончили работы». Празднество это в честь умерших устраивается каждой семьей отдельно. Приготавливается брага, варят пиво, гонят араку, подают лучшие блюда: молоко, масло, сыр, мясное и т.д. Ингуши говорят, что пищу хозяин «передает» умершим родственникам. Эта передача пищи носит название «хето» и есть простая пересылка пищи, которую нужно отличать от жертвоприношений богам, которые имеют иной смысл и иначе называются у ингушей. Это есть именно *тедам (текам)* – жертвоприношение, о чем мы скажем позже.

«Пересылка» пищи на тот свет сопровождается молитвой, которую обыкновенно читает хозяин дома, а если он не знает молитвы, то призывает для этого другого. Знающего человека. Нигде религиозные воззрения человека не сказываются так верно и полно, как в молитве, и мы из молитвы ингушей узнаем ценные сведения.

Я записал молитву со слов самого ингушского жреца Ганыжа и с удовольствием привожу здесь русский перевод молитвы, весьма близкий к оригиналу:

«Дай Бог, чтобы благочестивые умершие так же хорошо окончили свою работу, как окончили свою мы – живые; дай Бог, чтобы и урожай у них был хороший. От того, что мы передаем, пусть будет им такая польза, какая только желательна им. Дай Бог, чтобы присяжный брат, молочный брат и родственники, найденные чрез

---

¹³⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон М., 1886. Т. I. С. 81 и след.; Он же Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 33; здесь идет речь уже о страхе, а не любви к родственникам.

скот*, дай Бог, чтобы все эти люди и им подобные, которых покойники пожелают иметь на своем пиру, так скоро являлись к ним, как скоро является караул на тревогу. И пусть они пируют с нашими покойниками до тех пор, пока головы их не опьянеют от питья бокалов наших покойников, и животы не насытятся от пищи на пиру наших покойников. Кому они (покойники) желают дать, пусть для тех у них руки протянутся дальше, а если у них кто будет отнимать, тогда пусть у них хватит сил отстоять свое. Пусть зимой не замерзает пища у них, а летом не портится (точнее, плесенью не покрывается). Чего я сам не мог передать и чего хозяин не мог приготовить, то при свидетельстве Луны и Солнца мы поручаем Богу и божьему Эштру¹³⁶: пусть они дополняют им это».

Всякий комментарий к сказанному был бы излишним; картина загробной жизни, какую рисуют ингуши в этой молитве, достаточно ясна. Для полноты ее приведу здесь в сокращенном виде рассказ позднейшего происхождения, когда первоначальное представление о загробном мире было уже поколеблено мусульманством. Вот этот рассказ, записанный мною в 1892 г. со слов плоскостных ингушей¹³⁷. «Чеченец из селения Шали Грозненского округа, по имени Сохаип, дал клятву не возвращаться домой до тех пор, пока не увидит женщины глупее его жены, и вышел странствовать по земле. В Старо-Сунженском селении он зашел в дом некоего Адая; дома была одна жена его Тахо. Она спрашивает его: «Кто ты такой?». Сохаип ответил: «Иду с того света». Тахо от радости чуть не кинулась к нему на шею и стала расспрашивать об отце своем. «Отец твой благополучно поживает; только он должен 100 рублей; ему неоткуда достать их, и он послал меня к тебе за этими деньгами; иначе он не освободится от ответственности». Тахо поспешила исполнить просьбу отца, передала Сохаипу 100 рублей, и тот ушел домой».

В этом рассказе верование ингушей сохранилось, как сказка; народ насмехается над собственной своей верой, не понимая ее истинного значения. Такова судьба всех языческих верований, оставшихся у более цивилизованных народов в виде переживаний, сказок, легенд или суеверий! Но, несомненно, что делание долгов

---

* Т.е. [через] калым, [который у ингушей чаще всего давался скотом] – брачное родство.

¹³⁶ Эштр - подземный Бог.

¹³⁷ Этот и другие рассказы ингушей я надеюсь напечатать в "Живой старине" за 1893 г.

умершими – факт вполне разумный и обычный с точки зрения первобытных религиозных идей чеченцев.

В этом рассказе мы находим намек на то, что умершие могут возвращаться на этот свет для своих надобностей; но прибавлю, эта сторона религиозных верований чеченцев для меня остается, за неимением данных, совершенно не разъясненной. О посещении мертвецами живых мы поговорим еще в другом месте.

Кроме свидетельства немногих очевидцев, «побывавших на том свете», еще более могущественным средством поддержания веры в загробное существование служит у ингушей (и вообще у чеченцев) практиковавшееся до последних дней обыкновение спрашивать умирающих людей, особенно стариков, во время предсмертной агонии об умерших прежде родственниках. По народному верованию, в момент смерти, на рубеже между здешним и загробным миром, когда божий Эштр наполовину уже взял душу человека к себе, умирающий видит тот свет со всеми умершими до него. Этим пользовались окружающие и задавали ему вопросы вроде следующих: «Как живет такой-то покойник?» «В чем он нуждается?» и т.п. Если покойник не был похоронен надлежащим образом в усыпальнице эльгыц, то умирающий обыкновенно отвечал, что покойник бедствует без кровли. Если по покойнику не сделали поминок, то умирающий говорил, что тот не имеет пищи и живет подаяниями. Умирающему передавали также различные поручения на тот свет. Ганыж рассказывал мне такой случай. У постели умирающего сидит женщина и говорит: «Передай отцу, что сын у него плохой, промотал свое состояние, и мы бедствуем чрез это». «Хорошо, – отвечал умирающий, – туда-то я донесу вести от тебя, но кто тебе принесет ответ?» Однако подобный ответ, вероятно, анекдотического характера; в нем опять-таки слышится ирония позднейшего происхождения над пережитками верований. Выше мы уже видели, что в более ранние периоды ингуши допускали выходцев из загробного мира. В словах сострившего старика проглядывает опять черта, как будто присущая, действительно, верованиям ингушей: мертвые не могут являться на этот свет; это противоречит верованиям соседей их, осетин, и вообще мнениям, утвердившимся в науке, что умершие часто посещают живых и принимают участие в их жизни.

Вера в загробное существование проявлялась с особенной силой в момент смерти. Это отразилось, между прочим, и на похоронных обрядах, к которым мы теперь и перейдем.

Автор статьи в «Русском инвалиде» (1822. № 35. С. 138) на основании всех бывших у него сведений, говорит, что ингуши не

имеют «особливых обрядов» при рождении и похоронах. Такой отзыв противоречит как предшествующим, так и последующим описаниям быта ингушей и чеченцев. Уже Гюльденштедт сообщает, что видел шесть нетленных тел в гробнице поблизости от впадения реки Назрань в реку Сунжу; после сказанного о загробном мире, по верованиям чеченцев, в том и не могло быть никакого сомнения. В 1846 г. Шегрен дает подробное описание похоронных обрядов осетин и ингушей; но он так перемешивает обряды того и другого народа, что сообщения его лишены всякого значения.

Самого большого внимания заслуживают описания Ахриева, Грабовского и Миллера; и из собственных моих расспросов и наблюдений я могу сообщить о похоронных обрядах чеченцев следующее. Прежде чеченцы хоронили своих мертвецов в разбросанных по всей горной Чечне склепах, называемых *кашами* (ед. ч. – каш)*. Это древнейший способ погребения, вполне согласный с описанными нами верованиями в загробное существование. Покойнику нужно запастись в этой жизни всем необходимым для будущей. Так, ему нужна пища, одежда, кров, жена, хозяйственные и иные предметы. Все это дается ему вдоволь частью при похоронах, частью во время поминок в течение всей остальной жизни его потомства. Склепы содержат в себе то, что дается покойнику при похоронах. Прежде всего, как мы видели, самый склеп является необходимым жилищем для мертвецов. Большею частью склепы бывают фамильные и потому они довольно вместительны. Оставить без склепа покойников – значит лишить их крова¹³⁸, а этого не допускает родственное чувство и опасение, что и все остальные после смерти тоже останутся без крова, так как рано или поздно всякому придется умереть. Таким образом, строя склеп умершим, живущие обеспечивают и собственные интересы. Этих доводов вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что склепы могли возникнуть самостоятельно на чеченской почве, или, если они были заимствованы, то, во всяком случае, не противоречили народной религии чеченцев. Подобные склепы находятся и в Хсвсуретии¹³⁹, мне приходилось их видеть и в Чегеме и т.д.; они рассеяны почти по всему Кавказу. Никак нельзя согласиться с М. Ковалевским, который видит в этих склепах

---

* По-кабардински – *кешанэ*.

¹³⁸ Г. Висковатов говорит, что гвелетцы (ингуши) презирают мужа, который не найдет пропавшую свою жену, утонувшую или провалившуюся в пропасть, и не похоронит ее.

¹³⁹ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 96.

заимствование из религии Авесты, или огнепоклонников, которая, как убедительно им доказано, была некогда распространена в Закавказье, преимущественно в Грузии¹⁴⁰. О распространении на Северном Кавказе этого культа иранцев у Ковалевского не имеется никаких положительных данных, и сам он это отлично сознает, делая лишь одно предположение. Он указывает на то, что влияние культа иранцев на Северном Кавказе следует отнести к периоду заселения его осетинами, иранцами по происхождению; занесение его из Грузии сам он (М. Ковалевский) опровергает. «Согласно с учением Авесты, похоронить Мертвых в землю означало осквернить землю тленными частями человека, его телом, в котором поселился бес по смерти человека, – говорит г-н Ковалевский, – и хоронили их, подобно хевсурам и другим последователям учения Зороастра, в склепах – над землею». Это объяснение не вяжется с верованиями ингушей и противоречит той заботливости, которая видна по отношению к похороненным в склепах мертвецам со стороны живущих. Поэтому и еще по многим другим причинам видеть заимствование чеченцами своей религии от осетин или других иранцев, или последователей Зороастра учения я не могу. Я не могу видеть в чеченских кашах что-либо другое, кроме проявления их народной религии¹⁴¹.

Перейдем к описанию этих кашей и содержимого в них. Усыпальницы, или каши, мне приходилось видеть около селения Фелхан Мецхальского общества в 1891 г.; в 1871 г. писал о них Ч. Ахриев, а в 1886 г. исследованы они во всей почти горной Чечне археологической экскурсией* во главе с профессором Миллером. Между кашами нужно различать наземные и подземные, или катакомбы. В Арзи, например, каши наземные: наземные каши каменные; они имеют то коническую форму, то вид русских изб; на пирамидальной крыше – коническая шишка. Эти усыпальницы

---

¹⁴⁰ Там же. С. 119, 120; и вся глава I. отд. II. Это учение не успело пустить глубоких корней в самой Грузии; оно было насильственно навязано персидскими царями; в 624 г. по Р Х храм огнепоклонников в Мухате разрушен и сами они изгнаны из пределов Грузии (В. Миллер).

¹⁴¹ Вопросы о влиянии на верования чеченцев соседних религий осетин, пшавов, хевсур, грузин, кабардинцев и учения Зороастра и т.п. я здесь не касаюсь вовсе, так как для этого нет у меня достаточных данных вследствие неразработанности и скудости сведений обо всем этом и вообще об отношениях различных племен Кавказа между собой и долгий период темного прошлого.

* То есть экспедицией. – Примеч. составителя.

разделены на два, три и более этажей; в нижний этаж ведет одно четырехугольное отверстие таких размеров, чтобы в него свободно можно было пронести покойников; оно заделывается неплотно прилегающей каменной плитой, придерживаемой перекладиной. Во втором этаже – окно с севера; покойники лежат или на шиферных нарах по стенам внутри каша, или нагромождены друг на друга до самого потолка. Последний способ погребения практиковался в Фелхане и Арзи. В кашах лежат покойники разного пола и возраста; старики и дети, мужчины и женщины образуют одну массу, покрытую рассыпающимися от ветхости ситцевыми одеялами. Все покойники одеты в лучшее платье. Тут же вы видите детскую колыбельку, посуду, глиняные горшочки, железные дротики, железные стрелы с оперенными древками, ножи в деревянных ножнах, луки с тетивами из жил, кожаные колчаны, деревянные чашки для питья, серебряные бляхи, трехструнные балалайки *пандыр* – древнейший музыкальный инструмент ингушей**, деревянные башмаки, шашечные клинки и всевозможное оружие, ножницы для стрижки овец, простые ножницы, чевяки, ноговицы, пуговицы металлические и т.д. – словом, все, что образует в совокупности хозяйственные и иные принадлежности людей в этой жизни, все предметы роскоши и необходимости; все вместе с их обладателями-хозяевами переносится в каш и вместе с ними переселяется в подземную обитель. В некоторых кашах находятся даже котлы и надочажные цепи – признак переселения в кашу всей семьи, так как если хоть один член семьи остается жив, котлы и цепи обязательно остаются в доме, перенесение их в капища означает прекращение жизни всей семьи. Предание, записанное и гном Ахриевым¹⁴² в 1868 г., и неоднократно рассказанное мне в более подробной форме в 1891 и в 1892 гг. в бытность мою в горах, гласит, что некогда, лет 200 тому назад, среди ингушей свирепствовала чума, уничтожившая половину населения ингушей; так много людей умирало в это бедственное время, что не успевали хоронить, и несчастные ингуши в отчаянии, боясь остаться не похороненными, сами шли в свои фамильные склепы и иногда целую семью, с грудными младенцами в люльках, умирали голодной смертью. Такие времена не забываются народом, и всякий ингуш расскажет вам подробности постигшего их бедствия. Одно перечисление вещей,

---

** Теперь она вытеснена гармоникой, сохранившей название «пандыр».

¹⁴² Ахриев Ч. Заметки об ингушах. 4. Ингушские кашы // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 290.

находящихся в кашах, наводит на многие мысли о прошлой жизни чеченцев. Вполне понятны слова В. Миллера: «Судя по лукам, щитам и стрелам, время постройки кашей необходимо отнести к тому времени, когда огнестрельное оружие не было еще в повсеместном употреблении в Чечне. Очевидно, верование не допускало погребение трупов в земле».

По преданиям, надо думать, луки употреблялись ингушами еще в конце XVIII в. наряду с ружьями, в это время они имели деревянные щиты, обтянутые кожей и с наружной стороны скрепленные железными обручами¹⁴³.

В весьма интересном путешествии Г.Ст...¹⁴⁴ по Северному Кавказу, совершенному им в 1800 г., мы находим точное указание, что кабардинцы носили тогда огнестрельное оружие; но многие еще вооружались копьями, щитами, луками и стрелами и заковывались в железные панцири. Понятно, что и ингуши, данники кабардинцев, находившиеся в постоянных сношениях с последними и учившиеся у них многому, также были вооружены и холодным, и огнестрельным оружием. Все же, хотя луки и стрелы употреблялись чеченцами еще в начале XIX столетия, постройка кашей относится к более раннему периоду, приблизительно не позже начала XVIII столетия, потому что, по словам старика Ганыжа, которому теперь 60 лет, его прапрадед не знал, чтобы при его жизни выстроили каш или капище святому¹⁴⁵.

Переходя к описанию подземных склепов, я должен указать на то, что способ погребения в них отличается от только что описанного;

---

¹⁴³ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. I. С. 160.

¹⁴⁴ Северный архив. 1824. № 20-24; [Северный архив: Журнал истории, статистики и путешествий / Изд. О. Булгариным. СПб., 1824. Здесь в разделе "Путешествия" опубликован "Журнал путешествия по землям Донских кизаков, к Кавказу и в Астрахань, 1800 г. - Г. Ст..." (89—109, 159-192, 260-269). Много бытовых черт о чеченцах записано со слов генерала Дельпоццо, коменданта Владикавказской крепости, пристава кабардинцев. Кроме Владикавказа, автор жил и в Прохладной. Когда жил в Кизляре, будучи полковником, попал в плен к чеченцам и пробыл у них 15 месяцев. Выкуплен из чеченского плена за 9000 рублей серебром. - Примеч. составителя.]

¹⁴⁵ Теперь ингуши сами посмеиваются над погребением в кашах, говоря: "Для чего наши предки сушили человеческие трупы и тем портили воздух?" И больше уже не следуют этому обычаю.

надо думать, что эти склепы принадлежат либо другому народу, либо чеченцам, но только не в той эпохе, когда было распространено погребение в кашах. В подземных склепах раскопки обнаружили иные предметы и иной способ погребения, нежели принятый в наземных кашах. Впервые па подобные склепы указал Гюльденштедт (1770-1773). Подробное же описание сделано еще Шегреном (1846) и повторено с его слов Дубровиным, Селезевым¹⁴⁶ и др. Наконец, самое подробное описание мы находим у Головинского¹⁴⁷. Я также записал предание об этом склепе. Как во времена Гюльденштедта, так равно и теперь эта могила считается священной и пользуется уважением со стороны ингушей. Вот описание одного из таких склепов, находящегося возле Назрани.

«В памятнике этом, снаружи совершенно обвалившемся, проделано небольшое квадратное отверстие, обращенное на восток и служащее для входа. Между этим отверстием и другим, ведущим в самый склеп, находится небольшое пустое пространство в виде преддверья. Над вторым отверстием на камне вырезаны три надписи по-арабски: 1) «Имазис-Солтания», 2) «Бек-Султан Худдадов» и 3) «Здесь прахи покойников, и нет между ними ни света, ни влаги». Внутренности склепа круглая в виде цилиндра; стены и купол сложены очень искусно из тесаного камня. Посредине земляного пола находится круглое отверстие, в которое может свободно пройти человек и которое ведет в подземелье с деревянным полом, имеющим полукруглую форму. Тут лежат трупы одной женщины и трех мужчин, все темно-коричневого цвета и высохшие, как мумии. По бокам трупов разбросаны кости зайцев и скелет собаки. Под деревянным полом сложена груда человеческих костей, между которыми виднеются куски полуистлевшей персидской или индейской парчи, с изображением людей и пальм. Во время засухи ингуши собираются около этого памятника и молят о дожде», – так описывает этот склеп г-н Головинский. К этому следует прибавить, что эта могила (по моим расспросам) приписывается преданием народу нарт, жившему на этом месте 2000 лет тому назад.

---

¹⁴⁶ Кавказ. 1846. № 27-30; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. ч. I. С. 383-388; Селезев М.А. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. I, II. С. 38.

¹⁴⁷ Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах: Из записок П.И. Головинского // ССТО. (Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 248.)

Подобные подземные склепы с отверстием рассеяны по всей чеченской территории. Они встречаются в верховьях Бумутского ущелья, где предание приписывает постройку их неизвестному народу *тинды*. При постройке Бумутской крепости в лесу, когда стали копать землю, образовался провал на глубине около двух саженей. Внутри провала вела полуобрушившаяся смазанная глиной галерея, в которой были найдены обгоревшие человеческие и лошадиные кости и разбитые, поросшие мхом глиняные кувшины. При постройке Бердыкельского укрепления на левом берегу реки Аргун также открыли подобную галерею под землей, вымазанную внутри красной глиной или обожженную огнем. В той галерее, ширина которой будет около двух аршин, найдено много простых глиняных кувшинов; некоторые с пеплом, другие с обгорелыми человеческими костями, а также разные медные вещи, золотая круглая бляха величиной с полтинник, прикрепленная к золотой виноградной ветви грубой работы, сердоликовые четки с изображением на одной из зерен их зайца и крупные камни с отверстием, изображавшие мельницы. В 1853 г. в верховье реки Валерика также открыт подземный склеп; в склепе лежал женский скелет; на руках – два золотых браслета, на шее – ожерелье из дутого золота вперемешку с бусами, на пальцах были два золотых дутого перстня с рассыпавшимися камнями; еще находились три слитка серебра и глиняные кувшинчики (отправлены в Тифлис)¹⁴⁸. Раскопки Миллера в горах Чечни дали следующие результаты. В подземных могилах около церкви Тхаба-ерда, в ущелье реки Ассы, в подземных могилах лежат костяки покойников на полу; в головах было найдено 14 глиняных сосудов (чашек и кувшинов). В правой стене склепа – две ниши, в левой – одна; в одной нише был найден серебряный проволочный браслет, обвитый бронзовой спиралью. Костяки лежали головами на Восток. Найдены еще деревянная чашка для питья и ручка от уполовника. Некоторые кувшины наполнены бараньими и птичьими костями. Древность этих могил Миллер определяет равной древности самой церкви (IX-X в. по Р.Х.?).

Возле аула Мохде в подземных могильниках (длиною 1½ – 2 сажени, шириною 2-3 аршина, высотой – 1 сажень) найдены: костяки, деревянные чашки и кубки, глиняные чашки и кувшины, железные ножи и железные ножницы для стрижки овец, железные наконечники от дротиков и стрел, деревянные гребни и балалайки, железные

---

¹⁴⁸ Там же. С. 250.

крючки, деревянные колодки для чистки ремней, серебряные вызолоченные пуговицы, серебряные серьги изящной работы, бронзовые нагрудные бляхи в виде колес и колец от женских костюмов, бусы стеклянные, бусы с глазками из пасты, железные шестоперы и т.д. Здания искусно выстроены¹⁴⁹. Встречаются также каменные ящики, где похоронены по одному костяку; в головах у них глиняный сосуд; этот способ погребения, практиковавшийся чеченцами, вероятно, сменил собою погребение в наземных кашах.

Подземные могилы с признаками сожжения трупов могли принадлежать и не чеченцам, а какому-либо другому народу, жившему в горах раньше или пришедшему позже них; по крайней мере, местные предания приписывают их другому народу (*тинды, мида, джай* и др.), да и способ погребения в них не находит себе полного объяснения в мифологии чеченцев, за исключением могил, открытых Миллером, которые имеют большое сходство по способу погребения с кашами и не противоречат верованиям чеченцев. Но здесь прекращается область точного знания и дается простор догадкам и гипотезам. Одно несомненно, что люди, строившие эти склепы, проникнуты были глубокой верой в загробное существование. И, судя по предметам, в них погребенным, думали, что эти предметы нужны для умерших на том свете. Здесь мы возвращаемся к развитой нами теории о загробном существовании у чеченцев, теории, уподобляющей тот свет этому, согласной во всем с известными нам религиозными представлениями чеченцев.

Перехожу к обрядам похорон и поминок, совершавшимся на памяти стариков. Позднейшим способом погребения является устройство могил; гробов нет, а ямы обкладывают каменными плитами и досками, которые обжигают порохом. Переход от кашей к подобным могилам весьма легкий; в этом случае подземные склепы могли иметь переходное значение от наземных к одиночным могилам; легко объясняется это влиянием христианства, которое не могло терпеть языческого способа погребения. Умерших хоронили прежде не раньше трех-четырех дней после смерти, а теперь хоронят на другой день. Первый способ мог быть введен христианскими миссионерами, но он не чужд и отдаленной области язычества. Известно, что многие дикари соблюдают этот обычай, будучи уверены, что дух умершего три дня остается у тела на земле и уже после того отходит вместе с

---

¹⁴⁹ Миллер В. Осетинские этюды. М., 1881-1887. Ч. I. С. 29.30 и след.

погребенным телом или в могилу (более раннее верование), или в подземный мир, обиталище всех людей. Погребение же на другой день по смерти – несомненное влияние ислама,

У могилы на похоронах собирались многочисленные, близкие и дальние родственники умершего, мужчины и женщины; женщины целую неделю сидели у могил и рыдали, ударяя по своему лицу руками¹⁵⁰. Покойника одевали в чистое и новое платье и в полном вооружении, с шапкой на голове и буркой на плечах, опускали в могилу. Возле него в яму ставили штоф араки и три чурека (хлеба), чтобы покойник дорогою на тот свет ни в чем не нуждался и мог сделать, кому следует, подарки. Потом подводили к могиле коня в полном убранстве и конец узды давали в руки покойнику. Если он не имел своей лошади, то его ссужали ею близкие люди. Такая лошадь, будучи раз посвящена кому-либо, не могла быть вторично посвящаема другому. На ней будет ездить на том свете покойник, которому она подарена ее хозяином. Коня три раза обводили вокруг могилы, причем один из стариков читал молитву, посвящая коня покойнику; затем коню отрезали правое ухо и бросали в могилу. Лет 80 тому назад, говорит г-н Шегрен, в 1846 г., то же самое делали и с женою умершего, для того чтобы на том свете всякий мог узнать свою жену; но во времена путешествия Шегрена ухо было заменено отрезанием косы и бросанием ее в могилу. Этот обряд, несомненно, является остатком обычая погребать жен вместе с мужьями, существовавшего некогда у всех народов, веровавших в загробное существование и уподоблявших его земной жизни; они верили, что и конь, и жена нужны человеку как на этом, так и на том свете. Я бы мог привести массу примеров применения этого обычая в грубой и в позднейшей символической форме у разных народов земного шара, но это только увеличило бы мою работу без пользы делу. По совершении указанного обряда засыпали могилу и начинались сетования и молитвы родственников на могиле. Молитвы посвящения коня, приведенной у Шегрена, я не сообщаю здесь, потому что она относится к верованиям осетин, а не ингушей. Описанный нами обряд похорон, по словам Шегрена, общий для осетин и ингушей; я его привел лишь потому, что он не противоречит известному мне несколько иному обычаю похорон и вполне согласен с верованиями чеченцев; но ручаться за верность деталей этого обряда нельзя. Гораздо более верную и надежную

---

¹⁵⁰ Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников // Кавказ. 1846. № 27-30; Селезнев М.А. Указ. соч. С. 47.

картину похоронных обрядов более поздней эпохи рисует природный ингуш Ч. Ахриев¹⁵¹. На похороны собираются со всех концов сотни родных и знакомых умершего; каждый член рода обязан принять участие в похоронах родственника, должен принести с собой что-нибудь для устройства поминок (провизию, барана и пр.). Женщины с плачем ударяют себя кулаками в грудь и кричат: «гададай!» (беда)¹⁵². После похорон умершего (прежде спустя три-четыре дня по смерти, а теперь в тот же день) на следующий день устраиваются «похоронные» поминки. На них стекается несколько сот человек; всех нужно кормить и поить в течение трех дней. Только твердая вера ингуша, что он этими поминками делает угодное, полезное и приятное покойнику своему, только такая вера в соединении с опасением вооружить его против себя заставляют бедного ингуша-горца справлять поистине губительные и разорительные для него поминки по усопшим. К счастью для него, тяжесть поминок, стоящих от 1000 и до 2000 рублей, ложится не на одного человека, а на целый род, что несколько облегчает участь ингуша. Все съеденное на поминках идет в пользу только покойника и потому, как говорили ингуши, не насыщает поминающих. После похоронных поминок следовали другие, называвшиеся «постельными». Горец верует, говорит г-н Ахриев, что покойник на том свете лежит на своей постели и не может встать до тех пор, пока на этом свете ему не устроят поминок. Поэтому после похоронных поминок ингуши прилагают все старания, чтобы поскорее устроить торжественные «постельные». К этим поминкам родственники умершего должны приготовить черкеску, бешмет, башлык и прочие принадлежности горского костюма для приза на устраиваемые в день поминок скачки в честь умершего. Желающие пустить своих лошадей заявляют об этом накануне поминок. В этот же день родственники выбирают из числа приведенных четырех лучших лошадей, назначают им призы и отправляют их с проводником, у которого в руках находится белый значок, в дальний аул. Всадники держат ветвистые палки с привешенными к ним яблоками и орехами; одну из палок они дарят хозяину дома, у которого останавливаются на ночлег, а другие – старикам; на следующий день, в день поминок, они скачут к их месту. Затем устраивается стрельба в цель (приз – козленок). По окончании скачки и стрельбы народ рассаживается группами по пять человек и начинается угощение; чем больше пьяных, тем больше чести роду

---

¹⁵¹ Ахриев Ч. Ингуши.

¹⁵² Шегрен ошибается, отрицая этот обычай у ингушей, см.: Селезнев М.А. Указ. соч. С. 47.

покойника. Под конец угощения хозяев скакавших лошадей отзывают в сторону к старику, который «умеет» посвятить лошадей покойникам. Старик этот держит в одной руке чашку пива, в другой три чурека (хлеба) и кусок баранины¹⁵³. Когда подводят к нему лошадь, взявшую первый приз, старик объявляет, что он, с разрешения хозяина, посвящает ее покойнику, в честь которого была устроена скачка, и что хозяин разрешает покойнику «ездить на ней на том свете куда угодно». При этом он поит лошадь пивом, а хозяину отдает кусок баранины и три чурека. Затем таким же точно образом посвящаются три остальные лошади тем из предков покойного, имена которых укажут родственники его.

«Постельные» поминки заканчиваются общей джигитовкой; ездоки держат в руках ветвистые палки с навешенными на них фруктами; осыпающиеся фрукты подбираются народом, но, будучи съедены, все же идут в пищу покойнику.

Спустя два года после «постельных» делаются «большие поминки», которые обходятся еще дороже. Третьи и последние поминки устраиваются вдовой покойного через три года после его смерти; только после этого она снимает с себя траур и может выйти замуж согласно обычаю левирата (чаще всего за брата или другого родственника покойного). Но так как жена принадлежит мужу и по смерти его, то, если она умирала во втором замужестве, родственники первого мужа требовали ее тело и хоронили возле его могилы.

Женщинам поминок не устраивали вовсе, так как они не являются продолжательницами рода. Но, очевидно, это – отступление от первоначального верования, что кормить нужно всех родственников. В легенде о посещении Батыга-Шертко того света мы видели пример поминок матери.

Вообще, из приведенного описания поминок у ингушей¹⁵⁴ видно, что они непосредственно принимают и следуют за развиваемой нами теорией загробного существования, и кроме интереса непосредственного – для пополнения картины загробного существования – эти обряды имеют еще и тот интерес, что по ним можно наблюдать, как с течением времени первоначальные обряды

---

¹⁵³ Как мы увидим потом, этот обряд - общий и для жертвоприношений святым и предкам.

¹⁵⁴ Обычай описанных поминок дольше всего удержался у горных ингушей, а на плоскости у чеченцев и ингушей этот разорительный обычай оставлен уже давно. С распространением среди ингушей ислама поминки прекратились повсеместно.

изменяются, хотя верования, их порождающие, еще остаются те же самые. Несомненно, что и здесь, в этих поминках, кроется глубокая вера в то, что покойники на том свете продолжают жить земною жизнью и питаются, и одеваются тем, что перешлют им живущие с этого света. Но в то время, когда способом передачи предметов в загробный мир было прежде устройство кашей – жилищ для умерших – и снесение в них всех предметов, нужных для человека в земной жизни, теперь в мысли ингуша произошел переворот, дальнейший шаг развития, и он решил, что нет надобности сносить в могилу вещи, можно раздать их живущим с известным обрядом посвящения, они все равно одинаково дойдут по назначению; что нет надобности убивать коня или жену покойника и хоронить их вместе с ним; нет нужды даже отрезать им уши и бросать в могилу; незачем отрезать и косу у его жены. При умелом посвящении все это без того будет принадлежать покойнику.

Интересен обычай, записанный графом Потоцким в начале текущего столетия. Когда у ингуша умирал сын, к нему являлся кто-нибудь из единомышленников, у которого в том же году умерла дочь. «Сын твой, – говорил пришедший, – может нуждаться на том свете в жене. Я отдаю ему руку своей дочери». Обычай не допускал отказа от подобного предложения и требовал уплаты калыма, как и за живую невесту, столько-то коров, хотя и в меньшем размере¹⁵⁵. Ясно, что в прежние времена ингуши могли хоронить и жен с мужьями. Ясно и то, что установить точно эпоху такого перехода невозможно; можно лишь с достоверностью утверждать, что обычай непосредственного погребения всего, что нужно покойному, существовал в период устройства кашей и прекратился в период погребения в земле. Ясно и то, почему теперь ингуши не хоронят умерших в кашах: а именно вследствие указанного переворота в верованиях ингушей. Как совершился этот переворот, т.е. под влиянием каких причин человек перешел от непосредственного соблюдения обычая к его символизации, этот вопрос не поддается точному разрешению и относится скорее к области психологии человека. В данном случае в жизни ингушей произошло то же, что и у других народов, как например, у китайцев, которые от действительного сжигания вещей и погребения жен с мужьями перешли к сжиганию бумажных моделей их¹⁵⁶.

---

¹⁵⁵ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 189 (цит. у Дубровина. I. книга 2-я. С. 56).

¹⁵⁶ Петри Э.Ю. Антропология. С. 502.

В результате всего этого, конечно, ингуш только выигрывает, а не теряет. Жаль только, что он также хорошо не сумел до самого последнего времени отделаться от разорительных поминок: в этом случае ему понадобилась помощь со стороны, и эту услугу оказал ему ислам; добровольно, а не посредством оружия воспринятый, только он был способен избавить чеченцев от материального разорения и внести новую струю жизни в их духовный мир.

Характеризуя верования чеченцев в загробный мир, мы можем смело назвать его продолжением земного бытия. Это то, что Тайлор именовал «теорией продолженного существования» и установил ее как теорию самой ранней ступени развития религиозной мысли у человечества¹⁵⁷. Согласно этой теории, подземный мир у чеченцев является простою обителью мертвых; ни о наградах, ни о наказаниях тут нет и речи; все там – по образцу и подобию настоящей жизни. Мертвецы ведут вполне материальную жизнь и сами имеют прежний свой земной образ; и предметы, и природа там земные. Отличием является лишь то, что у них солнце светит тогда, когда у нас ночь, и наоборот, и ими управляет свой бог, подземный Эштр. Непонятно только, почему мертвецы не могут иметь своей пищи и других предметов, а живут лишь тем, что дадут им живые, хотя мертвецы также и пашут, и сеют. Этот вопрос не разъяснен пока и наукою, мне не могли дать на него ответа и ингуши. Приходится поэтому, чтобы понять такое явление, допустить, что на том свете и люди, и вещи – все является лишь отражением существующего на этом свете и не имеет поэтому достаточных сил для самостоятельного существования без помощи людей с этого света. Я добивался также того, чтобы узнать, призраки ли это – души людей, как говорит Тайлор, состоящие из тонкого эфирного вещества, или это души, вошедшие в свое тело. Хотя для самого ингуша этот вопрос, как и для прочих народов, весьма темен, тем не менее он склонен думать, что души людей на том свете – материальны, а не подобны теням; это видно из всего изложенного выше и более подкрепится, как мы увидим потом, новыми данными. Неодушевленные предметы тоже, по-видимому, имеют души, подобные им самим, и, будучи посвящены покойнику, принимают прежний свой вид и служат прежнему, земному назначению.

Вера в такое загробное существование, естественно, предполагает, что покойники сохраняют к живым земное чувство дружбы и вражды. По верованиям всех народов, у которых

---

¹⁵⁷ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 147 и след.

сохранились подобные представления о загробной жизни, покойники считаются существами могущественными. Мало-помалу люди им начинают приписывать свойства божества; ближайшее родство с ними забывается, и им поклоняются, просят их милости, умоляют не причинять им зла, взамен чего приносят им жертвы и т.д. Точно такой же процесс произошел и в развитии религиозного сознания чеченцев. От простого приношения пищи умершим они вскоре перешли к жертвоприношениям обоготворенным предкам, и в следующем поколении их мы застаем у них вполне развитый культ предков-героев и остатки от прообраза его – почитание умерших ближайших родственников.

Из изложенного выше очевидно, что ингуши уважали своих ближайших предков, не жалели для них ни жизни людей, ни средств; причиною к тому были, с одной стороны, родственное чувство любви, жалость к нуждающимся родным, так настойчиво отрицаемое приверженцами идеи страха, как побуждения к поклонению предкам, а с другой – забота чеченца о самом себе, так как вскоре и сам он будет нуждаться в приношениях со стороны живых, и его могут не принять умершие до него, если он не выполнит по отношению к ним своего долга.

Переход от такого чувства опасения к чувству страха наказания со стороны могущественных предков, несомненно, совершился позднее, а именно, когда чеченец стал обоготворять их и приписывать им могущество. Чеченцы, действительно, дошли и до этого периода в развитии своем и даже перешли его; культ народных героев, носящий совершенно такой же характер, как культ ближайших родственников, почти успел вытеснить последний; как мы увидим дальше, эти народные деятели незаметно и сами стали переходить в богов, о которых народ не имеет даже никаких представлений, кроме слепой веры в их могущество. Неудивительно после всего сказанного, если мы находим у чеченцев слаборазвитым, отживающим или совершенно отжившим культ ближайших предков; согласно тому и сведения, имеющиеся у нас об этом культе крайне скудны.

Остатки этого культа лучше всего проявляются в почитании некоторых могил всем обществом ингушей, какова, например, могила Бораган-каш, около Назрани, которому ингуши молятся, прося дождя во время засухи и т.п. случаях. Культ ближайших предков проявляется,

между прочим, в обычае ингушей не произносить ложную клятву¹⁵⁸ возле могил своих предков, из уважения к ним, доходящего до благоговения¹⁵⁹. Когда перестали строить кашаи, ингуши все же старались как-нибудь увековечить память умерших и где-либо на видном месте, обыкновенно на возвышении у дороги, воздвигали в честь их каменные столбы, могильники и т.п. Для той же цели иногда родственники умершего собираются, режут барана, расчищают какой-нибудь источник воды, устраивают вокруг него деревянный сруб и называют источник именем покойника. Наконец, лучше всего следы культа родственников сохраняются в верованиях в домашних духов и в культе домашнего очага, о чем я скажу ниже.

Теперь же мы перейдем к представлениям о загробном мире у ингушей и чеченцев, сменившим постепенно прежние верования и заменившим в конце концов верованиями, почти близкими к мусульманским. Здесь опять мы имеем интересное поле для наблюдения, как одни верования сменяются другими, часто под внешним, чужеземным влиянием, но все же не насильственным, а естественным путем; нередко эти заимствования противоречат в корне прежним понятиям. Вполне уместно вспомнить такое высказывание Тайлора: «Религии разрушаются вследствие внутренних причин. Если известная религия не в состоянии сохранить свое место в передовых рядах науки и нравственности, то она может лишь мало-помалу в течение веков утрачивать свое значение для народа, но никакая государственная сила и никакое богатство храмов не спасут ее от необходимости при случае уступить верованию, воспринимающему в себя высшее знание и поучающему человека лучшей жизни»¹⁶⁰. Говоря о верованиях чеченцев, можно повторить эти самые слова.

Дальнейшее развитие общей культуры чеченцев, соприкосновение их с христианством и магометанством, развитие самого культа ближайших предков в культ народных героев – все это не мирилось уже с той простой картиной загробной жизни, которую мы только что нарисовали, и вызвало к жизни другие представления о

---

¹⁵⁸ О клятвах перед кашаами я буду говорить одновременно с клятвой у святилища.

¹⁵⁹ Конечно, теперь ингуши потеряли это уважение к языческим предкам и ничего не говорили, когда В. Миллер раскапывал могилы их; но в селении Фелхан и наблюдал большую заботливость о кашаах; они далеко не запущены и еще уважаются.

¹⁶⁰ Тайлор Э.Б. Антропология. С. 369.

загробном существовании¹⁶¹. В них мало-помалу начинает входить идея о суде и возмездии за грехи земной жизни, которая затем приобретает значение основной идеи. Как известно, в истории религии всех народов эта идея имеет позднейшее происхождение и знаменует собою эпоху, когда религия начинает руководить нравственной деятельностью человека. Характеристику верований этой эпохи у ингушей я сделаю по рассказам жреца Ганыжа. По одним из них, загробный мир остается еще на земле, по другим, он уже переносится на небо. Остановимся сначала на первом, как переходном от древнейшего отождествления загробной жизни земной к новейшей локализации местопребывания умерших на небе.

Был среди ингушей некий доктор Кой Точиев, который на этом свете за лечение брал от людей то, что ему следовало и что не следовало. Этот человек на том свете сидит под скалою и варит одну воду; ни есть, ни пить, кроме воды, у него нет ничего. Принявший ложную присягу сидит по пояс в грязи; на том свете ему нет счастья. Одна женщина, хозяйка мельницы, не довольствовалась тою долею муки, которую давали ей за помол, и тайком отсыпала себе чужую муку. За это она четыре-пять дней перед смертью сильно мучилась; она жаловалась, что ее не пускает на тот свет бог Эштр. Родные ее раздали пять мер хлеба бедным, а Эштру принесли в жертву белого барана, и она только после этого умерла. В этих примерах загробного возмездия, очевидно, смешаны языческие верования с мусульманскими. В подтверждение сказанного ингуш ссылаются на свидетельство самих умирающих, как это мы видели только что на примере; но лучшим доказательством истинности этих верований служили у него и прежде и теперь свидетельства живых людей, посетивших тот свет. Вот что говорится в рассказе об одном из таких избранных людей.

Один человек вышел из дому, поклявшись так: «Клянусь создавшим меня Богом, я не вернусь домой, если не убью своего врага (такого-то) в течение одного дня». В поисках прошел весь день, а когда солнце стало заходить, то он сильно перепугался, так как не нашел своего врага. Ангел Божий, находившийся недалеко от него, увидел его и спросил: «Зачем ты так испугался? Я не видел еще ни одного

---

¹⁶¹ Весьма кстати будет заметить здесь, что Генри Мэн уже указал на противоречие между культом предков (ближайших, а не высших, общенародных) и идеей о загробном возмездии (Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права. М., 1884. С. 52 и след.) и очищении от грехов. По всей вероятности, и у чеченцев эта идея могла явиться не раньше, как в период упадка ее местного культа.

человека или зверя, который был бы так перепутан, как ты». Человек ответил: «Как же мне не пугаться. Я поклялся убить человека, которого я ненавижу, и не могу найти его», Ангел указал на молившегося тут же человека и сказал: «Вот он! Отчего же ты не убиваешь его?»¹⁶². «Пусть моя клятва не пропадет даром!» – воскликнул человек и зарубил молившегося пополам шашкою. Из верхней части тела убитого тотчас же образовался кабан, а из нижней части (ниже поясницы) – свинья, и оба они побежали в лес друг за другом. Убивший человек был изумлен этим происшествием и снова сильно испугался. «Ты не бойся, – сказал ему ангел. – Теперь мне некогда объяснять тебе случившееся; завтра пойди в (такую-то) пещеру, и там скажут тебе». На следующий день он отправился в указанную пещеру. В ней сначала было темно, но потом стало светлее; в конце ее он увидел мужа и жену, тут же поблизости была привязана за дверями черная сука. Он поздоровался с хозяевами. «Что же ты сидишь и не угощаешь гостя?» – обратился муж к жене. Но на блюде у них не было ничего. «Я слушала, что вы говорите», – ответила жена и, открыв двери, достала баранью голову и грудь¹⁶³ на блюде. Когда муж и гость наелись досыта, она накормила суку, а после уже суки поела сама. Несмотря на все это, блюдо ничуть не истощилось. «О Боже, какое великое чудо!» – воскликнул гость. «Чему ты удивляешься? Ты знаешь ли, где ты теперь находишься?» – «Не знаю, где я нахожусь; но мне сказали вчера, чтобы я пришел сюда и узнал здесь, как из человека сделались кабан и свинья». Хозяин сказал: «Когда муж знает, что его жена спит с другим человеком и ничего не говорит и не делает, то по смерти Бог обращает его в кабана и свинью. А это, что ты видишь теперь здесь, мне Бог дал в участь в Илли, т.е. в загробной жизни»¹⁶⁴.

---

¹⁶² Убить молящегося человека считалось святотатством. В данном случае это разрешает сделать ангел, из чего следует, что молящийся человек был плохим. Это подтверждается и последующим превращением его после смерти в кабана и свинью. По-видимому, по древним воззрениям чеченцев и ингушей, эти животные воспринимались как символ осквернения. По их поверью, Бог не дал свинье, как скверному животному, возможности видеть небо.

¹⁶³ Это самые почетные и лучшие части баранины.

¹⁶⁴ Из рассказа становится ясно, что спрашивающий находится в Илли-Дяла изл, т.е. на том свете. Об этом говорит и хозяин: "Когда я был еще на Дяла-Малхли", т.е. в солнечном мире. Из слов хозяина выясняется, что благодатное баранье мясо Бог дал ему "в удел в загробной жизни".

«Хорошо, если Бог тебе дал такую участь в Илли. Но что это значит: сука стоит за дверями?» Хозяин ответил: «Это моя мать, родившая меня». «Хорошо, а что это за чудо: мы с тобою поели, сука поела, жена послала, а блюдо не уменьшилось?» Хозяин ответил: «Когда я был еще на Дэла-Малхли* у нас была баранта**. Раз я пошел стричь баранту и одного барана взял домой, чтобы из курпея сделать себе папаху. Привел я этого барашка домой, зарезал его; жена стала варить мясо, и когда она начала делать галушки, то пришла незнакомая женщина и попросила одолжить ей котел. Жена ни слова не говоря, сняла с цепи котел и отдала ей. И я не спросил, кто это был, и жена ничего не сказала. За такой поступок Бог и сделал нашего барана неистощимым. Мать же моя была скряга, и се Бог превратил в суку¹⁶⁵; чтобы она не кусалась, мы привязали ее на цепь». «В старые времена говорили, – прибавляет Ганыж, – если кто врет, то дай Бог, чтобы этот человек стал на том свете сукой, которая стояла бы там, привязанной к цепи!»

В приведенных рассказах первоначальные понятия о загробном мире видоизменились под влиянием мусульманства¹⁶⁶. Здесь еще нет деления на рай и ад. Они сливаются. Загробный мир остается еще на земле, мертвецы живут земною жизнью, но уже появляются понятия о суде Божьем, о возмездии за дурные дела в земной жизни; необходимость устройства поминок для умерших устраняется здесь тем, что на том свете Бог сам кормит, кого нужно. Одних он наказывает лишением пищи, других обращает в нечестивых, презренных животных и т.д. На этой ступени, конечно, религия играет руководящую роль в урегулировании отношений людей друг к другу, и нравственное значение ее велико. Замечательно здесь сходство верования чеченцев в возможности пройти на тот свет через отверстие

Дяла изл ("Илли") в преданиях и эпических сказаниях чеченцев и ингушей является источником блага.

* Т.е. в «Земном мире».

** Так называется стадо овец на Кавказе.

¹⁶⁵ Собака олицетворяет низшее (по сравнению с человеком) состояние; указанная метаморфоза выражает идею возмездия и человеческого грех, что запечатлено и в древнем народном проклятии, приводимом Б. Далгатом: "Если кто врет, то дай Бог, чтобы этот человек стал на том свете сукой...".

¹⁶⁶ Почти такие же рассказы о загробном мире мне рассказывала в детстве женщина в Даргинском округе Дагестанской области селении Урахи.

на земле – с верованиями других «некультурных» народов, как например, зулусов¹⁶⁷.

Дальнейшим развитием представления о загробном мире у чеченцев является перенесение местопребывания душ на небо»¹⁶⁸.

«Более опытные старики говорят, что тот свет находится на небе», – рассказывает Ганыж. На небо ведет лестница, по которой восходят души мертвецов. На небе, куда они поднимаются, есть деревянные скелеты, приготовленные Богом заранее для каждой души. При приближении чьей-либо смерти его скелет на небе начинает качаться, и на нем вес больше и больше нарастает мясо; как только умирает человек, душа его немедленно направляется по лестнице на небо в свой готовый скелет, покрывшийся мясом. Образ мертвеца не похож на земной образ человека, а есть олицетворение его деяний¹⁶⁹. Для хорошего, добродетельного человека Бог готовит красивый, хороший скелет, а для дурного человека и скелет дурной: кривой, косой, горбатый, согнувшийся на бок и т.д.¹⁷⁰ Когда душа войдет в скелет, то она останется такою, каким человек будет при воскресении мертвых, когда мертвые и живые соединятся и будут жить опять на земле. Здесь влияние христианства и мусульманства еще сильнее: сквозь фантастическую картину, нарисованную воображением ингуша, проскальзывает основной догмат мусульманства – воскресение мертвых. Несомненно, это картина неполная, и новые расспросы могли бы ее расширить; тем не менее она характеризует позднейшие верования чеченцев. Влияние христианства ни сказалось в верованиях чеченцев еще в том, что, по словам г-на Лаудаева, чеченцы веровали: одушевленные и неодушевленные предметы будут одинаково страдать в будущей жизни за свои грехи. Горы, покрытые снегом, страдают в этой жизни, чтобы в будущей блаженствовать¹⁷¹. Позже к верованию чеченцев присоединяется и понятие о рае и аде, в котором

---

¹⁶⁷ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 124; Он же. Антропология. С. 348.

¹⁶⁸ Это представление присуще не одним чеченцам, а почти всем народам.

¹⁶⁹ Все это подтверждает мысль, что человек на том свете имеет материальную оболочку, но указывает и на существование чего-то невещественного - души, отделяющейся от тела и входящей в новое тело.

¹⁷⁰ Любопытно, что подобное верование свойственно и индусам (Петри Э.Ю. Антропология. Т. II. С. 525).

¹⁷¹ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып VI. С. 32.

христианский и магометанский элементы смешаны. Рай у них называется *агарет*, добрые в нем будут наслаждаться; враги будут прислуживать им. Убитый пользуется завидным правом выбирать кого-либо из родственников в товарищи себе в рай, и потому об убитом родственники не плачут, а радуются. Ад по-ингушски – *джиоджахет* (от грузинского джожохети); с ним связано совершенно чуждое естественной религии чеченцев представление об огненном озере, где грешники подвержены мукам. У плоскостных чеченцев ад называется также *елсаманье* (рядом с мусульманским джеханнам). Для героев на том свете назначено было особое местопребывание.

Чтобы закончить описание загробной жизни у чеченцев, обращу еще внимание на следующий факт. Ганыж говорил мне, что в старину вместо арабской молитвы «ясын», которую читают перед смертью человека, говорили обыкновенно следующее:

«Да будешь ты¹⁷² вместе с Дяла-Нарти (с божьими нартами), с нарт-орштхойцами, с Дяла-Бори, Бори-Бота; с Дяла-Бораган, с Бороган-Бексулта, вместе с орштхойцем Сеска-Солса и выше Батыга-Ширтга!»

Все эти имена принадлежат или героям народным, вроде нартов. Сеска-Солса, или святым, вроде почитаемого около Назрани Борога-Бексулта. Пожелать умирающему попасть на том свете туда, где живут эти избранники земли, значило пожелать ему самое лучшее будущее. Что для героев и нартов было на том свете особое местопребывание, подтверждается и существованием подобного же верования у осетин¹⁷³ – соседей ингушей. Все вышесказанное служит как бы ответом на вечно новый и в то же время вечно старый вопрос: что такое представляет собой человек и какая участь ожидает его по смерти? На этот вопрос, в котором центром размышления является сам он, чеченец, дает, как мы видели, наивный, с нашей точки зрения, но глубоко философский и разумный ответ при тех сведениях, которые доступны детям природы, брошенным на произвол судьбы без должной подготовки в эту пучину самых разнообразных явлений природы; творчество, фантазия здесь преобладают над положительным знанием, чем и объясняется проникающая насквозь все верования чеченцев неподдельная поэзия. Эта же самая поэзия сквозит в следующем весьма важном для нашей цели во многих отношениях представлении чеченцев о человеческой душе и ее материализации в

---

¹⁷² Бога не упоминали; не говорили: Дай Бог...

¹⁷³ См. статью Шегрена в газ. "Кавказ" (1846. № 27-30). Учение о переселении душ, по моему мнению, чуждо чеченцам.

чеченском предании о Тамерлане, рассказанное мне Ганыжем. Я приведу из него только отрывок, имеющий для нас прямой интерес¹⁷⁴.

Однажды хромой Темир, у которого пропал сын, зашел в кузницу. Кузнец в то время спал, и Темир, не желая нарушать его сна, присел возле него и стал ожидать, пока он проснется. Он заметил, что из носа кузнеца вышла муха, поползла по щипцам через миску на наковальню. За наковальней была большая трещина; муха спустилась в эту трещину и оставалась там довольно продолжительное время. Затем она выползла обратно, и, миновав наковальню, стала переправляться через миску по тем же самым щипцам, но во время переправы упала в воду. Долго билась она в воде, с трудом выползши на щипцы, вошла обратно в нос кузнеца. «Кажется, я долго спал!» – «Да, и я сидел все время, пока ты спал», – ответил Темир. Темир говорит кузнецу: «Развлеки ты меня. У меня пропал сын, и я в большом горе. Расскажи что-нибудь». «А что рассказывать. Мы все равно не сможем добраться до того, что я видел во сне». Темир стал просить его рассказать свой сон. Тот начал: «Во сне я переправился через большую реку и железную гору и спустился в большую пещеру, где был клад золота и серебра; я долго там стоял, не будучи в силах оторвать глаз от блеска и роскоши. Но сознавая, что мне надо вернуться, я выбрался из пещеры. Когда я на обратном пути переправлялся через реку, то упал с моста и чуть было не утонул». Темир понял, что душа кузнеца выходила в виде мухи. Догадавшись, что в кузнице должен быть клад, он уговорил кузнеца уступить ему это место. Вскопав затем место, куда ползала душа кузнеца, Темир открыл несметные богатства, на которые он собрал войско и покорил весь мир.

Это сказание имеет для нас двойной интерес: во-первых, здесь мы встречаемся с верою ингушей в реальность сновидений, которые играют вообще в первобытных религиях существенную роль; во-вторых, здесь в представлениях чеченцев душа является материальной; они никак не могут себе представить абстрактной, нематериальной духовной сущности человека. Интересно сопоставить такое представление о душе у чеченцев с подобным же у сибирских бурят, у которых религиозные воззрения на загробный мир во многом сходятся с древнейшим верованием чеченцев. В одной бурятской

---

¹⁷⁴ Полностью предание о Тамерлане приведено им в статье "Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса. Ингушко-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков ингушей в 1892 г." (ЭО. М., 1901. № 1. С. 68 и след.) с обширными комментариями.

сказке вполне отчетливо передается представление о вещественности души, которая может слышать, видеть, причем принимает образ пчелы., Один бурят увидел, как из носа спавшего товарища выползла пчела, как она летала около юрты, залетела в какую-то нору, затем выползла из отверстия и, возвратившись в юрту, ходила по краю корыта с водою, потом, упав в воду, с трудом из нее выбралась и, наконец, опять вернулась в нос спящего. Из расспросов оказалось, что сновидения спавшего буряты вполне соответствовали действиям и приключениям пчелы. Этим объясняется, почему буряты никогда не убивают пчел, залетающих в юрту¹⁷⁵. Такое изумительное сходство в верованиях двух народов, отделенных друг от друга десятками тысяч верст, представляет любопытный пример для сравнений в истории религий и служит предостережением исследователю от увлечений «заимствованиями» тех или других сторон религии какого-либо народа.

Явление отождествления души с образом мухи встречается и в других сказаниях чеченцев. Для примера приведу и следующий рассказ, записанный мною со слов Ганыжа, интересный и во многих других отношениях.

Гам-саг у ингушей называют колдуна, чаще это бывает колдунья*. Образ у гам-саг – человеческий, но они отличаются способностью превращаться по ночам в кого угодно: в кошку, собаку и пр. При превращении душа гам-сага покидает тело свое где-либо на земле, а сама, превратившись в животное, уходит. Говорят, что если в ее отсутствие перевернуть оставленное тело на другую сторону, то душа по возвращении не может уже больше войти обратно в него, и гам-саг умирает. Приведу следующий, интересный и во многих других отношениях пример.

Один зять поехал к своей теще. Он лежал в постели, но не спал и следил за тещей, которая в это время чистила шерсть на чёхре (гребень). В башнях бывает дыра, «отверстие для ласточки». Вдруг в это отверстие кто-то закричал теще: «Выходи, мы уже готовы!». «У меня гость», – ответила теща. «Что ж такое, и у нас есть гости, но пир у нас назначен, и мы идем». Теща сказала: «Черт с вашими гостями», – погасила огонь, сняла с гвоздя палку, достала какую-то краску из рога

---

¹⁷⁵ Агапитов, Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири и пр. // Известия ВСОРГО. 1883-1884. Т. XIV, № 58. Цит. по: Михайловский В. Шаманство: (Сравнительно-этнографические очерки) // Известия ИОЛЕАЭ. М., 1892 Вып. I. С. 10.

* См. русские оборотни.

и помазала ею палку. Палка превратилась в лошадь; теща села на нее и поехала. Зять удивился происходившему и не мог разобраться, во сне или наяву это было. Он стал смотреть по стенам, увидел другую палку на гвозде, снял ее и помазал краской. Вышла лошадь. Он сел на нее и поскакал за тещей. Доехав до места пиршества, он остановился поблизости, чтобы слышать разговоры. «Тут пахнет не нашим духом», – говорили собравшиеся, но не могли найти его. «Давайте кидать жребий, кому выпадет жребий, тот должен убить человека». Кинули жребий, и он выпал теще. «Ну, теперь выпал твой жребий; ты должна убить человека», – объявили ей все. «Но мне некого убивать. Правда, у меня гостит зять. Я пошлю его за дровами в лес, он разрубит себе топором ногу; когда выйдет кровь, я оближу первую кровинку, и он от этого умрет», – сказала теща. Те ответили: «Нам все равно, кого бы ты ни убила, теперь рассветает, и пора нам расходиться». Услышав это, зять поскакал обратно, лошадь его сама превратилась в палку, и он по-прежнему лег в постель. Вскоре приехала домой и теща. Утром зять говорит: «Теперь я поеду домой». Теща отвечала: «Я сижу без огня; ты бы привез мне дров». «Мне некогда, надо домой ехать», – отказывался он, но в конце концов уступил проемам тещи и поехал за дровами, надеясь, что будет осторожен. Однако во время работы он позабыл об опасности и нечаянно разрубил себе ногу. Тотчас же прилетела муха и села на рану. Но он поймал муху, положил ее в кисет, спрятал в карман, запряг арбу и поехал домой. Теща лежала в постели и охала, «А, – подумал он, – должно быть, эта муха – она. Придавлю-ка кисет». Сдавив кисет, он увидел, что теща упала в обморок; он немного разжал руку, и теща снова пришла в себя. «Ну, значит, это правда, – подумал он. – Если я отпущу муху, то я умру, если убью ее, то умрет теща». Он послал за своей женой и рассказал ей о случившемся, что муж ее ранил себе ногу, а мать умирает от болезни. Он ей сообщил, что или он должен умереть, или мать ее: что делать? «Чем умирать тебе, лучше пусть погибнут мать и вся ее порода: если ты не убьешь муху, то я ее убью». Жена взяла у него кисет, вышла из башни и растоптала ногами муху. Вернувшись в башню, она нашла мать мертвою. Мать похоронили, а муж поправился и остался жив.

«Есть такое предание (хабар) стариков, – прибавил Ганыж, – и это, говорят, правда». Про таких колдуний знают и чеченцы Ичкерии; они голые по ночам ходят по горам задом наперед и ищут травы, зелья, на которых они и колдуют.

Приведенное здесь предание интересно во многих отношениях: во-первых, оно подтверждает верование чеченцев, что душа человека

принимает образ мухи; во-вторых, на примере тещи мы видели, что, когда душа отсутствует, человек все-таки продолжает жить. Отсюда ясно, что или душа у человека двойственна, или же она одна, но может придавать жизнь телу, даже находясь вне его, или, наконец, часть души может остаться в теле, а часть, более существенная (материальная), выйти из него. Вообще, понятия чеченцев о душе смутны и неопределенны, а абстрактный элемент смешивается с материальным и проч.

Это понятие о душе сохраняется и в других сказаниях чеченцев. У каждого человека, по преданию, записанному мною со слов того же старика Ганыжа, имеется так называемый *тарам* (гений человека); он живет там, где его хозяин, и бывает такой же на вид, каков и хозяин. Все, что происходит с человеком, в том же виде отражается и на его тараме; если заболит человек, то болеет и тарам его; если за ним люди ухаживают, то этим самым одновременно ухаживают и за его тарамом; умирает человек, вместе с ним умирает и его тарам; если он (человек) женится, то и тарам женится на тараме жены своего хозяина.

Большую часть тарам, сопровождая всюду своего хозяина, чтобы лучше оберегать его, из боязни, как бы шайтаны¹⁷⁶ не убили его [хозяина], находится среди нечистой силы, удерживая ее от причинения зла хозяину. Одному ингушу показалось, что к нему приближается шайка шайтанов. Он, испугавшись, взял ружье и выстрелил по ним; в это время его тарам находился среди шайтанов, и выстрел попал ему в ногу. После этого, без всякой иной причины, хозяин захромал. Отсюда ясно, что тарам, будучи гением-хранителем человека, является в то же время и его нераздельной частью, его alter-ego. Двойственность и материальность души и в данном случае подтверждается.

В селении Байни некоторые другие ингуши мне представляли тарам несколько в ином виде. Тарам, по их словам, является духом – покровителем дома; это домашний дух. Он защищает дом от всяких несчастий, являясь его защитником во всем; это добрый, а не злой дух по своей природе. В каждой семье, состоящей из мужа и жены, обязательно есть свой тарам. Он не имеет определенного местопребывания, подобно русскому домовому или осетинскому Бунатихидсау, не связан неразрывно, подобно последним, с домом, с

---

¹⁷⁶ Влияние мусульманства здесь отразилось наглядно. Мы увидим, что идея нечистой силы не была прежде знакома чеченцам.

двором, но следует всюду за своим хозяином. «В одной родовой башне жило четверо братьев, – рассказывал мне один старик. – Все они были женаты и имели детей; каждый из братьев жил в своем отделении в башне, и у каждого из них был свой отдельный тарам, все четыре тарам жили между собою так же дружно, как близкие, и пребывали в башне. Когда нужно было, все они сообща помогали членам покровительствуемого ими рода. Когда братья покинули башню и выселились, каждый в особое место, то их тарамы ушли к ним на новоселье, каждый к своему хозяину. Иногда все четыре тарам сходятся в родовой башне и совещаются между собою; они сообща обсуждают поступки своих хозяев и высказывают довольство по поводу всего хорошего, сделанного ими, и осуждают их за дурные поступки». Несмотря на свою врожденную доброту, тарам наказывает своего хозяина за дурные поступки. Наказание тарам носит исправительный характер и совершается из доброжелательства к хозяину, в виде напоминания, предостережения, дабы он впредь не совершал дурных поступков и вел себя лучше; он насыпает болезни на детей, смерть их, падеж скота и т.п. Здесь тарам является могущественным блюстителем интересов дома; не может быть никакого сомнения, что этот домашний дух – не кто иной, как предок; прежнее поклонение ему забыто, забыто и его происхождение, но, судя по аналогии с верованиями других кавказских горцев, у которых сохранился культ предков, и судя по верованиям других народов, этот дух не может быть кем-либо другим. Ему; по всей вероятности, в прежнее время приносили жертвы, ему поклонялись и почитали; с прекращением культа семейного, прекратилось и почитание его. По всей вероятности, в рассказе Ганыжа этот домашний дух успел уже превратиться в гения¹⁷⁷ – покровителя человека, в его alter-ego; это тем легче могло произойти, что в настоящее время прежние духи природы заменяются, как мы увидим дальше, мусульманскими шайтанами или иблисами и джинами.

---

¹⁷⁷ Башир Далгат был знаток древних языков - греческого и латыни и читал труды римских историков. Его понимание "гения" как покровителя человека, его alter-ego восходят к римской мифологии. По Nonn Marcelin (с. 172) гений - genius, от gens - род. Первоначально - божество, прародитель рода. Считалось, что каждый мужчина имеет своего гения. См.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 272.

Рассказ Ганыжа о зяте и теще важен и в том отношении, что в нем мы встречаемся с верой чеченцев в ведьм¹⁷⁸, оборотней; оборачиваться [т.е. перевоплощаться] может не только человек, но и животное – лошадь. Здесь, думается мне, нужно видеть основание для возникновения веры в одухотворение чеченцами не только животных, но и неодушевленных предметов; видя собаку, бегущую кошку, скачущую лошадь или какой-нибудь предмет вообще, чеченец может принять их за оборотней, т.е. приписывает им душу человека, антропоморфизирует их, и это случается легко всякий раз, когда на помощь этому является какое-нибудь необъяснимое либо поражающее его воображение событие или когда он увидит это во сне. Так или иначе, чеченец – антропоморфист, каковы и все дети, каковы и дикари, а отчасти и наши поэты.

Здесь, после знакомства с представлениями чеченцев о духе своем, мы перейдем, как этого требует логическая связь, существующая между ними, к описанию духов природы и демонов или духов, наполняющих собою все окружающее человека пространство. Мы прежде всего встречаемся с уподоблением их человеку. «Когда американские индейцы или африканские негры веруют, что воздух вокруг них кишит сонмами невидимых духов, это не представляется бессмыслицей, – говорит Тайлор. – Они хотят этим сказать, что жизнь полна случайностей, которые не происходят сами собой¹⁷⁹. Духи являются причиной почти всего происходящего в мире, действуя или непосредственно сами, или под чьим-либо наблюдением, по повелению их властителей.

Чеченцы создали духов под давлением необходимости объяснить явления природы. Объяснение сложилось на почве почитания духов предков и свойственной уму чеченцев антропоморфизации окружающей действительности. Позже на эту готовую почву легко перешли и духи мусульман, джины и т.п.

Переходя к антропоморфным верованиям чеченцев, нельзя не заметить, что в них кроется истинная поэзия, свойственная и другим

---

¹⁷⁸ Эти женщины в Чечне называются "злыми женщинами"; бывают и "злые мужчины", живущие среди людей. Они все обладают свойством заклинания; трава, найденная ими, будучи съеденной, заставляет человека "лаять", т.е. вызывают припадки с судорогами и криком (см.: Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 24). Против их заклинаний и болезней чеченцы употребляют талисманы.

¹⁷⁹ Тайлор Э.Б. Антропология. С. 352.

народам и не раз вдохновлявшая лучших поэтов мира. Кто не знаком с «Лесным царем», «Русалкой» и т.п.? Является чеченец в пещеру ночевать, и он приходит «в гости» к духу пещеры. Духи пещеры свято соблюдают обычай гостеприимства и не дадут никому обидеть гостя. Он может там спокойно отдыхать: за него бодрствуют хозяева.

В журчащих горных ручейках обитает *Химехки-нана*, т.е. Мать вод (в единственном числе *Хи-нана* – Мать воды; *хи* – вода, *нана* – мать). Про нее ингуши рассказывают (по словам Ганыжа), что раз как-то она погналась за нарторштхойцами, когда последние возвращались с охоты; но один из них в борьбе с ней успел ее изнаsilовать, и она, как нечистая, не могла более преследовать их и возвратилась к себе в воду. О существовании верования в *Хи-нана* не только у ингушей, но и у остальных чеченцев, мы узнаем впервые от Головинского¹⁸⁰.

Этот водяной дух. *Хи-нана*, сочувствует людям и предупреждает их о бедствиях, их ожидающих. Являясь в общество, которое должно постигнуть несчастье, она горько плачет и тоскливо поет песни, похожие на причитания над умершими. Чеченцы рассказывают, что за четыре месяца до взятия русскими аула Цюрик-Юрт в 1851 г. *Хи-нана* явилась в этот аул и предсказала его падение.

В лесах обитают лесные люди – *хупо-саг*, или алмаcы. Про них поют в песнях:

Как алмаcы думают с лесами,
Как утки думают с Тереком,
Так ты думаешь со своим сердцем.

---

¹⁸⁰ Головинский П.И. Указ. соч. С. 254. П. Головинский упоминает тут же о лесных духах – гешибах, схожих с алмаc, но имеющих еще менее власти над человеком [Алмаc - это то же самое, что грузинское *Alı*. сванетское *gal*. Корень этого слова аккадийский, от слова *alal* - "разрушитель, разрушительница" И честь духов *alal* есть множество аккадийских гимнов. Любопытно, что и у южных славян есть легенды о духах или русалках того же рода, которых они называют вилами. (Из примечаний А Н Грена - Л.Г. Лопатинского к "Сказкам и легендам чеченцев" в русском пересказе (СМОМПК 1897. Вып. XXII. С. 18-19). Л.Г. Лопатинский еще дополнительно комментирует слово алмаc в своей "Заметке": "Не отрицая правильности этимологии А.Н. Грена, я замечу, что название лесной женщины - "алмаc" - несомненно, тождественно с тюркским "албаcты", которое к русским перешло согласно с изменениями народной этимологии в "лобаcту" (у лезгин "алпаб", татарское - "hal-Анаси"). - Примеч. составителя.]

Алмасы бывают мужчины и женщины. Мужчины покрыты волосами, имеют страшный вид, свирепы и коварны; на груди у них находится острый топор. Лесных женщин ингуши представляют как людей, отличающихся необыкновенной красотой; роскошные волосы у них доходят до самых пяток и имеют золотисто-серебристый цвет¹⁸¹. Но по характеру своему как лесные мужчины, так и женщины одинаково злы, коварны и опасны для людей, хотя и не особенно; но благодаря тому, что проклятия их имеют силу, они ненавидят людей и проклинаят их род при встрече с ними.

Чеченцы Шатоевского общества представляют себе алмасов несколько иначе; они являются страшными женщинами огромного роста с огромными грудями, перекинутыми через плечи за спину, и с длинною, до земли густою рыжею косой. Любимое их занятие – пляски; закинув груди на спину, подняв руки вверх, пляшут при лунном свете¹⁸². О пляске, как о любимом их занятии, говорил мне и старик Газбык. Они выходят навстречу человеку в белой одежде и просят пойти с ними танцевать. Один ингуш на просьбу пойти танцевать, отказался, алмас сказала: «Пусть три дня он будет немой», и он онемел на самом деле. Про алмас плоскостные чеченцы рассказывают¹⁸³, что это существо женского пола, являющееся людям в человеческом образе на кладбищах, по вечерам в глухих местах аула, леса, по дорогам и тому подобным местам. Существо это – полуплоть, полудух. Оно предвещает смерть человека заунывным пением, произнося часто имя жертвы и испуская при этом стоны. Вера в алмасов весьма еще сильна у чеченцев. Но никакие пересказы не могут дать того наглядного представления об алмасах, какое дают нам следующие рассказы самих чеченцев, записанные мною со слов старика Ганьжа.

«Один охотник пошел в лес и повстречался с алмасом, у которого на груди был топор острием наружу. Он присоединился к охотнику, и они пошли по лесу. Алмас хотел ночью убить его. Охотник понял это и стал думать, как бы спасти себя. Наконец он говорит алмасу: «Я хочу пить». Алмас отвечает; «Тут поблизости есть вода, иди напейся». – «Ох, я не знаю, где вода, и боюсь пойти». – «Хорошо, я пойду и принесу тебе воды. Но только скажи, как тебя зовут, чтобы я мог окликнуть тебя, если потеряю». Охотник отвечает: «Зовут меня Я-сам-себя». Когда алмас пошел за водой, охотник прикрыл лежавшую

---

¹⁸¹ Ахриев Ч. Ингуши.

¹⁸² Гловинский П.И. Указ. соч. С. 254.

¹⁸³ Лаудаев У. Указ. соч. С. 53.

тут же чинару своей буркой, под бурку положил маленький чурбан, будто подушку, а сам залез на дерево и стал ожидать, что будет дальше. Алмас возвращается с водой и, подойдя к чинаре, говорит: «Хорошо ты сделал, что сам приготовился». От радости он так сильно бросился на чинару, что топор на его груди весь вонзился в дерево. Пока он старался освободиться, охотник прицелился и ранил его. Алмас страшно заревел; на его крики сбежалось все, что было на свете, – и звери, и птицы, и трава; все окружили его и стали спрашивать, кто его ранил. Алмас ответил: «Я-сам-себя. «Ну, если ты сам себя убил, то что мы можем сделать?» – сказали собравшиеся и ушли прочь, а алмас умер». Какая живая картина одухотворенной природы!

Другой рассказ еще более характеризует обитателей лесов.

С одной алмас был знаком Чопа Борган¹⁸⁴. После того как сблизился с ней, он никогда на охоте не делал промахов. Алмас как-то говорит ему: «Если бы я захотела, ты бы не убил ни одного зверя». «А разве до сих пор я убивал благодаря тебе?» – спросил Чопа. «Вот пойди-ка завтра на охоту, посмотрим, сколько ты убьешь», – ответила она. Чопа на следующий день пошел на охоту, сделал двадцать один выстрел и ни в одного зверя не попал. Когда он, повесив ружье за плечо, возвращался домой, к нему навстречу вышла алмас и спросила: «Куда ходил, что делаешь здесь?». «Ходил по своим делам», – ответил он. «Наверно, ты холил на охоту. Сегодня раздавались в лесу выстрелы». Он начал разуверять ее, но она сказала: «Ты меня не разуверишь. Вот все твои двадцать одна пуля, которые ты выпустил сегодня»¹⁸⁵, – и отдала ему его пули.

После этого Чопа признался и сказал: «Ну, еще завтра попытаюсь». Взяв с собой брата, он опять отправился на охоту; когда они, возвращаясь с убитым оленем, дошли до реки, то увидели, что началось половодье. Чопа спрашивает: «Как мы переправимся через реку?» Брат его снял штаны, обувь, положил оленя на плечи и сказал Чопе: «Садись на плечо». «Разве ты сможешь нас обоих взять?» «А что же на этого телка смотреть», – ответил брат и переправился через реку с Чопой и оленем на плечах. Когда они пришли домой, Чопа спросил мать: «Чем ты кормила брата?» «Да я тайно от вас давала ему каждую

---

¹⁸⁴ Могила у Назрани, почитаемая как святыня, принадлежит не Чопа Боргану, а Бораган-Бексултану.

¹⁸⁵ Судя по этому рассказу, алмас имеет непосредственное отношение к охоте и обладает сверхъестественной способностью вмешиваться в нее.

ночь герд пищи и каждый день мозыл пищи»¹⁸⁶, – сказала мать. Чопа посоветовал: «С сегодняшнего дня и ночью давай ему по целому мозылу».

После этого Чопа отправился в лес и свиделся с алмас. Алмас сказала ему: «Ты говоришь, что ничего не боишься. Завтра ночью с тобой случится нечто страшное. Смотри, не пугайся». На следующий день вечером Чопа находился в лесу. Он развел костер и лег отдыхать. Над ним по воздуху пролетело что-то белое и потом стало опускаться над костром. Чопа отскочил на несколько шагов и, не говоря ни слова, выстрелил из ружья. Видение ахнуло и скрылось. Это, оказалось, был алмас, брат любовницы Чопы; он прилетел, чтобы повидаться и познакомиться со своим зятем, и был убит им.

Однажды Чопа ходил по своему делу в местность Гайсин бериж (долину Гайсин) и возвращался оттуда в местность Шаугутберха (место добычи соли Шаугут)¹⁸⁷. Недалеко от этого места в него выстрелил и ранил брат убитого им алмаса; дойдя до дому. Чопа умер. Умирая, он сказал окружающим, чтобы в тот дом, где будет покоиться его тело, никого не пускали на ночь. Труп его положили в другую комнату, где бы никто не мог его видеть, но жена его тайком пробралась туда и осталась на ночь из любопытства. Под утро в комнату, где лежал труп Чопы, прилетели две дочери и его любовница алмас, их мать. Они оплакивали его, говоря: «Этот человек когда-то был с нами, он наш». Вымыли его и надели на него такой саван, какого еще никто не видел. «Что же будем делать? Если бы здесь не было человека, который подслушивает нас, мы бы могли сказать и хорошее, и дурное слово. Дай Бог, чтобы в местности, где живет этот человек, никогда не было урожая!» С тех пор в Датихском ущелье Галгаевского общества не было урожая. «Таково предание наших стариков», – прибавляет Ганыж-рассказчик.

В этом богатом данными рассказе еще рельефнее выступает антропоморфизация и существо духов природы. Вера в них держится на неоднократном опыте самих чеченцев, видевших, слышавших и имевших дело с алмасами. Основатель Чермоевского аула в плоскостной Чечне на Тереке в начале этого столетия Ногай-Мирза, говорят, шел однажды вечером с поля домой и увидел на дороге женщину в белом одеянии, сидевшую на земле и плакавшую навзрыд.

---

¹⁸⁶ Герд - мера сыпучих тел. равна 12 кг; мозыл - два герда.

¹⁸⁷ Местность Гайсин бериж (долина Гайсин) как и местность Шаугут-берха (место добычи соли Шаугут) не имеют топонимической аналогии.

Он расслышал ее зловещие слова, предвещавшие наступление близкой смерти его любимой сестры. Он быстро подскочил к этой женщине с шашкой в руке и отрезал у нее косу; это была алмаса; она вскрикнула и убежала. Коса эта как трофей висела в сакле (доме) Ногай-Мирзы и была утеряна во время разорения чеченцами надтеречных аулов. К сказанному остается прибавить, что алмасы – чисто чеченского происхождения и, по всей вероятности, были вызваны к жизни необходимостью объяснить многие загадочные явления в лесах; усталое и чуткое воображение охотников, вообще склонных более других к чудесному элементу, должно было много тому содействовать.

Кроме алмаса, чеченцы знают и *убура*; это не что иное, как злой дух, вошедший в какое-либо животное; это – вампир, пьющий кровь у человека.

Другой мир духов, более многочисленный, образуют у чеченцев *шайтаны*, или *иблисы* (черти), и *джины*. Шайтаны, или черти, несомненно, были чужды прежней, естественной религии чеченцев и могли образоваться лишь при содействии христиан и мусульман. Это понятие не вполне еще установилось у горных чеченцев, но довольно хорошо выработано у плоскостных. Шайтаны противопоставляются чеченцами ангелам, с которыми и находятся в постоянной вражде. Для знакомства с ними обратимся опять к рассказам самих чеченцев, где черти являются в качестве действующих лиц.

Житель селения Шоной Мецхальского общества по имени Дахка, говорит Ганыж, спал однажды и видел сны, что тарам его сказал ему; «В таком-то месте находится клад». Встав утром, он направился к указанному месту. Там он увидел пеструю (бело-черную) корову и решил, что в том самом месте находится клад. Он прогнал корову и увидел каменную плиту. Решив, что под плитой – клад, он приподнял ее и полез в открывшуюся яму. В яме неожиданно на него напали черти и начали колотить его; он успел только схватить вилы для выемки мяса из котла и уполовник и еле-еле выскочил из ямы с разбитым лицом и головой. «Приду лучше в другой раз, – сказал он, – может быть, будет удачнее», и ушел домой; но вскоре он заболел болезнью джинов – «джини лазир» (одержимость бесом) и вскоре умер. В рассказе шайтан почти не отличается от джинов (о которых речь будет немного погодя).

Но вот другой рассказ, где представление о черте выражено лучше.

Предок харпегой – харпехойцев* имел большое ружье, вроде пушки, которое впоследствии было отобрано у него начальством. Это был замечательный человек. Однажды он был на покосе. Оглянувшись назад, он увидел, что за ним косит деревянной косою черт, который ходил пятками наперед. Он остановился, и черт остановился, он сел, и тот сел, он начал есть, и черт, конечно, последовал его примеру. Харпехоец перевязал себе веревкой ногу, но сделал вид, что связывает обе ноги; черт перевязал себе обе ноги. Харпехоец вскочил, выхватил нож и обрил черту голову. Если удастся обрить черту голову, он не может уйти и покоряется человеку. Так и этот черт покорился харпехойцу. Черт упрям и никогда не делает того, о чем его просят, а, наоборот, всегда делает то, что ему запрещают. Наш черт говорит своему хозяину: «Хочешь, я пойду возьму своего быка¹⁸⁸, поведу его в Ларское ущелье и оттуда привезу брус дерева мегиск-орц? Или пойду в цуличу (балку), добуду воды и построю мельницу? Что из двух сделать?». Хозяин от радости позабыл чертовскую натуру и вместо того, чтобы сказать: «Не делай», говорит: «Устрой мельницу, какой еще никто не строил». Черт, конечно, пошел за брусом. Он и бык впряглись оба, чтобы тащить брус, но когда они подходили к селению Харпи, на подъеме черт совсем выбился из сил. Он крикнул, чтобы из аула ему подали помощь, но ни один человек не вышел. Черт закричал в другое ближайшее селение Дехуркиджи; но и там никто не откликнулся. Черт закричал по направлению к третьему селению Гоусты, но и оттуда никто не явился. Бык, видя, что черт умирался, потянул его за собой к находившемуся в стороне небольшому камню. «Что ты хочешь делать?» – спросил черт. Бык отвечал: «Это хороший камень. Может быть, кто-нибудь будет строить башню, так он пригодится. Я хочу захватить его с собой». Тогда черт сказал: «Дай Бог, чтобы между жителями Дехуркиджи и Харпи вечно существовала кровная вражда! Пусть у гоустинцев не будет блюд (для гостей), если они не возьмут их из Харпи! Дай Бог, пусть ни у одного из животных не будет больше силы в плечах, чем у быка, и пусть никогда не растет кустарник больше этого бруса!».

После этого черт вошел под камень и скрылся. С тех пор между жителями селения Харпи и Дехуркиджи существует нескончаемая вражда. Если на тот камень, под который вошел черт, сядет человек, то

---

* Харпи – селение Мецхальского общества.

¹⁸⁸ "Бык чертей знал все языки, потому что был святой", - говорит рассказчик.

с ним непременно приключится несчастье. Это есть хабыр (предание наших стариков).

В этом рассказе замечается поразительное сходство чеченского черта с русским. Рассказы на тему «черта надул» знакомы всякому русскому. Но, несмотря на возможное заимствование (может быть, даже у русских?) внешнего образа черта, в рассказе этом сохранилась и присущая всем духам чеченской мифологии сила заклинания. Черт, как мы видели, в данном случае обладает силой заклинания.

Рассмотрим теперь, что из себя представляют так называемые джины, или джиным, вера в коих значительно преобладает во всей Чечне, не исключая и тех частей, где мусульманство успело уже утвердиться прочно над всеми остальными верованиями (в алмас, тарам и т.п.). Объясняется это очень легко. Добрые и злые духи, иранца, еще в плохо выработанном виде были, несомненно, известны чеченцам и до появления среди них мусульманства: ими могли быть, как и всюду почти, духи умерших людей, являющиеся на этот свет или блуждающие непогребенными. Злой человек оставался злым и после смерти, а добрый – добрым. Такое объяснение установилось в науке давно, но мы, применяя его к чеченцам, руководствуемся не одними общими соображениями и аналогией, но можем опереться на знакомые уже нам представления о домашнем духе – тараме; он бывал то добрым, то злым, даже для своего господина, и, конечно, всегда был недобрым для чужого. Понятно, что переход от него к добрым и злым духам, к дуализму был нетруден. А тут на помощь явилось еще мусульманство с развитым учением о добрых и злых гениях, или джинах (соответствующих ангелам и дьяволам). Таким образом, в верованиях чеченцев получилась вполне развитая система дуализма, что и подтвердится при дальнейшем изложении.

В плоскостной Чечне джинами называют добрых и злых духов; первые суть гении мусульман, а последние – христиан. Те и другие находятся в такой же вражде, как ангелы с дьяволами. В Ичкерии, по словам г-на Ипполитова, под «джиным» разумеются существа средние между ангелами и дьяволами. Они пользуются свободой доступа на небо и похищают иногда обманом тайны будущности, иногда же подслушивают тайны сокровенной от них и человека будущности. Эти тайны они сообщают своим земным друзьям. Вообще связь с ними человека к добру не приводит, а почти всегда оканчивается умопомешательством. На этом основании идиотов и вообще душевнобольных чеченцы считают находящимися в общении с джинами. Падающие звезды – это звезды, брошенные ангелами в

джинов, подслушивающих у престола Божьего. На всем пространстве Чечни всегда вам укажут местности (уединенные, мрачные, действующие на воображение), где обыкновенно путники встречаются с джинами; укажут людей, которым джин свернул челюсти на сторону, искривил рот и т.п. Видения джинов у путников бывают до того реальны, и вера в них так сильна, что про них вы услышите бесчисленное множество рассказов.

«Иду, – говорит один милиционер-чеченец, – я ночью в такой-то местности; передо мной мелькнул огонь; я за ним – он отодвигается дальше. Я выстрелил в него, он исчез, а я – смотрю – по колено в воде». До того видение охватило воображение чеченца, что он и не заметил, как в погоне за ним вошел в реку. Выбрался из реки, пошел дальше; смотрит – недалеко от него стоит его кровник; он – за ним; кровник стал уходить и исчез от выстрела. Тот же милиционер идет дальше и встречает приятелей своих; они затащили его на вечеринку в аул, и он с ними провел там целую ночь; после выстрела и они исчезли, и он пришел домой на другой день. Таким образом, бедный чеченец всю дорогу бежал за джинами; не успеет он отогнать одних, как на их место на готовую почву экзальтированного, гипнотизированного воображения являются новые и новые видения.

Один довольно интеллигентный ингуш, человек грамотный, бывалый и неглупый, притом же благочестивый и верующий мусульманин, уверял меня, что он также видел джинов на опушке леса, ночью, когда он ехал из Владикавказа в Назрань. Джины были одеты в солдатские мундиры с красными фуражками. Они весело плясали вокруг костра, хлопали в ладоши и делали ему знаки, приглашая его повеселиться, потанцевать с ними, вероятно, намереваясь свести его с ума. Но он не испугался, прочел молитву и выстрелил из пистолета – джины исчезли. Молитва и выстрел – верное средство избавиться от джинов. Хотя чеченцы далеки от того, чтобы поклоняться джинам, но побаиваются их; при их виде человека пробирает дрожь¹⁸⁹. Для полной характеристики джинов, по верованию чеченцев, приведу следующий рассказ, записанный со слов ингуша Бадьга Бокова¹⁹⁰.

Ахмед был охотник, который своею охотой содержал и кормил целое селение в 300 душ жителей, за что его называли

---

¹⁸⁹ Совершенно так же воображают себе джинов и дагестанские горцы; я сам в детстве веровал в их существование и боялся темноты, подвалов и т.п. мест пребывания шайтанов.

¹⁹⁰ Бадьг Арсакиевич Боков, житель селения Сагопшинское Терской области. Запись сделана 29 сентября 1892 г.

«Добродетелью». Однажды он пошел на охоту и в течение целого дня не встретил ни одного зверя, и ни разу ему не пришлось выстрелить. Когда же, возвращаясь домой, сел над речкой для омовения к предвечернему намазу¹⁹¹, он заметил двух змей – одну белую, другую, черную¹⁹². Они дрались между собою, и черная поборолa белую, но белая вскочила и опять начался бой; и в этот раз черная повалила белую. Тут Ахмед поспешно окончил намаз, взял ружье и выстрелил в черную змею, но промахнулся и попал в белую. Она застонала человеческим голосом и скрылась из виду. Ахмед промолвил: «О, Великий Боже (Аллах)! Змея застонала по-человечески». Он догадался, что это были джины. Дело было в четверг, под пятницу. Оказалось, что белая змея была дочерью Царя мусульманских джинов, а черная – сын царя христианских джинов¹⁹³, который хотел изнасиловать первую, но она не поддавалась. Дочь царя приходит домой хромя. Отец спрашивает ее: «Отчего ты хромаешь?» Дочь отвечает «Ахмед-Добродетель, сидя над рекой, сказал: «Пуля моего ружья на что-нибудь должна выходить из ружья, но сегодня ни разу она не вышла. Вот змея, выпущу-ка я в нее пулю»». Но главное, что ее хотел изнасиловать сын христианских джинов, она скрыла от отца. Отец сказал ей: «Завтра пятница, и Ахмед непременно будет в мечети. Когда он станет по выходе из мечети надевать свои чевяки (обувь), то душа его в это время очутится на мизинце правой ноги. Ты завтра отправляйся в мечеть, полезай в правый чевяк и укуси ему мизинец. От этого он умрет и таким образом мы отомстим ему». Дочь отправилась туда, где жил Ахмед, превратилась в змею и спряталась в мечети. На этот раз Ахмед пришел позже всех. На лице его отражалась тоска. Люди удивились и спросили его: «Ты всегда приходил раньше нас, а сегодня пришел позже всех. Какая этому причина у тебя?». Отвечал им Ахмед: «Братья-мусульмане! На сердце у меня горе великое, не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Когда я вчера, не убив ничего, возвращался с охоты, пошел я к реке совершить намаз. Там увидел я дерущихся змей – черную и белую. Окончив намаз, я выстрелил в черную змею, но ранил белую. Она закричала человеческим голосом. Тут я узнал, что белая змея – магометанский джин, а черная – христианский, а теперь все думаю о том, как я ранил джина магометанской веры. Его кровь

---

¹⁹¹ Эта молитва у мусульман совершается перед закатом солнца.

¹⁹² Место интересное для характеристики воззрений культурных народов на религию (метаморфоза; суеверия и нечистая сила).

¹⁹³ По словам рассказчика, обе змеи были в образе человека, но казались в образе змеи.

лежит на моей душе, и я никак не могу выпросить у него прощения». Все это от слова до слова слышала змея и подумала: «Вот как Ахмед тоскует о моей крови. Нет, не рассказав отцу всего, не лишу его жизни». Она вернулась домой, упала перед отцом на колени и рассказала ему подробно, как сын царя христианских джинов хотел ее изнасиловать, как Ахмед хотел убить его, но нечаянно попал в нее и как он тоскует теперь по ее крови. Тогда отец сказал ей: «Возьми мою лошадь, оденься в мужской костюм, поезжай к нему и приведи его ко мне». Она превратилась в мужчину, села верхом и, взяв для Ахмеда лошадь своего отца, поехала к нему. Въехав в его двор, она крикнула: «Ахмед дома?». Ахмед выскочил из сакли и спросил: «Что тебе нужно?». Она сказала: «Поедем со мной». Ахмед ничего не возразил и, сев на приведенную лошадь, поехал с нею. Когда они выехали за околицу, она говорит Ахмеду: «Ты помнишь, как ты вчера, желая убить черную змею, ранил белую? Белая змея – это я, дочь царя мусульманских джинов. За то, что ты спас меня от насилия, отец мой хочет сделать тебе подарок. Он будет тебе предлагать всяких лошадей и скот, но ты ничего не бери, а только скажи: «Ничего мне не надо, только плюнь три раза под мой язык»». Приехали они к царю джинов. Ахмеда угощали трое суток. Когда он собрался ехать домой, царь джинов собрал свои стада и табун лошадей и говорит: «Бери сколько хочешь!». Ахмед ответил, что ему ничего этого не нужно. Царь спросил его: «Чего же ты хочешь?». «Если хочешь отблагодарить меня за то, что я спас твою дочь, – отвечал Ахмед, – плюнь три раза мне под язык». «Кто научил тебя этому, тому лишиться своего языка! Это, наверное, сообщила тебе моя дочь», – сказав это, царь плюнул Ахмеду под язык. С этого момента Ахмед стал понимать все языки, не только людей, но и животных, зверей, птиц и т. д. Он простился и пошел домой. По дороге он зашел ночевать на хутор, где была баранта десяти хозяев из его селения. Пастухи обрадовались его приходу, старались ему услужить и зарезали ему по барану. Ночь была темная, поднялась страшная буря. Пришла стая волков и завывала: «Вот сегодня ночь темная, с бурей и непогодой. Пастухи, как заснут, не проснутся до самого утра, и мы всех баранов и овец передушим и поедим». Старая собака, на которую никто не обращал внимания, ответила волкам: «Сегодня здесь находится Ахмед-Добродетель; ему зарезали баранов; если от этого мяса я съем кусок, достанется вам от меня!» Все это слышал и понял Ахмед. Когда ему по обычаю на блюде принесли целого сваренного барана, он сказал пастухам: «А нуте-ка братцы, позовите сюда собаку, которая валяется у вас под плетнем». Пастухи

ответили; «Эх, Ахмед-Добродетель, охота ли говорить тебе за столом такие вещи. Это – дряхлая собака, и мы никогда не даем ей ужина». «А вот потому-то я и хочу покормить ее. За то меня и прозвали Ахмедом-Добродетелью, что я уважаю сильных и защищаю слабых и беззащитных»¹⁹⁴. После этих слов пастухи привели к Ахмеду старую собаку. Ахмед отрезал бок барана и дал ей, сказав: «На, Серко, кушай на здоровье!». Затем в миске дали ей бульон. Поужинав, все легли спать, а Серко пошел сторожить овец. Ночью на баранту напали 14 волков, но Серко их всех передумил и, разложив их вокруг себя, улегся спать. Утром пастухи, увидев случившееся, сказали Ахмеду: «Если бы ты вчера не покормил нашу собаку, каждый из нас понес бы убытку, по крайней мере, на десять баранов; поэтому возьми себе от нас по два барана!». Ахмед отказывался, но кое-как уломав его, хозяева стали выпускать овец, говоря: «Выбирай себе любых!». Овца, шедшая впереди, закричала своему барашку, который шел сзади: «Мы ходим впереди и едим первую траву; оттого мы такие гладкие. А ты всегда идешь позади нас и ешь наши остатки; оттого ты и худой». Барашек отвечал: «Счастье идет за хозяином, а не впереди него: я – счастье хозяина, потому и остаюсь всегда позади». Когда этот барашек поравнялся с Ахмедом, он схватил его и, сказав, что он возьмет только одного, взял барашка, простился с пастухами и пошел домой.

Когда он пришел домой, жена его на гумне веяла просо. Прилетели воробьи и начали клевать зерна по сторонам гумна, а один воробей сел на кучу зерен и начал чирикать: «Что вы там клюете; лучше идите сюда на чало¹⁹⁵; пока не убрал хозяин, будем клевать здесь, а там-то мы во всякое время успеем: то наше достояние, и оно не уйдет от нас». Услышав это, Ахмед засмеялся. Жена обернулась к нему и сказала: «Ты смеешься надо мной; если ты не скажешь, что во мне такого смешного, я не буду работать на гумне и жить с тобою; завтра же уйду домой к своему отцу». Сказав это, она бросила метлу и ушла с гумна домой. Ахмед же созвал своих соседей и кое-как убрал просо, а вечером пришел домой. Жена все сердится и не говорит с ним. В это время подходит к дверям петух и кричит: «Я имею десять кур, что захочу, то и делаю с ними, одну прибью, другую приласкаю. А Ахмед не может усмирить даже одну жену». Услышав это, Ахмед вышел во двор, принес две палки, одну покороче, а другую подлиннее... Этими палками он отлупил жену, и она после этого присмирела. Есть

---

¹⁹⁴ Интересное место, дающее нам понятие о добродетели, по воззрениям ингушей.

¹⁹⁵ Чало - куча зерна.

предание, что от того барашка приплод так размножился, что Ахмеду не пришлось ходить на охоту в течение десяти лет, и этим приплодом он прокормил не только себя, но и весь аул.

Таков этот замечательный рассказ о джинах, в котором мы видим наглядное проявление склонности чеченцев к антропоморфизации природы и животных. Здесь же мы имеем возможность понять и целиком проследить мировоззрение чеченцев. Здесь, наконец, мы встречаемся с вполне развитой системой дуализма: джины разделяются на добрых и злых, те и другие подчинены своему отдельному царю. Нравственное значение духов в жизни чеченца весьма значительно; куда бы он ни повернулся, чтобы он ни делал и у себя дома, и в поле, и в лесу, и в пещерах, и ночью, и днем он видит и слышит окружающих его духов, которые и руководят его поступками, дают ему указания, создают препятствия и помогают, являются врагами и друзьями, определяют его отношения к другим людям и т.д. Но все они не играют уже той роли, какая могла бы принадлежать им при других обстоятельствах, потому что у чеченцев есть другие существа, более высокие и сильные. Знакомству с этими существами мы и посвятим следующие главы.

ГЛАВА III. БОГИ ПРИРОДЫ. КУЛЬТ ПРЕДКОВ У ЧЕЧЕНЦЕВ

Год и его деление на части: месяцы, недели, дни. – Семейный культ и культ домашнего очага. – Влияние этого культа на строй жизни, организацию семьи; право: кровная месть, усыновление, присяги и проч. – Культ и обоготворение предков, общих целому аулу, обществу и всему народу; прочие боги, созданные по типу обоготворенных предков: боги войны, деторождения и проч. – Памятники христианства, перешедшие в языческие молельни (Гиль-ерда, Тхаба-ерда и др.). – Высшие божества кистин: Амали-ерда, Тамыж-ерда и Мятцели. – Молитва жреца. Предсказание будущего и гадание; их влияние на жизнь людей.

Переходя к божествам чеченцев [и ингушей], необходимо познакомиться с понятием их о временах года, о делении года па дни, недели и месяцы, так как поклонение богам у них приурочено к тому или другому времени года или дню. Без знакомства с этими понятиями невозможно составить себе цельного и ясного представления и о самих празднествах, совершаемых в честь богов. Сообщаемые здесь сведения добыты мною от стариков: молодежь о них ничего почти не знает.

Год по-ингушки называется шо и имеет 365 дней (де); Новый год празднуется тремя днями ранее, нежели у русских. Шегрен и

Селезнев утверждают, что ингуши не знают деления на месяцы, но это неверно. Месяц называется бут (от названия луны), неделя – кири (от грузинского кера), день – де (от грузинского дгѐ). Месяц делится на четыре недели, неделя на семь дней, причем первым днем считается понедельник – оршот. Этот день посвящен ветрам («день ветров») и свободен от полевых работ, в противном случае все разнесет ветром. Вторник – шинери («день быков»), в который нельзя их запрягать. Среда, называемая кер-сели (т.е. «третий день бога Сели»), замечательна тем, что в этот день нельзя давать соседям ничего из дома, а в особенности огня; она посвящена богу грома Сели. Четверг называется огой-ѐр (сокращенно – ѐра). В этот день раньше бывали празднества в честь Огоя. Праздновали преимущественно одни девушки. Они ходили по домам и собирали от хозяек всякую провизию. Придя в дом, они пели песню. Одна запеваёт: «Эй, мама, пожалуйста, мама, выходи, мама, отпусти ты нас, нам некогда: у тысячи хозяев гости мы (т.е. нужно побывать еще у многих). Посмотри в ящик (джужул), «сунь руку в ушат» (т.е. достань и вынеси что-нибудь)». Другие девушки припевают: «Еппой!»

Получив что-нибудь, девушки уходят и поют: «О, мама, пожалуйста, мама, прощай, мама. Пусть у тебя будет семь сыновей, и все семеро сыновей да будут князьями. Пусть у тебя будет три дочери, и все три дочери будут княжнами. Живи благополучно и носи постоянно рубашку из желтой дарая (шелковая материя)».

После обхода всех домов девушки собирались в какой-нибудь дом и веселились, угощались собранным, а остатки делили между собою и уносили домой (сыр, масло, молоко и прочее).

Пятница – периска (грузинское параскева) ничем не ознаменовывалась; с принятием мусульманства этот день стал священным джумэ. Суббота – шот считается «днем волков» (бердзы-сотт); кто почитает и празднует этот день, у того волк не будет таскать овец. Воскресенье – киринде, т.е. «недельный день» (слово заимствовано у грузин), считается Божьим днем; прежде он праздновался всеми ингушами.

Ингуши знают зимнее и летнее солнцестояния; в это время, говорят они, солнце гостит дома: зимою три дня и три ночи, а летом – три недели; в это время бывает равноденствие.

Год делится на четыре времени: весна, лето, осень и зима. Он содержит 12 месяцев; названия месяцев даются по названиям празднеств или приуроченных к тому или другому времени сельскохозяйственных занятий. Ганыж не мог перечислить их по

порядку¹⁹⁶. Теперь ингуши считают свои месяцы по новолунию и старые названия – забываются. Однако я попытаюсь установить порядок месяцев, насколько это возможно, по указаниям Ганыжа. Конечно, порядок этот будет в достаточной мере гадательным по разным посторонним признакам.

Первый месяц называется наджиганцхой. В это время празднуется праздник в честь Надж-Ганцхой-ццу. Самый холодный месяц в году; по всей вероятности, он соответствует январю.

Второй месяц мархи-бут, т.е. «месяц поста». В это время был семидневный «отцовский пост», называемый также «христианским» (если только один хлеб с солью и ничего скоромного: яиц, мяса, молока и пр.); пост продолжали семь дней с начала месяца. После семидневого поста разговлялись, резали баранов, делали халву (hawла) из муки, масла и сахара. Соответствует [по существу] православному Великому посту и Пасхе. Кажется, этот месяц приходится на февраль.

Третий – бекрик-бут, или «кукушкин месяц», соответствует марту. В это время прилетает кукушка, начинается весна. Празднеств не бывает.

Апрель называется тушоли-бут, по празднеству в честь Тушол.

Пятый – сели-бут, кажется, соответствует маю.

Манл-бут, или «месяц покосов», по-видимому, июнь; празднеств никаких нет.

Мятцели-бут назван по празднеству Мятцели; это, скорее всего, июль.

Мяцхали-бут назван тоже по празднеству, кажется, это август или часть июля и августа.

Тау-бут, т.е. «месяц атавы», или вторичной травы после покоса; по-видимому, сентябрь.

Ардари-бут – «месяц молотьбы», один из осенних месяцев (октябрь).

Орхи-бут – тоже осенний месяц; в это время баранов пускают к овцам. В тот же месяц празднество в честь Мельер-ерда.

Наконец, агой, кажется, соответствует декабрю. До этого времени откармливают баранту, а с этого месяца начинают ее резать. Тогда же бывает празднество Агой. Агой [празднуют] обыкновенно в четверг, называемый агой-ери.

---

¹⁹⁶ Это затрудняло их идентификацию с месяцами старого или нового летоисчисления у европейцев.

Конечно, эти названия двенадцати месяцев не повсеместны в Чечне и не совпадают с христианскими месяцами, но все же они интересны сами по себе и будут способствовать нам при описании празднеств чеченцев.

Вышесказанное в этой главе, само собой, служит введением к описанию религиозного культа чеченцев.

У чеченцев мы находим вполне развитую систему политеизма, или многобожия: но у них нет единообразной, стройной системы мировоззрения, исходящей из какой-нибудь одной основной идеи, с разделением богов на старших и младших. Напротив, у чеченцев мы встречаемся с двумя противоположными системами богов; с одной стороны, культ предков и народных героев, а с другой – поклонение обоготворенным силам природы. Эта двойственность, как и у многих других народов (между прочим, осетин), остается в полной силе и в настоящее время; она, надо думать, существовала и с самого начала. Разделение труда не только между отдельными божествами, но даже и между упомянутыми двумя главными категориями плохо выработано; обязанности и права богов не разграничены, и часто для одной и той же группы явлений имеются у чеченцев несколько богов. В этом отношении им далеко до греков и римлян, у которых специализация труда, как известно, была доведена между богами до крайних пределов, и которые имели для каждой группы явлений особого бога (если его не было, они брали его у соседей), и все боги образовали один Олимп во главе с Зевсом-Громовержцем, или Юпитером. У чеченцев не успела выработаться подобная цельная система, потому что этому помешали христианство и магометанство, боровшиеся против многобожия. Впрочем, попытки объединить всех богов под властью одного Бога-творца с чертами Верховного языческого божества мы встречаем и в чеченской мифологии; в ней Верховный Бог управляет Вселенной, но неизвестны отношения к нему других богов, или, скорее, не выдержаны. Нет в их отношениях постоянства: то они независимы от Бога, то действуют по его воле. Во главе всех богов у них стал не Громовержец, как у греков и римлян, и не Небо, как у многих других народов, а Дяла, Бог, постепенно воспринявший в себя атрибуты христианского и магометанского Бога. О нем мы поговорим в конце нашего труда, а теперь приступим к ознакомлению с первой из названных категорий божеств, или обоготворенных предков. При этом придется сказать кое-что и о домашнем или семейном культе в связи с культом домашнего очага, как прообразом

культы могущественных общенародных предков и как начальной ступени, из которой развился последний.

Когда я говорил о состоянии души после смерти, о погребальных обычаях у чеченцев, о поминках и о домашних духах, то высказал предположение, что, судя по всем этим столь существенным признакам, следует допустить существование семейного культа у чеченцев; при этом я прибавил, что это подтверждается культом домашнего очага, уцелевшим у последних и до сего времени, тогда как поклонение ближайшим предкам отошло уже в область прошлого, уступив место культу обоготворенных предков-героев. В чем же проявляется почитание очага у чеченцев, какова связь его с семейным культом и чем объяснить то, что он, так сказать, пережил последний?

В предыдущей главе, при изложении взглядов чеченцев на загробную жизнь и описании похорон и поминок, мы уже встречались с некоторыми признаками культа домашнего очага, семейного культа. Домашний очаг, говорят чеченцы, есть место священное, избранное самим Богом; он неприкосновенен. Последует страшная кара за всякое оскорбление или неуважение к нему. Огонь, цепь, котел и очаг пользуются наибольшим почетом в доме: цепь и котел уважаются как символы домашнего очага, а огонь составляет неразрывную составную часть с ним. Даже зола, сажа на потолке считаются священными, благодаря соотнесенности с очагом. Чем больше котлов насчитывается в роде или фамилии, тем род сильнее, почетнее. Г-н Лаудаев говорит, что до поздних времен среди чеченцев существовал обычай покрывать головы котлами в минуты семейных несчастий. По смерти мужей жены выходили из дому, накрывали голову котлами в знак того, что им уже более не для кого поддерживать священный огонь и воду¹⁹⁷, так как уже некому совершать жертвы и возлияния над очагом. Такое несчастье является бедствием не только для живых, но и для предков, которые теперь голодны, наги, бедны и вымаливают себе пищу у других, как нищие. Очаг служит, таким образом, центром домашнего культа; существование и счастье всего рода и его потомства неразрывно связаны с очагом. Хозяин дома ежедневно перед трапезой лучшие части пищи бросает в священный огонь и просит у Бога и почитаемых им за богов святых всякого благополучия семье. У народов, у которых семейный культ сохранился во всей силе, предки присутствуют в доме и принимают участие в трапезе ее членов. Так

---

¹⁹⁷ См. также: Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 255, 263, 267.

было у древних греков и римлян¹⁹⁸, так остается и теперь еще у кавказских осетин и многих племен Азии, Австралии, Африки и Америки. То же должно сказать и о чеченцах, и у них возлияния и приношения пищи поедаются богами. «Огонь очага не есть физическая стихия, – говорит Фюстель де Кюланж, – это огонь чистый. Огонь очага есть род духовного существа. Он светит и греет, но он же мыслит и сознает; он источник добродетели, богатства и здоровья. Он поистине бог человеческой природы»¹⁹⁹. Очаг и огонь находятся друг с другом в теснейшей связи: это одно и то же понятие. Я привел слова Фюстель де Кюланжа, касающиеся греков, римлян и индусов, но они прямо относятся и к чеченцам. Если у индусов божество огня называлось Агни, и огонь, символ его, чтился у них сам по себе, помимо той роли, какую он играл в качестве принимающего жертвы предкам семьи, то таким богом у чеченцев является Сели. Индусское божество огня соответствует чеченскому Сели.

Огонь очага признается настолько чистым, что в известный день, посвященный богу Сели, считается большим грехом дать из очага кому-нибудь из соседей хоть один уголек: этот день – среда, называемый «кёр-сели». В этот день запрещено вовсе выкидывать угли или золу из очага (в другие дни золу можно выбрасывать по мере накопления излишка, но обязательно щепотку ее возвращать обратно в очаг). Кто преступал этот запрет, тот считался согрешившим перед богом, и бог посылал на его дом всякие бедствия – болезни, смерть детей, гибель скота и пр. Таким образом, огонь очага, хотя впоследствии и не играл у чеченцев той роли, какая ему принадлежала вначале, как составной части культа ближайших предков, тем не менее почитание его сохранилось в полной силе и теперь, благодаря тому, что с ним связано имя бога огня Сели. А Сели и прежде, и теперь, как

---

¹⁹⁸ Кюланж Ф. де. Древнее общество: Обзор культа, права и учреждений Греции и Рима. СПб., 1867. Гл. III: Священный огонь. С. 26. [Фюстель де Кюланж (1830-1889) - французский исследователь. Основной труд "Древнее общество. Обзор культа, права и учреждений Греции и Рима". Б. Далгат по Фюстель де Кюланжу изучал древние верования греков и латинян, верования относительно души и смерти, учение о метемпсихозе (разграничении души и тела), о почитании мертвых, о священном огне, о домашней религии, о демонах, героях, гениях и др. А также "Право наследования" и "Род в Риме и Греции". Все это известным образом дало исследователю основание к осмыслению соответствующего материала в первобытной религии чеченцев. - Примеч. составителя].

¹⁹⁹ Там же. С. 33, 34.

мы увидим ниже, принадлежит виднейшее место в чеченском пантеоне. Сверх того, сохранению культа очага способствовало и перенесение роли семейных богов на народных и на самого Сели, а позже и на высшего единого Бога, которому также начали делать возлияния и жертвоприношения.

Культ предков уже давно успел обратить на себя внимание многих лучших ученых и философов как на Западе, так в последнее время и у нас в России и может считаться наиболее разработанным отделом сравнительной истории религий. Известно, что знаменитый английский философ Спенсер культ предков ставит в основание всех прочих форм религиозных верований (фетишизма, поклонения природе, космическим явлениям, высшим божествам) и дает замечательный по грандиозности замысла образчик развития этого культа²⁰⁰. Фюстель де Кюланж, Генри Мэн, М. Ковалевский и многие другие историки, антропологи и юристы разработали вопрос о влиянии культа предков на жизнь народов, на их нравы, обычаи, право и нравственность и т.д. Поэтому не будем на этой стороне вопроса слишком долго останавливаться; я обращаю внимание лишь на выдающиеся факты²⁰¹, характеризующие ту роль, какую играют семейный очаг и цепь в жизни чеченцев.

Общественное и нравственное значение культа домашнего очага чрезвычайно велико. Домашний очаг, сосредоточивая вокруг себя членов семьи, имеет организующее значение; культ его освящает власть главы семьи, как жреца, приносящего жертвы богам. Влиянием его объясняются многие институты наследственного права (наследовать могут только мужчины, но не женщины и т.п.), священный характер семейной общины, институты усыновления и узаконения, святость и неприкосновенность гостя, как временного члена семьи. Он делает невозможной месть за смерть родственника родственнику же, и, наоборот, налагает священную обязанность на

---

²⁰⁰ Спенсер Г. Основы социологии. СПб., 1877. С. 322. [Здесь идет речь о вере человека после смерти «в другое "я" умершего. Это другое "я" существует в течение значительного промежутка времени после смерти человека». У многих народов "рядом с развитым верованием в бессмертную душу мы видим и непрерывно существующий культ предков". При этом культ предков "не только отличившимся, знаменитым начинает подчинять себе поклонение предкам обыкновенным, ничем не выдающимся" (Там же. С. 322). - Примеч. составителя].

²⁰¹ Все факты, записанные мною; некоторые из них имеются также в печати.

каждого члена семьи и рода мстить чужеродцу за каждую каплю крови. Поэтому убийство ни в коем случае не подлежит выкупу: простив убийцу, родственники убитого могут заслужить гнев убитого родственника и подвергнуться его преследованию; не отомстивши за него, они наживают наследственного врага. Не подлежат выкупу и некоторые другие преступления, например, прелюбодеяние; в этом случае ингуши усматривают вторжение в род чужой крови (ребенок, родившийся незаконно, не может быть продолжателем рода, не может приносить жертв и делать поминки предкам этого рода, а потому он ни в коем случае не может быть признан законным). И прелюбодеяние, как посягательство на религиозный культ рода, также карается смертью.

Не перечисляя всех сторон жизни, на коих отразилось влияние семейного культа, я обращаю внимание на те жизненные акты, которые связаны с приобщением к семейному очагу или выходом из него. Выход замуж женщины из какой-либо семьи связан с разрывом связей с ее предками, с поступлением ее в новую семью и с приобщением к культу предков этой новой семьи. Прежде при выходе девушки замуж, рассказывает старик Казбык, в дом ее родителей собирались подруги и гости, разводили огонь в очаге, и шафер²⁰² жениха (позже – подруги невесты) за руку водил ее с покрытым лицом три раза вокруг очага. Подруги пели песни, обращаясь к святым (Сели и др.) с молитвою, чтобы молодая была плодovита (счастлива в детях), как зола священного очага, которая увеличивается с каждой минутой; чтобы она была привязана (прилипчива) к своему мужу и семье, как сажа (т.е. чтобы она любила свой дом и мужа и не отставала от него, как не отстает от цепи и трубы сажа) и т.п. с припевом «далай!» Затем шафер брал одною рукою цепь, другою держал руку невесты и потрясал²⁰³

---

²⁰² В шаферы выбирается обыкновенно человек зажиточный, чтобы в случае нужды он помогал невесте, теперь уже как родственник ее.

²⁰³ См. также об этом вкратце у Благовещенского. [Информация, о которой здесь идет речь на с. 104, а именно о том, как шафер обводит невесту вокруг очага и вокруг котла, висящего на железной цепи, и во время этого хождения приговаривает различные пожелания жениху и невесте и т.д., принадлежит не Н.А. Благовещенскому, который был только редактором "Сборника сведений о Терской области" (Владикавказ. 1878. Вып. I), а П.И. Головинскому, автору статьи "Заметки о Чечне и чеченцах". Н.А. Благовещенский (1837-1875), беллетрист-этнограф, секретарь Терского статистического комитета. Он занимался изучением Северо-Кавказского края. Под его редакцией издан вышеуказанный

цепью в знак разрыва всякой связи невесты с семьей и ее культом. После этого кто-либо из приверженцев жениха схватывал невесту и на плечах выносил из комнаты²⁰⁴, провожаемый бранью и побоями молодежи, выражающей протест якобы похищению невесты; и так несчастного шафера колотили и провожали до самого поля, дороги за аулом. Здесь мы имеем акт освобождения невесты от домашнего культа ее родителей. По прибытии невесты в дом жениха совершался почти так же акт приобщения невесты к культу родственников жениха.

Но особенно выдающуюся роль огонь и цепь играли, говорит Ганыж, в кровных делах, и это, как мы увидим сейчас, вполне справедливо. Кровь родственника должна быть непременно отмщена. Никакие молитвы, подарки, посредничество почетных людей – ничто не может принудить чеченца отказаться от мести убийце его родственника; долг религиозный стоит в его глазах выше всего, и убийца должен погибнуть от руки родственника убитого. Единственным средством избавиться от мести является приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди (сосет молоко). После этого он становится молочным братом убитого, т.е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода. Такой же точно результат получается, если убийце удастся подержаться рукой за надочажную цепь в доме убитого. Всякий убийца, вбежавший в чей-либо дом и схватившийся за надочажную цепь, становился под защиту и покровительство священного очага и хозяина дома, который не мог выдать его, так как с этого времени он (убийца) становился родственником хозяина; хозяин, в свою очередь, подвергался преследованиям кровников.

Приведу здесь для характеристики способа испрошения помилования убийце следующий случай, бывший среди ингушей лет шестьдесят тому назад. В селении Пизох члены одной фамилии убили троих из другой фамилии. Исчерпаны были все средства, чтобы помирить враждующих и прекратить предстоящие бедствия от возгоревшейся кровной вражды между этими двумя фамилиями. Но никакие просьбы со стороны рода убийцы и посредников-стариков не действовали на род убитого, представители которого хотели во что бы

сборник. Он же редактировал неофициальную часть "Герских ведомостей". - Примеч. составителя].

²⁰⁴ Это, говорят, делали с той целью, чтобы невеста при выходе из родительского дома не касалась порога; иначе она будет часто ходить к родителям, что нежелательно для стороны жениха.

то ни стало смыть с себя кровь своих братьев. Тогда одни из стариков вспомнил о почитании цепи их предками. И убийца, как на крайнее и вернейшее средство, решился вместе с несколькими родственниками пробраться тайком в дом убитых им и схватиться за домашнюю цепь, прося прощение себе у священного очага. Отказать какой бы то ни было просьбе человека, державшегося за цепь, у ингушей считалось равносильным святотатству, преступлением перед предками, а потому между этими враждующими фамилиями состоялся мир и установилось родство.

Такова сила религиозного чувства и долга, способная заставить позабыть смерть троих родственников и считать ненавистных кровников родными братьями.

Есть еще другой способ²⁰⁵ избежать мести кровников, который также отражает на себе влияние семейного культа. Убийца, отравив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он, кровник, с повинной головою, в полном отчаянии, с разбитым сердцем и слезами на глазах лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощение. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними. В этом случае осетины, у которых также существуют подобные обычаи, говорят, что убийца при этом поступал в вечное услужение к покойнику.

---

²⁰⁵ Заимствуется у Леонтовича, Адагы, П, [Имеется в виду: Леонтович У.И. Адагы кавказских горцев // Материалы по обычному праву севера и востока Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.] С. 152; см. также: Грабовский Н.Ф. Ингуши: (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX, отд. I. С. 18.

Религиозная подкладка этого обычая очевидна²⁰⁶.

Но с особенной силой культ предков выражается в присяге, у ингушей называемой ду. Память об этих способах присяги весьма свежа у чеченцев, хотя теперь они и не придерживаются их по весьма понятной причине (мусульманство не терпит).

Об этих оригинальных формах присяги писали довольно много в разное время и разные лица. Я сам также имел несколько собственных записей; я должен, однако, сказать, что все эти записи не совсем сходятся между собою, и определить, какие из них ближе к истине, довольно затруднительно.

Самый ранний из писателей, г-н Потоцкий, сообщает в своем дневнике, что у ингушей обычным способом взыскания долга бывает обращение к приятелю с заявлением:

«Такой-то из твоего рода должен мне столько-то. Позаботься о том, чтобы долг был уплачен; в противном случае я убью над мертвыми твоего рода собаку, которую привел с собой». Эта угроза приводит ингуша в трепет, и он немедленно соглашается исполнить поставленное ему требование²⁰⁷. «Особенность этого случая, – говорит М. Ковалевский, – состоит в том, что самоуправство, являющееся у горцев обычным способом гражданской претензии, принимает на этот раз не форму имущественного захвата, а форму нравственного принуждения, и что это нравственное принуждение

---

²⁰⁶ Подобные обычаи, по мере ослабления культа предков, перестали исполняться, тем более что они имеют характер унижительный для самолюбивого и уважающего собственное достоинство чеченца.

²⁰⁷ *Voyages dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Chap. VIII-XVI* 28 octobre 1797. P. 126; цит. по: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. (Имеется в виду труд И. Потоцкого (Potocki C. Jean), опубликованный в Париже в 1829 г. Граф Иван Потоцкий (1761-1815) был членом Санкт-Петербургской Академии наук и различных обществ. У него было несколько сочинений, в том числе: *Histoire primitive des peuples de la Russie avec exposition complete de toutes les notions locales, naturelles et traditionnelles necessaire a l'intelligence du IV livre d'Herodote etc.* Saint Petersburg. 1802; т.е. "Первоначальная история всех народов, населяющих Россию с полным изложением всех местных преданий и признаков, необходимых для понятия геродотовской истории IV книги и проч." (фр. язык); Potocki C.J. *Essay sur l'histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie par Jan Poiocki.* Varsovie, 1789-1792; т.е. "Опыт о всеобщей истории с изысканиями об истории Сарматии Я. Потоцкого" (Варшава, 1789-1792) - Примеч. составителя.]

сказывается в обещании убить собаку на могиле предков того лица, против которого истец направил свою претензию». «Какое, спрашивается, – говорит он далее, – основание имеет ингуш к тому, чтобы противиться такому убийству? Примем во внимание, прежде всего то, что собака, хотя и принадлежит к числу животных, посвященных Ормузду, а следовательно, чистых, но труп ее в той же мере, как и труп человека, считается обиталищем нечистого духа (Dvug пази). Всякое соприкосновение с ним необходимо влечет за собою осквернение». Затем уважаемый ученый, давая подобное объяснение словам Потоцкого, другую форму этой присяги, записанную природным чеченцем Ч. Ахриевым в 1871 г.²⁰⁸, по которой предполагается, что убитая собака пойдет в пищу покойникам, считает искажением настоящей древней формы ее. «Смешивая древнеиранскую точку зрения (на собаку), как на животное чистое, с тою, какой по отношению к собаке придерживается Коран (т.е. собака – нечистое животное), ингуш, – говорит Ковалевский, – искажил истинный смысл присяги над собакой». Однако такую точку зрения нельзя признать бесспорною²⁰⁹. Она основана на предположении, что некоторые из обрядов первобытной религии, как, например, постройка кашей, заимствованы ингушами у огнепоклонников, последователей Авесты. На примере полной тождественности в представлениях о душе таких отдаленных друг от друга народностей, как ингуши и буряты, мы уже видели, что ко всяким предположениям о каких бы то ни было заимствованиях необходимо относиться с большою осторожностью. М. Ковалевский, намного раньше цитированного места²¹⁰, сам говорит: «Нет в глазах последователя Авесты искупления для того, кто убьет собаку: он лишается всех благ будущей жизни, а за увечье собаки

---

²⁰⁸ Ахриев Ч. Заметки об ингушах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 281. По объяснению Ч. Ахриева и столетнего Газбыка, убитая на могиле собака должна была, по верованию ингушей, пойти в пищу покойнику. Но М. Ковалевский отрицает такое толкование.

²⁰⁹ Сам М. Ковалевский в своем труде "Современный обычай и древний закон". М., 1886. Т. II. С. 287. 288 и след. при разборе этой и других форм, сходных между собою присяг чеченцев и ингушей, дает другое объяснение факту убиения собаки (и кошки), по моему мнению, единственно верное и не противоречащее религиозным воззрением ингушей.

²¹⁰ Ковалевский М.М. Закон и обычай... Т. I. С. 102; цитировано и у В.Ф. Миллера. Значение собаки в мифологических верованиях. С. 7-8.

подвергается на земле самому страшному наказанию – разрезанию тела на части».

Значит, если бы ингуши были последователями Авесты, как ошибочно полагает М. Ковалевский, то ни в каком случае не могли бы они убивать собаку и для осквернения якобы трупом ее могилы покойника они бы избрали другое животное, но никак не собаку. Тем более неприложимо подобное толкование к ингушам, что, как мы видели выше, говоря о «кашах»; они вовсе не отдавали «нечистые» трупы своих покойников на съедение «чистым» животным, по Авесте, т.е. собакам.

Подобное представление совершенно чуждо чеченской мифологии, и собака, как и осел, и некоторые другие животные, издревле, раньше утверждения у них мусульманства²¹¹, считались не из чистых и никогда потому не употреблялись в пищу и т.п. Другой случай, приводимый М. Ковалевским со слов Потоцкого же (хотя он его толкует в свою пользу, по моему мнению), напротив того, подтверждает взгляд ингушей на собаку, как на животное нечистое. Ответчик, говорится у него, отрицавший свой долг, в доказательство утверждаемого принуждался к совершению следующего обряда: перед одним из священных утесов или так называемых «уерда», игравших в народной мифологии ингушей роль божеств, ставили смесь собачьего кала и костей; после этого должник в присутствии кредитора произносил буквально следующее заклинание:

«Если я говорю неправду, то да понесут мои предки на своих плечах покойников истца по лежащему пред ними пути, после орошения его предварительно дождевою водою и при ярком солнечном свете».

Эти слова вполне объясняются с точки зрения ингушской мифологии: отбросы животного вообще, а тем более собаки, в глазах ингуша считаются нечистыми (как и сама собака); этот путь, загрязненный нечистотами, делается еще более неприятным и грудным от скользкой дороги после дождя, а солнечный яркий свет²¹² еще больше затрудняет ношу покойников вследствие жары. Таким образом, все здесь сводится к самому простому объяснению, и препятствия на пути, весьма натуралистичные, взяты ингушом из обыденного его опыта (как и все на том свете, являющемся отражением этого света).

---

²¹¹ Как мы указывали, в горах Чечни почти до самой половины XIX в. жили одни язычники, враждебно относившиеся к магометанам.

²¹² Наконец, здесь могло быть и простое призывание Солнца в свидетели, что делается ингушами весьма часто при клятвах.

Что касается мусульманства, якобы изменившего воззрения ингушей на собаку, то и это сомнительно: ведь то же воззрение на это животное существует и у хевсур, и у пшавов, тушин и осетин, которые никогда не исповедовали ислама; но главное, во времена Потоцкого ингуши еще не были мусульманами. Наконец, известно, что когда ингуши стали мусульманами, то не только переменили смысл присяги над собакой, а вовсе изгнали этот обычай.

Таким образом, по моему мнению, эти доводы М. Ковалевского, высказанные им в пользу распространенности некогда среди чеченцев учения Авесты, оказываются весьма шаткими сами по себе. Но в ошибочности такого толкования слов Потоцкого меня окончательно укрепляет то, что форму присяги со слов г-на Ахриева вполне подтвердил мне свидетель ингушской старины 100-летний старик Газбык, этот сын XVIII века и живой источник прошлой истории чеченцев.

На основании всего этого я признаю только следующие виды присяги над собакой и у каша (могилы) покойников.

Подозревающий кого-либо в совершении воровства или другого преступления обращается к подозреваемому с требованием, чтобы последний очистил себя присягою. Для этой цели обвиняемый должен был найти собаку и отправить с нею к истцу свою мать или жену. Истец выходил навстречу, и, обращаясь к посланной, говорил:

«Если твой муж (или сын) виновен в том, в чем я его подозреваю (убил или украл), а ты, зная это, скрываешь, то пусть эта собака будет пищею для наших покойников».

Произнося такое заклинание, подозревающий при каждом слове наносил острием шашки удары собаке, которую держала жена (или мать) обвиняемого за веревку. Убив на ее глазах собаку и обрызгав кровью ее платье, истец считал себя удовлетворенным и возвращался домой; а женщина тоже шла восвояси. После такого посвящения собаки²¹³ в пищу покойникам, если подозреваемый действительно был виновен, то его соучастники, чаще всего его родственники, сознавались в совершенном преступлении; но жена, говорит Газбык, боясь мужа, редко выдавала его. Сила такого

---

²¹³ На мой вопрос Газбык говорил, что собаку никак нельзя было убить на могиле, как нечистое животное; иначе такого смельчака ждала неминуемая гибель - месть со стороны хозяев могилы. Этим исключается возможность осквернения могилы "телом" собаки. Но другой, менее авторитетный ингуш, говорил, что убиение собаки бывало и на могиле покойника.

заклинания состоит в том, что для ингушей считается несчастьем обидеть покойников. Последние, как мы уже знаем, вели земной образ жизни и больше всего нуждались в пище, а тут им посвящают собаку, нечистое животное, мясо которого никто не употреблял в пищу. Само собой разумеется, что покойники не остались бы в долгу за подобную дерзость непочтительных родственников.

На той же религиозной почве основана у ингушей и присяга у могилы предков. Газбык говорит, что она применялась в том случае, когда первая присяга не достигала цели. Хозяин похищенного имущества, приготовив предварительно араку и зарезав барана, приглашал подозреваемого со всеми родственниками к себе в дом и, угостив их на славу, отправлялся затем с ними на свой фамильный каш; его сопровождали вооруженные родственники. По прибытии обеих сторон на могилу подозреваемый вешал на спину свою дау, т.е. корзину, сплетенную из хвороста, и служащую, собственно, для таскания соломы с гумна. В эту корзину складывали различные земледельческие орудия и хозяйственные принадлежности, каковы лопата, кирка, предметы женского рукоделия и т.п. Затем на шею подозреваемому надевали веревку и три раза обводили его вокруг каша. При этом потерпевший произносил следующие слова:

«Да будете вы, Солнце, Луна и такой-то (произносит имя почтеннейшего человека из живых) на этом свете, а на том свете такой-то (произносит имя наиболее уважаемого из мертвых) свидетелями, что ты (обращается к подозреваемому) приносишь мне присягу в незнании и неведении о случившейся у меня краже. Если же ты совершил кражу и принимаешь ложную присягу, то да перенесутся на наших родственников, покоящихся в этом каше, все те поминки, какие ты и твои предки делали для своих покойников. Пусть твои предки сделаются подчиненными моих предков (пусть будут под моими предками), да будешь ты сам вечным прислужником мне и нашим покойникам. Но если ты невиновен, то пусть тебя Бог простит».

После таких страшных слов виновный большею частью сознавался. В противном случае он рисковал и сам подвергнуть себя самой страшной участи на том свете – вечному служению другому, и это грозило бедствием для всех его предков, которые также поступают в услужение к другим и вечно будут голодными, несчастными. Сказанным вполне подтверждается наше мнение (в предисловии) о том, что изучение мифологии чеченцев имеет огромное практическое значение; без знакомства с нею невозможно понять многое из образа жизни чеченцев, их внутреннего и внешнего мира.

Не это, однако, соображение руководило мною, когда я останавливался здесь так долго на влиянии культа предков на жизнь чеченцев; того требовала главная задача моего труда – выяснить религию чеченцев, так как нигде в такой чистоте не сохранились верования их, как в вышеприведенных примерах из быта чеченцев. Эти примеры служат довольно полной и яркой иллюстрацией их культа домашнего очага и предков (семейного культа).

Таким образом, можно теперь считать вопрос о существовании у чеченцев семейного культа со связанным с ним неразрывно культом домашнего очага вполне исчерпанным и перейти к более важному и живучему культу предков высшего разряда – культу народных героев. Не следует при этом забывать, что он всецело связан с культом очага, из него развился и до известной степени был причиной сохранения самого культа домашнего очага, хотя, как мы знаем, и в несколько измененном виде, не соответствующем первоначальному его смыслу.

Начиная с Гюльденштедта²¹⁴, Паласа и Георги, в литературе о чеченцах мы встречаемся с безусловным отрицанием каких бы то ни было святых, кумиров и идолов у этого народа. Только граф Потоцкий, как мы видели, дает кое-какие сведения о священных утесах уерда, игравших в мифологии ингушей роль божеств. Так продолжается вплоть до сороковых годов, когда Шегрен дал довольно обстоятельное описание религиозных верований ингушей и указал на почитание ими их святых и богов. После Шегрена появляется ряд описаний празднеств ингушей, сделанных г-ми Селезевым, Берже, Грабовским, Ахриевым, Базоркиным, Головинским, Миллером и др. Почти все эти сведения мне удалось проверить и пополнить на месте.

Опираясь на все имеющиеся у меня данные, должно признать у всех чеченцев существование патронов или богов, общих всему племени, или главных, затем – патронов отдельных обществ (нескольких селений), и, наконец, – покровителей отдельных аулов или отдельных родов. Они носят в Чечне название эрдов²¹⁵ (или ерда), а у ингушей ццу. Но наряду с ццу для некоторых патронов у ингушей

---

²¹⁴ Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809. С 82.

²¹⁵ Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 252, 253; Ахриев Ч Из чеченских сказаний // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V.отд. II.

существуют также и другие названия, как то: ерда и дяла²¹⁶. Каждый аул обязательно один раз в году совершает празднество в честь своего патрона, назовем ли мы его святым, как это делают большинство писателей, или патроном, или, наконец, богом – это совершенно безразлично; нужно только знать; что между этими патронами есть главные, или старшие, ерда и второстепенные, или младшие. Некоторые аулы, признавая главные божества, имеют сверх того особых местных патронов, но другие ограничиваются поклонением одному или нескольким из главных ццу.

В молитве ингуш обыкновенно обращается ко всем ццу, прося у них обо всем, что ему надо. «Старшие» божества (ерда и ццу) отличаются от «младших» еще тем, что они, по большей части, являются покровителями в известных, более или менее определенных случаях; функции их специализированы; «младшие» же входят во все мелочи жизни чеченца. Однако это деление не строго проведено и, как увидим дальше, специализация функций божеств находится еще в зародыше. Все эти патроны суть предки чеченцев: народные деятели, родоначальники, народные герои; но в иных случаях происхождение их забыто, народные имена заменены именами христианских святых; затем явилось признание богов, по-видимому, имеющих мало связи с какими бы то ни было предками (например, бог войны), но, несомненно, созданных по образцу и по аналогии с последними.

Все «старшие» боги чеченцев обязательно имеют храмы или часовни, называемые эльгыц для поклонения; с ними мы познакомимся, когда будем говорить отдельно о каждом боге.

«Младшие» же ерда не всегда имеют часовни или капища; иногда население совершает жертвоприношения просто на открытом месте, а в Галгаевском обществе вместо эльгыц встречаются особо устроенные из камня на возвышенных местах, близ кладбищ, четырехугольные столбы вышиною в рост человека.

У подножья столба с восточной стороны сделана маленькая ниша, в которую молящийся ставит зажженную восковую свечу и, став на колени, кладет туда же свою голову. Молитва совершается по ночам и вся заключается во вкладывании головы в нишу. Около селения Белгатой ичкеринцы указывают на курган Эрды, которому некогда молился народ²¹⁷. Эльгыцы ходят на каши, имеют вид небольшой каменной избушки с проходными дверями – одна обращена к северу, а

---

²¹⁶ Бог называется также "Дяла", "Дэла", "Дели".

²¹⁷ Попов И.М. Заметки о Чечне и чеченцах: Исторический очерк // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.

другая к востоку (бывает и одна дверь). В этих капищах находятся только рога жертвенных животных, принесенные в дар святым, и белые значки, называемые ныч; здесь же иногда попадаются рога оленей, диких коз и туров, принесенные в жертву или в дар охотниками в знак благодарности святому щцу, помогшему им в охоте. Все эти эльгыц, по словам Ганыжа, строились в давнюю эпоху по указанию ясновидцев; к ним во сне являлись духи (тарамы, джины) и указывали им места, где следует поклоняться тому или другому святому; те объявляли виденное народу, и так возникало празднество. Как в Осетии, так и во всей горной полосе Чечни эльгыцы построены, говорят Газбык и Ганыж, во времена Тамары (1184-1207 гг. по Р.Х.)²¹⁸. Старики не помнят, чтобы на памяти прапрадедов их была выстроена хоть одна из часовен. Замечу здесь, кстати, что ингушские щцу или ерда вполне тождественны с осетинскими дзуарами. В. Миллер во II томе своих «Осетинских этюдов»²¹⁹, а за ним и М. Ковалевский считают дзуаров обоготворенными божествами-патронами, духами-покровителями, происходящими от народных героев, родоначальников нынешних осетинских фамилий (Хетаг и пр.) или народных героев – нартов (Сослан и пр.), переименованных часто в имена христианских святых; и эти дзуары подразделяются на более известных, и соответственно с этим имеющих большой круг почитателей, и на менее известных. Дзуары²²⁰ – не что иное, как могилы известных осетинских нартов, говорит М. Ковалевский в одном месте своих замечательных исследований быта осетин и других горцев Кавказа.

---

²¹⁸ Газбык даже говорит, что до Тамары чеченцы не знали ни Бога, ни щцу и жили, как животные, в потемках; но, конечно, для историка религии такое утверждение не заслуживает никакой доверия и является у всех народов обычным способом для указания начального периода их истории.

²¹⁹ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881-1887. Ч. II. С. 255.

²²⁰ Название дзуар, говорит В. Миллер, прилагается и к известному месту, пользующемуся религиозным почитанием, как к месту пребывания почитаемого духа. Иногда дзуар есть древнехристианская церковь или часовня, сделавшаяся с течением времени языческим капищем; иногда – горная пещера, роща, дерево, камень и т.п. Все это, сказанное об осетинских дзуарах, относится и к ингушским щцу; впрочем, деревьев или камней, носящих название щцу, я не встречал среди ингушей, а капища суть щцу не как постройки (эльгыц), а как местопребывания щцу.

Того же нельзя сказать об ингушских «щцу»; хотя и многие нарты считаются «святыми», но им не поклоняются. Говорить о заимствованиях в религиозных верованиях здесь не приходится; основы почитания тех или других святых у обоих народов, а также у соседей их, картвельских и черкесских племен, нужно считать более или менее самобытными, хотя, несомненно, было много и заимствованного. Если у горских татар²²¹ Терской области можно было наблюдать явные следы осетинской культуры, как то сделано Миллером и Ковалевским, то того же нельзя сказать об ингушах, и тот же Миллер, посетивший ингушей в 1886 г., ничего об этом не говорит. Тем не менее я буду указывать иногда на аналогичные верования у осетин.

Следуя принятой мною за основание при изложении идеи развития, я начну говорить теперь о местных патронах, являющихся непосредственным развитием культа ближайших предков.

Местные патроны щцу носят чаще всего имена покровительствуемых ими аулов. По тем предметам, которые находятся в эльгыцах, можно заключить, что к аульным щцу ингуши обращались с молитвой по самым разнообразным поводам. Раз в год все жители известного аула собирались прежде у святилища или на месте, посвященном патрону, и совершали религиозные празднества и жертвоприношения. Об этих празднествах, совершающихся всюду одинаково, мы находим сведения у Шегрена и Ч. Ахриева²²². Накануне праздника все семьи режут по барану, варят пиво, араку и готовят жертвенные блюда, называемые тегум (текым). В день праздника к полудню каждое семейство приносит к назначенному месту (эльгыцу) на круглых деревянных блюдах мясо и по четыре хлебных лепешки (тегум), из коих одна непременно должна быть треугольная. Четыре молодых человека, избранных в распорядители, сносят всю провизию в одно место, делят народ на группы по пять человек в каждой и, рассадив их по порядку, разносят блюда, начиная с сидящих впереди стариков. Когда, таким образом, все приготовлено, один из стариков, знающий обряды жертвоприношений и молитву, берет в одну руку лепешку и голову барана, а в другую стакан араки или пива, и громко произносит молитву, обращенную к аульному щцу. Он просит у патрона дождя в засуху, всякого благополучия, избавления

---

²²¹ Горскими татарами в прошлом веке называли балкарцев и карачаевцев, говорящих на языке тюркской группы.

²²² Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // ССКГ Тифлис, 1871. Вып. V. С. 3-4.

от повальных болезней людей и скота и т.д. Окончив молитву, старик дает попробовать лепешку, мясо и араку или пиво одному из парней, причем последний благовидно снимает шапку. Этим заканчивается обряд жертвоприношения и начинается всеобщий пир, в котором не принимают участия лишь женщины. Пир тянется четыре или пять часов до самого вечера, после чего благодарят патрона и все расходятся по домам. Так совершается празднество в честь аульного ццу, от которого, по верованиям ингушей, зависит все в жизни человека; поэтому в несчастьях всякий просит у него избавления, обещая ему принести обильную жертву; кто не приносит жертвы, тот навлекает на себя гнев патрона и следующее за этим наказание; кто же свято исполняет перед ним эту единственную обязанность, для того он является защитником и покровителем всюду. Таким образом, почитание святого аналогично поклонению предкам низшей градации; разница лишь том, что здесь круг почитателей больше, но ццу является патроном не одного дома, а целого аула, иногда заключающего не один род, а несколько родов. Пожалуй, разницу можно заметить и в могуществе: патрон аульный, не имея себе соперников со стороны патронов соседей, как это было в семейном культе, является единственным господином всех и каждого и волен наказывать одного и облагодетельствовать другого; ему – ццу – приписываются уже атрибуты божества. Отличие его от высших патронов лишь в меньшем регионе действия, а не в могуществе и силе. Аульный патрон, хотя все совершает на пользу людей из корыстных целей, но он в то же время является руководителем людей в отношениях их друг к другу. Как предок семьи был заинтересован в том, чтобы члены ее жили между собою в ладу и помогали друг другу, так точно аульный патрон заботится уже о целом роде и даже о нескольких родах, и для него не безразлично, живут ли они в мире и согласии или враждуют друг с другом; он является их главою, и как таковой (по аналогии с родом и родовым старшиной), понятно, накажет всякого нарушителя такого согласия.

Поэтому, если культ ближайших предков уже играл большую роль в организации семьи и общественной жизни, то тем большая роль принадлежит аульному патрону, на которого мало-помалу были перенесены все функции семейных (домашних) богов – предков и вдобавок к этому прибавлены новые функции соответственно с расширением круга действия его и параллельно с этим явившимся новым отношениям между людьми; одним словом, здесь уже места для эгоизма меньше, альтруизм завоевывает больший круг людей, целые

селения, и религия руководит уже общественной жизнью. В кровных делах уже святилища, а не домашние очаги являются надежными убежищами. Около них медиаторы отправляют правосудие, всякий призывает патронов своего аула в свидетели и клянется их именем. Я уже приводил выше образец присяги у ццу, записанный графом Потоцким в конце XVIII столетия. Позже она была немного видоизменена и теперь является в следующем виде²²³. Газбык говорит, что присяга у святилища совершалась преимущественно по предложению суда медиаторов или посредников (третейских судий). К ней прибегали в крайних случаях, когда все прочие средства (просьбы, увещания, присяга у каша и т.п.) были исчерпаны.

Вера в святость и могущество ццу, говорит Газбык, была так сильна, что присягающий, если хоть немного не был уверен в своей правоте, ни за что не решался на присягу у святилища и весь дрожал от страха пред карой божественного ццу. На принявшего перед ццу ложную присягу, по словам г-на Ахриева, ингуши смотрели как на проклятого Богом и всеми святыми и встречу с клятвopреступником считали признаком большого несчастья; поэтому путники, узнав на дороге, что им предстоит встреча с таким человеком, меняли направление пути, обходили это место и даже возвращались домой. Старец Газбык присовокупляет к этому, что от святилища, где происходила присяга, весь народ бежал прочь; рабочие покидали работу, пастухи угоняли стада и сами уходили, страшась того, как бы эта присяга не оказалась ложною и как бы доля греха клявшегося не пала и на них и не навлекла гнева святого. Неудивительно, что к такой присяге прибегали лишь в крайних случаях, когда все прочие средства к отысканию виновного были исчерпаны. Понятно, какое давление она оказывала и на самих судей и пятерых родственников-соприсяжников подозреваемого в чем-либо.

Самый обряд присяги происходил так. В присутствии судей и пяти соприсяжников присягавший, войдя в ограду святилища, сняв шапку и подняв глаза к небу, произносил:

«Если я повинен в том, и чем подозревает меня такой-то (ими истца), то пусть накажет меня и моих родственников вот этот святой (называет имя святого, которому посвящена часовня) и все святые».

Соприсяжники повторяли за ним те же слова. Если родственники знали, что подозреваемый действительно виновен, то ни

---

²²³ Приведена и у Ахриева в Сб. свед. о Терской области. [Имеется в виду: Ахриев Ч. Заметки об ингушах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.] С. 281; записана и мною со слов Газбыка, о ней упоминает и Шегрен.

за что не присягали за ним и всегда умоляли его лучше сознаться в своей вине, чем подвергать себя и всех их великому несчастью. Они предпочитали собственное разорение и обещали ему, если он сознается, принять на себя уплату искомого имущества или возмездие за преступление. Таким образом, говорит Газбык, когда народ вел более строгий и благочестивый образ жизни, ни одно преступление не оставалось скрытым у ингушей; следовательно, «дикари»-ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого не смогут мечтать дойти когда-либо цивилизованные народы мира. Впоследствии, конечно, с ослаблением прежней веры и присяга потеряла всякое значение для ингуша и чеченца. Теперь присяга на Коране, сменившая древнюю присягу, не имеет и десятой доли того значения, какое принадлежало присяге у святилища. Если подозреваемый решался тогда на принятие присяги, то третейские судьи, давши и со своей стороны присягнув там, что будут решать дела по совести и отцовскому адату, и принявши присягу со стороны обвиняемого с соприсяжниками в том, что они подчиняются их приговору, приступали к разбору дела²²⁴.

Таково значение культа родовых патронов в делах личных, возникающих между отдельными членами рода; но не меньшее значение имел этот культ и в делах общественных, возникавших между целыми аулами, фамилиями и родами. По рассказам Газбыка, границы между землями соседних фамилий (тайпы) определялись камнями, называемыми ардырж, отстоящими друг от друга на расстоянии $\frac{1}{2}$ -1 версты. Когда ставят эти камни, из святилища щу выносят ныч (белый значок) или флаг, призывают святого в свидетели и проносят значок по границе, говоря:

«Кто сдвинет эти камни, пусть тот будет проклят; пусть беда преследует его и его потомство всегда».

Камни также брали от эльгыц, следовательно, эти камни были священные.

Тот, кто ставил камни, произносил клятву:

«Божусь высшим Богом и высокоуважаемым щу божусь, что я ставлю эти ардырж на своей, а не на чужой земле».

При дележе между родами неразделенной земли кидали жребий, говоря:

---

²²⁴ Хотя у меня записано подробно производство дела у щу, но я не решаюсь здесь подробно на этом останавливаться.

«Кто обижает жребий (не поступит по жребию), того и Бог, и святые обидят» (т.е. кто не возьмет себе той части, которая ему досталась по жребию, того Бог накажет).

Камни для разграничения земель от святилища брались таким образом: представители (старшины родовые) двух спорящих из-за границ фамилий (тайп) кидают жребий, кому из них принести камни от ццу (от патрона) и кому поставить их на границу. Та сторона, которой досталась обязанность взять камни от ццу, идет к святилищу, чтобы принести оттуда камни, и предлагает другой стороне поставить их на границе, какую последняя считает настоящей. Случается, что другая сторона отказывается принять камни от первой, и тогда первая бросает камни и, обиженная, с оружием в руках бросается на обидчиков.

Таким образом, руководящая роль религии, почитание аульных патронов имели громадное значение в устройстве как личной, так и общественной жизни ингушей. Эти аульные патроны сохраняют некоторую силу и при существовании патронов целого общества и мало-помалу или сами превращаются в общественных святых, или уступают место другим.

Из аульных патронов назову следующих, известных мне из личных расспросов и по литературным источникам. Об одних из них имеются более или менее подробные сведения, а о других, кроме их названий, не сохранилось ничего.

В Джераховском обществе, близ селения Пхومات, находится святилище в честь аульного патрона, носящего имя самого аула, а именно – Пхومات-ерда. В честь него празднуется один день в ноябре месяце.

Возле селения Байни(?) Мецхальского общества²²⁵ находится святилище Баин-сели, которое впоследствии утратило свое значение и стало играть подчиненную роль общеингушскому святому Мятцели.

Недалеко от аула Ага-Кале (?) в Галгаевском (Хамхинском) обществе, против селения Таргим (?) на берегу реки Ассы, находится христианский храм Алби-ерда (по имени строителя)²²⁶, впоследствии

---

²²⁵ Селения, отмеченные знаком (?), в последнем Списке населенных мест Терской области, изданных в 1890-1891 гг., не указаны. Одни из них переменили названия, другие - исчезли, и теперь невозможно с точностью установить их современное название.

²²⁶ Головинский П.И. Указ. соч. С. 247; Миллер В.Ф. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Археологического общества, снаряженной на Высочайше дарованные средства. М., 1888. Вып. I. С. 5.

превращенный в языческое святилище. Это небольшое сооружение из тесаного камня в виде прямоугольника, тринадцать шагов длины и восемь шагов ширины. На восточной стороне, говорит В. Миллер, внутри храма видны следы алтарного абсида и окно с полукруглым сводом; в южной стене проделаны два окна и между ними – низкая и широкая дверь; на западной стороне высоко виднеется тоже окно, а северная сторона совершенно глухая. В этом здании прежде справляли празднество, приносили жертвы турами и пировали.

Недалеко от Алби-ерды поклонники шли к святилищу Аушасел, по форме напоминающему чеченский могильный памятник (каш), но украшенному оленьими рогами и с нишей внутри в стене (как бы вместилище для иконы); двухскатная шиферная крыша имеет в длину 4 ½, а в ширину – 2 шага. Это, видно, была приходская церковь, обратившаяся, как и все другие церкви, впоследствии в место для совершения языческих празднеств.

Жители селения Тумгой Хамхинского общества праздновали ежегодно три ночи и три дня в честь местного патрона Тумга-ерда, имеющего также свой эльгыц, с каменной оградой вокруг, возле которого находятся два каменных памятника, поставленных тумганцами своим предкам по имени Гуй и Цикма²²⁷. Тумгинцы себя называют гуйнбух, т.е. «потомки Гуя».

---

²²⁷ Здесь Б. Далгат имеет в виду предание о двух братьях. Гуй и Цикма, которым в селении Тумгой поставлены два каменных столба их предками. По рассказу Газбыка Б. Далгату, Гуй был двуротый: один рот - спереди, а другой - сзади. Мясо ел он передним ртом, а суп – задним. Передним ртом он брал мясо с костями, а задним - выбрасывал кости. Зараз он съедал целого быка. Когда он кричал, то его слышали от Хамхинского общества до Джераховского, через горы и леса. Роста он был огромного, богатырского (могила его имеет 5-6 сажений длины)... Брат его Цикма поссорился с ним и переселился в Цори... Самое переселение Цикмы в Цори произошло по следующей причине. Однажды Цикма, рассердившись на брата Гуя, повез его в Тифлис и там передал в руки ханов, которые заковали его и цепи. Но Гуй одним движением разорвал цепи и возвратился домой. На пути к родине, верст за 20 от Галгая, он крикнул брату: "Смотри, берегись, брат, я иду, не попадайся мне на глаза!" Цикма, услышав грозный голос Гуя, бежал в Цори. Гуй остался жить в Тумгое один; его потомки и по сей час живут в Тумгое (см.: Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия ингушского НИИ. Грозный, 1935. Вып. IV). Известны и другие предания чеченцев о трех братьях: Га, Ахо (или Ако) и Шото, которые будто бы были

Святылище Дзорох-Дэла находится в Галгае (Хамхинском обществе); празднество бывает раз в год, в месяц наджиганцхой-бут, зимою²²⁸.

Мало-помалу, с увеличением населения аула из него выходили отдельные семьи и, поселившись вблизи, не прекращали связи ни с родным аулом, ни с его патроном. Таким образом, круг почитателей аульного святого увеличивался, и патрон одного аула становился общим патроном для целого общества и даже нескольких обществ, а иногда и всего чеченского народа. У такого патрона увеличивался круг почитателей, о нем знали всюду среди племени, устанавливалась за ним известная традиция, накопленная веками, и он становился еще больше «богом», чем простой аульный патрон. Он исполняет почти те же функции, которые присущи аульному щу, но круг почитателей у него обширнее, следовательно, поклонение ему приобретает общенародный характер; это важный шаг в развитии общественной жизни ингушей; перед ним все ингуши равны, и все братья; он руководит жизнью всего народа; в его лице народ дошел до крайнего предела в развитии культа народных патронов или предков. Здесь уже мы встречаемся с более сложными обрядами, с более определенными функциями божеств, с типичными формами почитания, с развитым, сравнительно, выработавшимся жречеством и с появлением изображений богов в виде идолов. Многие из этих высших богов сохраняют черты предков ингушей, но рядом с ними встречаются имена христианских святых, а иногда являются боги совершенно новой категории.

Из обще ингушских богов-патронов большою известностью пользуется Галь-ерда*, упоминаемый еще в 1810 г. в договоре ингушей с русскими. Плоскостные ингуши называют его «кумиром», обитающим в горах. Этому ерда посвящены храмы, оставшиеся от времен христианства, и в его честь выстроено несколько новых капищ в Хамхинском и Мецхальском обществах. Главный храм,

---

родоначальниками всего чеченского племени (Головинский П.И. Указ. соч. С. 241-242; см. также: Берже А.П. Указ. соч. С. 134-135). Что касается предания о братьях Гуге и Цикма, которое названо в рукописи Б. Далгата, следует сказать, что оно напоминает библейский сюжет об Авеле и Каине.

²²⁸ Выстроил этот эльгыц лет 400 тому назад предок нынешних Дударовых, ингушей по происхождению, выселившихся, как и многие другие ингуши, в Осетию.

* Б.К. Далгат сохраняет в тексте разные огласовки имени бога Гиль-ерда (Галь-ерда).

замечательный памятник грузинской архитектуры, находится около селений Агенты и Тарш Мецхальского общества.

Шегрен говорит, что ингуши клянутся именем Галь-ерда и в его (Шегрена) время (1846) все ингуши, плоскостные и горные, приносили ему жертвы на Троицу и Новый год (нюжд-уай). Он не имеет олицетворения и считается духом. Ему посвящены церкви и часовни, оставшиеся от времен христианства, и выстроены новые капища. На Новый год ему приносили в жертву преимущественно вновь отлитые пули, зажигали свечи. Приношения эти оставались в капище, а пир и веселье шли своим порядком²²⁹. Тогда же происходили и новогодние гадания ясновидцев и предсказания на будущий год. Головинский говорит, что часовня в честь Гиль-ерда находится на горе того же имени; весной ему приносят жертвы и просят покровительства, детей и приплода скота²³⁰. Газбык говорил мне, что Галь-ерда находится в Галгаевском обществе. Вот что о нем сообщает Миллер²³¹. Святылище Галь-ерда – очень интересное здание, выстроенное из камня и вымазанное известью; длина его 5 ½ и ширина 3 ½ метра. Внутренность здания разделена двумя арками на три равные части: алтарь, храм и притвор христианской церкви. У стены алтаря стоит каменная плита с двумя небольшими нишами одна над другой, наводящими на мысль, что в них стояли иконы (это иконостас, точнее, кивот). Близ здания на стене сложены приношения охотников – олени рога в огромном количестве. Здание окружено каменной оградой в два аршина вышины. По всей внутренней стороне ограды устроены небольшие ниши, отделенные одна от другой промежутком в пол-аршина; внизу у стены под каждой нишей лежит удобный для сиденья плоский камень. Летом в определенный день, когда ходят к Галь-ерде, каждый отец семейства садится на камне близ своей ниши, в которую кладет жертвоприношения (каждый имеет свое постоянное место); следы этих жертвоприношений – шомпоры и черепки, стеклянные или глиняные. У этого ерда, очевидно, ингуши просили обо всем. Ниши для жертв составляют оригинальную особенность, которой мы не находим в святылищах других ццу.

---

²²⁹ Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников // Кавказ. 1846. № 27-30; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I, ч. I. С. 383-388.

²³⁰ Головинский П.И. Указ. соч. С. 252.

²³¹ Миллер А.Ф. Материалы... С. 3.

Известен также Мелер-ерда, покровитель плодородия и напитков, изготавливаемых из хлеба²³². Шегрен упоминает еще об идоле Гушмале, которому посвящено много церквей и который пользуется уважением многих аулов плоскостных ингушей и даже соседних племен²³³.

По словам Газбыка, хамхинцы на горе Маги в ноябре месяце молятся и приносят жертвы Маги-ерде, громадный эльгыц которого построен по указанию духов ясновидцев. Он же сообщил мне о существовании у ингушей бога войны, называемого Молдзы-ерда, что означает «проворный ерда (дух)». Он, подобно Аресу, шел на войну впереди ингушей и нес им победу. Благодаря ему люди становятся проворными, храбрыми, непобедимыми. Его никак нельзя было уязвить, потому что он подобен тараму (духу); покровительствуемые им люди также были неуязвимы. Поклясться его именем никто не осмеливался; иначе и правая, и виновная сторона останутся без детей. Его почитали ингуши всех обществ и горные чеченцы. Он не является уже предком того или другого общества, а создан для выполнения функций, общих всему племени. Ему молились, приносили жертвы и просили помощи на войне.

Газбык сообщил сведения и о другом ццу, неизвестном до сих пор в печати. В древнейшем из селений Мецхальского общества Арзи, по преданию, жили две фамилии ингушей. Вследствие ряда неурожаев одна фамилия решила переселиться к христианам Бацой (?) за Галгаем*. Когда эта фамилия начала подыматься в горы, у одной девушки закружилась голова и она воскликнула: «Дялой, ва Дялой!» (Боже, о Боже!). Вдруг все покрылось непроницаемым туманом, а когда он рассеялся, на голой до того времени песчаной почве зеленела сочная трава. После этого чуда половина фамилии (Хили-уачи) вернулась обратно и поселилась в Арзи. В настоящее время из этой фамилии в Арзи остались всего три дома Ораковых, прочие вымерли. Эта-то именно фамилия в ознаменование чуда выстроила часовню Боллом-Дяла («бог Боллом»). Ежегодно во время покоса устраивается в честь Боллом-Дяла празднество и жертвоприношение. Кругом святилища располагаются мужчины и отдельно от них женщины с девушками. При святилище находится жрец цайнсаг («человек святилища», осетинское – дзуарлаг), обязанности которого исполняет

---

²³² Головинский П.И. Указ. соч. С. 254.

²³³ См. также: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 388 и след.; Селезнев М.А. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. II. С 35.

* Другая фамилия переселилась в горную Осетию.

один из фамилии Ораковых. основателей святилища. Он выбирает шесть женщин и трех девушек, а остальных отгоняет палкой, чтобы не мешали совершать молитвы. Избранные девушки и женщины в течение трех дней держат строгий пост, даже не пьют воды. Празднество продолжается три дня и три ночи. Во время молитвы жрец держит в руках деревянный молот и доску, стоя на некотором расстоянии от толпы. Эту обязанность жреца непременно должен исполнять один из фамилии Ораковых, основателей этого святилища. Они являются, таким образом, наследственными жрецами. Жрец в молитвах просит у Болом-Дяла урожая, приплода; в это время около него справа стоит старшая из трех девушек, а другие две, помоложе, стоят слева; все шесть женщин становятся в ряд позади двух девушек, стоящих слева.

Цайнсаг во время молитвы ударяет деревянным молотом о доску, девушка справа выходит вперед и делает три круга на месте, все женщины и старшая девушка, исключая двух младших, в это время нараспев кричат: «Далай! Белой!» Жрец просит Болом-Дяла о ниспослании благодати. Так повторяется несколько раз, а затем, после короткого отдыха, начинаются танцы, режут баранов, причем старшей девушке и старику-жрецу дарят пшеничные колокольчики (?) и цельные ляжки баранов. Всякий, кто хочет, чтобы за него помолился жрец, подходит к нему с чашей пива; жрец берет чашу и просит у Болом-Дяла за него. После этого празднества, немного времени спустя, шли еще в два другие места (возле селения Тарш) молиться младшим Болом-Дяла. Вообще, прибавил сам старец Газбык, много было мучений и труда с этими праздниками для народа.

По окончании празднества в Арзи дня через два-три шли в селение Кельбижти и там повторяли то же самое. Через день после этого идут в Махате (местность, где протекает речка того же имени); три девушки и шесть женщин гадают, бросая чевяк (кожаная обувь) правой ногой вверх так, чтобы он в воздухе несколько раз перевернулся: если чевяк упадет на землю подошвой вверх, то это предвещало несчастье, а вниз – наоборот, счастье, а на бок – неопределенно. После этого гадания все поднимаются на гору, и те, кому предсказано счастье, радуются, а те, кому – несчастье, горюют. На горе у родника выстроен эльгыц без крыши, где также молятся Болом-Дяла. На празднествах всегда фигурируют и восковые свечи. На этой горе, говорит Газбык, находится несколько тысяч подземных

могильников с входными отверстиями*. В каждом из них виднеется не менее сорока черепов, есть могильники и со 100 и более черепами. Это место считается святым, и оно даже в непогоду «бывает освещено солнцем»: кто туда попадет по смерти, тот будет счастлив на том свете.

Сколько интересного в этой повести старца Газбыка! Как наглядно и безыскусственно нарисована здесь картина происхождения религиозного поклонения. Бог послал голодающим арзинцам урожай, и они молятся и просят у него, главным образом, урожая и всякого приплода; девушка была видимой виновницей чуда, и она принимает главное участие в молитвах богу. Мы наблюдаем здесь также оригинальный тип жреца – посредника между людьми и богом; видим и то, как с течением времени божество отдельного рода, по мере утверждения за ним традиционной молвы, становится божеством целого аула и даже общества.

Из прочих ингушских богов-патронов я уже упоминал Мяцхали; празднество в честь этого ццу бывает во время покосов в месяц того же наименования, спустя три недели после празднества Мятцели, которое не нужно смешивать с первым. Празднество происходит в воскресенье около эльгыца, находящегося между селениями Мецхал и Гаркой на горе. Имя этого ццу сохранилось в названии месяца. Он пользуется всеобщей известностью, у него, с жертвоприношением и молитвами, просят обо всем.

По рассказам стариков, около селения Хули* находится церковь Зодцох-ерда, выстроенная лет четыреста тому назад предком нынешней осетинской фамилии Дударовых, впоследствии выселившегося в Осетию, и оставившего фамильную башню в Мецхальском обществе. Эти выселения в Осетию бывали в старину довольно часто.

Перехожу теперь к самому замечательному памятнику старины в землях чеченского племени, о котором много писали, начиная с Гюльденштедта и Палласа и кончая профессором Миллером. Самое здание превосходно исследовано Миллером, а мне удалось записать предание об этом памятнике. Я говорю о церкви Тхаба-ерда (тха – двадцать, ба – сто и ерда – дух, святой).

---

* Жаль, что экскурсия [т.е. экспедиция] во шлаве с Миллером не посетила этих мест и не исследовала могильники.

* Под названием Хули существует два селения: Верхнее Хули и Нижнее Хули.

Все, писавшие об этом храме²³⁴, слово Тхаба-ерда переводят так: «две тысячи святых»^{**}. Когда я сообщил об этом старику Газбыку, то он улыбнулся и сказал, что это неверно, а что нужно; переводить так: «Святой (ерда) двух тысяч», людей, живших вокруг церкви, составлявших один приход и почитавших этого ерда, которому и была посвящена церковь. Несомненно, это так есть, и думать, что ингуши могли построить одну церковь для двух тысяч святых, каковое число не наберется, может быть, во всей Чечне, не согласно с истиной. Таким образом, эта церковь является местом молитвы двух тысяч дворов. Гюльденштедт²³⁵ рассказывает о старинной церкви в горах у ингушей, которая, по всей вероятности, и есть Тхаба-ерда. Престарелый, благочестивый житель пустыни Цани-стаг (т.е. Цайн-саг), живущий в высочайших горах возле этой древней церкви, освящает при наступлении первого мяседа овец для заклания; в церкви находятся, по слухам, статуи, а под сводами – и рукописи, книги. Впрочем, это описание можно отнести и к Галь-ерда. и я не настаиваю на том, что здесь непременно идет речь о Тхаба-ерда. То же должно сказать и об описании Палласа²³⁶. По его словам, ингуши (кисты) поклоняются Богу, называемому ими Дайле; ему поклоняются те из них, «кои пребывают в древнем законе, который нельзя считать идолопоклонством», имеют два поста – один весною, другой – осенью. «После поста главный жрец закалывает овцу и, отведав жертвы, разрешает мясоедение. Этот жрец или пустынный, называемый грузинами Цани-Стаг (святой человек)²³⁷, живет всегда при старинной каменной церкви, стоящей на высокой горе между верховьями Сунжи и Камбилеевки. По сказанию одного римско-католического проповедника, видевшего эту церковь, она построена по образцу церкви Спасителя в Иерусалиме; на преддверии находится готическая

---

²³⁴ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 16; Берже А.П. Чечня и чеченцы. С. 84; Миллер В.Ф. Материалы... С. 8; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 383-388; Головинский П.И. Указ. соч. С. 247 и след.

^{**} См. главу I настоящего труда.

²³⁵ Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 82, 112.

²³⁶ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. I. С. 160-163.

²³⁷ Неправильный перевод; нужно перевести словами: "Человек святилища, жрец".

надпись*; такого же письма есть и книги, писанные золотыми, голубыми и черными буквами; они хранятся в храме, как святыня, и никто к ним не прикасается. Церковь эта пользуется большим уважением среди ингушей, имеет доходы, платимые скотом²³⁸. Увидев эту церковь издали, всякий падает ниц, и никто не смеет в нее войти. Имя церкви упоминается в клятве, а стены ее служат убежищем для больных и несчастных; вокруг нее выстроено около тридцати келий, напоминающих монастырские. Здание, несмотря на ветхость, весьма прочно». Грабовский, Берже и другие пишут, что эта церковь пользуется таким уважением, что жители оставляют без присмотра близ нее хлеб, сено, дрова и прочие предметы в уверенности, что ерда, или церковь, ему посвященная, защитит их имущество, и никто не посмеет коснуться его.

Там же, в другом подземелье, хранятся греческие книги и церковная утварь. Празднество в честь Тхаба-ерда совершается, говорят они, два раза в год на Пасху и Троицын день; по словам же Миллера и Газбыка, – раз в год, летом (на Красную горку), и на молитву собираются одни мужчины. В жертву святому, говорит Берже, приносят быков, баранов; кровью их опрыскивают помост и Стены церкви, а головы жертв прибавляют к стенам церкви, после чего, по обыкновению, бывают пирушка и джигитовка. Вот что говорит Миллер об этой любопытной древности. Церковь Тхаба-ерда находится в Галгаевском обществе, в долине реки Ассы, в 300 шагах от небольшого аула Хайрых (Хамхинского общества); вокруг нее расположены многочисленные могильники.

По преданию, в Таргиме, недалеко от церкви, жили лучшие чеченские фамилии. По народной легенде, в ауле Эги-кале, там же в горах, жили некогда три брата. Когда род их размножился, они разделились, и один остался в родном ауле, а двое других – Таргим и Хамхи выселились и основали два аула их имени, существующие и ныне.

Храм имеет вид прямоугольника. 17 метров длины и 7 ½ метра ширины. Стены его – из тесаных камней, кладка на извести, толщиной 0,8 метра; внутренность разделена тремя высокими остроконечными сведенными арками на четыре части: алтарь, храм, трапеза и притвор.

---

* Оказалась впоследствии грузинскою.

²³⁸ Не извращение ли это обряда жертвоприношения? Например, это плата духовенству за службы. В древнем Киеве была десятичная церковь, духовенство которой вместо жалования получало десятую часть доходов прихожан, как теперь у ингушей муллы (закят).

Алтарь лежал на один аршин выше храма; в абсиде алтаря находится полукруглое, сложенное из камней сопристолье, возвышающееся на аршин над алтарным полом; церковь выстлана плитами. Обе двери с запада и с юга украшены орнаментами (на плитах). На южной стене находится одно окно; на восточной стене – окно шире и с барельефами: изображение человека, борющегося со львом (Самсон?) и еще две неопределенные фигуры. Над входной дверью, на западе, – самый любопытный барельеф: человек, сидящий на седалище, с моделью церкви на голове; по бокам его – две стоящие фигуры: правая держит в левой руке крест, а в правой – рукоять меча; левая фигура – в епитрахили и с кистями винограда на плечах; около изображения модели храма сбоку на плите высечена рука, держащая наугольник; над правой фигурой с крестом вделана плита с плохо сохранившеюся грузинской надписью*, и такая же надпись помещается с левой стороны, несколько выше первой. В той же западной стене, по обеим сторонам среднего барельефа, вделаны плиты с изображением двух ангелов; над барельефом, под коньком, – еще плита с неясной человеческой фигурой, с рукою на рукояти меча. Эти плиты, по мнению жителей, привезены из Грузии. В стенах церкви вделаны плиты с изображениями людей и животных (Газбык говорил мне, что это медведи и пр.). Вокруг церкви каменная ограда с барельефами на воротах. В пространстве между южной стеной церкви и стеной пристройки видны остатки свода и заваленный камнями вход в склеп, содержащий человеческие кости с чудодейственной силой.

Многие авторы писали о народном поверье про эти кости: ингуши говорят, что они необыкновенной величины (два аршина длины берцовая кость) и принадлежат жившему некогда в горах, до прихода ингушей, народу вампол (великаны); если во время засухи, откопав эти кости, понести и погрузить в речку с молитвою, то, говорят они, непременно пойдет дождь.

Вскрытие склепа Миллером обнаружило, что эти кости – обыкновенные. Надписи на плитах оказались грузинскими и дают интересные сведения о времени постройки самой церкви.

Переводчик их, ныне покойный грузинский археолог Бакрадзе говорил, что при посещении им церкви Тхаба-ерда в 1875-1876 гг. было не две, а четыре надписи, и сама церковь находилась еще в исправности (то же подтвердил и Газбык). Надписи гласят, что церковь построена царем Давидом (патроном) в округе епископа Георгия в 830

---

* Перевод надписи приведен в I главе, с. 44.

г. по Р.Х. Известно, что предание относит постройку ее ко времени Тамары (1184-1207); тут, конечно, большая доля истины, и нужно только удивляться памяти народной, верно передающей события, случившиеся чуть ли не тысячелетие тому назад.

По словам Миллера, к церкви собирались жители окружающих аулов один раз в год на Красную горку; в первом отделении церкви праздновали яулинцы, во втором – акальцы, в третьем – хамхинцы, в четвертом – таргимцы. Они резали скот, варили пиво, просили у ерда урожая, держа шапки под мышками.

В настоящее время молодое поколение смотрит на прежние обряды, как на идолопоклонство, и древняя церковь постепенно разрушается.

Старик Газбык, рассказ которого о церкви поразил меня своим совпадением по точности описания с исследованиями Миллера, говорит, что церковь эта величиною будет с двухэтажный домик (городской) и вмещает в себя 60-70 человек молящихся. Построили ее две тысячи дворов пришлых христиан – грузин – во времена Тамары. Глава их побратался и породнился с одним из ингушей (галгайцев), но впоследствии этот галгаец объявил ему, что им обоим стало жить на этой земле тесно и что тот должен удалиться туда, откуда прибыл со своим народом. Грузины повиновались необходимости и ушли обратно в Грузию (ныне Тионстский уезд), оставив после себя церковь, постройки и множество садов. После них галгаевцы стали ходить на поклонение к покинутой церкви. Об уходе этих грузин у меня имеется хорошо сохранившееся предание²³⁹, имеющее к тому же за собою еще большую древность, чем рассказы столетнего Газбыка.

Житель селения Сурхахи Темурко Ведигов передавал Даниилу Котиеву следующий рассказ одного горца, галгайца, которому в то время, когда он рассказывал, было от роду сто сорок лет. Когда этому старику было еще около десяти лет, у них в селении была одна дряхлая старуха, тоже около ста лет. Однажды, когда она грелась, лежа на солнце, он и другие ребятишки стали кидать в нее камушками. Старуха рассердилась на них и проговорила: «Чтобы быть вам под властью (в подчинении) русских (христиан)!» Мальчики задумались над этим словом, впервые ими слышанном, и спросили у старухи, что это за слово «русские?». Та отвечала: «Когда я была еще маленькой девочкой, в том месте, где теперь находится Тхаба-ерда, жили русские

---

²³⁹ Записано мною в селении Плиево, возле Назрани, 11 сентября 1892 г.

люди, христиане, подданные одного князя. Они жили дружно и были сильны. В это время там жил один ингуш, жена которого была до того красива, что только и было разговору о ее красоте. Человек этот был в самых хороших отношениях с христианским князем: они до того уважали друг друга, что дали клятву ни в какой просьбе один другому не отказывать. Однажды князь сказал этому человеку: «Все говорят, что жена твоя – красавица; подари мне ее». Человек этот впал в горе: не отдать жену не было возможности, так как он дал клятву исполнить всякую просьбу князя. А клятва тогда считалась не тем, что теперь! Но и отдавать ее не хотелось. Он пришел домой и передал жене предложение князя. Жена сказала, чтобы он не грустил об этом; она научит его, как отомстить князю; пусть он скажет ему: «Жену я дарю тебе; но так как я исполнил твою просьбу, то и ты должен исполнить мою; возьми жену и уходи отсюда со всем своим народом и дай мне слово честное, что ты никогда не вернешься сюда обратно». Муж так и сделал. Князь не мог не исполнить просьбы галгайца и, взяв его жену, ушел от Тхаба-ерда со всем своим народом».

Судя по времени, протекшему с детства столетней старухи, когда еще у Тхаба-ерда жили грузины, надо полагать, что это происходило лет 300 тому назад, т.е. они покинули землю галгайцев приблизительно в XVI в.; несомненно, с их уходом прекращается в горной Чечне и христианское влияние из Грузии. Исторические справки показали выше, что это время было вообще эпохой ослабления Грузии и влияния ее на остальной Кавказ. Случайный рассказ ингуша вполне подтверждает эти исторические указания. Церковь же Тхаба-ерда играла в жизни ингушей такую выдающуюся роль, будучи центром религиозного поклонения в стране их праотцов в Галгае, что и до самых последних дней они не перестают говорить о ней и даже выдумывать новые рассказы, легенды и предания по этому поводу. Вот одна легенда, происхождение коей нужно отнести ко временам мусульманства²⁴⁰.

Есть предание, что Муртузали-Пайхумар*, по своей смерти оставил шашку, которую ни один человек не мог поднять с земли. Бог послал своего ангела, повелев ему бросить эту шашку в море. У Муртузали было два сына, которые не позволили ангелу исполнить повеление Бога. Ангел сказал им: «На что она вам; вы ведь не в состоянии и поднять ее». Они стали утверждать, что могут ее поднять,

---

²⁴⁰ Записано мною со слов Ганыжа.

* Муртузали-Пайхумар – у мусульман пророк Али. – Примеч. составителя.

и начали пробовать. Младший не смог поднять, но старший прочел молитву отца и поднял се. Ангел говорит: «Хотя поднять-то смогли, но вынуть из ножен не в состоянии». Старший сын опять прочел молитву и хотел вынуть шашку, но не смог этого сделать. Тогда Ангел сказал: «Что Бог повелевает, то нужно исполнить; эта шашка для вас не годится, и ее нужно бросить в море». Сыновья послушались и шашку бросили в море: море разошлось и скрыло в себе шашку; на этом месте, куда бросили шашку, из моря вышла красная струя крови, отчего море названо Красным.

Эти оба сына пророка Муртузали ходили воевать с «неверными» до самой Тхаба-ерда. У них был Коран; на всех четырех углах его висело по золотому кольцу. У Тхаба-ерда «неверные» погнали их и убили одного из братьев. Тогда ангелы сказали оставшемуся в живых: «Хочешь, бери Коран, хочешь – брата²⁴¹, одно из двух». Тот ответил, что он предпочитает взять брата. Коран от такого неуважения к нему растаял, на том месте гяур построил эльгыц (храм). Этот эльгыц есть Тхаба-ерда. Чрез это событие христиане взяли верх над мусульманами на Кавказе. Говорят, что строитель Тхаба-ерда – женщина Тамара. Ингуши в Тхаба-ерда просили покровительства богов, нередко оно служило местом суда божьего его именем клялись. Туда же сходились жители Галгайского и соседних обществ для решения дел самых серьезных, общественных, имеющих внутренний и внешний интерес для целого народа. Вот что рассказывали мне старики об одном из таких собраний.

Давно еще у Тхаба-ерда собрались ингуши всех горных обществ, Галгаевского, Цоринского, Акинского, Джераховского, Мецхальского и прочих, и, желая прекратить вражду и беспорядки, решили избрать себе князя. Выбор пал на Дзига Газдаева, жителя селения Кекели, Хамхинского общества. Но он долго не являлся на собрание. Его все ждали, так как он был человек высоко одаренный, почти святой. Наконец он явился в своем роскошном одеянии (роскошь не уважалась ингушами, и никто, кроме него, не носил такой одежды), но подпоясанный не серебряным поясом, а веревкой из ослиной шерсти (по другому варианту, ремнем из ослиной кожи с болтающимися на нем ослиными ушами).

Ему объявили, что весь народ избрал его своим князем. «Хорошо, я, пожалуй, согласен. Дело хорошее; для борьбы с врагами

---

²⁴¹ Позор для ингуша (и чеченца вообще) покинуть тело убитого товарища.

будет хорошо соединиться вам под одну властью». После этих слов, жители, обратив внимание на его пояс, спросили, зачем он носит такой безобразный пояс. «Разве он не идет мне?» – спросил он. «Нет, он не подходит к твоей одежде и тебе самому», – ответили жители. Так знайте же, как не идет мне этот пояс, так не подойдет для вас, народ ингушский, какой бы то ни было глава или старший. Мы все равны и свободны, и едва ли ваше решение применимо к нам». Ингуши подумали и, решив, что Дзига прав, разошлись по домам.

В Акинском обществе горной Чечни до сих пор известно лишь одно место поклонения жителей этого общества. Это святилище возле селения Галанчодж, посвященное богу Мизр. По преданию, оно построено лет 400-500 тому назад. Ипполитов говорит, что здание служило церковью и даже монастырем для чеченцев, ингушей, тушин и т.д. Но профессор Миллер, посетивший его в 1886 г., высказывает сомнение насчет пригодности его для этой цели и считает обыкновенным языческим святилищем, куда ингуши ходили прежде молиться и совершать жертвоприношения стоявшему там идолу. На следы культуры, бывшей на этом месте, указывает искусственно разведенная роща у озера. Эта роща и теперь еще считается неприкосновенной и никто не смеет рубить ее²⁴².

Профессор Миллер упоминает еще о каменном здании Тушоли, находящемся в местности аула Махде* Мецхальского общества. Оно имеет всего в длину одиннадцать и в ширину шесть шагов. Самым священным местом считается угол на восточной стороне; сюда кладут пули, ставят восковые свечи, сосуды с пивом и т.п. Каждое общество, прибавляет Миллер, по-видимому, имело свой особый Тушоли. [Конечно, тут разумеются здания, а бог Тушоли, которому они посвящены, был один.] После поклонения Тушоли местные жители ходили на гору Делите (Дели – «Бог», те – «верх»), на которой было несколько священных мест, а самое священное – наверху, с железными крестами. Но что такое Тушоли – ни профессор Миллер, ни другие писатели не выяснили. Как я узнал от стариков, Тушоли – это святой или божество, признаваемое всеми чеченцами без исключения; это

---

²⁴² Миллер В.Ф. Материалы... С. 21-23; Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) //ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 48; Головинский П.И. Указ. соч. С. 247. Священных рощ в Чечне вообще мало, но все-таки они не чужды чеченской мифологии. Страною их распространения следует зато признать Осетию.

* Такого названия в современном списке горных аулов нет.

один из главных ццу, имя которого упоминается и в клятвах, и во всех молитвах, даже если чеченцы молились у другого святилища. По его имени называется даже месяц Тушоли-бут (апрель). В последнее воскресенье этого месяца²⁴³, называемое Тушоли-кириде (воскресным Тушоли), ежегодно совершается в описанном святилище особое религиозное празднество в честь него. Тушоли особенно почитается женщинами. Они называют его Дяла-ёх-Тушол, что в буквальном переводе значит: «Божье лицо Тушол». Горные ингуши восточной половины (галгаевцы, хамхинцы, цоринцы и акинцы*) имели одно общее место для поклонения Тушоли возле селения Карт Хамхинского общества; а жители западных обществ (Мецхальского и Джераховского), а также и плоскостные ингуши сходились к святилищу между селениями Оби и Ляжги. Газбык говорит, что в святилище Тушоли Мецхальского общества прежде находилось несколько шестов с колокольчиками, посвященных ццу, а также голубь и образ (фигура) женщины со слезами на глазах; то и другое сделано из жести (бронзы?). У этого ццу женщины вымаливали сыновей.

Жрец (цайнсаг) просит за них, обратившись к ццу с молитвою. Шестнадцать человек смотрели свет в ццу, который посылается святым и проходит от одного святилища к другому. Видевший свет, снимая шапку, говорил: «Дай Бог ему в жертву быка!»

С тем, кто не почитает Тушола, бывает дурно, непременно приключается несчастье, так как это – дух (тарам) Божий, указанный одаренными стариками-ясновидцами. У галгайцев Тушоли был еще в большем почете, чем у мецхальцев. Для него выстроен отличный эльгыц, при котором находится постоянный жрец – цайнсаг. Приходящие на поклонение жертвуют деньги, которые идут на ремонт дороги, ведущей к Тушоли, и на угощение пришедших гостей, считающихся на попечении у жреца.

В эльгыце находится отлитый из серебра идол женского пола, величиною с новорожденного ребенка; это – изображение Тушоли. Под глазами у идола слезы; народ говорит, что ее изнасиловал Хагыр-ерда (Скала-ерда), вследствие чего она заплакала. К скале возле селения Берхай неизвестно кем вбиты железные крючки, висящие на гвоздях, на высоте трех сажен от земли. У идола руки опущены вниз;

---

²⁴³ Это сообщил мне Ганыж; Газбык говорил, что празднество бывает в первое воскресенье после Пасхи.

* Акинский Тушол был около селения Махде (?). [Б.К. Далгат сохраняет в тексте разные огласовки имени бога Тушоли (Тушол). – Примеч. составителя.]

сам он в стоячем положении, женские груди и отверстие свидетельствуют о том, что этот святой – женского пола, почему и становится понятным преимущественное почитание его женщинами. Величиною серебряный идол будет, говорит Ганыж, видевший его собственными глазами, с новорожденное дитя; толщина его тела – два обхвата распушенных пальцев. В последнее время жрец прячет идола у себя дома и приносит его в святилище в день празднества, дабы враги прежней веры, мусульмане, не похитили его и не осквернили.

На поклонение идолу ходили больше всего женщины и дети; они резали жертвенных животных, готовили пиво, араку, лепешки. Жрец получал по две печенки от баранов, сердце, треть хлеба и по одному ковшу араки. Женщины называли этого святого «золотым ццу» и говорили:

«Худое мы будем откармливать для себя, а откормивши будем резать тебе (в жертву). Божье лицо, Тушоли, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой срок, день, являемся к тебе; дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лекарственное (т.е. «исцеляющее»)» и т.д.

Словом, Тушоли является преимущественно богом деторождения или всякого приплода вообще. В лице этого бога, у которого имеется изображение в виде идола, мы встречаемся у ингушей с высшей формой языческого божества, так как идолы, настоящие идолы, а не фетиши, появляются у разных народов лишь на высшей ступени развития народной мифологии²⁴⁴. Здесь мы имеем антропоморфизацию божества, проявившуюся сверх того в искусстве. Подобные идолы мужского и женского пола, но несравненно меньших размеров, были найдены и в Аргунском округе²⁴⁵.

О происхождении Тушоли трудно сказать что-либо определенное; но, несомненно, что влияние христианства, донельзя искаженное язычниками, до известной степени сказалось и в обрядах, и в самом наименовании божества «Божий лик». Во всяком случае, это крайне любопытное божество. Позже, особенно жители плоскости, ингуши, утратили представление о первоначальном значении Тушоли,

---

²⁴⁴ См.: Пешель О. Народоведение. СПб., 1890. Вып. IX; Лёббок Д. Начало цивилизации, умственное и общественное состояние дикарей. СПб., 1876; Тайлор Э. Антропология: (Введение к изучению человека и цивилизации). СПб., 1882; и др.

²⁴⁵ Ипполитов А.П. Этнографические очерки...

и в Мецхальском обществе, по-видимому, не могли сообщить о нем профессору Миллеру никаких сведений; ему поклоняются теперь без разбору и мужчины, и женщины, упоминая имя его в молитвах.

Нам остается познакомиться еще с божествами Амгали-ерда, Тамыж-ерда и Мятцели.

По верованию ингушей, они были родными братьями. Мятцели был старшим из братьев (про него г-н Дубровин говорит, что он был по происхождению кистин). Он установил обряд жертвоприношений. Празднество в честь Мятцели бывает обыкновенно в месяц мятцели-бут, в последнее воскресенье этого месяца мятцели-кириде.

Амгали-ерда, как самый младший брат, пользуется меньшею известностью и почетом, нежели Мятцели, и теперь празднества в честь его оставлены, но прежде они были общими для трех аулов Мецхальского общества – Шанхой, Тарш и Арцхой (?). Празднества совершались при посредстве своего жреца (цайнсага) на горе Арцхой Мецхальского общества через две недели после празднества в честь Мятцели. Профессор Миллер видел на этой горе развалины часовни Амгали²⁴⁶. Старики говорят, что религиозные обряды в честь Амгали мало отличались от обрядов в честь Мятцели, о которых подробно говорится ниже.

Второму брату, Тамыжу-ерда, ингуши поклоняются вплоть до настоящего времени. Г-н Головинский и другие авторы слово Тамыж-ерда* переводят как христианское имя Святой Тимофей. Но это совершенно произвольное толкование, не известное самим ингушам. Газбык говорит, что Тамыж значит «Крылатый», а Тамыж-ерда – «Крылатый Дух». Как передает г-н Ахриев²⁴⁷, он жил сначала на горе Арцхой вместе с братом своим Амгали-ерда, но впоследствии избрал своим местопребыванием Красные горы (по-ингушки Будур-лам), у аула Хули Хамхинского общества.

По преданию, поклонение Тамыж-ерде возникло следующим образом. Житель Кистинского общества аула Хули некто Борц пас однажды стадо баранов у подошвы Красных гор. На закате солнца к нему вдруг подходит козел с длинными рогами и повелительно говорит: «Иди за мной!». Борц ответил: «Как я могу следовать за тобою, когда мне некому поручить свое стадо?». «Не бойся, стадо твое будет цело», – говорит козел. Борц последовал за ним. Когда они

---

²⁴⁶ Миллер В.Ф. Материалы...

* У Головинского записано «Тимич-Эрда», что не совсем точно.

²⁴⁷ Ахриев Ч. Из чеченских сказаний //ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V, отд. II. С. 12 и след.

поднялись до середины Красных гор, козел говорит Борцу: «На этом месте вы, хулохойцы, когда будете ходить ко мне на поклонение, должны ужинать, а после ужина до утра соблюдать пост». Не доходя до вершины горы, козел опять говорит: «Здесь вы, возвращаясь из моей пещеры, должны остановиться и проговорить нараспев: «Ар-дац, бер-дац» (т.е. не буду говорить, не буду делать). На вершине горы, у самой пещеры, козел сказал: «Вот здесь будет мое местопребывание. Сюда вы должны приходиться поклоняться мне, и уходить отсюда до восхода солнца, чтобы лучи его не застали вас в этой пещере, иначе вы все попадаете без памяти на землю». После этих слов козел превратился в эфир, объявив пастуху, что он – не козел, а Тамыж-ерда. С тех пор жители стали ходить на Красную гору на поклонение этому ерда.

В этом рассказе впервые ясно проявляется идея откровения как основа почитания божества: божество само является к пастуху и предписывает обряд поклонения ему. Причем все поклонение сводится к соблюдению известных обрядностей; много в них загадочного. Остается невыясненным, для какой цели ерда требует поклонения себе; ни единым словом он не упомянул о существенной части поклонения – жертвоприношениях. По преданию нельзя также составить ясного представления о религиозном культе этого божества, но ингуши считают Тамыж-ерда «высоким святым», который некогда явится к ним и объявит судьбу целого народа. К нему, как к святому, пользующемуся особым уважением, каждый кистинец обращается с молитвою всякий раз, как он думает предпринять какое-нибудь дело и желает успешного окончания. Больная у него просит исцеления, несчастный – покровительства и помощи. Его кистины представляют себе в виде человека маленького роста, сидящего на маленьком коне, величиною с козленка. Когда он прогневается на кого-нибудь, то рост его увеличивается в пятнадцать раз, а лошадь становится выше башни (около 10-15 сажень). В честь этого «чудесного и великого ерда» ежегодно, во время покосов, день спустя после празднества Амгали-ерда*, совершается местными жителями оригинальное празднество. Оно носит несколько иной характер, нежели Мятцели, и в нем также много следов христианства.

В определенный день мужчины и женщины из всех аулов Кистинского общества около 10 часов утра собираются у аула Хули с разного рода припасами для жертвоприношения Тамыж-ерде²⁴⁸ и для

---

* По Головинскому, между 10-14 июня.
²⁴⁸ Головинский П.И. Указ. соч. С. 253.

собственного вкушения. При восхождении на гору впереди идет жрец, непременно из фамилии Борца, основателя культа Тамьж-ерда. За жрецом двигается толпа народа с навьюченными осликами и лошадьми. Дойдя до середины горы, народ оставляет животных, по причине крутизны горы, а провизию взваливают себе на спину женщины и девушки и приносят на место, указанное Борцу святым. Тут недалеко от вершины горы находится каменное хранилище, устроенное для трех железных крестов. От принесенной провизии отделяют часть, предназначенную в жертву ерде (тегум); главный жрец или цайнсаг подходит к каменному хранилищу с чашкою бузы в руках и начинает молиться Богу и святым, прося их о даровании народу счастья, богатства, здоровья и урожая. По окончании молитвы старшим цайнсагом, начинают молиться другие члены фамилии Борца, младшие цайнсаги; они предсказывают народу, будет благополучный год или плохой. Предсказания выражают они символически: если они из каменного хранилища вынут и покажут народу все три креста разом, то это означает, что год будет хороший; если они покажут два креста – год посредственный; если же вынется один крест, то год будет тяжелым для народа.

После молитвы и предсказаний народ «ужинает», согласно с велением ерды, причем перед «ужином» зажигают свечи и ставят их на сложенной куче камней, на которой лежит железный крест грубой отделки²⁴⁹. Закусивши и потанцевавши немного, все, по приказанию Борца, около часу дня взбираются выше на самую вершину горы, до подошвы скал Будур-лама; жрец при этом предупреждает, чтобы все вели себя чинно, не разговаривали и соблюдали порядок. Сам он идет впереди всех, за ним – девушка или женщина, затем мужчина, после опять женщина и т.д., образуя длинный ряд и держась за одежду друг друга. На этом пути (от креста до скал, около 200 шагов) при гробовом молчании под сильным воздействием религиозного чувства, кто-нибудь из мужчин* или женщин приходит в состояние исступления и предсказывает желающим будущее. Придти в себя человек может только тогда, когда ему жрец положит в рот деревянную ложку. Припадок с женщиной так описан у г-на Ахриева. Какая-нибудь женщина вдруг с криком бросается в сторону; мужчины ее подхватывают. С нею делаются конвульсии, губы синеют, зубами она скрежещет, руки сжимаются в кулаки, и на теле выступает пот.

---

²⁴⁹ Ахриев ничего не говорит о пещере с крестами.

* У Головинского сказано – «жрец».

Окружающие спрашивают ее, что ей говорит Тамыж-ерда. Она плачет и просит ерда не бить ее; передает всем упреки святого в том, что народ отступил от отцовских обычаев, не верит в Бога, в святых, не приносит им жертв и т.п. Такой припадок является наказанием человеку за какой-нибудь проступок его перед ерда; он бьет и мучит женщину; она видит его и разговаривает с ним, просит у него прощения. Один из жрецов из фамилии Борца, когда припадок пройдет, кидает жребии, чтобы узнать вину этой женщины и размер искупления ее греха, предварительно взяв с нее обет, что она на будущий год не позволит себе осквернять кушанья и напитки, приготовленные Тамыж-ерде; за проступок ее жрец назначает на будущий год принести в жертву ерде лишний котел араки или лишнего козленка; семействам же, которых женщина упоминает в бреду, он объявляет гнев святого.

Если иногда не случается припадок вовсе, то это объясняют отсутствием святого, путешествием его в Турцию и другие страны; такое отсутствие служит признаком недовольства и гнева святого на народ. Чем больше случается припадков, тем лучше. Значит, Тамыж-ерда внимательнее к народу, и это служит предвестником будущего хорошего урожая и всякого благополучия.

Дойдя до скалы Будур-лама, народ подымается к пещере по высеченным в скале ступенькам, по узкой тропе. Когда народ приходит к пещере святого, то уже бывает темно (часов 7-8 вечера). Потомки Борца приходят в пещеру раньше других, раскладывают в ней огонь и, осмолив баранью голову, начинают молиться, причем просят всякого благополучия народу. Они встречают народ пением, походящим, по словам Ахриева. на рев: о-о-о-о-о! Народ во время молитвы также входит в пещеру; все кричат: «Отчой, отчой, отчой!» И в это самое время девушки поют песни в честь Тамыж-ерды. По окончании молитвы народ частью танцует на горе, частью располагается на ночлег, но при этом строго соблюдает пост, ничего не ест и не пьет до самого утра. Рано поутру повторяется вечерняя молитва, причем происходит освящение в пещере «тегума», т.е. жертв, как-то: баранины, хлеба, пива, араки, бузы и т.п. Третья часть провизии остается потомкам Борца и делится между ними, а остальное все выносится, раздается народу, и пир, и веселье с танцами заключают празднество.

Пещеру все должны покинуть до восхода солнца; по выходе из нее жители собираются в кружок; потомки фамилии Борца, главы празднества, собираются в кружок особо, поют свой священный гимн и

разбегаются, произнося: «Ар-дац, бер-дац» и бросая мох на кого попало, чем и заканчивается церемония.

Сама пещера находится почти на вершине скалы на значительной высоте, около десяти сажен длины и около трех сажен ширины. В ней находится каменное ложе Тамыж-ерды с каменным изголовьем и каменным же жертвенником возле него. В пещере находятся белые значки на полках (в виде хоругвий), принесенные в дар святому пришедшими в первый раз, пули, медные колокольчики, стаканы, стрелы, пики, самострелы, оленьи и турьи рога и т.п. В ней хранится и стакан, «вечно наполненный жидкостью». Жрец Борц смотрит на этот стакан и предсказывает: если он полон жидкости, то будет урожай, если же нет, то – неурожай. В пещеру влезает по ступенькам, отделенным большими промежутками, в которые вбиты основателями этого праздника два больших медных кольца; в отделке колец все видят участие высшей силы, или божества. Газбык говорит, что в пещере есть крючок, на котором сидит «дух» (тарам, джин) и наблюдает восход солнца; с другой, восточной стороны горы, находится железное кольцо; держась за него, люди наблюдают, «как солнце волною выходит из моря» в 12 часов ночи там, где находится Бухара.

Тамыж-ерда для хулохойцев служит тем же, чем служит Мятцели для мецхальцев и джераховцев; они оба являются патронами народными, следящими за народной жизнью, посылающими все: и пищу, и здоровье, и счастье взамен жертвоприношений.

Судя по предметам, принесенным в жертву, можно заключить, что Тамыж-ерда является богом, которому человек подчинен во всей своей деятельности, все в жизни зависит от него: ему жертвует и охотник, и земледелец, и пастух, и отец семейства, и мать.

Кресты, свечи, и т.п. служат признаками господствовавшего некогда христианства на земле чеченцев. Элемент чудесного, обрядность, твердо установившаяся, выработавшееся потомственное жреческое сословие – вот одни из главных черт, характеризующих культ Тамыж-ерды. Прибавлю в заключение еще, что после всего сказанного о культе ерды становится несомненным, что он аналогичен другим божествам ингушей и, подобно им, создан по типу обоготворенных предков.

Последним из высших богов у чеченцев, обоготворенным предком, является старший из трех братьев – Мятцели-ерда.

Грабовский, Шегрен, Дубровин, Головинский и др., говорят, что Мацела значит Божья Матерь. Дубровин при этом различает

«Мацела», или Божью Матерь от «Матциалы», или Матвея. Верже думает, что это св. Марина. Но как самые имена, так и переводы их у всех этих авторов ошибочны. Убедившись, что ингуши прежде были христианами, каждый из названных авторов невольно тяготеет к аналогии с христианскими святыми, не сообразуясь с тем, как смотрит на дело сам чеченский народ. Столовую гору, на которой происходят празднества в честь Мятцели, осетины называют Мат-хох (Мать-гора), но на языке ингушей она носит название Мятты. Святой Мятцели носит имя этой горы, но нельзя с уверенностью сказать, названа ли гора по его имени или сам он получил название горы. Первое предположение, мне кажется, более вероятным, потому что на этой же горе находятся кашица и для других святых, кроме Мятцели, имена коих не заимствованы не из каких топографических названий. Ни Ч. Ахриев, ни г-н Базоркин²⁵⁰, оба природные чеченцы, не решаются переводить слово Мятцели на русский язык. Оставляя вопрос открытым, я скажу только, что с образом почтенного старца с седой бородой, каким себе представляют ингуши Мятцели, совсем не вяжется имя Божией Матери. Можно лишь допустить, что это имя может быть искажено самими ингушами впоследствии; забвение имен христианских святых и переход их в языческие божества – явление обыкновенное для многих нецивилизованных народов мира; такое явление наблюдается и у осетин, соседей чеченцев, и у черкесов, абхазцев и др.

Мятцели считается старшим не только из всех братьев, но он стоит рядом с высшими ццу вообще, каковы Тушоли, Молдзы-ерда и др. Ему посвящен особый воскресный день (мятцели-кириде) в месяц мятцели-бут; это, как нам уже известно, – конец июня или начало июля. И самое празднество, и день, и местопребывание Мятцели – все носит название Мятцели. О возникновении культа этого ццу неизвестно ничего; зато самый культ может быть представлен здесь полнее, чем культ других ццу.

Празднество в честь Мятцели соблюдается ингушами до настоящего времени, и мне удалось побывать в 1891 г. на Мат-Хох в день, когда его праздновали. Я буду излагать весь обряд поклонения Мятцели по порядку, как он происходит у ингушей, чтобы таким образом можно было видеть не только религиозную мысль, но и порядок и формы, в которые она вылилась; это тем важнее, что за

---

²⁵⁰ Ахриев Ч. Ингуши: (Их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис. 1875, Вып. VIII, отд. I; Базоркин А. Горское паломничество// ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. отд. II.

изложением сохранится достоинство первичного материала, могущего послужить основанием для каких угодно научных обобщений.

Накануне дня Мятцели, в субботу, все готовят для жертвоприношения жертвенные яства джару, или тегум²⁵¹, – круглые и треугольные лепешки, несколько чашек каши дятах, приготовленной на масле, 20 штук галушек мойчаж, пиво, бузу и араку – все это в изобилии. Обязанность заготовок лежит на хозяйке дома, и все мучное делается непременно из чистой пшеничной муки. В субботу утром из всех аулов Мецхальского, Джераховского и других обществ, жители собираются и выступают в путь на Мятцели. При выходе из дома женщины и девушки поют священную песню «Гелой», другие вторят им, а мужчины стреляют из пистолетов. Запевала произносит импровизированную молитву.

За аулом пение прекращается; девушки присоединяются к парням, подгоняющим ослов, навьюченных корзинами с провизией и напитками, а также жертвенных животных, состоящих обыкновенно из баранов, овец и непременно из одного трехлетнего бычка с белой материей, намотанной на рогах. Этого бычка приводит ежегодно какой-нибудь почетный состоятельный ингуш по повелению жреца или ясновидцев, которым во сне святой открыл свою волю. Все собираются на склоне горы Мат-Хох, где начинается крутой подъем и где находится часовня Бани-Сели возле селения Байни. Эта часовня, посвященная также Мятцели, называется «Маленьким Мятцели». В ней хранится длинный деревянный шест, на конце которого прикреплены медные колокольчики с медными шариками внутри и флаг из белой материи. Этот шест Мятцели, его символ, считается святыней и целый год хранится в названной часовне под надзором жителей. В день праздника жрец торжественно выносит его и ставит наклонно к часовне. В прежнее время этот шест играл важную роль при решении общественных дел и в гражданско-правовых спорах. Например, при поземельных спорах достаточно было обнести его по границе владения, чтобы доказать свое право. Предполагается, что никто не осмелится злоупотребить этим правом и присягнуть на чужую

---

²⁵¹ Тегум - значит жертвенные яства; треугольный хлеб, называемый "боджл", играет важную роль между всеми тегум. [Треугольник, вообще творя, имеет сакральное символическое значение. Повторяющееся во многих обрядах божественное число три ("божественная троица" и т.п.) в данном случае атрибут жертвенного хлеба треугольной формы. У некоторых славянских народов символика треугольника: тело, разум, дух. - Примеч. составители.]

собственность из боязни неминуемой кары святого; это оригинальный вид присяги у ингушей. Во время засухи также выносили шест из часовни и носили по всему аулу, и дождь непременно должен был пойти. Здесь мы имеем молитву, носящую характер колдовства. В этом случае шест выступает в роли фетиша, т.е. предмета волшебства; чрез его посредство считается возможным воздействовать и на самое божество. Собравшиеся совершают религиозный танец (лезгинка круговая), а семейства, у которых в году было какое-нибудь счастливое событие (рождение мальчика, выздоровление безнадежно больного и т.п.), закалывают в знак благодарности Мятцели жертвенных животных (барана). Закусивши и совершивши молитву, все собираются в дальнейший путь. В субботу обыкновенно собираются на Мятцели жители дальних аулов, так как иначе они не успеют подняться на гору к утру в день праздника (воскресенье), жители же аула Байни и других ближайших аулов выходят в воскресенье.

В субботу все-таки идет главное шествие и сам жрец Мятцели, одетый в белую одежду (и папаха, и черкеска, и бешмет) – знак чистоты. Взяв описанный шест Мятцели, он кладет его на плечо и идет во главе процессии, тряся его время от времени и производя этим глухой звон колокольчиков. Если по пути жрец, споткнувшись или как-либо иначе, коснется шестом святого земли, то за такую неосторожность обязан искупить свою вину пред святым жертвою трех баранов; если же как-нибудь он потеряет колокольчик, то жертвует трехлетнего бычка. Если у кого-либо из участников процессии упадет от изнеможения предназначенный в жертву баран, это считается признаком гнева Мятцели на владельца барана и серьезно пугает его. Во время шествия все старики и старухи имеют сосредоточенный вид, но молодежь веселится и во время остановок для отдыха устраивает танцы. Женщины в этот «день Мятцели» в особенном почете, и никто не осмелится оскорбить или обидеть их, иначе Мятцели в наказание непременно свалит оскорбителя в пропасть, хотя, по свойственной ему доброте, сам же его спасет, причинив только незначительные ушибы. Ясно, что Мятцели является по преимуществу покровителем женщин и деторождения; но далеко этим одним не ограничивается роль этого могущественного ццу; мы увидим потом, что покровительство деторождению специально приписывается не Мятцели в собственном смысле этого слова, а одному из подчиненных ему богов – Сусол-Дяла. Мятцели вообще является защитником слабых, не терпит несправедливости; это бог, принимающий живое и деятельное участие в жизни людей. Иногда он является народу в образе почтенного старца,

уличает воров, злодеев и незаметно исчезает, исполнив свое дело народного патрона. Народ уверен, что Мятцели не оставляет без последствий их стараний, молитв и жертвоприношений и непременно поможет ему в нужде и будет оберегать его от несчастий, даст им урожай и т.д. Все призывают его в свидетели сделок и клянутся его именем. В последнее время, под влиянием мусульманства, его стали считать ходатаем за всех, посетивших в день Мятцели гору с его часовней, перед Джабраил-мелеком (архангелом Гавриилом).

В день Мятцели, по верованиям ингушей, не должен идти дождь; но в 1891 г. при моем посещении это не оправдалось, и весь день стоял туман и шел дождь; в свое оправдание ингуши говорили, что зато на самой горе Мятты пастухи видели все утро и вечер солнечный свет.

Поднявшись до скалистой вершины горы, путники со жрецом во главе располагаются на ночлег в пещерах, жрец, или цайнсаг, бодрствует, сколько может, старается не заснуть, но если от усталости засыпает, то видит вещие сны. Сны жреца имеют большое значение, то, что он видит во сне, является откровением будущего, и он с глубокой верой в реальность сновидений передаст их жителям по окончании праздника.

В воскресенье утром молящиеся идут на самую вершину горы. К этому времени к ним присоединяются паломники из ближайших селений. На вершине горы Мятты, на высоте 9200 футов над уровнем моря, почти под самыми облаками, находятся три эльгыца (часовни), ничем не отличающиеся по форме и постройке от обыкновенных, описанных выше эльгыцов. Это одноэтажные каменные постройки, шагов десять длины и пять ширины, с двухскатной крышей из каменных плит, с дверьми, обращенными на восток, с нишами внутри в стенах и балками под крышей. Никто не смеет входить в эльгыц без разрешения жреца; вошедшие жертвуют святому деньги или серебряные и золотые вещи, серебряные стаканы, чашки, называемые чами, деньги и другие жертвенные предметы и сосуды, которые там хранятся в месте, составляющем тайну жреца. Главный эльгыц Мятцели находится на южной стороне площадки горы; другой, посвященный богу Мяттыр-Дяла (местный Бог) и называемый Далтиёр-эльгыц²⁵², находится на восточной стороне горы, а на

---

²⁵² Ганыж называет просто Далтиер, а Мяттыр относит к Мятцели, говоря Мяттыр-Мятцели; но Ч. Ахриев (см.: Ахриев Ч. Ингуши) и А. Базоркин (см.: Базоркин А. Указ. соч.) название "Далтиер" заменяют именем Мяттыр-Дяла.

северной стоит часовня богу Сусол-Дяла, называемая Сусол-те (букв. «место Сусола»)²⁵³. Начиная с Мятцели, богомольцы по порядку совершают молитвы у всех этих эльгыцев. Самым главным ццу (святой бог) считается Мятцели (докк – Мятцели). Около его часовни каждый аул имеет свое особое место, где и останавливаются со всеми своими жертвами семьи. Таких мест считается на горе четырнадцать, и прежде все они были переполнены мужчинами, женщинами и детьми; при мне было занято всего пять мест (человек 50-60). Чем больше баранов приведено на гору, тем считается лучше, тем больше шансов рассчитывать на милость Мятцели. В 1873 г. г-н Базоркин насчитал 80 баранов, принесенных в жертву в день Мятцели; в прежнее время число их бывало в несколько раз больше, но при мне (в 1891 г.) было зарезано не больше 20-30 баранов. Это признак постоянного упадка народной религии чеченцев. Значение жертв заключается, несомненно, в том, что их бог вкушает²⁵⁴, но теперь ингуши начинают уже забывать первоначальное их значение, и Ганыж на мой вопрос, что означают жертвы, отвечал: «Никто не знает, доходит ли жертва до Мятцели или нет, и какая ему от этого выгода».

Самый обряд жертвоприношения состоит в следующем.

Семьи, желающие принести в жертву животных, сами этого не могут сделать: молитва их не доходит до Мятцели; они непременно должны обратиться к жрецу, который все остальное время возится в эльгыце, поставив у входа в него шест с развевающимся флагом. Он выходит из святилища, снимает шапку и с чашей пива или араки в правой руке, обратившись лицом к востоку (теперь, под влиянием мусульманства, на юго-восток, к Мекке) начинает говорить молитву.

Как сами слова, так и прошения молитвы не постоянны; в большинстве случаев она является импровизацией жрецов и меняется,

---

²⁵³ А. Берже (Чечня и чеченцы. С. 84) и другие авторы называют эти часовни посвященными: одна Св. Георгию, другая Божией Матери, а третья Св. Марии. К сожалению, мне неизвестны основания, почему ингушские ццу так переведены, и я не решаюсь принять такое объяснение.

²⁵⁴ У Пешеля совершенно ложное понимание первоначального смысла жертвоприношения, как и самого шаманизма. Он полагает, что первоначально побуждением к жертвоприношению был избыток чувств благодарности к Богу и жажда покаяния, а не боязнь, что Бог накажет не принесшего жертвы (Пешель О. Указ. соч. С. 274); по его словам, приносящий жертву вначале не ждал возмездия за нее от Бога. Тайлор думает иначе, и согласно с религиозными воззрениями чеченцев. См.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. СПб., 1873. Т. II. С. 415 и след.

смотря по характеру и настроению импровизатора. Хозяева держат наготове жертвенных животных, повернув их головами также на восток. Жрец приглашает несколько человек из молодежи с хорошими голосами и расставляет их по три или попарно на восточной, западной, южной и юго-восточной сторонах. Сам жрец обращается лицом на восток. Жрец начинает говорить быстро молитву, с остановками и ударениями на некоторых местах; в это время молодые люди, обращенные к востоку, нараспев выкрикивают: «Я-отча-ой!»; обращенные к югу подхватывают этот припев, а первые, окончив его, снова начинают и так далее, пока жрец не окончит молитву. После этого жрец выпивает чашу или передает другому, а хозяева режут баранов и потом варят их мясо или готовят шашлыки. Жертвоприношение носит торжественный характер. Все стоят вокруг жреца с обнаженными головами, благоговейно, никто не смеет говорить или смеяться²⁵⁵.

Торжественный вид жреца, поразительное его красноречие и вдохновение, сказывающиеся в его молитвах, восходящее солнце, место молитвы под открытым небом под самыми облаками, множество народа, ожидающего благ или несчастья от Мятцели – все это производит глубокое впечатление на молящихся.

Женщины во время молитвы остаются на своих местах и поют «мокк», или религиозную песнь, молитву: «Горга до мадиятхо; тхина яс маяйта-тхо, уай уадзиндела!». В переводе это значит: «Колочим (некруглым) град не делай нам, жгучего (как крапива) мороза не посылай нам, о могущественный (тяжелый*, всеми уважаемый) Боже!»

Затем они пели различным тоном, то повышая, то понижая голос: «Гай гелай, гелай, гелай, гелай, гош-гелай!».

По окончании жертвоприношения, цайнсаг приказывает вносить джару (жертвы) в эльгыц Мятцели. Каждый член семьи входит с корзиной, наполненной провизией, и с восковой свечой в руках. Жрец принимает свечи, зажигает их с молитвою и ставит в нишу в стену; если свеча горит прямо, то это значит, что Мятцели благоволил к поставившему ее, и его семейство на целый год избавлено от несчастий. По сожжении свечей все выходят из эльгыца, причем от каждой семьи жрец получает по две печенки, сердце каждого барана, кость ноги, по две лепешки, чурек (хлеб) и третью часть треугольного

---

²⁵⁵ При мне один молодой ингуш, певший "отчой", сам рассмеялся на свои слова, и все говорили, что Мятцели его накажет за это.

* Вероятно, «дражайший» или «величайший», - Примеч. составителя.

хлеба (боджл). Все обращаются к Мятцели со словами: «Дашу Мятцели, Хайн-дики-лу», т.е. «Золотой Мятцели, дай свою благодать». Этим заканчиваются жертвоприношения у эльгыца Мятцели.

Приведу теперь молитву, которую произносит цайнсаг во время жертвоприношений. Обыкновенно одна и та же молитва остается для всех жертвоприношений разным богам; только в начале ее вставляется имя того бога, к которому в данном случае обращаются. Как известно, молитва первоначально носит характер подвижности; как и все религиозные обрядности, так и молитва не успевают еще «застыть в неподвижные традиционные формулы», выражаясь словами Тайлора, и являются «свободными, подвижными порывами души»²⁵⁶. Такого буквально характера является и молитва в устах ингушского жреца. Жрец иногда так увлекается, что речь его льется потоком без конца, и молитва, которую я привожу ниже, легко может быть увеличена вдвое и втрое.

Молитва, произносимая при жертвоприношении записана мною дословно на ингушском языке (с помощью латинской графики барона П.К. Услара) у самого жреца Мятцели – Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова в 1892 г. Она имеет высокий научный интерес, и я привожу ее подлинник и дословный перевод на русский язык с некоторыми разъяснениями в сносках.

Перевод

«О, всемогущий Боже! Хорошего дай нам; произнося слово Боже, твое имя, Боже, тебя поминая, богом любимые, людьми уважаемые плоскостные князья, горные ханы, когда к тебе обратились с мольбой, как ты награди их, награди и нас.

Гостя к нам благополучно приведи, хозяину дай счастливо пожить, гостю и хозяину огонь дай чистый разводить (не потуши)*. Дай Бог, чтобы блюдо было, а блюдо чтобы полно было; и в потомстве дай им, хозяину и гостю, наследников, которые будут иметь чистый огонь и полное блюдо. В дом что входит, а на село садится – беда иль несчастье, или будь то злой дух – пуля божия, ударь в него, головешкой Сели (молнией)**; ударь своей шашкой и своим ружьем ты (т.е. Сели) истреби и удали от нас всякое зло.

Кто из пищи делает яд, а из напитков кто делает горечь нам, неблагодарному злостному гостю, злостному, без счастья, гостю дай. Бог, не войти и не выйти из нашего дома. Мы. Боже, твои рабы, твоей коровы

---

²⁵⁶ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 412.

* То есть «не туши огня, дай им жить».

** Сели – бог грома и молний.

мы телки, твоих овец мы ягнята; чересчур нападая, не пугай нас и, далеко уходя, не покидай нас. Содержи нас, как обожаемое дитя мать содержит, как отец любимого сына, приласкай нас. Что у нас вышло на прямом пути, то поставь на путь истинный***, а что у нас стоит на пути истинном, (тому) дай стоять долго, о Боже наш! С того, что мы будем держать, – скотину, баранту – дай нам приплод; а с того, что мы посеем, дай нам урожай; и дай нам подольше потоптать это место (где живем****). Кто пойдет на дорогу, дай ему благополучного пути, а кто останется дома, его место сделай масляным (зажиточным). Что даешь ты такому счастливому человеку, который сказав «Бог», произнося твое имя, молится тебе, прося у тебя, и одной рукой держа пьяный бокал, а другой держась за шею барана. Кто умело просит у тебя и что даешь такому счастливому человеку, то дай и нам. Толстого быка впереди поставив, на белый рог толстого быка белую материю (ныч) обвязав, выпрашивающему человеку как даешь счастье, так дай и нам. Быков и баранов тысячи держать и резать дай нам, Боже! Тех, которые будут держать и резать (животных), братьев и сыновей, дай нам густо (много) и чисто (хороших). Сколько умеем, просим, а сколько желаем, дай нам. Сказав, что не умели вы просить, не убавь нам своей милости сказав: «Прося много, вы надоели мне», косо не гляди на нас (не гневайся): как хозяин желает, дай нам хлеба, а как хлеб любит, дождик и солнце посылай нам. Прогреми по небу, дай нам с неба знать (что будет дождь), а на землю масляно (обильно) ни пустив (дождь), дай нам берекет (благодать). Ежегодно дай проводить это время (день праздника) в счастии и здоровьи. Золотой Мятцели, свою благодать дай нам; сосед Байн-Сели, и ты свою благодать дай нам; Божий лик Тушол, и ты свою благодать дай нам. У всех, что дышит на земле*, плод, говорят, зависит (во власти) от тебя; плодов побольше и погуще (обильнее) дай нам. Быстрым шагом иди, умной речью проси, к отцу (Богу) иди, у Бога проси, к братьям (щцу) иди, – у щцу проси. Божий лик Тушол (Дела ёх Тушол). Бог, который говорит: «Произносящим имя мое и просящим у меня благодать я даю, людям добро я даю», и все щцу пусть милостиво примут нашу молитву. Милостиво прими и, улыбаясь, возврати нашу жертву, о Всесильный Бог!».

С поразительной ясностью сказалось все религиозное мировоззрение ингуша в наше время в этой вдохновенной, по-детски наивной и чистосердечной, искренней речи – молитве жреца.

*** То есть «что мы сделали хорошо, то укрепи».

**** То есть «дай подольше пожить».

* То есть «у всего живущего».

«Молитва является в религиях уже на низших ступенях культуры, но не имеет еще тогда нравственной основы. В ней испрашивается исполнение желания, но желание ограничивается одними личными выгодами; и только на более поздних и более высоких ступенях нравственности поклоняющийся начинает прибавлять к прошению о благополучии мольбу о помощи в совершении добра и избежания зла; чрез это молитва становится орудием нравственности». Так говорит Тайлор²⁵⁷.

Применяя эти слова к приведенной нами ингушской молитве, мы должны отнести последнюю к более ранней стадии развития религиозного сознания; но, конечно, не к первоначальной ступени, когда, по-видимому, молитва еще не была вовсе известна человеку²⁵⁸.

Но, несомненно, все же высокое нравственное значение этой молитвы; в ней сказались многие нравственные черты из жизни ингушей (гостеприимство, порицание неблагодарности и т.д.). В ней отразилась жизнь ингушей и их стремления. В ней же мы видим, как все ццу, божества, стали впоследствии детьми Бога: но этот Бог – чисто народный; ему также приносятся жертвы; младшие боги подчинены ему. Виновниками всего благополучия и всего происходящего в мире являются боги, подчиненные одному Верховному Божеству. Глядя на князей, богатых, ингуш с наивностью полагает, что все это дали им боги.

О Боге мы подробно поговорим еще в конце нашей работы.

Как и у других народов, большую роль играет [у чеченцев и ингушей] умение просить у богов; на этом основании необходимость жрецов, как людей, умеющих просить у богов лучше, чем прочие, непосвященные. Молитва является у ингушей еще во всей чистоте и далека от того, чтобы стать орудием заговора, как у монголов, буддистов и у других народов²⁵⁹.

Теперь переходим к описанию жертвоприношений у других эльгыцев на Мятты.

По окончании молитвы у эльгыца Мятцели, все со жрецом во главе направляются к эльгыцу Далтиер. Джару, или жертвенные предметы, и здесь вносят в эльгыц; жрец произносит молитву, обращенную к Далтиеру (или Мяттыр-Дяла). «Далтиер хандиклу», т.е. «Далтиер, дай нам свою благодать», – говорят молящиеся; просят,

---

²⁵⁷ Там же. С. 406.

²⁵⁸ Там же, а также см.: Лёббок Д. Начало цивилизации, умственное и общественное состояние дикарей. СПб., 1876. С. 279.

²⁵⁹ Пешель О. Указ. соч. С. 274.

чтобы ццу не отверг их жертвы и дал бы им урожай и благополучие. В эльгыц ставят восковые свечи и зажигают их; эту обязанность исполняет сам цайнсаг. Если чья-либо свеча тухнет, то цайнсаг просит Бога и ццу, чтобы свеча разгорелась. Если разгорается, то это приписывалось тому, что ццу смилостивился, и хозяин ее на следующий год приносил двойную жертву; если же свеча потухнет, то это – признак гнева ццу, и с человеком непременно должно приключиться несчастье. К Далтиеру приходят по одному человеку от каждой семьи, взяв с собою хлеба, муки с маслом (каша), или дяттага, голову и грудинку зарезанного барана. Затем после освящения и молитвы 1/3 часть хлеба и 1/3 часть дяттага отдавали цайнсагу, закусывали и отходили к Мятцели. На обратном пути толпа бросает навстречу идущим от Мятцели женщинам, девушкам и мальчикам мойчаж (галушки); если бездетная женщина на лету поймает мойчаж, то у нее родится ребенок. После всего этого цайнсаг и одни женщины без мужчин идут к Сусол-Дяле. Для него каждое семейство пекло особые хлеба и готовило особую свечу, для него приносили в жертву и особого барашка, называемого виин эгари, т.е. «барашек сына».

И здесь 1/3 часть хлеба, голову, грудь и два позвонка спинного хребта барана отдают жрецу, но он ничего не может оставить себе, как делал в двух предыдущих эльгыцах, а должен все раздать народу. Женщины поют песни, в которых слышно «гелой» и просит у Бога и у Сусол-Дяла детей. В эльгыц входят босиком с корзинами, наполненными провизией, для освящения жертвоприношения. И. Головинский, говоря о Мятцели, замечает, что цайнсаг Мятцели имеет эльгыц с двумя дверями одна против другой. Женщина, желающая иметь сына, входит в одну дверь и в лице жреца, стоящего посредине эльгыца в одной рубашке (а прежде, говорят, и совсем голый) просит Мятцели, чтобы он даровал ей сына: после этого она, не поворачиваясь лицом, а стоя спиной к жрецу, выходит в противоположную дверь²⁶⁰. Там же говорится, что женщины Исатовского общества в Чечне молят медную статуэтку, изображающую голого мужчину, целуя ее, чтобы она даровала им сына. Во всем этом можно видеть следы религиозного гетеризма у чеченцев.

К сожалению, я не мог найти подтверждения сказанного ни о Мятцели, ни о статуэтках.

По окончании жертвоприношения у Сусол-Дяла, все возвращаются к Мятцели и до самого вечера пируют и танцуют. Часов

---

²⁶⁰ См.: Головинский П.И. Чеченцы. С. 252.

в пять вечера собираются домой: жрец ставит шест Мятцели на своем месте в эльгыще Байн-Сели, и «день Мятцели» оканчивается.

В описанных выше обрядах сразу бросаются в глаза следы христианства: звон колокольчиков, молитва с обнаженными головами, восковая свеча и даже некоторые слова (отчой мне напоминают «отче», а гелой напоминает «аллилуйя») – все это, несомненно, остатки христианства, получившие, однако, совершенно новый смысл. Белое облачение жреца, значок из белой материи, белая материя на рогах быка – все это служит признаком чистоты, как и у многих других народов. Обращение на восток во время молитвы, или ориентация, также свойственно многим народам и объясняется очень просто тем благоговением, которое питают молящиеся к дневному светилу, благодетельному солнцу. К IV в. н.э. этот обычай перешел и в христианство²⁶¹.

Выше я говорил, что цайнсаг ночью в пещере видит сон и рассказывает все виденное народу по окончании празднества.

Жрец (цайнсаг) выбирается всем обществом ингушей пожизненно, а в некоторых случаях, как мы видели, эта обязанность переходит и по наследству в пределах одной и той же фамилии, основавшей культ того или другого бога. Чтобы попасть в жрецы, кроме ума и доброго поведения, уважения со стороны населения, требуется еще уметь толковать свои сны и гадать – качества, требовавшиеся и от римских авгуров, и от сибирских шаманов, и от индийских жрецов. Эти качества делают жреца настоящим посредником между Богом и людьми.

Благодаря способности предсказывать волю богов, жрец имеет огромное влияние на ингушей, которые всякое, даже ничтожное явление в своей жизни, в особенности несчастье, считают непременно результатом воздействия какого-либо щу и не могут успокоиться до тех пор, пока не узнают своей вины перед богом и не искупят ее теми средствами (обыкновенно жертвоприношениями), которые укажет им жрец. Причину же несчастья и волю богов цайнсаг узнает посредством гадания; способов гадания у чеченцев имеется несколько. Скажем сперва о предсказаниях будущего по сновидениям, а затем перейдем и к способам гадания.

В первый год отправления жреческой обязанности на Мятцели Ганыж во сне видел черных, нехороших людей. Эти люди кинулись к нему и к его товарищам с намерением подраться, но видя свое

---

²⁶¹ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Т. II. С. 461 и след.

бессилие, бросились бежать. Ганыж с товарищами отправился в погоню. Когда они прибежали к лесистому месту «Горных ердов» (Лам-ерды-ти), находящемуся у подножия горы Мятты между селениями Байни и Фелханом (в этом месте соединяются три горных хребта), на встречу к ним явился здоровый мужчина в белом одеянии и промолвил: «Я – сам Мятцели». В то же время, как только Ганыж с товарищами кинулись бить черных людей, появилось несметное число белых людей с Коранами в правых руках и хлебными зернами всех хлебов, произрастающих у ингушей, в левых руках и стали кружиться, делая зикр²⁶². После этого все черные исчезли с глаз. Мятцели обратился к Ганыжу и сказал: «Это (появление черных) оттого, что люди были неблагодарны ко мне и между собой жили плохо, потеряв совесть. За это в нынешнем году будет такой урожай, чтобы только людям не умереть с голоду. Победа белых означает, что на будущий год будет хороший урожай; но в этом году придут черные сверчки и будут грызть хлеба». Хлеба на полях в то время были еще в цвету и очень хорошие, а потому люди отнеслись к сновидениям Ганыжа с недоверием. Но немного времени спустя явилась такая густая саранча, что уничтожила весь хлеб.

После этого, конечно, стали верить словам жреца: «стали приносить более обильные жертвы и лучше почитать Мятцели, и у нас пошел хороший урожай», – говорит цайнсаг.

Другие сны жреца за восемь лет его жречества не отличались такую важностью, как первый; обыкновенно он видел, что такой-то должен принести жертву, что урожай и покосы будут хороши и т.п. «Как я предсказал, всегда так и случилось», – говорит Ганыж.

Теперь же зикристы (мусульмане-фанатики) убедили Ганыжа, что Мятцели и другие ццу не что иное, как джины (нечистая сила), а не боги, и он бросил это дело. «По просьбе стариков я служил жрецом там, где наши предки поклонялись; хотя и не очень, но все же я верил, что Мятцели может дать людям хорошее; поэтому я боялся удалить из сердца эту веру, тем более, что столько мужчин, женщин и детей просили у Бога и Мятцели покровительства и помощи, и они не могли

---

²⁶² Зикр (араб. "упоминание, память") - поминание, как прославление Бога, как призыв молящегося к собственной памяти во время непрерывных речитаций молитвы. Подразумевает также ритуал и технику отправления поминания. (См.: Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 77). Люди, держась друг за друга, образуют круг и быстро ходят кругом до изнеможения. Зикристы - фанатики мусульманской секты Зикр.

не обратить внимания на их молитву. С тех пор, как зикристы стали разорять эльгыцы, у нас нет урожая: грозы стали чаще».

Таковы слова цайнсага, ныне правоверного мусульманина. Смысл и значение сновидений у ингушей ясен из сказанного: сны имеют реальное значение, в них сами боги говорят с людьми и открывают тайны грядущего.

Прежде люди, «одаренные даром предсказания», производили гадания под Новый год. Они отправлялись на ночь в ближайшее святилище, ложились животом на землю и, приложив к ней ухо, оставались в таком положении до утра; утром они выходили из эльгыца, объявляли волю богов, услышанную ими от земли, лежа и прислушиваясь к ней.

Посредством гадания жрец узнает причину несчастья с человеком и волю богов. Гадать могут и не жрецы.

В прежнее время во всей Чечне было очень много знахарей и знахарок: к ним все относились с почетом и при каждом затруднительном случае, при болезнях или вообще несчастьях, прибегали к их посредству, прося их узнать причину несчастья и дать совет, как от него избавиться. «Они были наставниками народа и, как боги, верно давали толкование сновидениям и объясняли болезни», – говорит Ганыж; назывались они дзырык. Все же у цайнсага гадание выходило лучше, у них выработался специальный способ узнавать волю богов; такое гадание носит название кадж-бетырыж (у Ахриева названо – качь-тохъ) или «гадание жребием» божества. Оно заключается в следующем²⁶³.

Я уже упоминал, что ингуши почитают много дней («держат день»), посвященных тому или другому из святых; день олицетворяет самого святого; он считается духовным, живым существом, следящим за действиями человека, и ингуш всякое несчастье приписывает влиянию какого-либо дня. Вот он внезапно заболел; у него, положим, на губах появились прыщи, во рту отслаивается кожа: это служит верным признаком того, что он что-то совершил против такого-то дня; у него, говорят ингуши – гам. Больной припоминает, что он, положим, в среду совершил гам, например, дал огня соседу. Он непременно обращается к знахарю или цайнсагу, прося узнать волю святого среды (бога грома и молнии Сели). Жрец берет три круглые маленькие палочки одинаковой величины: одна из них белая – жребий какого-

---

²⁶³ Оно описано у Ч. Ахриева; но Ганыж сообщил мне детали, которые я и опишу с его слов.

нибудь уважаемого ццу (например, Мятцели), другая – черная – жребий без имени. Третья – жребий святого среды – Сели, против которого содеян грех, она белая и с меткой. Жрец берет все три жребия, кладет в деревянную ложку и с благоговением, как перед молитвой, начинает их качать в ложке. Если выпадет из ложки жребий с меткой, то у больного, значит, есть гам (грех) против этого святого; если выпадет другой жребий, то гама нет. Жрец назначает искупительную жертву и просит Бога Сели снять с больного наказание. Чтобы убедиться, принял Сели жертву или нет, он вторично качает ложку: если на этот раз выпадет другой жребий, без метки, то, значит, жертва принята, и бог умилоствлен, и больной непременно поправится. Но если и во второй раз выпадет жребий Сели, то это означает, что он недоволен жертвой; жрец назначает большую жертву, молит его принять и в третий раз бросает жребий. Если и на этот раз выпадет жребий с меткой, то это значит, грех так велик, что никак нельзя умилоствить Сели. Но жрец не совсем еще отчаялся и в таком случае через два-три дня гадание повторяется с более обильными приношениями. Если и во второй раз будет выпадать жребий с меткой, то нет спасения больному: несчастный непременно должен умереть, «что и бывало всегда», прибавляет Ганыж.

Всякую мысль о шарлатанстве и эксплуатации народа жрецами, о чем так часто говорят путешественники, здесь приходится отбросить. Ганыж, сам жрец, рассказывал и показывал мне способ гадания с такой верой в него, что не может быть никакого сомнения в искренности его слов. Вообще ингуши не доразвились еще до индийских или египетских жреческих каст, сделавших из религиозных обрядов предметы наживы. Напротив, ингушские ццуинсаги (шаманы) сохраняют всю первобытную чистоту своего призвания, и их действия носят характер нравственности, искренности и глубокой веры.

Знахарки (дзырыки) встречаются во всей Чечне, и теперь еще гадают. Весьма распространены гадания посредством измерения платка локтем или обматывания ваты около ложки, посредством камней, зеркал, кости барана и по арабским книгам.

Гадания зеркалом (кюсга-хажу), камнями (пальтасар) и посредством платка (дольдустер) являются преимущественно любовными гаданиями, служат для предсказания жениха и т.п. Способы эти описаны у Ипполитова²⁶⁴, и я повторить их не стану. При помощи гадания платком узнают и причины необъяснимых

---

²⁶⁴ Ипполитов А.П. Этнографические очерки... С. 16-25.

болезней, или приписываемых влиянию дурного глаза живого человека или мертвеца, или являющихся результатом порчи и т.п. Гадание по бараньей лопатке оказывало огромное влияние на жизнь чеченцев и даже на политические события; прорицатель, гадающий посредством кости, назывался хажеро. Из арабских книг наибольшей известностью пользуется «Сетка-джайн» (по-чеченски, «Седиэн-джайн»), или «Книга звезд». «Сетка-джайн-хаджасаг», или «прорицатель по книге звезд», смотрит в нее и безошибочно предсказывает будущее. Знахари могли заговорить зубы волкам, и, когда стадо овец пропадало, хозяева были покойны, уверены, что волки их [овец] не тронут. О разных способах предсказания будущего я здесь не распространяюсь потому, что они, не имея прямой связи с народной религией чеченцев, не представляют большого интереса для намеченной нами цели. Гадания жребиями святых представляют большой интерес, как по своей связи с религиозным культом чеченцев, так и по тем последствиям, которые они имели для них. Гадания эти имеют своим результатом или принесение жертв в честь какого-нибудь ццу, или прекращение работы в этот день.

Имея вредное влияние на экономическую и духовную жизнь ингуша, предсказания и гадания служат в то же время для него единственным средством для успокоения взволновавшейся души, и в этом смысле, пожалуй, служат хорошим успокоительным лекарством для него. Но, в конце концов, вред превышает пользу гаданий.

Дорогостоящие поминки и многочисленные дни, которые ингуш «держит» и в которые он не работает, опасаясь гнева ццу, а также ничего не может дать из дому²⁶⁵ соседу, жертвоприношения – все это было буквально разорением для жалкого хозяйства ингуша.

С ослаблением народной религии чеченцев и усилением мусульманства среди них, мало-помалу развязываются руки людей, и они возвращаются к труду: теперь им незачем в самую рабочую пору сидеть целые дни, сложа руки; за это никакой ццу уже не накажет их. В таком состоянии находятся теперь чеченцы и плоскостные ингуши, но беднейшие ингуши-горцы еще и по сей день связаны по рукам узами их языческой религии. Весьма трудно народ поддается влиянию новой религии и нелегко расстается со стариной. Пример налицо. В 1870 г.

---

²⁶⁵ Таковы: понедельник, как день ветра, когда скошенное сено разносит ветром; воскресенье - как божественный день; среда - как день Сели; пятница - как мусульманский праздник; и сверх того, каждая семья "держит" еще свой специальный день.

цоринцы увлеклись зикром (мусульманская секта)* и разрушили храм своего патрона Цори. После этого у них три года подряд не было урожая, а на четвертый год побило хлеб градом во время самой уборки. Народ приписал это гневу своего патрона; опять построили ему храм и принесли в жертву по быку от каждой семьи²⁶⁶.

ГЛАВА IV. БОГИ ПРИРОДЫ И ВСЕЛЕННОЙ

Их происхождение. – Богиня выюг на Казбеке. – Духи ручьев, озер и лесов. – Бог охоты Елта. – Солнце, луна и звезды. – Мать ветров; Звезда ветров. – Громовержец Сели. – Дочь его Сели-Сата. – Бог времени. – Эштр – бог в царстве мертвых. – Верховный Бог – глава всех богов и творец мира. – Чудеса. – Сказание о Боге и Елте. – Сотворение мира и человека. – Заключение.

Кроме богов-патронов, чеченцы признают еще целый пантеон богов природы, из коих каждый управляет известным явлением, будучи в то же время его олицетворением. Отличие богов, управляющих явлениями природы, от патронов народных заключается в том, что в первом случае мы имеем перед собою антропоморфизацию сил и явлений природы; источник их лежит в благодетельном или враждебном, устрашающем их воздействии на человека; и в желании со стороны последнего объяснить эти явления природы, в стремлении его отыскать причину всего происходящего вокруг него; так как человек по своей природе на всех ступенях развития склонен искать причину всему, и ум его не может в природе видеть действие одних случайных причин, то в период невежества и отсутствия точных знаний, при своей склонности к антропоморфизации вообще, он легко обоготворяет благодетельные и ужасающие его явления природы и поклоняется им. Одной склонности к анимизму, т.е. приписывания души, одухотворения природы, еще мало для того, чтобы возникло у человека поклонение природе, как божеству: нужно, чтобы он почувствовал на себе свою зависимость от нее; чем больше жизнь его зависит от того или другого явления природы, тем большим почитанием пользуется это явление; поэтому одни боги природы больше почитаются, другие меньше, а третьи вовсе остаются без культа.

У всех народов наибольшим почетом пользуется бог неба, грома и молнии; культ солнца и луны менее развит, а некоторые явления природы и вовсе остаются без поклонения. Самый культ богов

---

* См. примеч. 67 к главе III. - Примеч. составителя.

²⁶⁶ См.: Ахриев Ч. Ингушевские праздники // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. отд. III.

природы существует почти у всех народов параллельно с культом народных патронов, то уступая последнему в значении своем, то будучи несравненно выше него. Какой из этих культов возник, раньше, это вопрос спорный и разрешается различно анимистами, фетишистами и другими школами ученых. Боги-патроны, как мы видели в своем месте, в противоположность богам природы возникают на почве культа предков. В конечном своем развитии та и другая категория богов сходятся во многих функциях, и часто трудно бывает определить то или иное происхождение их; но первоначально они не только различаются между собою, но даже находятся в антагонизме. Все это нужно иметь в виду для того, чтобы выяснить и понять культ богов природы у чеченцев.

За исключением некоторых богов, вообще культ богов природы развился у чеченцев весьма слабо, уступив первенствующее место культу народных патронов. Это одно обстоятельство служит затруднением к восстановлению культа богов природы, потому что он позабыт народом и покинут прежде культа предков. Однако в чеченской мифологии сохранились еще указания на обоготворение гор, озер, небесных светил и проч. Но главное несчастье заключается в том, что писатели не сообщают об этом почти ничего, а того, что удалось узнать мне, недостаточно: никто уже из стариков не может припомнить подробно забытый культ богов.

Зная, насколько культ того или другого божества находится в зависимости от окружающей природы, естественно, прежде всего спросить, что же дала грандиозная природа Кавказских гор для мифологии чеченцев.

Вес мы восхищаемся блестящей конусообразной вершиной Казбека и боимся его завалов; но ни у кого из нас не пробуждается религиозное чувство по отношению к этой горе, никто не вздумает ее обоготворять. Не так поступают ингуши. В их глазах эта высочайшая вершина Кавказа является местопребыванием богини вьюг Дардзанняильк (букв. «Мать вьюг»). Висковатов²⁶⁷ инженер, работавший на Казбеке во время завала 1864 г. и сталкивавшийся с ингушами из аула Гвелеты, в шести верстах от станции Казбек на Военно-Грузинской дороге, в своей интересной заметке об ингушах называет ее Горным духом, или Мягкинен²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Висковатов С. С Казбека // Русский вестник. СПб., 1865. Т. СХ.

²⁶⁸ Мягкинен, или, правильнее, Химехкинен, значит Мать вод.

Но я склонен больше верить старику Газбыку, который приводит первое название. Он говорит, что Мать вьюг имела семерых сыновей, которые покинули ее и ушли на небо; это – Большая Медведица, которая называется Дардза-куангиж («сыновья вьюги»). Сама она сидит на снежной вершине Казбека (по-чеченски Бешлам-корт). У нее постоянно горят три головни дерева, давая огонь; у нее имеется вечный неистощимый хлеб: когда она отъест часть его, хлеб сам собою опять заполняется и становится целым; у нее же имеется еще вечно возобновляющаяся вареная ляжка барана²⁶⁹.

С. Висковатов, со слов ингуша-охотника Цоголя, говорит, что Мягкинен начертала на снежном конусе Казбека волшебный круг, через который ни один смертный не осмеливается приблизиться к вершине этой священной горы, никто не может перешагнуть за этот круг, иначе «злая Мягкинен» сбросит такого смельчака в пропасть и набросит на него ледяные горы. Цоголь рассказывал ему, что когда он поднялся во владения Мягкинен и хотел похитить тура, она сбросила на него груды камней и снега, от которой он спасся каким-то чудом. В другом рассказе охотника Цоголя, записанном г-ном Висковатовым, сообщается еще следующее: «С Мягкинен я не встречался, говорит он, но она сыграла со мною страшную шутку. Гнался я однажды за раненым туром, да и забрел на такую высоту, до какой еще до меня никто не добирался. Сел, было, маленько отдохнуть, да и закурил трубку, а она как зашипит у меня в зубах, да как пойдет из нее валить дым, ну просто не опомнился от удивления. Бросил я курить. Прислушиваюсь; ничего не слышно. Я опять за трубку; она опять зашипела и начала колотить по зубам; я обомлел от страха, оглядываюсь во все стороны, а земля подо мной так ходуном и пошла, и черные скалы кругом расшатались, а ружье так и дрожит в руках, словно кто вырвать хочет. Бросился я опрометью бежать, да чуть было не слетел в кручу. Это Мягкинен хотела свалить на меня целую гору за то, что я высоко забрался, если бы я не выбрался вовремя».

Все казбекские завалы ингуши приписывают злой богине. Самой Дардза-нянильк никто не видел, но многое слышали ее

---

²⁶⁹ По ветхозаветному преданию, хлеб - "манну небесную" - Господь дает в пищу "сынам Израилевым" в Синайской пустыне (Исход, 15, 16), а у Иоанна (6, 1-14), говорится о насыщении 5000 народа пятью хлебами и двумя рыбами. Однако в ингушском мифе о Дардза-Нянильк богиня пользуется "неистощимым" хлебом и ляжкой барана только для себя.

петушиный крик, которым она пугает людей, дерзающих приблизиться к волшебному кругу на горе²⁷⁰.

Что Дардза-нянильк является не простым горным духом (наподобие духам пещер и т.п.), а настоящей богиней, доказывается тем, что в честь этой богини, для умилоствления ее в Девдоракском ущелье устроен ингушами особый жертвенник – даба. В жертву приносятся туры и козьи рога: они образуют целую кучу на каменном возвышении. Летом в определенный день в честь богини устраивается празднество с жертвоприношениями, пением и пляской. Вообще гора Казбек является в некотором роде как бы центром мифологии ингушей. В ущельях горы имеется множество церквей и развалин, которые чтутся одинаково грузинами и ингушами. Особенно почитается монастырь на Казбеке (не тот, который виден со станции, а выше). За злость людей, ворят гвелетцы, Бог послал всемирный потоп; оставил Он в живых лишь одного старца с семьей; они сели в ящик, и немедленно после этого пошел проливной дождь и затопил всю землю. Корабль их пристал к Бешлам-корту и исчез в волнах, оставив их на ледяной вершине горы. Бог велел им есть лед²⁷¹. У старика родились семь сыновей, белых, как снег Бешлама, и ясных, как Божий день. Они поселились в семи кельях монастыря на горе, и ни кто не мог к ним взобраться. Другие дети старика рассеялись после потопа по всей земле. Раз семеро братьев пустили к себе охотника, и его немедленно убило молнией; гроза утихла, монастырь опустел, и на небе явилось новое созвездие семи братьев, которых Бог взял на небо²⁷².

Эта легенда имеет много общего с грузинской и легко могла быть заимствована от последних.

---

²⁷⁰ Башир Далгат неоднократно посещал эти места, а в июле 1910 г. он вместе с другими членами Владикавказского горного клуба, а именно М.П. Преображенской и А.И. Духовским (и проводниками Яни Бузуртановым, М. и А. Циклаури), совершил восхождение на вершину Казбека.

²⁷¹ Мотив вскармливания человека льдом относится к одному из характерных для кавказской эпической традиции. В нартских сказаниях ингушей, балкарцев, карачаевцев, адыгов и других горцев распространен сюжет о юном богатыре, "грозном юноше": Кинды Шоа - у ингушей; Сауайе, сыне Кандза, - у осетин; Шауай - у адыгов и балкаро-карачаевцев. Богатырь этот выращен в расщелине ледника и вместо молока матери вскормлен ледяными сосульками.

²⁷² Висковатов С. Указ. соч. С. 411.

На Казбеке же, говорят ингуши, находится таинственная пещера, в которой лежит юноша, прикованный к скале за какое-то преступление. Он стонет от боли, а хищная птица клюет ему сердце. Нетрудно догадаться, что это – знаменитый Прометей²⁷³.

Прибавлю в заключение, что в лице Дардза-нянильк мы впервые встречаемся у чеченцев с божеством по природе злым, враждебным человеку. Но и она не приносит вреда человеку, приносящему ей жертву и угодному Богу.

Отсутствие морей и больших рек на земле чеченцев не могло способствовать возникновению у них культа богини моря. Хи-нана, или мать воды, хотя и известна всем чеченцам, но она не возвысилась в их глазах до божества, ей не поклоняются и не особенно ее боятся.

Но в горной Чечне, в Акинском обществе, у селения Галанчодж, находится небольшое озеро; и вот при этом благоприятном условии у чеченцев немедленно возникает представление о Духе озера, которого они высоко чтут. Поэтический миф о возникновении озера Галанчодж и культа Духа озера записан В. Миллером²⁷⁴.

Близ аула Ялхорой, говорит предание, в месте, называемом Амка, было прежде озеро. Однажды мать с дочерью отправились на берег его и по неразумию стали стирать грязные пеленки в его хрустальной воде. Разгневанный Дух озера за это осквернение обратил обеих женщин в камни, которые и теперь еще виднеются у Амки. Но и озеро не хотело оставаться в оскверненном ложе. Оно обратилось в чудного рослого быка, который перешел скалистый кряж, оставив след в виде громадной выемки, и спустился вниз почти с отвесной высоты. Затем бык подошел к тому месту, где теперь лежит озеро и где прежде были расположены пахотные участки. Одни из местных жителей хотели впрячь быка для работы, другие говорили, что это божий бык и противились его запряжке в плуг, но, в конце концов; быка запрягли. Когда он вел первую борозду, в ней выступила грязь; при второй – стало еще мокрее; при третьей – из земли выступила вода, при четвертой борозде вода хлынула стремительно, затопила поле и всех людей. Бык исчез в волнах озера. С тех пор появившееся внезапно

---

²⁷³ На Кавказе существует героический цикл о кавказском Прометее: Амирани - у грузин и осетин, Абрскиле - у абхазцев, Рокапи - у сванов, Насренжаке - у адыгов.

²⁷⁴ Миллер В.Ф. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Московского Археологического общества, снаряженной на высочайше дарованные средства. М., 1888. Вып. I. С. 23.

озеро внушает суеверный страх туземцам: они считают его бездонным и не пьют его воду.

Большим уважением пользуется у чеченцев одноглазый бог Елта, покровитель охотников, царящий над лесами и дикими зверями. Он царь лесов и всех его обитателей, как лесных людей, так и зверей. Удача на охоте всецело зависит от Елта. Поэтому всякий охотник перед охотой непременно обращается к нему с мольбой о помощи, просит его, чтобы он не отгонял от него зверей, а после охоты приносит ему в жертву рога убитого зверя.

«Дэла-Елта (божественная Елта), выпусти ты мне зверя!» – говорит охотник, выходя из дому на охоту. «Дай Бог, чтобы Божий Елта дал тебе зверей», – говорит охотнику всякий встречный.

Чтобы понять все значение Елта, нужно иметь в виду, что у чеченцев охота до сих пор является для многих единственным источником пропитания: чеченец идет на охоту не ради удовольствия, а ради удовлетворения насущных потребностей; в этом смысле часть горных чеченцев можно назвать звероловами.

Елта в переводе означает хлеб (зерно хлебное), и он, действительно, параллельно исполняет две функции – бога охоты и бога урожая. Впоследствии, когда урожая стали просить у богов-патронов (Мятцели и пр.), Елта стал, главным образом, богом охоты²⁷⁵. Он, говорит жрец Ганыж, собирает у себя в лесу всех зверей, как хозяин собирает свое стадо. У каждого зверя есть метка (тавро) Елты.

«Я сам убил тринадцать штук туров, – говорил мне Ганыж, – и уши у них были мечены Елтою. У нас был один охотник. Итыр Этиев; он убивал бесчисленное число зверей. Однажды он отправился на охоту, убил тура (хаг), содрал шкуру, повесил ее на ветку и сел отдыхать. В это время он услышал голос: «Я послал к тебе свой скот помолотить твой хлеб, а ты одной штуки не прислал мне обратно!» Другой голос с противоположной скалы отвечал: «Ты прислал ко мне три штуки, и всех их я отправил обратно к тебе!» Первый возразил: «Их было три, а я получил только две, одной нет?!» «Там был Итыр, – заметил второй голос, – наверное, он остановил одного тура». «Дай Бог, чтобы его [Итыра] потомки не будут такими хорошими [охотниками], как сам он!» – воскликнул первый. Такое проклятие лесных людей всегда сбывается, и с тех пор, как я помню его предков, Этиевы были бедны и

---

²⁷⁵ У осетин ему соответствует бог Авсати.

жалки; а если у них были ноговицы, то не было чевяк; а если были чевяки, то не было ноговиц».

Внутри рога убитого тура Итыр нашел три пшеничных зерна (зерно пшеничное – символ Елты), и с тех пор он до конца жизни не решался убить ни одного зверя.

Таким образом, из этого любопытного рассказа мы видим, что Елта царит над особым миром, подобным человеческому обществу, с такими же занятиями и жизнью, и нельзя безнаказанно похищать у них «скот», убивать зверей. Какая сила воображения и какая поэтическая картина рисуется в умах этих обитателей гор!

В старину жил некий Начхо. Во время охоты он завидел пасущихся оленей, между которыми был один красивый белый олень. Пораженный видом этого замечательного белого оленя, Начхо поспешил прицелиться в него, но в тот самый момент, как он хотел уже спустить курок, он ослеп на оба глаза и не мог выстрелить. Это был сам Елта, наблюдавший за своим стадом оленей. Место это и теперь еще называется Начхойн баргидеин мотт (место, где ослеп Начхо).

Елта, как и многие другие боги (щу), является самостоятельным богом, но зависимым до известной степени от отца своего, небесного Бога. Бог, рассердившись на него, ткнул пальцем в глаз сыну, и с тех пор Елта – кривой (сказание об этом я приведу ниже). Вообще говоря, Елта – божество благодетельное и всегда стоит на стороне людей хороших, помогая им в охоте и покровительствуя нуждающимся.

Сабеизм (поклонение светилам небесным) также известен чеченцам. Правда, культ их мало развился, но это объясняется весьма просто, тем, что светила небесные всегда к человеку одинаково милостивы, добры и не нуждаются в жертвоприношениях.

Почти у всех народов наибольшим почитанием пользуется всеоживляющее Солнце, этот источник тепла, света и жизни всей природы²⁷⁶. Человек рано чувствует свою зависимость от него, радуется, когда оно сияет, и печалится, когда оно прячется. Чеченцы также высоко чтут Солнце. Составляют мифы о нем и просят благодати. Они считают его добрым божеством. Оно играет большую роль почти во всех празднествах в честь других богов; все молельни обращены у них к Солнцу, на восток, все молящиеся смотрят также на восток; с высоты горы Будур-лам они с благоговением наблюдают

---

²⁷⁶ У многих народов Солнце считается божеством злым, обыкновенно в жарких странах.

ночью, как вдали восходит божественное Солнце, величиною в целый город. Даже все сакли чеченцы стараются строить фасадом на восток, так как, по словам Ганыжа, «больше всего пользы человеку приносит Солнце». Когда оно восходит, все возносят хвалы ему и молят: «Божье Солнце (Дэла-Молх), принеси нам благодать свою».

Оно, как источник жизни, является светилом живых, тогда как Луна – светило мертвых²⁷⁷.

Луна пользуется меньшим уважением, тем не менее и она, как брат Солнца, считается божеством. Солнце и Луна антропоморфизируются чеченцами. У Солнца и Луны есть матери; мать Солнца, или Малх-нана, зовут Азой, а мать Луны, или Бетты-нана – Кинч. Солнце, говорят чеченцы, утром выходит из моря и вечером вновь в него погружается; когда оно поднимается на горизонт, то от него отделяется что-то черное; это, говорит народ, море сливается с солнцем. Это продолжается пока оно не поднимется саженой на 300 над морем вверх, постепенно накаливаясь и сверкая. В это время на него можно смотреть, потому что, выкупавшись в холодном море, оно не успевает накалиться.

Два раза в году бывает равноденствие: летом и зимою. В это время Солнце гостит дома у своей матери; зимою оно гостит трое суток, а летом три недели. Выйдя из дому, Солнце шесть месяцев путешествует, затем возвращается домой и снова пускается в шестимесячное путешествие. Если почему-либо Солнце запоздает и не восходит, то чеченцы горюют, говоря: «Не будет ли у нас солнечное затмение, или, быть может, его удерживает мать?» Хотя Солнце и Луна от разных матерей, но они считаются братьями. У них есть злая сестра Мож, которая сожрала всех своих родственников на небе и теперь постоянно гоняется за Солнцем и Луною. Когда она догоняет их и заслоняет собою, происходит затмение. Мож отпускает Луну и Солнце только в том случае, если ее будет просить перворожденная невинная девушка. Во время затмения, на Луне виднеется что-то вроде черной нитки: это, говорят, – ружье караульщика, который оберегает Луну от нападения сестры. Черное пятно посередине Луны – это черная лошадь, которую носит на себе Луна. Когда пасть у этой лошади расширится, то лето будет короткое, а зима продолжительная; когда же пасть уменьшится и сама лошадь потемнеет, то лето, говорят, будет долгое и дождливое, а зима короткая.

---

²⁷⁷ Я уже говорил, что по другому преданию Солнце днем светит у нас, а ночью - у мертвых.

Звезды и другие планеты не пользуются особым почитанием, но все они также одухотворяются чеченцами. Мы уже упоминали, что у ингушей существует верование, по которому Большую Медведицу составляют семь сыновей богини вьюг. На небе, по словам Ганыжа, есть пять звезд, называемых Астхи-саг, т.е. Хромой человек: две из них расположены по краям, одна посередине немного выше их, а другие две – под ними, одна ниже другой. Сам Ганыж нарисовал их мне. Известно также созвездие Джи-карта, или Баз (хлев) баранты, образующее правильную окружность. Известен еще Кку-ког, или Треугольник. Полярная звезда называется Кулбис-етха, т.е. Указывающая на юг; если стать к ней спиной, то впереди будет юг. Куча звезд на небе, у казаков известная под именем Выше жар, называется ингушами Чухи гер²⁷⁸. Утренняя звезда – Оири-сетга. Три звезды – одна красная, другая темная и третья среднего света, называются Солса-гебаге, т.е. Копье Солсы²⁷⁹. Две близко соприкасающиеся звезды называются Дурди ораж, т.е. Яйца Дурди.

Когда падала звезда, то в старину говорили, по словам Ганыжа, что звезда вышла замуж. В горах находят особые камни, называемые «упавшими звездами», и осколки их, называемые «осколками звезды». Это хрусталь. По словам Ганыжа, «один ингуш знает, где находится целая хрустальная гора».

Комета, означает по-чеченски Цог-до-сетга, или Звезда с хвостом; она, по словам одних, предвещает или болезнь, или войну, или рождение знаменитого человека, другие говорят, что это – лошадь Турида, т.е. «Хозяина шашки». Им [»Хозяином шашки», или Туридом], называют иногда Али (иначе Муртузали-Пайхумар)*, который должен явиться на землю и избить всех немусульман; очевидно, такое представление о комете – позднейшего происхождения.

---

²⁷⁸ Созвездие "Выше жар" - Чухи гер, о котором тоже говорил Ганыж Б. Далгату, затруднительно идентифицировать.

²⁷⁹ Сеска-Солса - главный нарт у чеченцев, которого Бог наделил неземными качествами, и который считается у чеченцев святым. Он, по преданию, был сыном Божьим и непосредственно от него произошел. [Это примечание Б. Далгата сделано им со слов сказителя Ганыжа, - Примеч. составителя.]. Ч. Ахриев полагает, что Сеска-Солса - это Иисус Христос [с чем трудно согласиться. – Примеч. составителя].

* В мусульманской мифологии подвиги Али связывают с его мечом (зу-л-факар) и мулом (Дул-дул). Однако существующие в мире местные легенды об Али с его чудесным мечом «восходят к домусульманским культам» (МНМ. Т. 1. С. 59.). – Примеч. составителя.

Такого же позднейшего происхождения и другие объяснения явлений мира, приведенные у Ч. Ахриева²⁸⁰. Затмение уже объясняется тем, что ангел прикрывает солнце концом неба; солнечные круги показывают, что Бог смотрит на землю; родившийся в день, когда на солнце происходят явления, будет умным человеком. Каждая звезда на небе принадлежит какой-нибудь душе, но человек не может узнать своей звезды. Если звезда падает, то человек умирает ровно через год. Все светила прикреплены к аршу (небо, по-арабски) и движутся рукой ангела. Свет солнца в девять раз больше света луны, а теплота – в восемнадцать раз. Расстояние их от земли одинаково.

Объяснения позднейшего происхождения прочих явлений природы также нелепы и никак не связаны с религиозными верованиями. Так, по этим объяснениям, море образовалось от того, что, по велению Бога, птица тушоль-котем (удод) начала клевать землю; оно [море] затопило третью часть земли. Холод Бог послал, чтобы люди не разжирели; он летом спускается в середину земли, а зимою выходит на поверхность. Во время землетрясения говорят, что земля обновляется на семь лет. За Меккой, в далекой стране, есть гора Каплам; от нее по всей земле расходятся жилы (как от сердца человека). Когда люди грешат, Бог посылает ангела Джабраила; он величиною с сустав пальца, входит вовнутрь этой горы и трясет ее; отсюда – землетрясение. Затмения тоже посылает людям Бог в наказание за грехи. Гром производит синяя птица зехоп, летающая во время дождя в тучах; в то же время Джабраил-мелек гоняется в тучах за дьяволами и машет шашкою, отчего происходит молния*.

Подобные представления о происхождении грома, молнии и т.п. – не имеют ничего общего с прежними воззрениями чеченцев, находившихся в тесной связи с религией и образующих цельное мировоззрение, лишенное противоречий.

Из других богов природы можно указать на Мать ветров. По повелению Бога, она поднимает страшную бурю и разносит добро согрешивших перед Богом смертных. Ветры в горах очень опасны для человека. И, видимо, в связи с этим ингуши обоготворяют их и в рабочую пору еженедельно в понедельник, день, посвященный ветрам, прекращают всякую работу; в противном случае весь хлеб или скошенное сено разнесет ветром.

---

²⁸⁰ Ахриев Ч. Ингуши: (Их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис., 1875. Вып. VIII. отд. L

* Смотри Мятцели.

Большой известностью пользуется предание о Звезде ветров, записанное Ч. Ахриевым²⁸¹, и рассказанное в 1891 г. и мне стариками; но и оно, по всей вероятности, – позднейшего происхождения и не находится ни в какой связи с религиозными воззрениями чеченцев. «Там (в Шанском ущелье, в Чечне), где находится святилище Магирда, – говорит Ганыж, – жил человек Маго. Он был святой, зубы у него были золотые; он имел книгу, по которой все предсказывал и откуда черпал всякое знание; у него же была белая змея и Звезда ветров. Змея знала языки всего живущего на земле: птиц, зверей и т.д. Однажды Маго уехал в Тифлис. В его отсутствие змея вышла поиграть во двор. Мальчик, сын Маго, бросил в нее камнем и оторвал ей хвост. Змея кинулась и убила мальчика, а затем скрылась в расщелине скалы. Звезда, видя это, сказала: «Вероятно, и меня ожидает та же участь», – и улетела на небо. Когда Маго возвращался домой, ему сообщили обо всем происшедшем без него. Маго подошел к скале, куда вползла змея, и со слезами начал умолять ее, говоря: «Все тебе прощаю, больше прежнего буду любить; выходи, змея, я вылечу твою рану». Змея, было, сжалась над ним и хотела выйти; но в это время и звезда начала спускаться с неба, и змея, увидев ее, сказала: «Нет, как отец не может забыть сына, так змея не забудет своего хвоста», – и вползла в щель обратно, а звезда улетела на небо. С тех пор в Шанском ущелье стали дуть постоянно ветры, которых раньше не было».

Приведенное сказание представляет интерес, как попытка объяснить, почему в данной местности происходит то или другое явление.

Культ богов природы, со всею силою и полнотою нашел отражение у чеченцев в почитании бога Неба, или грома и молнии. Громовержец Сели²⁸² и до настоящего времени остается могущественнейшим и наиболее почитаемым из всех богов чеченцев. В горах Кавказа, стране гроз, этот бог нашел для себя подходящую почву. Самое страшное явление в горах – гроза с громом и молнией; от них чеченцу много приходится терпеть всяких бедствий; ежеминутно и поля его, и самая жизнь подвергаются от них опасности. Неудивительно, что Сели в таком почете у чеченцев. Это самый страшный для них бог и самый капризный, которого больше других

---

²⁸¹ Там же. С. 15.

²⁸² Ему у осетин соответствует Уацилла, и, по всей вероятности, оба этих слова произошли от слова Илия, хотя, несомненно, сами боги чеченцев и осетин – самобытные. См.: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881-1887. Ч. II. С. 240.

нужно бывает умилоствлять. Но в то же время он справедлив и карает лишь тех, кто заслуживает этого. Отсюда та громадная роль, какая принадлежит Сели в деле руководства народной нравственностью. Он является карателем всякого, кто совершил или намерен совершить преступное, недоброе дело, по мнению народа. Это самый справедливый судья земной, принимающий близкое участие в жизни чеченцев. Его чеченцы называют «Золотою силой». Радуга также называется его именем – Сели-ат, т.е. Лук Сели; молния называется Головешкой Сели, или Сели-хашк, а также – Сели-ди, т.е. День, свет Сели. Чеченцы говорят: «Сели-хашк тухал дахон», т.е. «Пусть тебя ударит головешка Сели (молния)». Обращаясь к нему и прося у него благодати, чеченцы говорят: «Дя-ла-Сели, хайн дики лу», т.е. «Божий Сели, дай свою благодать». Его одинаково почитают все чеченцы и, можно сказать, даже все жители Кавказских гор (конечно, под различными наименованиями); он – бог не одного общества или племени, а интернациональный. Тем самым он стоит на целую голову выше прочих богов-патронов, культ которых редко переходит за пределы одного племени или аула; поэтому как объединитель разных обществ он имеет большое общественное значение. О Сели упоминает еще Шегрен в 1846 г.; Ч. Ахриев приводит сказание о нем; г-н Головинский называет его Богом грома и дождя²⁸³. Г-н И. Попов указывает на курган Сели (он неправильно называет его – Стелла) близ Белгатоя в Ичкерии²⁸⁴.

Подробности об этом боге сообщил мне Ганыж. Вообще, память о нем свежа еще и у плоскостных чеченцев, а тем более, у горцев, которые и по сей час празднуют еженедельно день, посвященный Сели, среду; как нам уже известно, у ингушей, в среду называемую «кер сели» (третий день Сели), ничего нельзя давать из дому, а в особенности огня.

Как бог огня, Сели становится и покровителем домашнего очага. Его имя ингуши упоминают во всех почти молитвах, хотя бы и совершались они и в дни празднеств другим богам, или ццу (например, в день Мятцели). Но этим одним культ громовержца Сели не ограничивается. По всей Чечне в горах выстроены в честь него эльгыцы. Все чеченцы в честь него ежегодно в определенный день (обыкновенно в четверг) весною совершают празднества, приносят

---

²⁸³ Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 254.

²⁸⁴ Попов И.М. Заметки о Чечне и чеченцах: Исторический очерк // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 264.

обильную жертву и просят у него благодати, дождя, избавления от грозы и пр. По словам Ганыжа, в Мецхальском обществе поклонение ему совершается на месте Сели-ти, находящемся близ аула Моруч в месяце сели-бут (месяц Сели), который соответствует приблизительно маю (месяцу гроз). Режут около эльгыца баранов, цайнсаг произносит свою длинную молитву, с обнаженной головой и стаканом пива в правой руке, обратясь к востоку лицом. Общий характер праздника тождествен с празднествами прочим ццу, описанным выше, почему я и не буду об этом распространяться.

О силе культа Сели можно судить еще по тому, что убитого молнией (головешкой Сели) считают блаженным и погребают совершенно отлично от других покойников. Оплакивать убитого молнией строго воспрещается. По верованию ингушей, если оплакивать такого покойника, то ему будет до того неприятно, что цвет трупа его изменится: из белого делается черным²⁸⁵.

Место, где убит молнией человек и даже животное, считается священным, и туда ежегодно отправляются совершать жертвоприношения могущественному Сели. Похороны убитого молнией отличаются от обыкновенных. Вот как хоронят чеченцы убитого молнией.

«Некто Ауш, – рассказывал мне Ганыж, – убил по незнанию переодетую в мужской костюм девушку. Убить девушку считается большим позором для мужчины, и Сели никогда не оставит безнаказанным такого человека: Ауш вскоре после этого был убит молнией. Родные привезли его тело домой, построили ему эльгыц, поставили скамейку и посадили на нее покойника в полном вооружении, в панцире и латах, как было прежде. Перед ним на столик поставили блюдо с цельным сваренным бараном и бутылку араки, а у левой руки положили для него скрипку. Этот эльгыц находится в Хамхинском обществе около селения Эги и теперь еще в нем сидит Ауш».

Ч. Ахриев говорит, что убитого молнией одевают во все белое, наподобие жреца. Так или иначе, во всем этом проглядывает мысль, что такой покойник – счастливейший из людей, почему и окружают его почестями.

Кроме того, этот обряд похорон интересен еще в том отношении, что в нем сохранилось в чистоте древнейшее верование

---

²⁸⁵ Ахриев Ч. Из чеченских сказаний//ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V, отд. II. С. 15 и след.

чеченцев: человек на том свете ведет земной образ жизни и нуждается в пище и одежде. Это говорит и о глубокой древности культа Сели, связанного с культом предков.

О древности культа этого бога можно судить и по тому, что сказания о нем восходят ко временам аборигенов нынешней Чечни, могущественных нарт-орштхойцев. Эти люди обладали божескими качествами и вели борьбу со всеми богами. Особенно между ними выделялся по своей силе и могуществу Сеска-Солса, глава орштхойцев, причисляемый ингушами к числу святых.

Однажды орштхойцы хотели угнать стадо баранов пастуха Горжая. Благочестивый пастух, ежегодно исправно приносивший жертву богу Сели, долго не хотел верить своим ушам, чтобы кто-нибудь из смертных осмелился безнаказанно посягнуть на его добро. Но когда убедился, что орштхойцы, действительно, угнали его баранту, он обратился к Небу со следующими словами: «Орштхойцы пришли угнать мое белое (чистое) стадо, из которого я всегда приносил лучшего барана Богу и великим святым. Заступитесь за меня, все святые (ццу)!».

Его мольбам внял бог Сели, обитающий на небесах: неожиданно поднялась буря, разразилась гроза и пошел проливной дождь, и все жители с Горжаем погнались за орштхойцами.

«Надо идти потише; пусть догоняет Сели, я пожму бока этому ццу!» – промолвил Сеска-Солса. Действительно, Сели догнал их, и Сеска-солса схватил его и поломал ему ребра (бока): буря и гроза утихли; получив свободу, Сели оставил преследование орштхойцев, и последние угнали стадо Горжая безнаказанно²⁸⁶.

Из вышесказанного очевидно, что Сели представляется человекоподобным богом, отделенным от самого явления природы – грозы с громом и молнией, – карателем всякого, совершающего беззаконие, защитником, или покровителем, исправно приносящих ему жертву, и, кроме того, всех слабых (женщин). Правда, ему не удалось наказать орштхойцев, но зато обыкновенные смертные бессильны против него. Что касается состязания (вернее, борьбы) праведного бога Сели с орштхойцем Сеска-Солса, взявшего верх над божеством, здесь, надо признать, запечатлелся мотив богоборчества, столь характерный для нартского эпоса кавказских народов, где он хорошо известен.

---

²⁸⁶ Ахриев Ч. Ингуши. С. 39. Это предание подтверждалось и при моих расспросах.

Приведу еще один интересный миф о Сели и дочери его Сели-Сате, рассказанный мне Ганыжем.

По преданию, у орштхойцев была одна девушка, которую Бог создал такую красавицей, какую только мог. Никто из орштхойцев не мог жениться на ней, потому что ни один не хотел уступить другому. Сели небесный тоже хотел добраться до нее, но боялся Сеска-Солса. Приходит, наконец, смертный час этой девушки. Умирая, она сказала своим братьям и Сеска-Солса: «Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Сели до меня не доберется, а после трех ночей труп мой будет распространять запах мертвеца, и Сели не подойдет к нему. Если же вы не будете караулить, то Сели придет ко мне и осквернит мою могилу». После этих слов она скончалась. Ее похоронили, и Сеска-Солса три ночи подряд сам караулил могилу ее. Но на третью ночь, под самое утро, он задремал. Сели воспользовался этой минутой, пришел, открыл могилу и осквернил труп девушки. Она тотчас же родила от него дочь. Когда Сели собирался уже уходить, Сеска-Солса проснулся, схватил свой лук и ранил в известное место убежавшего Сели. В эту рану у Сели, говорят ингуши, выползают кишки и урчание их производит гром. Сеска-Солса взял дочь Сели и принес ее домой. Орштхойцы задумались, какое ей дать имя и назвали ее Сели-Сатой (Сата – дочь Сели). Она вышла вдвое красивее своей матери. «Не припомню, – говорит Ганыж, – за кого она вышла замуж, но это был человек, живший на небе вместе с Сели».

Млечный путь, называемый чатикаде-мот, т.е. «местом, по которому пронесена солома», образовался от того, что Сели-Сата по этому пути несла солому для брачной постели мужу и себе. Когда она уходила из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб* и положила его в горячую золу с угольками, чтобы он испекся; к ее возвращению два угла этого хлеба сгорели, а один остался цел. На небе теперь находятся три звезды, образующие треугольник: одна звезда светлая, а две другие – темные; они называются Сати-боджл, или «треугольный хлеб Саты». Плоскостные ингуши называют их просто ко-гок, или «треугольником». Когда мать ругает дочь и убеждает ее выйти замуж, то девушка отвечает: 'Ты не кричи на меня. Если в день моего замужества провозгласит мое здоровье и пожелает мне благополучия Сата, то у меня ножницы будут золотые, а игла серебряная (т.е. я буду хорошо жить), если же провозгласит здоровье

---

* См. примеч. 56 к главе III. – Примеч. составителя.

джин, то я погибла». «Такой разговор бывает между нашими девушками», – говорит Ганыж.

Смысл этих слов не совсем ясен, но важно здесь то, что Сата как бы является богиней, покровительницей девушек. Сказанным исчерпываются все сведения, имеющиеся у меня о Боге-громовержце Сели у чеченцев. Можно прибавить разве еще то, что в сказании, записанном Ч. Ахриевым, встречается еще Мать Грозы и Грома, а последние будучи детьми ее, тоже являются, конечно, богами. По-видимому, такое представление, противоречащее культу Сели, есть продукт позднейшего творчества, как и самый миф, где он встречается.

Ч. Ахриев упоминает еще о боге времени, господствующем над ним [временем] и называемом Периска – Воскресеньем; он олицетворяет собою время, и в честь него ингуши почитают Воскресный день.

Несомненно, верование в это божество сложилось у ингушей позднее под влиянием христианства; сперва праздновали Воскресный день, как христианский праздник, а затем, по забвению первоначального происхождения его, могли по аналогии с прочими днями, являющимися у ингушей, олицетворениями богов, приписать Воскресенью особому богу того же наименования. Впрочем, это – одно предположение. При моих расспросах верование в этого бога не подтверждалось.

Гораздо важнее для нас кое-какие сведения, имеющиеся о боге подземного царства Эштре (Этера). Ингуши веруют в этого бога, называют его Дэла-Эштр, поклоняются ему и приносят жертвы, так как для всякого важно заручиться его расположением; от него зависит и земное существование человека, под его власть подпадает человек и после смерти своей, который умирает лишь тогда, когда захочет бог смерти Эштр. Грешного человека он долго заставляет мучиться в предсмертной агонии; тогда все обращаются к нему с мольбою взять умирающего поскорее к себе, приносят ему жертву. Подобным властелином над мертвыми в загробном мире у осетин является Барастыр.

Последнюю ступенью в развитии чеченского пантеона, венцом их народной мифологии является Верховный или Высший Бог, Царь всего творения и Отец всех прочих богов. Чеченцы называют его Дэла, Дяла или Дэйла²⁸⁷.

---

²⁸⁷ У Гюльденштедта он назван Декла, а у Броневского - Дайла.

Слово это ни у кого не заимствовано и, как мы видели, употребляется и для наименования других божеств в виде приставки к имени их: Балам-Дяла, Сусол-Дяла и проч.; оно встречается у чеченцев с незапамятных времен.

Придерживаясь идеи постепенного развития религиозной мысли вообще, следует, конечно, думать, что Дяла как Высший Бог явился в религии чеченцев позже других богов; несомненно, сначала они должны были почитать низшие божества, которые впоследствии были подчинены Высшему Богу, как дети его или подчиненные. Точно установить, как от богов-предков и богов природы чеченец вознесся до признания Высшего Бога, нет никакой возможности; можно лишь указать на то, что в культе этих многочисленных богов мы встречаем уже многие из атрибутов Высшего Бога: всемогущество, руководство жизнью людей, суд над ними, управление жизнью животного и растительного мира и природой вообще, способность творить чудеса и т.д.; им народ поклоняется и просит у них благодати, страшится их гнева. Многие из них являются уже не богами отдельных обществ, а целого племени и даже всех людей (Сели, Тушоли, Эштр и др.). Конечно, христианство и ислам тоже имели огромное влияние на выработку и развитие идеи Высшего Бога, но все-таки их влиянию никак нельзя приписать самое происхождение у чеченцев идеи Бога. Не говоря уже о том, что Высший Бог чеченцев не есть Бог христианский и по своей природе мало чем отличается от прочих богов, трудно допустить, чтобы слабые грузинские проповедники могли во всех концах Чечни внушить народу чуждую для него идею Бога в такой мере, чтобы чеченцы могли подчинить ему своих могущественных народных богов: наконец, в таком случае непременно и само название Бога должно было бы быть грузинское (Гмерти). Подобное затруднение встречали исследователи первобытной религии у многих народов там, где бывали следы христианской религии. Тайлор разрешает этот вопрос в пользу самобытного происхождения Высшего Бога у разных народов, а не заимствования его у соседей или со слов проповедников²⁸⁸. И не один Тайлор, конечно, придерживается такого взгляда. Христианство и мусульманство проповедуют монотеизм, а у чеченцев мы видим политеизм, как у большинства некультурных или малокультурных народов, а в древности и у греков, римлян, египтян и прочих. По большей части эти

---

²⁸⁸ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. СПб., 1873. Т. II. С. 376, 378, 379, 380, 381 и след.

народы возводили в Верховное божество всеоживляющее Солнце или всеобъемлющее Небо; этому способствовала мысль о первичной причине. Мы окончательно убеждаемся в справедливости сказанного, когда примем во внимание, что Бог, по верованиям чеченцев, – человекоподобен, живет на небесах, смотрит оттуда на землю, нуждается, как и все прочие подчиненные боги, в жертвоприношениях. Он всемогущ, но в то же время обладает свойственными людям слабостями. Идея справедливости и милосердия в понятиях чеченцев о Боге выражены весьма слабо. Ведь все жертвоприношения во время различных празднеств одновременно направляются и к ццу и к Высшему Богу; во всех молитвах обращаются сперва к Дяла, а затем к ццу, просят у него благодати, урожая, богатств, здоровья и т.д. Отношение Дяла к прочим богам такое, как отца к детям; все, конечно, зависит от Дяла: что он захочет, то и должно быть; но прочие боги действуют и самостоятельно, каждый в своей сфере; чем дальше, тем, конечно, Бог все больше и больше забирает в свои руки правление миром; но в старинных сказаниях чеченцев прочие боги принимают ближайшее участие в жизни людей и, по-видимому, без ведома их главы; просящий прямо обращается за помощью к Елте, Сели, Мятцели и к прочим богам; позже лишь проглядывает та идея, что Высший Бог поручил этим богам отдельные отрасли правления, как царь своим подчиненным министрам, но и сам Он неустанно следит за жизнью людей; можно и прямо у него просить обо всем без посредства подчиненных богов. Последняя тенденция под влиянием мусульманства теперь уже берет верх, и политеизм чеченцев мало-помалу превращается в монотеизм. Плоскостные чеченцы называют Бога чаще Аллахом, чем Дяла, и народное название удержалось только в клятвах и выражениях вроде «Хи Дяла ха шус», т.е. «Я твой и Божий гость». Профессор Миллер видел в Кистинском обществе недалеко от Тушоли место Дели-те, куда жители ходили прежде приносить жертвы богу Дели. Ганыж говорит, что в Хамхинском обществе есть эльгыц без окон и дверей, называемый Дела. Вообще излишне распространяться о культе Высшего Бога у чеченцев: о развитости его не может быть никаких сомнений. Приведем несколько примеров, характеризующих природу Высшего Бога. Его отношение к людям и Его творческую силу, способность к связи с мирозданием, по представлениям чеченцев. Известно, что орштхойцы во главе с Сеска-Солса вели постоянную и упорную войну против всех богов, не исключая и Высшего Бога. За это, говорит Ганыж, Бог истребил их,

принудив семилетним голодом выпить расплавленную медь. Всемогущество Бога видно из следующего примера.

Однажды орштхойцы угнали стадо баранов у нарта Колай-Канта²⁸⁹. Нарт погнался за ними, завязалась битва, но когда орштхойцы стали одолевать, Бог создал между ними и Колай-Катом реку Терек и разделил сражающихся²⁹⁰.

Однажды Сеска-Солса встретил на дороге тазовую кость такой величины, что верхом на коне он свободно проехал в ее отверстие. Изумленный Сеска-Солса начал умолять Бога, чтобы Он воскресил этого человека. Бог исполнил его просьбу, и перед Сеска-Солса вырос великан величиною с гору, но без глаз. Великан стал просить, чтобы Бог дал ему зрение, но Сеска-Солса испугался и попросил Бога превратить великана снова в кость. Бог исполнил его желание, так как ни в какой просьбе ему не отказывал.

Бог нередко творит чудеса на земле и посылает наказание людям за их грехи. Когда основывали Назрань, целую ночь шел красный дождь; это знамение Божие, и, благодаря этому говорят

---

²⁸⁹ Здесь приводится часть чечено-ингушского сказания о нарте, могучем пастухе Колай-Канте, у которого Сеска-Солса с орштхойцами угнал отару овец. Одни сказители, например Газбык, не разделяют нартов и орштхойцев, называя их общим именем нарт-орштхойцы. Сказитель Ганыж, как и Ч. Ахриев, различает их. Б. Далгат, проанализировав толкование сказителей (см.: Далгат Б. Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса. Ингушко-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 г. // ЭО. М., 1901. № 1), поддерживает разделение на нарт-орштхойцев, сходных с нартами Северо-Кавказского нартского эпоса, которые были богоборцами, и нартов, как богоугодных "сильных мирных обитателей, на которых нападали орштхойцы". В противоборстве Колай-Канта с Сеска-Солсой (который, кстати, иногда обожествляется в чечено-ингушских мифах) Бог, дабы предотвратить кровопролитие, разделяет враждующих (Колая и орштхойцев) и угнанную отару рекой Терек. А Колай-Кант с досады бросает в реку две огромные скалы: оба камня, по сказанию, наполовину вонзились в землю и стоят там.

²⁹⁰ Л.Н. Толстой, прочитав в четвертом выпуске "Сборника сведений о кавказских горцах" о Колай-Канте, не только отметил текст сказания закладкой, но в своем автографе "Материалы Хаджи Мурата" под № 84 записал: "Сказка прекрасная (4, 5, 6, 7). Сказки, пословицы - читать". См.: Далгат У.Б. Л.Н. Толстой и Дагестан. Махачкала. 1960. С 39.

ингуши, с тех пор никто не может силою взять это укрепление (так ингуши объясняют неудачные нападения на Назрань чеченцев).

Лет пятьдесят тому назад, рассказывают старики. Бог послал до того сильный град, что селение Ордык Хамхинского общества со всеми жителями и скотом снесло водою; остались в живых лишь два-три человека. Из местности Герахи бурный поток захватил целый табун лошадей и стада скота, крупного рогатого и мелкого; около ущелья Гичоч унесло четыреста баранов и четырех пастухов, Самое селение Ордык засыпало песком; только спустя два дня выкопали живого мужчину и одну женщину (ребенок при ней был мертв). Когда нашли этих людей живыми, то все стали верить в чудо и в то, что если человеку Богом не суждено умереть, то он не умрет ни от чего. Стали с тех пор и больше веровать в Бога²⁹¹. Такое событие тем более поразило умы людей, что по обеим сторонам аула Ордык находятся высокие скалы, и никогда с этих скал не шла вода. Знающие люди (знахари и жрецы) стали такое явление объяснять тем, что до того времени нечистая сила семь лет просила Бога, чтобы селение Ордык было снесено водою.

У Ч. Ахриева мы находим следующее интересное сказание, где отразилось, с одной стороны, влияние христианства, а с другой – мы имеем перед собою полную антропоморфизацию Бога, и здесь Он является в качестве Верховного Бога, которому подчинены прочие боги и который деятельно правит миром; при этом в сказании поражает нас невыработанность идеи Бога и перенесение на Него свойств человека со всеми их слабостями; Богу присущи здесь все недостатки человека, все страсти, и сама идея Всемогущества мало развита, не видно также существеннейшего атрибута Бога – идеи справедливости и милосердия.

Привожу это сказание здесь целиком, потому что оно представляет само по себе большой интерес для характеристики естественной религии чеченцев²⁹².

Давным-давно люди жили гораздо ближе к Богу, чем теперь. В случае нужды каждый человек мог лично явиться к Богу и просить у него все, что ему было нужно. У одной вдовы был маленький сын. Однажды он говорит матери: «Мама! я пойду к Богу и попрошу у него чего-нибудь; мы бедны, и нам многого недостает». «Сын мой, – говорит мать, – ты такой оборванный; приближенные Бога не допустят

---

²⁹¹ Вера в предопределение Божье среди чеченцев под влиянием мусульманства усиливается с каждым днем.

²⁹² Ахриев Ч. Ингуши. С. 12 (Елта).

тебя до него». Сын снова говорит: «Нет, мама, я надеюсь добраться до Бога; пойду, попытаю счастья». Но ангелы и приближенные, увидев оборванную одежду мальчика, не допустили его к Богу. Мальчик печальный возвращался домой. По дороге встретился он с сыном Бога – Елтою. «Куда ты идешь? – спрашивает Елта мальчика, – и отчего так печален?» Мальчик рассказал Елте о своей неудачной попытке проникнуть в жилище Бога. «Отец мой управляет целым миром! – воскликнул Елта, выслушав слова мальчика. – Неужели я не могу управлять одним мальчиком? Я беру тебя под свое покровительство: проси у меня, чего ты хочешь?» – сказал он мальчику. Мальчик отвечал: «Я хочу посеять пшеницу и прошу урожая». «Пусть будет урожай на твоей пашне. Иди и сей», – сказал Елта и пошел дальше. Мальчик с матерью посеяли пшеницу. К великой радости, у них был такой хороший урожай, какого не было ни у кого из соседей: на одном стебле выросло по два колоса. Когда хлеба стали созревать. Бог послал своих ангелов посмотреть урожай пшеницы и всего остального. Ангелы, осмотрев все пашни, донесли Богу, что на пашне мальчика, которого они не допустили к нему, урожай лучше, чем у всех остальных людей. Услышав ответ ангелов, Бог воскликнул: «Как мог явиться у мальчика урожай без моего повеления! Наведите на его пашню гром и грозу, пусть они погубят хлеб его!». Ангелы передали приказание Бога Матери грома и грозы (Дардза-нянильк), чтобы она послала своих детей для истребления пашни мальчика. Когда Елта узнал о приказании своего Отца, то послал сказать мальчику, чтобы он с матерью поспешил убрать свой хлеб. Они дружно принялись за работу, и, когда убрали уже последний сноп, пошел сильный дождь с грозой и градом и истребил все хлеба на соседних полях. Бог посылает своих ангелов осмотреть хлеба. Когда возвратившиеся ангелы донесли Емму, что у всех жителей хлеба истреблены, а у мальчика целы. Бог сильно разгневался за невыполнение Его воли и приказал позвать Мать ветров. Когда она явилась Бог сказал ей: «Подними бурю и разнеси хлеб мальчика». Елта, узнав об этом приказании, послал сказать мальчику, чтобы тот перенес весь свой хлеб на гумно и прикрыл его хорошенько. Лишь только мальчик с матерью окончили укладку хлеба, поднялась страшная буря и стала разносить клочками по воздуху весь хлеб соседей, а хлеб мальчика, прикрытый камнями, остался цел. Ангелы, посланные Богом, чтобы узнать о действии бури, в третий раз донесли Емму, что буря разнесла и погубила все хлеба у жителей, а хлеб мальчика остался невредим. Тогда Бог велел, чтобы у всех жителей с каждого тока получалось только по одной мерке хлеба. Елта, узнав об

этом, предупредил мальчика, чтобы он обмолачивал (оттапывал) свой хлеб не сразу, а по одному снопу. Мальчик поступил по указанию Елты, и от каждого снопа получил по одной мерке пшеницы, между тем как у соседей почти ничего не было. У мальчика уродилось столько хлеба, что он раздал очень много своим соседям, наиболее пострадавшим от неурожая. Когда Бог узнал, что и четвертое его приказание не достигло своей цели, то страшно рассердился и приказал позвать к себе Елту и мальчика. Когда они явились. Бог грозно обратился к мальчику: «Почему у тебя вышел хороший хлеб, в то время как у остальных жителей плохой, и кто помогал тебе в этом?» Мальчик подробно рассказал обо всем. «Как ты смел идти против моих желаний! – грозно обратился Бог к Елте. – Тебе следовало бы за твое слушание выколоть глаз!» При этих словах Бог так сильно ткнул пальцем в глаз сына (Елты), что он у него выскочил вон из глазного яблока, и с тех пор Елта остался одноглазым.

Ганыж передал мне интересные сведения о представлениях чеченцев о сотворении мира.

Бог есть творец мира – черта, кажется, чуждая прочим чеченским богам. Он в три года построил этот свет (Дэли-Малхли) и в семь – тот свет (Дэли-Илли).

Когда Бог создал небо и землю, то сказал: «По небу-то я будут ходить; а кто же будет ходить по земле?». После этих слов Бог сжал землю в одной руке, и образовалась женщина; сжал в другой, – и образовался мужчина. Мужчина образовался на востоке, а женщина – на западе. Еще до сотворения людей Бог создал птиц. Создав людей, Бог сказал: «Должно быть, этот мужчина и эта женщина будут мужем и женою». А филин в ответ Богу говорит: «Нет, я так сделаю, что этого не будет». Он схватил девушку и унес на высокую отвесную скалу. Однажды мужчина отправился на охоту и увидел на скале девушку. Она сказала ему: «Зарежь свою лошадь, вынь внутренности и спрячься на их месте в лошади». Тот так и сделал. Прилетает филин. Девушка говорит ему: «Я соскучилась по конине; достань, откуда хочешь». Филин принес ей на скалу лошадь вместе со спрятавшимся в ней хозяином и улетел дальше. Девушка выпустила юношу, и они поженились. Бог сказал, обратившись к филину: «Как ты думаешь филин, сошлись они или нет?». «По моему китабу (книге), они не сошлись», – ответил Филин «А по моему китабу, они сошлись, и ты увидишь их вместе, когда пойдешь домой», – сказал Бог.

На следующий день, когда филин прилетел к Богу и сообщил, что они, действительно, сошлись, то Бог сказал: «А как ты хочешь,

чтобы я тебя наказал: на том свете или на этом?» Филин ответил: «Накажи меня на этом свете». Тогда Бог промолвил: «Да лишишься ты зрения днем и да потеряешь почет между птицами». Так и случилось, как сказал Бог.

Когда Бог создал небо и землю, то земля оказалась в три раза больше неба. И когда при соединении они не сошлись. Бог сжал землю, и от этого образовались земляные горы. Чтобы укрепить шатающуюся туда и сюда землю, Бог образовал еще каменные горы. Эти горы с землей держатся на рогах быка, а бык привязан к столбу. Это произошло так.

Когда Бог создал землю, то спросил: «Кто же будет держать землю?». Явились быки и сказали: «Мы будем держать землю, если люди не будут нас запрягать по вторникам на работы, и если во время езды будут давать нам мочиться стоя». На таких условиях они держат на рогах землю. Никто не сумеет нарушить условие, заключенное с быками при сотворении мира, и в «день быков», или во вторник, никто из чеченцев не работает.

Баранту Бог создал для волков, но человек попросил у волка баранов, говоря: «Я буду держать для тебя и для себя вместе». Волк согласился на такое предложение и дал человеку свою баранту. В назначенный срок волк обратился к человеку с требованием возвратить половину баранты, согласно с условием. Но человек отказал. Тогда волк обратился с жалобой к Богу. Бог ему ответил: «Что я могу сделать для тебя? Что ты своими зубами достанешь, то и будет твое». С тех пор волк стал таскать овец у человека, и с тех пор между ним и человеком существует вражда.

Суббота считается «днем волков» (Бердзы-сотт), и кто будет почитать ее, у того волк не будет таскать овец. Аналогичное с вторником и субботою происхождение имеет и понедельник («день ветров»).

Таковы представления чеченцев о сотворении мира, как передавал мне Ганыж.

Несколько иное, чем у Ганыжа, представление о сотворении мира получается, если судить по преданиям, записанным Ч. Ахриевым²⁹³. Они, несомненно, позднейшего происхождения и лишены той оригинальности и тех поэтических красок, которые присущи приведенным выше, со слов Ганыжа, мифам и легендам.

---

²⁹³ Там же.

По преданиям (у Ч. Ахриева), Земля образовалась прежде Бога; она имеет вид яйца и стоит на доске, а доска – на море, а море – на темноте. Если Бог захочет, то он уложит всю землю в яйцо. Сначала земля была мягкая, и, чтобы земля стала твердой, Бог образовал горы через двадцать лет после образования земли. Горы разделяют землю на две равные части. До образования гор на земле был холод; Бог повелел ему собраться на горе: от этого на земле тепло, а на горах – снег. Бог сотворил человека из земли, а из ребра его – женщину. Они некоторое время жили на земле, но умерли без потомства. По их смерти из спинного мозга первого человека родился муравей, а из муравья со временем сделался новый человек. Он был покрыт шерстью, как кошка; был большого роста, очень сильный и питался тем, что находил на земле²⁹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материал, которым я пользовался для характеристики первобытной религии чеченцев, исчерпан. Конечно, сам вопрос, подлежащий нашему разрешению, нуждается еще во многих исследованиях и дополнениях. Но я считал бы выполненной задачу, если мне удалось понять естественную религию чеченцев в ее постоянном развитии и указать ее место в науке.

Дальнейшие исследования, мне кажется, доступны грамотным чеченцам, знающим свой язык. Записывая предания со слов стариков, они бы оказали крупную услугу науке и своему народу.

Заканчивая свое исследование первобытной религии чеченцев, не могу не высказать общего взгляда на все вышеизложенное. Оно приводит к некоторым важным выводам. Прежде всего, нарисованная картина духовного мира чеченцев, убеждает в богатых природных дарованиях чеченского племени: творчество, богатая фантазия, поэзия, самобытность и т.п. качества присущи этому народу. На это следует обратить особенное внимание господам²⁹⁵, которые одним росчерком пера готовы признать целый народ неспособным к культуре, не имеющим даже народной словесности, ни поэтических произведений, сказаний и т.п.; не признающим какие бы то ни было нравственные

---

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ В самое последнее время мы еще встречаемся в литературе о чеченцах с отрицанием у них всякой способности к поэтическому творчеству; а прежние сочинения (Н.Ф. Дубровина и др.) переполнены легкомысленными и неразборчивыми характеристиками целого народа по личным впечатлениям, а не на основании близкого знакомства с его жизнью и духовным миром.

правила и руководящимся одними грубыми чувствами хищничества и вражды к ближним.

Идея постепенного развития религиозного мировоззрения чеченцев, воплощение которой мы прослеживали в нашем труде, строгая мораль, построенная на религии, и многое другое говорят в пользу способности этого народа к культурной жизни.

В свое время высшие нации мира проходили через ту же ступень развития, в которой находились не так давно и чеченцы: их [чеченцев] религиозные верования во многом сходны с религиями греков, римлян, иранцев, индусов и других культурных народов в период зачатков их культуры.

В настоящее же время чеченский народ переживает тяжелую, и во всех отношениях внешней и внутренней жизни, переходную эпоху.

Помочь ему выйти из этого тяжелого состояния могут не одни полицейские меры: народу нужно побольше школ и образования, побольше просвещенных деятелей в его среде, и более внимательное отношение к его нуждам, для чего главным условием должно служить всестороннее изучение духовной и материальной культуры и жизни народа. Такое благоприятное время для чеченцев, по-видимому, наступает уже в наши дни. Но если теперь легко направить чеченцев на цивилизованный культурный путь, то, конечно, еще проще погубить их, предоставив пагубному воздействию внешней ложной «цивилизации».

Характеризуя в немногих словах религиозные воззрения чеченцев, мы видим, что они вообще не представляют строгой стройной, цельной системы мировоззрения, исходящей из одной основной идеи; наряду с культом предков и связанным с ним культом домашнего очага, мы видим у этого народа совершенно самостоятельное учение о богах, олицетворяющих силы и явления природы. Попытки примирить эти две системы религии, выразились у чеченцев в подчинении всех богов одному Высшему Богу. Но эта идея не успела еще выработаться вполне самостоятельно и вылиться в самобытную форму, как наступила эпоха влияния христианства и магометанства, оказавших сильное влияние на судьбу народной чеченской религии. Большое сходство религий чеченцев с верованиями, например, осетин может быть лишь отчасти объяснено иранским влиянием; в большинстве случаев следует видеть в происхождении тех или других верований самобытность. Культ предков и богов природы выразились у чеченцев в обязанности приносить им жертвы, за что они и помогают людям и вредят им за

неисполнение этой обязанности. Для посредничества между богами и людьми выработался у чеченцев особый тип жреца или шамана (цайнсаг), причем в некоторых обществах даже появилось наследственное жреческое сословие.

Религия имела большое влияние на жизнь чеченцев, руководила их поступками и удовлетворяла запросы их души, пытливость ума, объясняя все явления окружающей их жизни. Наконец, прибавлю, что народная религия чеченцев, подвергшись сильному воздействию христианства и мусульманства, в настоящее время все более и более отстывает и уступает место последней из двух указанных религий; следы народной религии можно теперь найти лишь в сказаниях старшего поколения нынешних чеченцев; молодое поколение уже пренебрежительно относится к прежним верованиям и святилищам. Этим благоприятным временем с пользой можно воспользоваться теперь для раскопок могил в Чечне; торопиться с исследованиями древних святилищ Чечни нужно и потому, что молодежь, не довольствуясь пренебрежением к прежним святыням, разрушает их.

Примечательно еще то, что чеченцы легче расстаются со своими языческими верованиями, нежели соседи их – осетины-христиане, хотя у последних имеются правильно устроенные приходы, священники и школы, поддерживаемые обществом восстановления христианства на Кавказе. В то время, как чеченцы начинают относиться скептически к поклонению языческим святым, осетины аккуратно являются на все празднества в честь своих дзуаров; и теперь еще мать семейства у них благоговейно отсчитывает в известный день по мерке хлеба в честь каждого дзуара; она же украшает белыми лентами, костями и другими вещами дерево – дзуар, находящееся почти возле всякого осетинского аула и вообще по дорогам; даже в самом Владикавказе ежегодно осетины празднуют день в честь Ног-дзуара.

Плоскостные же чеченцы и ингуши давно уже покинули свои прадедовские религиозные обычаи. Народ добровольно расстается со стариной, так как прежняя религия перестала уже удовлетворять его духовным запросам.

Б. Далгат. СПб., 1 мая 1893.